С.-Петербургское Общество содѣйствія
дошкольному воспитанію дѣтей

ВОПРОСЫ ДОШКОЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ

Сборникъ первый 1912 года

Цѣна 1 руб. 25 коп.

С.-Петербургъ,
Типо-лит. Акціон. Общества „Самообразованіе",
Забалканскій просп., д. № 75
1912

3 11 29

С.-Петербургское Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей

Вопросы дошкольнаго воспитанія.

Сборникъ первый 1912 года.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

С.-Петербургъ.
Типо-лит. Акціон. Общества „Самообразованіе“,
Забалканскій просп., д. № 75.
1912.

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе. Отъ редакціонной комиссіи III

Часть I.

Основные вопросы дошкольнаго воспитанія. *С. П. Лебедева* 3

Краткій историческій очеркъ дѣятельности Общества (1908—1911) 11

Дѣятельность Общества въ 1911 году. 13

Денежный отчетъ казначея Общества за 1911 годъ 25

Докладъ ревизіонной комиссіи Общества за 1911 годъ 26

Основные принципы организаціи домашнихъ дѣтскихъ садовъ. *М. А. Чеховой* . . . .

Объ условіяхъ открытія домашнихъ и дѣтскихъ садовъ Общества 36

Объ условіяхъ открытія народныхъ дѣтскихъ садовъ Общества 38

Значеніе народныхъ дѣтскихъ садовъ. *Е. И. Іорданской* 41

Первая дѣтская лѣтняя колонія Общества въ 1908 году. *Л. В. Глаголевой* 55

Дѣтская лѣтняя колонія Общества въ 1911 году. *Е. Ѳ. Купортъ* 69

Зимняя дѣтская колонія для учащихся Общества. *Е. П. Ивашевой* 95

Школа и дѣтскій садъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію 99

Дѣтскій садъ и школа за 1911 годъ. 106

Стр.

Комиссія по дѣтскимъ садамъ Общества. *Е. И. Іорданской* 112

Лекціонная комиссія Общества 118

Библіотечная комиссія, показательная постоянная выставка дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ и журналовъ и организація дѣтской библіотеки Общества. *В. П. Фанъ-деръ-Флитъ* 121

Часть II.

Мысли А. И. Герцена о воспитаніи. *В. Рахманова*. . 137

Мысли о воспитаніи высшихъ чувствованій. Д-ра мед. *Н. Реформатскаго*. 171

О развлеченіяхъ дѣтей. *Е. И. Тихѣевой* 187

Вліяніе театра на дѣтей и юношей школьнаго возраста. Барона *Н. В. Дризенъ*. 200

Воспитательный и эстетическій элементъ въ играхъ, занятіяхъ и игрушкахъ нашей дѣтской. *И. В. Ковалевской* 217

Прислуга и дѣти. *Е. Е. Соловьевой*. 224

Почему дѣти неслушаются матерей. *Н. Е. Румянцева*. 233

Школа и характеръ. *Е. И. Тихѣевой* 248

Отношеніе современной школы къ „старой" и „новой". *Е. И. Тихѣевой* 271

О лѣпкѣ и ея значеніи въ дошкольномъ возрастѣ (по протоколу доклада, читаннаго въ Обществѣ въ 1911 г. *И. Я. Гинцбургомъ*). 288

Къ вопросу, что читать дѣтямъ. *Н. И. Подвойскаго* 293

Приложеніе.

Уставъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей 317

Введеніе.

Выпуская въ свѣтъ первый сборникъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей, мы, члены редакціонной комиссіи по составленію его, считаемъ нужнымъ предпослать ему нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей существуетъ всего четыре года. Время это можно наименовать періодомъ колебаній, исканій, первыхъ неувѣренныхъ шаговъ. Люди, впервые сплотившіеся съ цѣлью облегченія себѣ и другимъ достиженія опредѣленныхъ цѣлей и составившіе основное дѣятельное ядро Общества, принесли съ собой на первыхъ порахъ лишь горячій интересъ къ общему, для всѣхъ одинаково дорогому дѣлу и искреннее желаніе служить ему. Опыта же, нужнаго прежде всего для успѣшнаго хода каждаго дѣла, у нихъ не было. Оріентироваться въ своихъ начинаніяхъ, предначертывать незыблимые пути своей дѣятельности, намѣчать точныя цѣли и опредѣленные методы, къ нимъ ведущіе, они не могли. Дается все это не сразу, а лишь медленнымъ эмпирическимъ путемъ. По мѣрѣ шествія по восходящимъ ступенямъ, расширяются горизонты сознанія, и многое, что недавно еще таилось во мракѣ, вступаетъ постепенно въ кругъ свѣта и разумѣнія. Молодымъ Обществомъ пройдены пока лишь низшія наиболѣе трудныя ступени, прожито время работы ощупью, рекогносцировокъ и учета силъ. Много пережито имъ разочарованій, не мало сдѣлано ошибокъ, но потому-то тѣмъ большее удовлетвореніе доставляли ему тѣ успѣхи и завоеванія, которые оно съ полнымъ правомъ можетъ признать несомнѣнными. Эти успѣхи и завоеванія и воодушевляютъ

всѣхъ активныхъ работниковъ на нивѣ воспитанія къ дальнѣйшей дѣятельности. А ошибки не страшны. Не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ.

Время шло, и молодое Общество, работавшее вначалѣ втиши, стало пріобрѣтать извѣстность. Его дѣятельностью стали интересоваться. Въ правленіе Общества стали все чаще поступать запросы по различнымъ отраслямъ его работы, просьбы познакомить съ нею тѣхъ, кто въ силу различныхъ условій не можетъ удовлетворить своей любознательности путемъ личнаго знакомства съ дѣятельностью Общества. Насталъ моментъ, когда правленіе поняло, что Обществу слѣдуетъ произнести печатно то слово, которое отъ него ждутъ, и что у него есть что сказать. Этимъ словомъ является настоящій сборникъ, предлагаемый снисходительному вниманію всѣхъ интересующихся дѣломъ воспитанія. Мы говоримъ „снисходительному вниманію“ потому, что лучше кого-либо понимаемъ всѣ недочеты нашей работы, но мы понимаемъ также, что недочеты эти явились неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ условій, среди которыхъ Обществу пришлось работать въ первые годы своего существованія.

Матеріалъ, вошедшій въ сборникъ, носитъ, къ сожалѣнію, случайный характеръ. Онъ не объединенъ стройной программой, не исчерпываетъ ни одной стороны дѣла воспитанія. По мѣрѣ возможности онъ освѣщаетъ только дѣятельность Общества вообще и предлагаетъ лишь незначительную часть того, что въ видѣ лекцій, сообщеній, докладовъ составляло научную, теоретическую часть жизни Общества. За неимѣніемъ средствъ правленіе Общества было фактически лишено возможности самостоятельно намѣчать и вырабатывать программу тѣхъ научныхъ сообщеній и бесѣдъ, которыя велись на его собраніяхъ и вечерахъ. Изъ всего этого довольно обильнаго и случайнаго матеріала удалось опять таки случайно помѣстить въ сборникъ лишь незначительную часть его. Нѣкоторые изъ докладчиковъ отказались предоставить прочитанные ими доклады. У многихъ доклады не были написаны и въ силу этого или вовсе не могли быть напечатаны или должны были появиться въ видѣ краткихъ конспектовъ, воспроизведенныхъ по протоколамъ.

При чтеніи на собраніяхъ Общества, доклады вызывали часто возраженія, обмѣнъ часто противоположныхъ мнѣній и взглядовъ. Есть въ нихъ положенія, тезисы, съ которыми не соглашались и нѣкоторые изъ членовъ редакціонной комиссіи, и они печатаются лишь за отвѣтственностью авторовъ. Но мы полагаемъ, что и въ такомъ видѣ матеріалъ, предлагаемый сборникомъ, представляетъ интересъ: каждаго, кто удѣлитъ ему долю вниманія, онъ вызоветъ на размышленіе, подвинетъ на дальнѣйшее углубленіе въ вопросы, выдвинутые жизнью молодого просвѣтительнаго учрежденія.

Всѣ авторы предоставили свои статьи въ сборникъ безплатно. Вся чистая прибыль отъ продажи сборника назначается на нужды Общества.

Редакціонная комиссія *.

---

* Составъ комиссіи: А. М. Калмыкова, Е. И. Іорданская, С. П. Лебедевъ, Е. И. Тихѣева, О. Э. Вишневская, Е. Е. Соловьева, Н. Н. Реформатскій, М. И. Сулима, В. А. Беклешова, Е. Н. Барамзинъ.

Вопросы дошкольнаго воспитанія.

„Воспитаніе — величайшая проблема и труднѣйшая изъ мыслимыхъ для человѣка задачъ“. *Кантъ.*

Основные вопросы дошкольнаго воспитанія.

Если минувшій девятнадцатый вѣкъ въ области общечеловѣческой культуры отошелъ въ вѣчность съ именемъ вѣка пара и электричества, то молодой двадцатый вѣкъ уже на зарѣ своей жизни получилъ имя вѣка ребенка. И дѣйствительно, всестороннее изученіе ребенка лишь въ новѣйшее время получило характеръ широко организованнаго движенія. Корни этого движенія, повидимому, нужно искать въ постепенномъ все болѣе и болѣе глубокомъ проникновеніи въ толщи широкихъ слоевъ общества научныхъ основъ воспитанія, которыя стали проявляться лишь при свѣтѣ эволюціонной теоріи Дарвина, а въ послѣднее время и біогенетическаго закона Геккеля. Метафизическіе взгляды на ребенка и его воспитаніе, покоющіеся на томъ принципѣ, что душа есть неизмѣнная субстанція, благодаря упомянутымъ научнымъ истинамъ постепенно замѣняются объективными реальными, опытными знаніями, основанными на изученіи ребенка какъ біологическаго индивидуума, имѣющаго свою закономѣрную исторію развитія, повторяющую въ общихъ и сокращенныхъ чертахъ исторію развитія всего человѣческаго рода. Метафизическая психологія, долгое время пользовавшаяся исключительными привилегіями въ области вліянія на практическую педагогію, постепенно падаетъ съ своего пьедестала и въ неравной борьбѣ уступаетъ мѣсто побѣдоносному шествію біологическихъ знаній, благодаря которымъ мы смотримъ на психическую жизнь, какъ на развивающіяся функціи мозга и лишь генетическую психологію при свѣтѣ эволюціоннаго ученія, ставимъ въ основу воспитанія.

Обоснованіе и уясненіе этой біологической точки зрѣнія на ребенка и положило прочный фундаментъ подъ раціональное развитіе идей воспитанія. Только при свѣтѣ этой новой точки зрѣ-

нія стали падать прежніе кумиры, стали разрушаться тѣ вредные предразсудки и устарѣлые пріемы въ воспитаніи, которые свили себѣ столь прочное и неприступное гнѣздо подъ сѣнью уходящей теперь въ вѣчность метафизики.

Логическимъ слѣдствіемъ установленія этой точки зрѣнія явилось признаніе важности и необходимости прежде всего изученія ребенка съ первыхъ дней его жизни и до полнаго сформированія въ немъ самостоятельной человѣческой личности; а это изученіе само по себѣ проливаетъ свѣтъ на наиболѣе вѣрные пути въ воспитаніи и заставляетъ признать ту истину, что внѣшняя среда начинаетъ оказывать свое воздѣйствіе (которое такъ или иначе приходится называть воспитательнымъ) на ребенка съ первыхъ дней его жизни, въ тотъ періодъ, для котораго до недавняго времени считали достаточнымъ лишь физическій уходъ и что во всемъ дошкольномъ возрастѣ нравственное, умственное и эстетическое воспитаніе должно играть не меньшую, а, вѣрнѣе, еще большую роль, чѣмъ въ школьный періодъ. При этомъ замѣчается столь послѣдовательная и постепенная преемственность и непрерывность развитія, а также воспріимчивость къ воспитательному воздѣйствію, что вѣками установленная рѣзкая грань между дошкольнымъ и школьнымъ періодомъ жизни ребенка должна быть безусловно уничтожена. А эта грань видимо покоилась въ значительной степени на томъ ошибочномъ представленіи, что въ дошкольный періодъ для ребенка вполнѣ достаточно лишь семейнаго воспитанія, руководимаго преимущественно чувствомъ родителей и главнымъ образомъ матери, и лишь когда недостатокъ въ воспитаніи элемента ума сказывался болѣе остро и семья не могла признать себя достаточно компетентной въ дальнѣйшемъ руководствѣ ребенкомъ, послѣдній искусственно вступалъ въ совершенно новый для него школьный періодъ жизни, нисколько къ нему не подготовленнымъ. Отсюда видимо и установился тотъ антагонизмъ между семьей и школой, который достигъ своего апогея у насъ въ Россіи. Семья была чужда школѣ, школа — семьѣ. И этотъ антагонизмъ былъ и будетъ неизбѣженъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ того звена, которое соединяетъ эти два періода жизни ребенка. Такимъ звеномъ, по нашему глубокому убѣжденію, является широкая взаимопомощь въ дѣлѣ развитія дошкольнаго воспитанія.

Если мы отречемся отъ рутиннаго взгляда на ребенка, какъ

на частную собственность семьи, а будемъ смотрѣть на него какъ на достояніе общества, государства и наконецъ всего человѣчества, то мы прежде всего должны будемъ признать, что всѣ дѣти безъ различія условій среды, классовъ, состоянія и т. д. имѣютъ одинаковое право на воспитаніе. Освободившись отъ оковъ метафизики и рутины, мы должны усвоить себѣ этотъ взглядъ съ той же логической необходимостью, съ какой мы должны были признать превосходство біологической точки зрѣнія въ воспитаніи надъ метафизической.

Широкая волна общественнаго движенія въ пользу раскрѣпощенія ребенка и организаціи общественнаго дошкольнаго воспитанія разлилась въ настоящее время по всѣмъ странамъ свѣта, захвативъ и Россію. Наиболѣе широко и ярко эта общественная самодѣятельность развилась въ Америкѣ, въ организаціи извѣстныхъ сетлементовъ, основанныхъ на принципѣ развитія иниціативы, самодѣятельности и взаимопомощи. Это движеніе перекинулось затѣмъ въ Западную Европу, Индію, Японію, Австралію, Сандвичевы острова. Ясно, что при различныхъ мѣстныхъ условіяхъ оно выливалось въ различныя, своеобразныя формы, но важно было заложить сѣмена этой идеи, въ которыхъ бы теплилась искра жизни. Попавши къ намъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, эти сѣмена плохо проростали въ нашей тучной, но недостаточно обработанной плугомъ культуры почвѣ, и медленно давали лишь единичные и слабые всходы. Цѣлый рядъ дѣтскихъ садовъ, этой первой ступени общественнаго дошкольнаго воспитанія, появившихся въ эпоху раскрѣпощенія въ средѣ интеллигенціи, умерли вмѣстѣ съ паденіемъ волны освободительнаго движенія. Только одинъ отпрыскъ — Фребелевское общество, поборовъ всѣ внѣшнія невзгоды, сохранило и сохраняетъ свою жизнедѣятельность, выпуская изъ своихъ Педагогическихъ курсовъ всё новые и новые кадры «дѣтскихъ садовницъ», которыя на мѣстахъ не давали угаснуть взлелѣянной курсами идеѣ. Далѣе въ девяностыхъ годахъ неутомимыми трудами П. Ф. Лесгафта выращивается новый ростокъ — его курсы, имѣющіе цѣлью содѣйствовать сначала преимущественно только физическому, а затѣмъ и нравственному, умственному и эстетическому развитію подрастающаго поколѣнія. Подъ вліяніемъ его школы постепенно опять возрождаются дѣтскіе сады, площадки, лѣтнія колоніи и пр.

Наконецъ, освободительное движеніе начала девятисотыхъ го-

довъ вновь пробуждаетъ широкую общественную самодѣятельность и вызываетъ къ жизни цѣлый рядъ организацій, имѣющихъ цѣлью изученіе ребенка и его общественное воспитаніе. Основывается Педологическій Институтъ при Психоневрологическомъ Институтѣ, расширяется программа Фребелевскихъ курсовъ, основываются московскій «Сетлементъ» (теперь «Дѣтскій трудъ и отдыхъ»), Кіевское общество народныхъ дѣтскихъ садовъ и т. д. Наконецъ, въ 1908 году въ Петербургѣ открываетъ свою дѣятельность Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей.

Руководствуясь указанными выше научными принципами воспитанія и, слѣдовательно, признавая, что свойства и характеръ ребенка прежде всего зависятъ отъ наслѣдственныхъ свойствъ, а затѣмъ отъ окружающей его внѣшней среды, Общество руководится въ своей дѣятельности слѣдующими принципами и методами: находя необходимымъ дальнѣйшее изученіе вопроса о вліяніи наслѣдственности на развитіе ребенка, Общество въ данное время признаетъ, что наслѣдственныя свойства ребенка, за исключеніемъ рѣзко выраженныхъ патологическихъ, положительныя и отрицательныя, сказываются обычно лишь въ томъ случаѣ, когда этому благопріятствуютъ условія внѣшней среды; а эти условія могутъ и должны быть видоизмѣнены въ смыслѣ содѣйствія сохраненію хорошихъ прирожденныхъ чертъ и препятствія къ развитію дурныхъ. Легкая приспособляемость ребенка, его «способность къ воспитанію» (по выраженію Друммонда) можетъ служить въ этомъ отношеніи хорошимъ поощреніемъ. Физическое, нравственное, умственное и эстетическое развитіе — вотъ тотъ сложный объектъ, на который должны быть направлены всѣ старанія воспитателя, начиная съ момента рожденія ребенка. Поставить ребенка въ истинно гигіеническія условія, въ смыслѣ какъ физическаго, такъ и духовнаго развитія — единственный путь къ правильному, гармоническому развитію его личности, къ пріобрѣтенію возможно большаго количества здоровыхъ и полезныхъ навыковъ. Съ 3—4-лѣтняго возраста у ребенка начинаетъ пробуждаться сознательное отношеніе къ себѣ и къ окружающему; въ это время закладывается тотъ фундаментъ, на которомъ будетъ строиться сложное зданіе человѣческой личности. Вотъ къ этой колыбели сознанія и должны быть направлены весь разумъ, все сердце воспитателя. Не понимать важности воспитательнаго воздѣйствія на ребенка въ этотъ дошкольный періодъ формированія его личности,

подвергать его вліянію случайныхъ, часто вредныхъ и пагубныхъ вліяній и условій, значитъ брать на себя всю тягость отвѣтственности не только за исковерканную, неудавшуюся отдѣльную личность, но и за неудовлетворительный строй общества. Обычно весь трудъ воспитанія ребенка въ дошкольномъ возрастѣ у насъ выпадаетъ на долю семьи и преимущественно матери. Но не говоря уже о неимущихъ классахъ общества, даже интеллигентная мать обычно не въ силахъ единолично справиться съ этою трудной задачей: нѣтъ надлежащихъ внѣшнихъ условій, нѣтъ силъ, нѣтъ времени, нѣтъ необходимыхъ знаній, нѣтъ подготовки. Кромѣ того ребенокъ, вращаясь лишь въ семейномъ кругу, не пріобрѣтаетъ цѣлаго ряда тѣхъ соціальныхъ навыковъ, которые ему будутъ необходимы въ дальнѣйшей жизни. Прійти на помощь одинокой, въ большей или меньшей степени безпомощной въ дѣлѣ воспитанія матери является долгомъ первѣйшей общественной и государственной важности. Не подлежитъ сомнѣнію, что когда-либо настанетъ время, когда государство возьметъ на себя эту задачу, въ глубокомъ пониманіи ея исключительнаго значенія. Но жизнь не ждетъ, не терпитъ проволочекъ, и всякая оплошность, допущенная сегодня, проявитъ свои печальныя послѣдствія завтра. Вотъ посильное содѣйствіе дошкольному воспитанію ребенка наше общество и ставитъ своей непосредственной задачей. Практически эта задача постепенно и разрѣшается слѣдующими учебно-воспитательными мѣрами.

Первой ступенью осуществленія идеи общественной взаимопомощи въ дѣлѣ дошкольнаго воспитанія являются домашніе дѣтскіе сады, организуемые и управляемые группами родителей обычно съ участіемъ спеціалистки-руководительницы. Здѣсь дѣти, находясь въ обществѣ себѣ подобныхъ и подъ постояннымъ педагогическимъ наблюденіемъ и воздѣйствіемъ свѣдущаго въ дѣлѣ воспитанія лица, получаютъ возможность правильно развивать свои физическія и духовныя силы. Подвижныя игры, различныя ручныя занятія, рисованіе, лѣпка, пѣніе, чтеніе и бесѣды на интересующія дѣтей темы, все это даетъ громадный и благодарный матеріалъ руководительницѣ для изученія индивидуальныхъ чертъ каждаго ребенка и позволяетъ ей приспособлять воспитаніе къ природѣ развивающагося на ея глазахъ питомца. При всѣхъ указанныхъ занятіяхъ главное вниманіе обращается на развитіе въ дѣтяхъ иниціативы, самодѣятельности, общественности, воли, наблюдательности,

творчества, любви къ труду и другихъ добрыхъ и полезныхъ навыковъ и стремленій. Путемъ любовнаго и чуткаго отношенія къ проявленію самобытныхъ чертъ характера каждаго ребенка въ отдѣльности, согласно завѣтамъ великаго учителя Льва Николаевича Толстого, бережно сохраняется его индивидуальность, а постоянной прививкой пріятныхъ эмоцій ко всѣмъ благороднымъ, высокимъ порывамъ и склонностямъ и эмоцій отвращенія ко всѣмъ дурнымъ, во всѣхъ дѣтяхъ постепенно развиваются этическіе, соціальные инстинкты и подавляются эгоистическіе; ребенокъ, вращаясь въ кругу своихъ товарищей, незамѣтно приходитъ къ сознанію того, что доставлять радость другимъ есть высшее счастье. Развивая качественно и количественно домашніе дѣтскіе сады для дѣтей интеллигентныхъ родителей, Общество съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности не могло оставаться безучастнымъ къ судьбѣ дѣтей несостоятельныхъ классовъ, съ первыхъ дней своей жизни обычно поставленныхъ въ самыя неблагопріятныя условія семейной обстановки, дѣтей, предоставленныхъ развращающему вліянію улицы, и комплектующихъ со временемъ кадры общественныхъ отбросовъ. Для нихъ Обществомъ организуются народные дѣтскіе сады, функціонирующіе на тѣхъ же принципахъ, которые положены въ основу домашнихъ дѣтскихъ садовъ. Кромѣ того, глубоко сознавая необходимость лѣтняго отдыха и укрѣпленія здоровья бѣдныхъ городскихъ дѣтей въ здоровыхъ условіяхъ деревенской жизни, Общество ежегодно устраиваетъ лѣтнюю дѣтскую колонію въ окрестностяхъ Петербурга.

Признавая глубокую преемственную связь между дошкольнымъ и школьнымъ возрастомъ ребенка, Общество имѣетъ учебное заведеніе съ дѣтскимъ садомъ, приготовительными классами и первымъ пока классомъ средней школы. Въ смыслѣ воспитанія здѣсь проводятся въ основныхъ чертахъ тѣ же принципы, что и въ дѣтскихъ садахъ, въ смыслѣ обученія — стремленіе вдохновить разумъ знаніемъ; конкретность и наглядность преподаванія, взаимная связь всѣхъ предметовъ и приближеніе ребенка къ природѣ выставляются какъ основные лозунги.

Признавая, что развитіе ребенка въ значительной степени зависитъ отъ окружающей его внѣшней среды, Общество стремится, разсѣивая старые предразсудки, всѣми мѣрами способствовать разработкѣ и пропагандѣ среди широкихъ слоевъ общества, и родителей въ частности, новыхъ воспитательныхъ идей, для чего орга-

низуетъ ежемѣсячныя общія собранія съ докладами по различнымъ вопросамъ общественнаго воспитанія или отдѣльныя лекціи по тѣмъ же вопросамъ для членовъ Общества. Желая болѣе непосредственно приблизить родителей и преимущественно матерей къ развивающимся новымъ принципамъ изученія ребенка, его воспитанія и обученія, Общество ежегодно устраиваетъ систематическіе курсы для матерей. Такъ проводились курсы: по психологіи дѣтства, дѣтской литературѣ, методикѣ фребелевскихъ работъ, рисованія, лѣпкѣ и пр. Съ цѣлью прійти на помощь родителямъ въ дѣлѣ ознакомленія съ существующей дѣтской и педагогической литературой Обществомъ организована постоянная выставка дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ, открытая для всѣхъ интересующихся этимъ вопросомъ ежедневно, при чемъ въ опредѣленные часы членами библіотечной комиссіи Общества даются соотвѣтствующія объясненія и указанія посѣтителямъ. Оказывая, такимъ образомъ, полное содѣйствіе образованію и развитію матери-воспитательницы, Общество исполняетъ завѣты Руссо, Пирогова, Лесгафта и другихъ великихъ педагоговъ. «Вы поручаете воспитаніе вашего сына, — говоритъ Руссо, — когда онъ уже вполнѣ развитъ, а я хочу, чтобы онъ имѣлъ воспитателя еще до рожденія». «Въ воспитаніи женщины заключается воспитаніе всего человѣчества», говоритъ Пироговъ. «Степень совершенствованія общества всего вѣрнѣе опредѣляется степенью сознательнаго участія въ заботахъ о дѣтяхъ и ихъ благѣ, а это достигается только образованіемъ и связаннымъ съ нимъ нравственнымъ развитіемъ матери», говоритъ Лесгафтъ.

Такова въ общихъ чертахъ работа Общества; но этимъ не исчерпываются его задачи. Жизнь не ждетъ и предъявляетъ къ Обществу все новыя и новыя требованія къ углубленію и расширенію его дѣятельности.

Такъ, очередными задачами даннаго момента являются: организація дѣтской библіотеки, учебно-воспитательнаго кинематографа, зимнихъ дѣтскихъ колоній, музея игрушекъ и наглядныхъ пособій и т. д.

Насущной является и задача наилучшей теоретической разработки вопросовъ изученія ребенка и его психики, основныхъ принциповъ и методовъ воспитанія и обученія и пр.

Словомъ, впереди громадное, необозримое поле дѣятельности, прогрессивно расширяющееся по мѣрѣ углубленія въ текущіе запросы жизни. Работа громадная, сложная, отвѣтственная, но Об-

щество не страшитъ, а вдохновляетъ трудность взятой на себя задачи; и въ глубокомъ сознаніи высокой цѣли воспитанія — созданія дѣятельной личности въ лучшихъ идеалахъ общественной жизни, въ идеалахъ истины, добра и красоты, Общество черпаетъ силы къ дальнѣйшей работѣ, раздѣляя мнѣніе Брукса, что «тотъ, кто помогаетъ ребенку, помогаетъ человѣчеству съ такой опредѣленностью и быстротой, съ какой нельзя помочь нигдѣ человѣку въ другихъ періодахъ его жизни».

С. Лебедевъ.

Краткій историческій очеркъ дѣятельности Общества (1908—1911).

Первымъ камнемъ, заложеннымъ какъ начало фундамента Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей, явилось въ 1907 году открытое письмо въ газетахъ группы матерей съ призывомъ къ обществу и родителямъ объединиться подъ флагомъ общественной взаимопомощи въ дѣлѣ дошкольнаго воспитанія дѣтей. Это письмо встрѣтило глубокій откликъ въ широкихъ слояхъ петербургскаго общества, и 26 октября 1907 года подъ предсѣдательствомъ Н. В. Чехова состоялось собраніе «Кружка родителей по организаціи домашнихъ дѣтскихъ садовъ», на которомъ М. А. Чеховой былъ прочитанъ докладъ на тему «Руководящіе принципы организаціи домашнихъ дѣтскихъ садовъ».

На этомъ собраніи выяснилось, что въ Петербургѣ существуетъ уже нѣсколько дѣтскихъ садовъ, организованныхъ группами родителей, по идеѣ своей болѣе или менѣе отвѣчающихъ тѣмъ принципамъ, которые были высказаны въ докладѣ М. А. Чеховой. Нѣкоторые изъ этихъ садовъ примкнули затѣмъ къ нарождающемуся Обществу. Засѣданіе закончилось выборами временнаго комитета, на который была возложена выработка проекта устава Общества. 1 декабря 1907 года состоялось учредительное собраніе будущаго Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей, на которомъ былъ принятъ проектъ устава Общества, и временный комитетъ былъ уполномоченъ обратиться съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ о разрѣшеніи на открытіе Общества. 5 февраля 1908 года опредѣленіемъ С.-Петербургскаго Особаго Городскаго по дѣламъ объ обществахъ Присутствія Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей было внесено въ реестръ обществъ города Петербурга (за № 211).

Первое общее собраніе зародившагося общества состоялось 29 февраля 1908 года. На этомъ засѣданіи были впервые произведены выборы правленія Общества и ревизіонной комиссіи, а также намѣченъ проектъ плана работы. Такимъ образомъ съ этого дня наше Общество, насчитывавшее въ своемъ составѣ уже около 200 членовъ, открыло свою дѣятельность. Первые шаги жизни Общества выразились въ организаціи домашнихъ дѣтскихъ садовъ среди интеллигентныхъ родителей, а также былъ открытъ и первый народный дѣтскій садъ на Петербургской Сторонѣ, положено начало той школѣ Общества, которая теперь помѣщается на Свѣчномъ переулкѣ, а лѣтомъ была организована первая колонія для бѣдныхъ дѣтей. Въ 1909 году Общество, продолжая работу по веденію и усовершенствованію указанныхъ учебновоспитательныхъ учрежденій, организуетъ первые систематическіе временные курсы для родителей и воспитателей по различнымъ вопросамъ, связаннымъ съ общественнымъ дошкольнымъ воспитаніемъ дѣтей, и кладетъ начало дѣятельности постоянной выставки дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ. Въ 1910 году Общество открываетъ второй народный дѣтскій садъ на Разъѣзжей улицѣ, устраиваетъ первыя общественныя дѣтскія развлеченія (лекціи, оперы, концерты) и усиленно работаетъ, въ лицѣ библіотечной комиссіи, по усовершенствованію постоянной выставки дѣтскихъ книгъ на Кабинетской улицѣ. Въ 1911 году Общество продолжаетъ совершенствовать имѣющіяся учебно-воспитательныя учрежденія, открываетъ новый народный дѣтскій садъ на Таврической улицѣ, устраиваетъ первую зимнюю дѣтскую колонію, ведетъ подготовительную работу по организаціи дѣтской библіотеки и подготовляетъ къ печати первый выпускъ «Сборника» по вопросамъ общественнаго дошкольнаго воспитанія.

Въ настоящее время Общество, пріобрѣтая все возрастающій интересъ и довѣріе къ своей работѣ не только въ столицѣ, но и въ провинціи, насчитываетъ въ своей средѣ 780 членовъ. Болѣе подробная дѣятельность Общества выясняется изъ послѣдующихъ статей настоящаго «Сборника».

Дѣятельность Общества въ 1911 году*.

Въ теченіи истекшаго 4-го года своего существованія Общество продолжало прогрессивно расширять и углублять свою дѣятельность какъ въ смыслѣ теоретическаго ознакомленія и разработки различныхъ вопросовъ общественнаго дошкольнаго воспитанія, такъ и въ смыслѣ практическаго проведенія въ жизнь исповѣдуемыхъ имъ принциповъ и методовъ.

Работа *общихъ собраній* Общества, которыхъ въ истекшемъ году было семь, заключалась главнымъ образомъ въ заслушаніи и обсужденіи различныхъ докладовъ, какъ по общимъ вопросамъ воспитанія, такъ и по частнымъ вопросамъ общественнаго дошкольнаго воспитанія. Въ виду того, что текущіе вопросы изъ жизни Общества сравнительно мало отнимали вниманіе общихъ собраній, къ нимъ можно почти приравнять по характеру дѣятельности и лекціи для членовъ Общества, съ обмѣномъ мнѣній, которыхъ было десять.

Темы докладовъ и лекцій были слѣдующія:

1. «Игрушка, ея психологическое и педагогическое значеніе», Л. Г. Оршанскаго (платная лекція 15 февраля).
2. «Основныя причины звуковыхъ измѣненій языка у дѣтей», д-ра Китермана (докладъ общему собранію 26 февраля).
3. «Вліяніе театра на дѣтей и юношей школьнаго возраста», барона Дризена (платная лекція 12 марта).
4. «Лѣпка и ея значеніе въ дошкольномъ возрастѣ», И. Я. Гинцбурга (докладъ общему собранію 19 марта).
5. «О воспитаніи высшихъ чувствованій», Н. Н. Реформатскаго (платная лекція 26 апрѣля).

---

* Отчетъ, прочитанный секретаремъ Общества на годовомъ общемъ собраніи Общества 28 января 1912 г.

6. «Развлеченія, какъ факторъ воспитанія», Е. И. Тихѣевой (платная лекція 26 апрѣля).

7. «Прислуга, какъ факторъ воспитанія», Е. Г. Соловьевой (докладъ общему собранію 30 апрѣля).

8. «Историческое развитіе взглядовъ на дѣтскую ненормальность въ XIX вѣкѣ», Л. Г. Оршанскаго (платная лекція 24 сентября).

9. «Организація вспомогательной школы и характеристика ея питомцевъ», д-ра А. В. Владимірскаго (платная лекція 24 сентября.

10. «О жизни дѣтей въ лѣтней колоніи Общества», Е. Ф. Купортъ (докладъ общему собранію 30 сентября).

11. «Объ обученіи скульптурѣ», И. Я. Гинцбурга (докладъ общему собранію 30 сентября).

12. «Семья, общество и государство въ воспитаніи», В. Р. Мрочека (платная лекція 22 октября).

13. «Проблема полового воспитанія въ семьѣ и школѣ съ психологической точки зрѣнія», Н. Е. Румянцева (докладъ общему собранію 29 октября).

14. «Методы итальянскаго дѣтскаго сада г-жи Монтессори», Е. И. Янжулъ (докладъ общему собранію 26 ноября).

15. «Критическій обзоръ игрушекъ, игръ и занятій» (съ демонстраціями), П. А. Литвинскаго (безплатная лекція 17 декабря).

16. «О дѣтской преступности и принудительномъ воспитаніи» (съ демонстраціей картограммъ и діапозитовъ), М. П. Беклешова (безплатная лекція 14 января 1912 года).

17. «О курсахъ по обученію лѣпкѣ», И. Я. Гинцбурга (докладъ общему собранію 28 января).

Указанные доклады и лекціи обычно привлекали къ себѣ довольно многочисленную аудиторію, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ бывало настолько много слушателей, что наше скромное помѣщеніе не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ. Большинство лекцій прослушивалось членами Общества съ глубокимъ интересомъ и вызывало оживленный обмѣнъ мнѣній. Эти же лекціи и доклады, видимо, значительно способствовали притоку и новыхъ членовъ Общества, число которыхъ въ истекшемъ году возросло на 184 человѣка и достигло цифры 778 членовъ.

Громадное количество матеріала для работы заставляло *правленіе Общества* собираться черезъ каждыя двѣ недѣли для обсужде-

нія и разрѣшенія очередныхъ дѣлъ; такихъ засѣданій правленіе имѣло за истекшій годъ 21. Кромѣ общихъ собраній правленія, президіумъ его собирался еженедѣльно (по средамъ отъ 7 до 8) для обсужденія и исполненія экстренныхъ дѣлъ и для выдачи справокъ о дѣятельности Общества и его учрежденій для всѣхъ интересующихся его работой.

Кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ текущихъ дѣлъ, работа правленія Общества за истекшій годъ выразилась въ слѣдующемъ:

1. Согласно пожеланію, выраженному ревизіонной комиссіей прошлогодняго состава, правленіемъ Общества совмѣстно съ комиссіей по дѣтскимъ садамъ, библіотечной и совѣтомъ школы Общества былъ разработанъ вопросъ о взаимоотношеніи учрежденій Общества, одобренный общимъ собраніемъ на засѣданіи его 30 апрѣля.

2. Будучи постоянно стѣсняемо въ своей работѣ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, правленіе Общества изыскивало различные способы къ разрѣшенію этого вопроса. Съ отраднымъ и благодарнымъ чувствомъ правленіе считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что, благодаря исключительной энергіи въ этомъ отношеніи члена правленія Я. А. Дзюбинской, Общество получило субсидію отъ министерства финансовъ на нужды народныхъ дѣтскихъ садовъ Общества въ 2.400 рублей.

3. Съ цѣлью популяризаціи дѣятельности Общества былъ составленъ членомъ правленія Е. И. Іорданской и отпечатанъ въ количествѣ 2 тысячъ экземпляровъ проспектъ-летучка о дѣятельности Общества, который раздается и разсылается всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, по первому требованію, безплатно.

4. Отвѣчая все увеличивающимся запросамъ относительно дѣятельности Общества и его учрежденій, какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, часто изъ отдаленныхъ мѣстностей провинціи, правленіе приступило къ изданію трудовъ Общества въ видѣ ежегодныхъ сборниковъ по вопросамъ дошкольнаго воспитанія, для чего имъ была сформирована особая редакціонная комиссія, которая съ сентября истекшаго года приступила къ работѣ и въ настоящее время заканчиваетъ подготовку имѣющихся матеріаловъ къ печати. Болѣе подробно о работѣ этой комиссіи будетъ сказано далѣе.

5. Осенью истекшаго года правленіемъ были организованы для членовъ Общества временные курсы по обученію лѣпкѣ, подъ

руководствомъ И. Я. Гинцбурга, прошедшіе съ большимъ успѣхомъ для двухъ параллельныхъ группъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ курсахъ любезно согласился дать общему собранію самъ руководитель.

Цѣлый рядъ другихъ курсовъ, намѣченныхъ правленіемъ въ истекшемъ году, къ сожалѣнію не могли состояться, благодаря незначительному количеству записавшихся.

6. Изъ отдѣльныхъ учрежденій Общества въ истекшемъ году былъ открытъ новый народный дѣтскій садъ, на Таврической ул. (д. 15), положено начало организаціи дѣтской библіотеки при библіотечной комиссіи, и открыта, по инціативѣ Л. В. Глаголевой и Е. П. Ивашевой, зимняя дѣтская колонія (близъ ст. Теріоки, Финл. ж. д.), принятая въ вѣдѣніе Общества на общемъ собраніи 29 октября. Изъ ранѣе организованныхъ учрежденій функціонировала постоянная выставка дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ (на Кабинетской, д. 18), лѣтняя колонія, дѣтскій садъ и школа Общества на Свѣчномъ пер., д. 5, народный дѣтскій садъ на Разъѣзжей улицѣ, д. 37—39, и рядъ домашнихъ дѣтскихъ садовъ и элементарныхъ школъ: дѣтскій садъ и элементарная школа на Вас. Остр., Большой пр., д. 19 (завѣд. Александрова); дѣтскій садъ на Пет. Ст., Пудожская, д. 1, кв. 9 (завѣд. г-жа Познеръ); элементарная школа на Рузовской, д. 13 (завѣд. г-жа Штакельбергъ); элементарная школа на Вас. Остр., 6-я лин., д. 33 (завѣд. Фанъ-деръ-Флитъ); дѣтскій садъ на ст. Удѣльная (при больницѣ св. Пантелеймона).

7. Кромѣ веденія указанныхъ постоянныхъ учрежденій Общества, правленіе, въ лицѣ своихъ представителей или отдѣльныхъ членовъ различныхъ комиссій, принимало участіе въ библіотечномъ съѣздѣ (съ 1 по 7 іюля), въ Царскосельской юбилейной выставкѣ (съ 20 августа по 26 сентября), на съѣздѣ художниковъ (по секціи художественнаго воспитанія), на благотворительномъ базарѣ въ Михайловскомъ манежѣ.

Объ этомъ будетъ сказано нѣсколько словъ далѣе.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ рядъ членовъ комиссіи по дѣтскимъ садамъ велъ народный дѣтскій садъ при Ольгинскомъ дѣтскомъ пріютѣ на Вас. Островѣ. Члены правленія Е. Г. Соловьева и Л. В. Глаголева читали рядъ лекцій по вопросамъ дошкольнаго воспитанія и обученія для учительницъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества въ Соляномъ Городкѣ; членъ правленія

Е. И. Іорданская два раза читала лекціи о народныхъ дѣтскихъ садахъ передъ рабочей аудиторіей въ посадѣ Колпино и въ Петербургѣ; совѣтомъ школы Общества были организованы два «утра дѣтской пѣсни» и опера «Гензель и Гретель» для дѣтей; библіотечной комиссіей Общества былъ устроенъ концертъ въ Городской Думѣ въ пользу дѣтской библіотеки. Наконецъ, съ цѣлью объединенія членовъ Общества правленіе Общества положило начало организаціи періодическихъ семейныхъ вечеровъ для членовъ Общества; первый такой вечеръ состоялся 5 ноября въ помѣщеніи школы Общества на Свѣчномъ пер.

Нельзя не указать и на рядъ не выполненныхъ начинаній правленія, отвлекшихъ значительную часть времени и энергіи у отдѣльныхъ членовъ правленія и комиссій. Такъ, по независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, не состоялась выставка дѣтскихъ работъ, совсѣмъ было налаженная въ апрѣлѣ. Не состоялось пока ни одного соглашенія съ отдѣльными предпріятіями промышленнаго характера, предлагавшими совмѣстную работу Обществу по устройству склада игрушекъ, изданію дѣтскихъ книгъ и научнаго кинематографа, что объясняется большой осторожностью къ этимъ вопросамъ со стороны членовъ правленія, ставящихъ очень высоко престижъ Общества.

8. Благодаря все увеличивающемуся количеству работы и необходимости спеціализаціи и раздѣленія труда, правленіе въ истекшемъ году организовало слѣдующія новыя комиссіи: 1) редакціонную, 2) по лѣтнимъ колоніямъ, 3) по устройству лекцій и курсовъ, 4) по доставленію средствъ и 5) по дѣтскимъ игрушкамъ. Изъ нихъ комиссія по дѣтскимъ игрушкамъ только что приступила къ своей дѣятельности, комиссія по дѣтскимъ колоніямъ и комиссія по доставленію средствъ могли собраться только по одному разу, и, по недостатку рабочихъ силъ, ограничились пока лишь предварительнымъ проектомъ дѣятельности. Наиболѣе интенсивно изъ новыхъ комиссій работали: комиссія по устройству лекцій и курсовъ и редакціонная комиссія. Работа *комиссіи по устройству лекцій и курсовъ* выражалась въ приглашеніи докладчиковъ и лекторовъ для общихъ собраній Общества и для отдѣльныхъ лекцій для членовъ Общества, — а также въ организаціи временныхъ систематическихъ курсовъ для родителей и воспитателей. По идеѣ этой комиссіи, а также и всего правленія, доклады и лекціи для членовъ Общества желательно было бы вести по извѣстному продуманному

плану и въ опредѣленной системѣ, но, не говоря уже о тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаются на этомъ пути, сама жизнь постоянно выдвигаетъ новые, злободневные вопросы, которые комиссія по мѣрѣ своихъ силъ и старалась отразить передъ членами Общества. Изъ намѣченныхъ комиссіей на истекшій годъ временныхъ курсовъ для родителей и воспитателей состоялись, какъ уже указано, курсы по обученію лѣпкѣ.

Предсѣдательницей комиссіи состоитъ М. И. Сулима.

Редакціонная комиссія начала свою дѣятельность съ сентября истекшаго года и собиралась постоянно разъ въ двѣ недѣли. Прежде всего комиссія занялась выясненіемъ типа изданія и собираніемъ имѣющихся въ распоряженіи Общества матеріаловъ. Остановившись на типѣ ежегодныхъ «Сборниковъ Общества по вопросамъ общественнаго дошкольнаго воспитанія» и собравъ весь имѣющійся и могущій поступить матеріалъ, который распредѣлялся между отдѣльными членами комиссіи и обсуждался затѣмъ на общихъ засѣданіяхъ, комиссія выработала слѣдующую схему 1-го выпуска «Сборника»:

Статья отъ редакціонной комиссіи съ указаніями на тѣ условія, при которыхъ комиссіи пришлось работать; статья объ основныхъ вопросахъ дошкольнаго воспитанія; краткій очеркъ развитія дѣятельности Общества; современное состояніе Общества, всѣхъ его комиссій и учрежденій; доклады и лекціи, читанныя для членовъ Общества, по возможности въ систематическомъ порядкѣ; кромѣ того возможны: анкета о дѣтскомъ чтеніи и библіографическій отдѣлъ — съ указаніемъ книгъ, рецензированныхъ библіотечной комиссіей Общества. Въ настоящее время комиссія занята окончательной подготовкой матеріала для печати и обсужденіемъ техническихъ вопросовъ изданія, которые, въ виду недостатка средствъ, являются довольно сложными. Предсѣдательницей комиссіи состоитъ Е. И. Іорданская.

Изъ прежнихъ комиссій въ истекшемъ году совсѣмъ не функціонировала, къ сожалѣнію, за отсутствіемъ рабочихъ силъ, *комиссія по дѣтскимъ развлеченіямъ.*

Дѣятельно функціонировали, какъ и прежде, библіотечная комиссія и комиссія по дѣтскимъ садамъ.

Работа *библіотечной комиссіи* за истекшій годъ выразилась въ слѣдующемъ:

Собранія комиссіи происходили еженедѣльно по понедѣльни-

камъ. Предметами занятій на этихъ засѣданіяхъ служили, главнымъ образомъ, различные вопросы, связанные съ веденіемъ и усовершенствованіемъ постоянной выставки дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ, помѣщающейся на Кабинетской ул., д. 18; обмѣнъ мнѣній по поводу рецензируемыхъ комиссіей книгъ; иногда спеціальные доклады по различнымъ вопросамъ, связаннымъ съ дѣтскимъ чтеніемъ, какъ «О значеніи и мѣстѣ сказки въ дѣтской жизни» — докладъ В. В. Каррика, «О школьной жизни въ Англіи и Америкѣ по художественному матеріалу изъ дѣтской литературы» — докладъ А. М. Калмыковой и др. Какъ на большія коллективныя работы комиссіи, слѣдуетъ указать на разборъ и группировку по возрастамъ книжекъ и статей Л. Н. Толстого для дѣтей, на рецензированіе новыхъ хрестоматій, дѣтскихъ пьесъ и пр. Наконецъ, помимо цѣлаго ряда мелкихъ текущихъ вопросовъ, за послѣднее время комиссіей былъ затраченъ значительный трудъ на подготовительныя работы, связанныя съ организаціей дѣтской библіотеки. Помимо этой теоретической работы въ помѣщеніи выставки велась постоянная практическая работа по усовершенствованію техники дѣла: составлялись списки книгъ выставки, составлялся карточный каталогъ, усовершенствовался планъ распредѣленія книгъ по возрастамъ, по качеству, а также велась продажа книгъ и пр. Между прочимъ, въ теченіе года нѣсколько разъ устраивались спеціальныя выставки книгъ, пріуроченныя къ какимъ-либо крупнымъ событіямъ, такъ, напр., выставка литературы, относящейся къ пятидесятилѣтнему юбилею освобожденія крестьянъ 19 февраля, къ двухсотлѣтнему юбилею со дня рожденія Ломоносова, или къ временамъ года — книги по наблюденіямъ природы и экскурсіямъ весной и пр. Большой работой какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера было составленіе и изданіе первой книги «Литература для дѣтей дошкольнаго возраста», появленіе которой въ печати обязано главнымъ образомъ энергіи члена комиссіи М. Я. Морозовой. Нельзя не указать еще на то обстоятельство, что работа этой комиссіи сказывалась и далеко за предѣлами нашего общества; такъ, предсѣдательница комиссіи Е. Г. Соловьева дѣлала доклады о выставкѣ книгъ на библіотечномъ съѣздѣ, гдѣ демонстрировалась система нашей выставки, на съѣздѣ народныхъ учителей и на Царскосельской юбилейной выставкѣ. Экспонаты нашей выставки фигурировали на благотворительномъ базарѣ въ Михай-

ловскомъ манежѣ на Рождественскихъ праздникахъ, а также и на Царскосельской выставкѣ. Рецензіи на дѣтскія книги, исходившія отъ членовъ библіотечной комиссіи, печатались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Были завязаны сношенія по оборудованію дѣтскихъ библіотекъ съ различными провинціальными обществами и учрежденіями, откуда въ комиссію поступали соотвѣтствующіе запросы. Какъ уже указано, за послѣднее время работа комиссіи сосредоточена главнымъ образомъ на организаціи дѣтской библіотеки. Теоретически уже въ значительной степени разработаны тѣ основные принципы и методы, которыми должна будетъ руководствоваться эта библіотека, составлена смѣта на ея содержаніе, и благодаря поступленію въ кассу комиссіи на организацію этого дѣла необходимой на первое время суммы денегъ, полученной отъ концерта въ Городской Думѣ (около 700 рублей), приступлено уже къ практическому осуществленію этого дѣла. Постоянная выставка книгъ, какъ, вѣроятно, извѣстно большинству членовъ Общества, помѣщается на Кабинетской ул., д. 18, гдѣ ежедневно отъ 4 до 8 ч. вечера (въ праздники съ 1 ч. до 4) дежурными членами комиссіи даются соотвѣтствующія указанія и объясненія посѣтителямъ и производится продажа книгъ.

Предсѣдательницей комиссіи состоитъ Е. Г. Соловьева.

Дѣятельность *комиссіи по дѣтскимъ садамъ* выразилась въ слѣдующемъ:

Комиссія подъ предсѣдательствомъ Я. А. Дзюбинской собиралась обычно черезъ двѣ недѣли, иногда разъ въ мѣсяцъ. Предметами занятій этихъ собраній служили, главнымъ образомъ: разработка вопросовъ организаціи, программъ и методовъ занятій въ домашнихъ и народныхъ дѣтскихъ садахъ, выработка условій, какимъ должны удовлетворять домашніе дѣтскіе сады, желающіе носить имя Общества (эти условія были одобрены и приняты общимъ собраніемъ 29 октября); затѣмъ комиссія приступила къ подготовкѣ изъ своей среды работниковъ въ дѣтскихъ садахъ путемъ составленія и обсужденія докладовъ, отчетовъ различныхъ просвѣтительныхъ обществъ и особенно обсужденія конкретныхъ данныхъ о веденіи дѣла въ дѣтскихъ садахъ. Не мало времени и энергіи отняла у комиссіи подготовка къ указанной уже и несостоявшейся выставкѣ дѣтскихъ работъ; въ связи съ этой неудачей пришлось отложить и вопросъ объ организаціи постояннаго музея наглядныхъ пособій, который стоялъ на очереди. Помимо

этого, на засѣданіяхъ комиссіи было сдѣлано нѣсколько докладовъ; такъ, г-жею Масловской былъ сдѣланъ докладъ о дѣтскомъ садѣ, устроенномъ лѣтомъ въ ея пріютѣ членами комиссіи; г-жей Зубаревой былъ сдѣланъ докладъ о народномъ дѣтскомъ садѣ въ провинціи, работающемъ уже два года на принципахъ свободнаго воспитанія; Е. Г. Соловьевой — о съѣздѣ художниковъ и др. Помимо работы на засѣданіяхъ, отдѣльныя группы членовъ комиссіи практически работали въ народныхъ дѣтскихъ садахъ Общества, которыхъ въ настоящее время функціонируетъ два: на Разъѣзжей ул. и на Таврической.

Народный дѣтскій садъ *на Разъѣзжей ул.* (д. 37), существующій уже 3 года, въ безплатномъ помѣщеніи, любезно предоставленномъ г. Адріановымъ, въ истекшемъ году посѣщало 45 дѣтей, раздѣленныхъ на 2 группы по возрасту (отъ 4 до 6 лѣтъ и отъ 6 до 8). Кромѣ обычныхъ занятій дѣтскаго сада, въ старшей группѣ здѣсь велось обученіе грамотѣ, совершались экскурсіи за городъ; между прочимъ, въ истекшемъ году дѣтямъ сада удалось быть на генеральной репетиціи оперы «Гензель и Гретель» и на «Утрѣ дѣтской пѣсни» Гречанинова, организованныхъ школой Общества. На Рождественскихъ праздникахъ, совмѣстно съ дѣтьми дѣтскаго сада на Таврической улицѣ, дѣтямъ была устроена елка. Въ настоящее время руководителями сада представленъ особый отчетъ о его дѣятельности за 3 года существованія.

Руководительницами сада состоятъ г-жи: В. П. Глѣбова, Т. В. Брейтфусъ и М. В. Грюнбергеръ.

Народный дѣтскій садъ *на Таврической улицѣ* (д. 15) открытъ 8 октября истекшаго года на 30 дѣтей въ помѣщеніи, предоставленномъ Я. А. Дзюбинской. Съ первыхъ дней жизни дѣтскаго сада руководительницами его были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы помочь дѣтямъ самимъ сорганизоваться для совмѣстной работы, и въ короткое время эти старанія дали очень плодотворные результаты. Большое вниманіе въ этомъ дѣтскомъ садѣ обращено на физическое развитіе, при чемъ дѣти значительное количество времени проводятъ на свѣжемъ воздухѣ. Въ смыслѣ нравственнаго воспитанія краткій отчетъ о дѣятельности этого сада констатируетъ значительное «смягченіе нравовъ» (черезъ $2^1/_2$ мѣсяца работы), приписываемое руководителями сорганизованности самихъ дѣтей. Согласно «постановленію» дѣтей, что «руки — для работы», ручной трудъ поста-

вленъ въ основу воспитанія, при чемъ съ нимъ же связаны бесѣды по природовѣдѣнію. Элементами эстетическаго воспитанія служатъ: рисованіе, раскрашиваніе, лѣпка, музыка и пѣніе, а также заучиваніе стихотвореній и чтеніе дѣтямъ художественныхъ литературныхъ произведеній. По желанію дѣтей ведется обученіе грамотѣ и счету. На Рождественскихъ праздникахъ дѣти этого сада были на общей елкѣ нашихъ народныхъ садовъ, на Разъѣзжей улицѣ, а также для нихъ былъ устроенъ одинъ разъ праздникъ и въ своемъ саду.

Руководительницами этого сада состоятъ: Я. А. Дзюбинская, А. С. Полякова, Н. Г. Пугачева и Е. М. Казина.

Что касается дѣтскаго сада и школы Общества на Свѣчномъ пер., то объ нихъ будетъ представленъ особый отчетъ [1].

Финансовый отчетъ отдѣльно будетъ представленъ казначеемъ Общества О. Э. Вишневской.

Очередными ближайшими вопросами предстоящаго года, помимо поддержанія и развитія существующей дѣятельности Общества и его учрежденій, являются: изданіе трудовъ Общества, организація дѣтской библіотеки, лѣтней и зимней колоній, подготовка къ участію въ международной учебно-промышленной выставкѣ «Устройство и оборудованіе школы», устраиваемой Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ — съ 15 апрѣля по 15 іюля текущаго года, гдѣ уже пріобрѣтены мѣста для экспонатовъ по дѣтскимъ работамъ и дѣтскимъ книгамъ, и др.

Предсѣдательницей Общества въ истекшемъ году состояла А. М. Калмыкова, вице-предсѣдательницей — М. И. Сулима, казначеемъ — О. Э. Вишневская, секретаремъ — С. П. Лебедевъ; членами правленія: Е. Г. Соловьева, Е. И. Тихѣева, Е. И. Іорданская, Я. А. Дзюбинская, Л. В. Глаголева, Н. П. Румянцева, Е. В. Брамзинъ, А. А. Томашевскій и кандидатами: А. Н. Каучукова и Е. Н. Калугина. Членами ревизіонной комиссіи состояли: Н. Г. Пугачева, Н.Н. Реформатскій, К.Я. Магалифъ, А.Н. Чернова, В.В. Пушкарева, Н. М. Фанъ-деръ-Флитъ и М. В. Грюнбергеръ. Дѣлопроизводительницей Общества съ января по сентябрь состояла членъ Общества М. Я. Морозова, а съ сентября—членъ Общества Э. И. Гензель.

Подводя итоги дѣятельности Общества за истекшій годъ, правленіе съ своей стороны позволяетъ себѣ обратить вниманіе общаго собранія, съ одной стороны, на прогрессивно увеличивающійся

[1] Подробные отчеты о дѣтскихъ садахъ Общества выйдутъ особо.

ростъ Общества и возрастающую его популярность, что между прочимъ видно изъ громаднаго притока новыхъ членовъ (184 новыхъ члена за истекшій годъ и 778 — общая цифра членовъ) и изъ тѣхъ запросовъ, которые поступаютъ въ Общество все въ возрастающемъ количествѣ изъ провинціи, иногда изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Россіи, а съ другой стороны, на недостатокъ дѣятельныхъ рабочихъ силъ при громадномъ матеріалѣ для работы; задачи растутъ, жизнь предъявляетъ все новыя требованія, — нужны работники на различныхъ поприщахъ дѣятельности Общества: по народнымъ дѣтскимъ садамъ, по библіотекѣ, по колоніи и т. д.

Въ виду этого правленіе обращается къ общему собранію съ призывомъ за новыми силами на общее, всѣмъ намъ близкое, важное и дорогое дѣло. Сознаніе отвѣтственности передъ широкими слоями общества и само дѣло несомнѣнно дадутъ необходимую энергію для благодарной и высокой общественной работы, исключительная важность которой все острѣе и настойчивѣе даетъ о себѣ знать въ томъ громадномъ интересѣ къ вопросамъ общественнаго дошкольнаго воспитанія, который теперь проявляется въ Россіи и во всѣхъ культурныхъ странахъ свѣта.

Денежный отчетъ

казначея Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей

за 1911 годъ.

ПРИХОДЪ.	Руб.	К.
Остатокъ къ 1 января 1910 г.	405	03
При чемъ въ главной кассѣ Общества 148 р. 76 к.		
Въ кассѣ библіотечной комиссіи 256 „ 27 „		
Членскіе взносы	370	00
Пожертвованіе на нужды Общества	100	00
„ на народный дѣтскій садъ на Таврической	2400	00
„ „ „ „ „ „ Разъѣзжей	59	55
„ „ народные дѣтскіе сады вообще	180	71
„ „ елку для народн. дѣтск. садовъ О-ва	40	00
„ „ лѣтнія дѣтскія колоніи	427	95
Доходъ отъ лекцій, вечеринокъ и т. п.	96	30
„ „ курсовъ для родителей и воспитателей	276	50
Пожертвовано на комиссію по народному дѣтскому саду	2	00
Случайные доходы	9	10
Отъ продажи книгъ выручено	1650	41
На устройство библіотеки [1] получено	835	68
Членскихъ взносовъ въ библіотечную комиссію	125	30
Отъ входныхъ билетовъ на выставку	85	45
Отъ устройства лекцій и дѣтскихъ праздниковъ	52	69
Случайныхъ доходовъ было въ библіот. комиссію	41	19
Пожертвованій на библіот. комиссію	1	30
Непосредственно собрано на дѣтскій садъ на Разъѣзжей за завтраки съ дѣтей и пожертвов. съ разныхъ лицъ	66	61
Балансъ. .	7225	77

[1] Въ томъ числѣ заимообразно получено изъ главной кассы Общества 300 р.

РАСХОДЪ.	Руб.	К.
На помѣщеніе, освѣщеніе, прокатъ стульевъ и т. п.	121	20
„ пріобрѣтеніе инвентаря	73	00
„ канцелярію	145	29
„ типографію	85	50
„ почтовые расходы	59	94
„ народный дѣтскій садъ на Таврической	1400	00
„ „ „ „ „ Разъѣзжей	241	95
„ „ „ „ „ Вас. Островѣ	90	00
„ ёлку для народныхъ дѣтскихъ садовъ Общества	38	95
„ лѣтнія дѣтскія колоніи	417	95
„ организацію лекцій, вечеринокъ и т. п.	51	73
„ „ курсовъ для родит. и воспит.	275	21
Выдано заимообразно учрежденіямъ Общества	460	00
Разные расходы	77	50
Уплочено издателямъ	821	07
Содержаніе квартиръ, освѣщеніе, служащимъ на постоян. выставкѣ книгъ	805	43
На устройство библіотеки истрачено	327	80
„ канцел. расходы по библіот. комиссіи	45	60
„ погашеніе долговъ, на печатаніе плакатовъ, изданіе книги и т. п.	347	18
Непосредственно истрачено на дѣтскій садъ на Разъѣзжей на завтраки и учебныя пособія	49	49
Итого. .	5934	79
Остатокъ къ 1912 г. получился	1290	98
При чемъ въ главной кассѣ 571 р. 60 к.		
Въ кассѣ библіотечной комиссіи 701 „ 21 „		
Въ елочномъ фондѣ 1 „ 05 „		
Въ распоряженіи народнаго дѣтскаго сада на Разъѣзжей 17 „ 12 „		
Балансъ. .	7225	77

Казначей Общества

О. Вишневская.

Докладъ ревизіонной комиссіи Общества на годичномъ собраніи членовъ 28 января 1912 года.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи.

Настоящимъ имѣемъ честь представить вамъ краткую картину дѣятельности ревизіонной комиссіи за 1911 годъ, избранной въ составѣ слѣдующихъ членовъ: А. Н. Черновой, Н. Г. Пугачевой, Н. Н. Реформатскаго, К. Я. Магалифъ, и кандидатовъ Е. Ив. Аладжаловой, Е. Т. Рудневой, Р. Р. Винаверъ, Насоновой, при чемъ въ этомъ составѣ произошли перемѣны — выбыли изъ состава комиссіи: Руднева, Аладжалова, Насонова, на ихъ мѣсто избраны вновь М. В. Грюнбергеръ, Н. М. Фанъ-деръ-Флитъ и Л. А. Пушкарева.

Въ теченіе отчетнаго періода, согласно съ пожеланіемъ, выраженнымъ на предыдущемъ годичномъ собраніи членовъ Общества, комиссія произвела рядъ личныхъ осмотровъ, доводя до свѣдѣнія правленія о результатахъ этихъ осмотровъ препровожденіемъ соотвѣтственныхъ протоколовъ.

Ревизіи денежной отчетности комиссія посвятила 16 засѣданій; при чемъ ревизовали: кассу Общества, кассу библіотечной комиссіи, школу Общества и книжный складъ при «Выставкѣ дѣтскихъ книгъ».

Эта сторона дѣятельности комиссіи позволила выяснить, что денежная отчетность во всѣхъ организаціяхъ Общества ведется точно и вполнѣ правильно, хотя ревизіонная комиссія не можетъ не признать желательнымъ привлеченіе бухгалтерской силы, чтобы было возможно представить въ каждый данный моментъ всю денежную отчетность въ единой и ясной картинѣ. Въ настоящее время денежная отчетность каждаго учрежденія ве-

дется отдѣльно, что сильно затрудняетъ общую сводку данныхъ по отдѣльнымъ отраслямъ организацій и требуетъ спеціальныхъ знаній.

Кромѣ того ревизіонная комиссія считаетъ нужнымъ отмѣтить, что при наличномъ составѣ членовъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Общества, — Общество плодотворно работать не можетъ.

Необходимъ притокъ новыхъ активныхъ силъ для проведенія въ жизнь основныхъ идей Общества, и обсужденіе этого вопроса должно быть поставлено на первое мѣсто.

Ревизіонная комиссія считаетъ своимъ долгомъ предложить общему собранію выразить глубокую благодарность членамъ правленія Общества въ лицѣ тѣхъ активныхъ членовъ, которые огромную работу по дѣламъ Общества вынесли на своихъ плечахъ.

Равнымъ образомъ ревизіонная комиссія предлагаетъ также выразить благодарность активнымъ членамъ, работавшимъ въ комиссіяхъ.

Члены ревизіонной комиссіи:
Н. Реформатскій.
Н. Пугачева.
М. Грюнбергеръ.
Н. Фанъ-деръ-Флитъ.
К. Магалифъ.
Р. Винаверъ.

Основные принципы организаціи домашнихъ дѣтскихъ садовъ*.

Организація домашнихъ дѣтскихъ садовъ возникла изъ идеи взаимопомощи, и цѣль ихъ — не устройство образцовыхъ дѣтскихъ садовъ, а осуществленіе основныхъ принциповъ воспитанія въ предѣлахъ тѣхъ реальныхъ условій и обстановки жизни, въ которыя поставлены наши дѣти. Поэтому задача наша состоитъ въ томъ, чтобы путемъ взаимопомощи не только организовать подобнаго рода сады, но и содѣйствовать теоретической разработкѣ главныхъ принциповъ воспитанія и способствовать ихъ практическому примѣненію въ жизни въ данныхъ условіяхъ и при данной обстановкѣ.

Итакъ, первый принципъ, нами выставляемый, *есть идея взаимопомощи родителей.* Идею эту надо отличать отъ идеи благотворительности, которая совершенно не входитъ въ наши задачи. Родители соединяются въ группы и устраиваютъ для своихъ дѣтей занятія, соотвѣтствующія ихъ возрасту и развитію, приглашая для этого лицъ, трудъ которыхъ оплачивается по взаимному соглашенію. Помѣщеніе предоставляется кѣмъ-нибудь изъ родителей, и всѣ расходы дѣлятся поровну между участниками. Возможно установить обмѣнъ учебными пособіями и книгами для дѣтскаго чтенія. Все это, конечно, не исчерпываетъ идеи взаимопомощи. Ее нужно разсматривать глубже и видѣть не только въ матеріальной поддержкѣ другъ друга, но и въ возможности разрабатывать сообща вопросы воспитанія и обученія дѣтей.

Такимъ образомъ, сама собою вытекаетъ особенность нашей организаціи — *активное участіе родителей въ воспитаніи дѣтей,*

* Читано на собраніи кружка родителей по организаціи домашнихъ дѣтскихъ садовъ въ С.-Петербургѣ.

то участіе, отъ котораго такъ тяжело отказываться при помѣщеніи дѣтей въ учебныя заведенія родителямъ, особенно людямъ съ опредѣленно сложившимися педагогическими идеалами. А между тѣмъ педагоги имѣютъ очень яркую тенденцію сложиться въ особую привилегированную касту людей, которые хотятъ воспитаніе нашихъ дѣтей взять исключительно на себя. Правда, въ послѣднее время родители оказали довольно сильную оппозицію этому теченію, результатомъ чего явились родительскія организаціи при учебныхъ заведеніяхъ, но тѣмъ, кто работалъ въ нихъ, достаточно хорошо извѣстно, насколько эти организаціи еще несовершенны и насколько незначительно вліяніе черезъ нихъ родителей на школу.

Въ нашей организаціи родители являются хозяевами предпріятія, руководителями и сотрудниками педагоговъ, и такимъ образомъ осуществляютъ ту связь между семьей и школой, отсутствіе которой является самымъ больнымъ мѣстомъ нашего общественнаго воспитанія.

Итакъ, первымъ нашимъ принципомъ мы выставляемъ взаимопомощь родителей, вторымъ — активное участіе родителей въ воспитаніи и обученіи дѣтей и связь семьи и школы.

Цѣлью дѣтскихъ садовъ мы ставимъ *общественное воспитаніе дѣтей* на тѣхъ принципахъ, которые мы считаемъ наиболѣе раціональными.

Обыкновенно до школы мы воспитываемъ своихъ дѣтей какъ узниковъ, въ четырехъ стѣнахъ квартиръ, гдѣ нѣтъ мѣста побѣгать, порѣзвиться; мы отстраняемъ отъ нихъ нашу собственную жизнь, жизнь взрослыхъ, а взамѣнъ этого къ высокой стѣнѣ дѣтской, отдѣляющей ихъ отъ всего міра, приставляемъ строгаго тюремщика — бонну, которая по самому существу своего положенія обречена на вѣчное недовольство и неудовлетворенность.

Мы выводимъ нашихъ узниковъ погулять, иногда даже въ гости, но все это не жизнь, а суррогатъ жизни. Жизнь проходитъ мимо дѣтей, они съ завистью смотрятъ на нее и замѣняютъ ее мечтами и книгами. Они почти всегда одиноки, потому что сестры и братья не могутъ быть имъ товарищами: они или старше или моложе ихъ. Мы окружаемъ нашихъ одинокихъ узниковъ самыми нѣжными попеченіями, главнымъ образомъ о ихъ физическомъ благосостояніи, и вотъ въ результатѣ мы выращиваемъ узкихъ эгоистовъ, брезгливыхъ, мнительныхъ и отно-

сящихся съ высокомѣріемъ ко всѣмъ окружающимъ. Родители, восхищаясь развитіемъ своихъ дѣтей, которое въ первые годы идетъ поразительно быстро, и не имѣя возможности сравнивать ихъ съ другими дѣтьми, убѣждаются въ геніальности своего ребенка и невольно передаютъ это убѣжденіе своимъ дѣтямъ.

И если бъ мы могли при этомъ утѣшаться хотя тою мыслью, что мы выращиваемъ здоровыхъ людей, сильныхъ физически, но и этого нѣтъ: ни котлетки, ни яйца въ смятку, ни прогулки по улицамъ Петербурга, ни обмыванія и обтиранія — ничто не замѣнитъ отсутствіе свободной жизни, природы и общества себѣ подобныхъ, и мы выращиваемъ хилыхъ, тщедушныхъ, нежизнеспособныхъ людей.

Устраивая совмѣстныя занятія для нашихъ дѣтей, мы предоставляемъ имъ возможность, на почвѣ общихъ интересовъ и общей работы, *создать товарищество, создать общественную жизнь.* И въ этой жизни дѣти быстро пріобрѣтаютъ то, чего мы не можемъ имъ внушить, воспитывая дома; въ нихъ просыпаются инстинкты общественности; товарищество развиваетъ въ нихъ альтруизмъ и уваженіе къ чужой личности; они пріучаются ставить дѣло выше личныхъ интересовъ, умѣрять свое самолюбіе, уступать передъ реальною жизненною необходимостью, побѣждать свои желанія и чувства не изъ позорнаго чувства страха или робкаго безсилія передъ воспитателемъ, а изъ высокаго чувства — солидарности. Разумѣется, самое сильное, могучее для этого средство — дѣтскія игры. Возьмемъ, напр., игру, столь распространенную среди нашихъ крестьянскихъ дѣтей — «Котъ и молоко». Старшая дѣвочка изображаетъ хозяйку, шустрый мальчикъ — вороватаго кота. Хозяйка устанавливаетъ въ погребъ крынки съ молокомъ, которыя изображаютъ маленькія дѣвочки. Онѣ садятся на корточки и во все время игры остаются на мѣстахъ. Хозяйка уходитъ со двора, а котъ пробирается въ погребъ и слизываетъ сливки съ молока. Хозяйка возвращается и гонится за котомъ. Роль крынокъ сама по себѣ нелѣпа и скучна, но дѣти во имя общаго дѣла добровольно несутъ эту роль въ интересахъ игры. Такъ же и въ другихъ играхъ. На этихъ первыхъ шагахъ развитія общественности надо очень нѣжно и осторожно охранять самодѣятельность ребенка, — и роль руководителя этими играми должна заключаться не въ томъ, чтобы требовать отъ дѣтей послушанія, а въ томъ, чтобы *вы-*

зывать въ нихъ инициативу и предоставлять имъ свободу дѣйствiй: необходимо предоставить имъ свободу выбора игръ и ролей въ играхъ, сдѣлать это дѣломъ взаимнаго соглашенiя, а не назначенiя отъ начальства.

Рядомъ съ развитiемъ общественности необходимо развивается *воля ребенка,* его самодѣятельность и работоспособность, и все это развивается естественнымъ путемъ, — путемъ участiя въ интересной посильной работѣ. Мы привыкли думать, что волю ребенка можно развить путемъ слѣпого повиновенiя начальству, работоспособность — заучиванiемъ скучныхъ и безцѣльныхъ съ точки зрѣнiя ребенка уроковъ, задаваемыхъ на домъ къ опредѣленному сроку; о развитiи же самодѣятельности мы вовсе не заботимся.

Всѣ *свойства ребенка развиваются отъ упражненiя.* Почему же воля должна развиваться именно тогда, когда она не имѣетъ случая проявиться? Не естественнѣе ли дать ей возможность развиться не путемъ насильственнаго самоограниченiя, которое чаще всего ведетъ къ обезличенiю человѣка или развитiю въ немъ деспотизма, а путемъ свободнаго проявленiя воли въ жизни — въ играхъ, въ занятiяхъ, въ свободномъ творчествѣ. Ребенокъ и здѣсь ограничиваетъ себя, но ограничиваетъ добровольно, во имя доступной ему идеи товарищества или желанiя достигнуть результата работы. Напримѣръ, всѣ дѣти дѣлаютъ клѣтки съ бѣлочкой, дѣлаетъ и онъ. Вставлять прутики въ дырочки, можетъ быть, и не такой ужъ интересный процессъ, но ребенокъ забываетъ объ этомъ и преодолѣваетъ однообразiе этой работы ради интересной цѣли, а то, что эту работу дѣлаютъ всѣ, что онъ *участникъ одного общаго дѣла,* сообщаетъ ему еще большую энергiю. Полезно вводить и такiя работы, которыя дѣлаются сообща всѣми дѣтьми и имѣютъ результатомъ одно общее произведенiе, напр., вылѣпить снѣжнаго человѣка и пр. Все это прiучаетъ ребенка *любить работу* не ради механическаго процесса работы, а ради результата ея, прiучаетъ къ разумной, цѣлесообразной, съ точки зрѣнiя ребенка, дѣятельности.

Эта работоспособность, воспитанная на добровольномъ и свободномъ трудѣ, и есть залогъ той самодѣятельности, которая должна развить способность творчества въ ребенкѣ и которая впослѣдствiи создаетъ изъ ребенка не ремесленника труда, а сознательнаго работника, въ какой бы области общественной жизни

онъ ни приложилъ свои силы. Для этого, конечно, необходимо предоставлять дѣтямъ свободу въ ихъ трудѣ. Сперва достаточно предоставлять ихъ выбору детали работы, затѣмъ, когда дѣти достаточно пріобрѣтутъ навыкъ въ данныхъ работахъ и интересъ къ нимъ, они несомнѣнно смогутъ воспроизводить эти работы дома или варьировать ихъ, и это уже слѣдующій шагъ къ творчеству. Далѣе уже идетъ свободное творчество въ области тѣхъ навыковъ, которые получилъ ребенокъ.

Необходимымъ условіемъ продуктивности работы должно быть соотвѣтствіе работы съ силами ребенка. Только посильная работа можетъ дать хорошіе результаты.

Такимъ образомъ, основныя идеи въ области *нравственнаго воспитанія* можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: 1) развитіе чувства общественности; 2) развитіе воли; 3) развитіе самодѣятельности; 4) развитіе работоспособности.

Въ области развитія *умственнаго* на первый планъ мы выставляемъ *конкретность* и *ясность* представленій, сообщаемыхъ дѣтямъ. Только изъ ясныхъ представленій, изъ того, что дѣти могутъ ощупать, потрогать, посмотрѣть, могутъ слагаться у дѣтей ясныя понятія, ясныя мысли. Пріучать къ отвлеченному мышленію возможно только исходя изъ конкретныхъ образовъ. Иначе отвлеченное мышленіе для дѣтей является лишь механическимъ упражненіемъ памяти. Но разсмотрѣніе отдѣльныхъ предметовъ или животныхъ, развивая наблюдательность дѣтей, не является еще достаточно цѣннымъ образовательнымъ матеріаломъ, если не сопровождается со стороны дѣтей самостоятельными выводами. Эти-то самостоятельные выводы и обобщенія, добытые дѣтьми изъ только что видѣннаго, и представляютъ тотъ шагъ къ отвлеченному мышленію, который доступенъ для дѣтей въ этомъ возрастѣ. Приведемъ примѣръ. Разсматриваемъ кошку. У кошки когти втяжные. Отсюда дѣти дѣлаютъ выводъ: вотъ почему кошка можетъ легко ловить мышей, она подкрадывается неслышно. Выводъ простой и естественный, но цѣнный въ развитіи мышленія дѣтей.

Ставя на первый планъ знакомство съ животными, природой и ея явленіями, мы считаемъ, тѣмъ не менѣе, необходимымъ дать дѣтямъ и другой матеріалъ — разсматривать и отношенія людей и явленія изъ жизни ребенка. Индивидуальности ребенка различны, и во имя *свободнаго индивидуальнаго развитія* нельзя суживать предлагаемый дѣтямъ матеріалъ. Необходимо дать на этомъ

основаніи мѣсто и *искусствамъ, и эстетическому развитію* дѣтей. Конечно, индивидуальность ребенка должно развивать не только этимъ путемъ, но главнымъ образомъ предоставленіемъ ребенку возможно большей свободы при всякомъ его дѣйствіи во всякой работѣ.

Изъ этого вытекаетъ такой порядокъ работъ въ нашихъ дѣтскихъ садахъ: 1) знакомство съ природой, жизнью животныхъ, растеній и человѣка путемъ наблюденія; 2) выводы изъ наблюденій; 3) иллюстрація предметовъ изученія путемъ творческаго воспроизведенія — рисованія, лѣпки, вырѣзыванія, клейки: 4) иллюстрація полученныхъ свѣдѣній путемъ литературы — разсказы, сказки, пѣсни и подвижныя игры съ пѣніемъ или безъ нихъ; послѣднія служатъ какъ бы лицедѣйствіемъ того, чѣмъ дѣти только что занимались.

Я не касаюсь здѣсь задачъ физическаго воспитанія: гимнастики, игры, прогулки — все это общепризнано, и, конечно, движенію и играмъ должно быть отведено наибольшая часть времени; въ этомъ смыслѣ необходимо сдѣлать все, что возможно при нашихъ тяжелыхъ городскихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ, цѣлью нашихъ дѣтскихъ садовъ является: 1) взаимопомощь родителей; 2) доставленіе дѣтямъ общественнаго воспитанія; 3) практическое осуществленіе основныхъ принциповъ раціональнаго воспитанія; 4) осуществленіе въ жизни связи между семьей и школой путемъ активнаго участія родителей въ воспитаніи дѣтей.

Средствами къ осуществленію этого являются: 1) соотвѣтствіе всѣхъ занятій возрасту дѣтей; 2) развитіе наблюдательности; 3) конкретность и ясность представленій; 4) умѣніе дѣлать выводы; 5) развитіе общественности; 6) воспитаніе воли, работоспособности, самодѣятельности; 7) сохраненіе индивидуальныхъ свойствъ ребенка.

Мы думаемъ, что, осуществляя въ воспитаніи дѣтей эти принципы, мы выработаемъ изъ нихъ сознательныхъ работниковъ, которые сумѣютъ стойко и мужественно отстаивать свои идеалы въ жизни, какую бы общественную дѣятельность они ни избрали для себя. Мы думаемъ также, что идеалы эти будутъ результатомъ ихъ свободной творческой дѣятельности и, возникнувъ на почвѣ науки, любви и истины, будутъ выше идеаловъ нашего времени.

Л. А. Чехова.

Объ условіяхъ открытія домашнихъ дѣтскихъ садовъ Общества.

I.

Какимъ условіямъ долженъ удовлетворять домашній дѣтскій садъ Общества содѣйств. дошк. восп. дѣтей.

Названіе домашняго дѣтскаго сада Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей можетъ быть присвоено только такимъ садамъ, которые отвѣчаютъ слѣдующимъ условіямъ:

1) непосредственное участіе въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей принимаютъ сами родители или ихъ замѣстители;

2) садъ долженъ служить связующимъ звеномъ для незамѣтнаго перехода дѣтей отъ семьи къ школѣ;

3) воспитаніе и обученіе ведется по группамъ, по возможности не болѣе 12 человѣкъ въ каждой;

4) занятія ведутся на родномъ языкѣ;

5) занятія ведетъ лицо съ педагогической подготовкой, признанной родителями вполнѣ достаточной для веденія дѣла;

6) матеріальная сторона находится на отвѣтственности родителей, не преслѣдующихъ коммерческихъ цѣлей;

7) желающіе открыть домашній дѣтскій садъ должны быть членами Общества;

8) для завѣдыванія садомъ родители выбираютъ завѣдующаго и ему поручаютъ хозяйственную часть по саду;

9) выборные представители домашняго сада участвуютъ въ комиссіи по дѣтскимъ садамъ; а остальные родители могутъ быть гостями въ комиссіи;

10) годовые и педагогическіе отчеты домашнихъ дѣтскихъ садовъ ежегодно представляются въ правленіе Общества;

11) дѣтскіе сады свободны для посѣщенія ихъ членами правленія и членами ревизіонной комиссіи и съ особаго на то каждый разъ разрѣшенія завѣдующей — для всѣхъ желающихъ познакомиться съ веденіемъ дѣла въ дѣтскомъ саду;

12) родители дѣтскихъ садовъ обязуются отъ всей данной организаціи платить въ кассу общества ежегодный пятирублевый взносъ на необходимые общіе расходы.

II.

Чѣмъ выражается связь домашнихъ садовъ съ Обществомъ.

1) Общество помѣщаетъ списки домашнихъ дѣтскихъ садовъ въ газетахъ три раза въ годъ — въ маѣ, августѣ, декабрѣ;

2) Общество допускаетъ устройство просвѣтительныхъ предпріятій въ пользу домашнихъ дѣтскихъ садовъ съ особаго на то каждый разъ разрѣшенія правленія;

3) домашніе дѣтскіе сады могутъ пользоваться библіотекой, музеемъ и др. учебными пособіями, находящимися при Обществѣ, за плату, установленную для учрежденій Общества;

4) каждый домашній дѣтскій садъ можетъ вести занятія по своей программѣ, примыкая къ основнымъ принципамъ Общества.

III.

Форма открытія домашняго дѣтскаго сада.

А. Если въ извѣстномъ районѣ города находится группа членовъ общества, желающихъ открыть домашній дѣтскій садъ, то она подаетъ о томъ заявленіе въ правленіе, указывая: 1) гдѣ будетъ помѣщаться домашній дѣтскій садъ; 2) при какомъ количествѣ дѣтей, какого возраста и при сколькихъ группахъ; 3) кто будетъ вести занятія съ дѣтьми.

Б. Въ заявленіи должно быть упомянуто, что матеріальная сторона по дѣтскому саду находится на отвѣтственности подающихъ заявленіе и подписавшихъ оное.

Объ условіяхъ открытія народныхъ дѣтскихъ садовъ Общества.

Какимъ условіямъ должны удовлетворять народные дѣтскіе сады при Обществѣ содѣйствія дошкольному воспитанію.

1) Открывая народные дѣтскіе сады, Общество имѣетъ своею цѣлью придти на помощь семьямъ недостаточнаго класса, гдѣ, въ силу неблагопріятныхъ условій, дѣти въ дошкольномъ возрастѣ остаются безъ всякаго призора и вниманія.

2) Принципъ воспитанія и планъ занятій въ нихъ тотъ же, что и въ домашнихъ дѣтскихъ садахъ. Народный дѣтскій садъ также долженъ служить незамѣтнымъ переходомъ отъ семьи къ школѣ, а также и ограждать до нѣкоторой степени дѣтей отъ вліянія улицы.

3) Вниманіе воспитателей народнаго дѣтскаго сада направляется главнымъ образомъ на умѣніе дѣтей работать, на развитіе въ дѣтяхъ наблюдательности, общественности, воли, любви и привычки къ труду, стремленіи къ самостоятельности и развитіе полезныхъ навыковъ.

4) Практическое осуществленіе этихъ принциповъ проводится путемъ бесѣдъ, предметныхъ уроковъ, отдѣльныхъ и коллективныхъ работъ, но въ послѣднихъ индивидуальность отнюдь не должна подавляться; въ играхъ, фребелевскихъ занятіяхъ, гимнастикѣ разучиваніи стихотвореній, чтеніи вслухъ, рисованіи, лѣпкѣ и пѣніи. Въ старшей группѣ дѣтскаго сада и приготовительномъ классѣ школы обучаютъ грамотѣ; посѣщеніямъ музея, общеобразовательнымъ прогулкамъ, дѣтскимъ праздникамъ и т. д. тоже должно удѣляться время. — Такова идейная сторона организаціи народнаго дѣтскаго сада.

Матеріальная же сторона заключается въ слѣдующемъ:

1) Народный дѣтскій садъ организуется однимъ членомъ Общества или группою членовъ.

2) Народный дѣтскій садъ содержится на добровольныя пожертвованія на доходы съ устройства вечеровъ, концертовъ, выставокъ, лекцій, дѣтскихъ праздниковъ и т. д.

3) Народный дѣтскій садъ долженъ быть безплатнымъ для дѣтей; съ родителей взимается лишь за чай и за матеріалъ и пособія для занятій отъ 1 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ, смотря по достатку рдителей.

4) Народный дѣтскій садъ, въ видахъ экономіи, можетъ помѣщаться въ свободной отъ дневныхъ занятій квартирѣ какихъ-либо учрежденій, напр. клуба рабочихъ, народныхъ университетовъ, вечернихъ классовъ и т. д.

5) Народный дѣтскій садъ можетъ быть открытъ на неопредѣленное число дѣтей; это вполнѣ зависитъ отъ средствъ, помѣщенія, числа сотрудниковъ и того района, гдѣ онъ функціонируетъ.

6) Завѣдующей народнымъ дѣтскимъ садомъ должно быть лицо съ достаточной подготовкой въ дѣлѣ воспитанія и съ достаточнымъ для дѣтской садовницы образовательнымъ цензомъ. Назначеніе платы зависитъ отъ средствъ сада и отъ числа посѣщающихъ его дѣтей.

Примѣчаніе: Открывая народный дѣтскій садъ, организаторы должны до нѣкоторой степени обезпечить его существованіе на болѣе или менѣе опредѣленное время. При открытіи необходимо указать на денежный источникъ, изъ котораго устроители надѣются добывать средства.

7) Для успѣшнаго веденія занятій въ народномъ дѣтскомъ саду приглашаются добровольныя безплатныя сотрудницы. Для привлеченія идейныхъ работниковъ организаторы народнаго дѣтскаго сада обращаются къ членамъ Общества на собраніяхъ и отдѣльно, къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, путемъ воззваній въ печати и лично и т. д.

8) Занятія съ дѣтьми ведутся или утромъ отъ 10 до 3 или 2 часовъ (тогда желательно давать дѣтямъ завтракъ или, по крайней мѣрѣ, чай съ хлѣбомъ) или послѣ обѣда, т. е. часовъ съ двухъ, или съ часа. Продолжительность занятій точно не опредѣляется, но однако не менѣе *трехъ* часовъ въ день.

9) Дѣти, посѣщающія садъ, могутъ быть въ возрастѣ отъ 4 до 7 лѣтъ; для удобства и правильности занятій они раздѣляются на старшую и младшую группу, кромѣ того могутъ группироваться и для занятій съ сотрудницами.

10) Занятія ведутся по программѣ домашнихъ дѣтскихъ садовъ.

11) Общеніе между родителями и руководителями народнаго дѣтскаго сада желательно въ самой широкой формѣ. Время отъ времени назначаются совмѣстныя собранія для обсужденія и идейной и матеріальной постановки въ народномъ дѣтскомъ саду, могутъ быть и частныя совѣщанія по тому или другому поводу. Вообще связь между семьей и народнымъ дѣтскимъ садомъ такъ же должна неизмѣнно проводиться, какъ и въ организаціи домашнихъ дѣтскихъ садовъ.

12) Для развитія индивидуальности въ каждомъ ребенкѣ желательно ближе подойти къ родителямъ и обстановкѣ, въ которой онъ живетъ дома.

Открытіе народнаго дѣтскаго сада.

Желая открыть народный дѣтскій садъ, слѣдуетъ сдѣлать письменное или устное сообщеніе въ правленіе Общества, указать въ немъ 1) районъ, гдѣ предполагается открыть садъ, 2) помѣщеніе, 3) смѣту доходовъ и расходовъ, 4) на какое число дѣтей открывается дѣтскій садъ, 5) когда назначаются занятія въ немъ, 6) дается ли завтракъ или только чай, 7) назвать лицо или группу лицъ, организующихъ народный дѣтскій садъ, 8) отъ кого исходитъ иниціатива его открытія, т. е. отъ рабочихъ, обществъ, частныхъ лицъ или одного лица, 9) указать завѣдующую или завѣдующаго открываемымъ дѣтскимъ садомъ и приложить прошеніе къ попечителю учебнаго округа объ утвержденіи этого лица, 10) имѣются ли въ виду безплатные сотрудники, 11) кто изъ членовъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію беретъ на себя трудъ быть однимъ изъ организаторовъ народнаго дѣтскаго сада и наблюдателемъ его, наконецъ 12) какую поддержку хотѣли бы имѣть организаторы отъ правленія Общества.

Значеніе народныхъ дѣтскихъ садовъ *.

Задумываться о воспитаніи дѣтей начинаютъ въ большинствѣ случаевъ съ того времени, когда дѣти поступаютъ въ школу и какъ бы переходятъ отъ семьи къ учителямъ и школьной обстановкѣ. По отношенію къ ребенку до 7—8 лѣтъ роль родителей ограничивается лишь уходомъ за его здоровьемъ, да и то не всегда и не вездѣ. Ребенокъ малъ; былъ бы только сытъ, здоровъ и не уродъ, — вотъ всѣ заботы, которыя направляются обыкновенно любящими родителями на своихъ дѣтей этого возраста. Наблюдать жизнь ребенка, его пробуждающееся сознаніе къ окружающему міру, помочь ребенку разобраться во всемъ видѣнномъ и слышанномъ, уловить и угадать черточки его характера и во-время направить ихъ особенности въ положительную сторону, — всему этому — за недостаткомъ времени и умѣнія мало удѣляется вниманія. До школы съ ребенкомъ не считаются; онъ не признается отдѣльною личностью, на него еще не смотрятъ какъ на будущаго человѣка, работника и гражданина. Впереди — школа, она и воспитаетъ и научитъ чему надо, это ея обязанность, а пока ребенокъ малъ — что ему нужно кромѣ ухода за его здоровьемъ? — Такъ думали долгое время, да, пожалуй, не мало семей убѣждены въ этомъ и до сихъ поръ.

Нечего и говорить о томъ, что школа должна не только обучать дѣтей, т. е. развивать и обогащать ихъ умъ, но и воспитывать, направляя дѣтей на путь добра и правды. Все это такъ, и спорить противъ такого взгляда на школу никто не станетъ. Но, возлагая исключительно на нее большія надежды, мы тѣмъ самымъ

* Лекція, читанная для рабочихъ въ посадѣ Колпино 15 мая 1911 года.

создаемъ для школы довольно трудныя задачи, которыя порою оказываются ей не подъ силу. Сколько разъ приходилось слышать о недостаткахъ той или иной школы; сколько раздавалось жалобъ на дѣтей, что они доставляютъ много хлопотъ и огорченій учителямъ, заботъ родителямъ; какъ часто дурное вліяніе товарищей оказывало свое отрицательное дѣйствіе; мы, наконецъ, знаемъ, какъ трудно учителямъ справляться съ новичками, которые, посѣщая школу вначалѣ, не привыкли еще къ извѣстному порядку, не умѣютъ сдерживать свои порывы и прихоти, не считаются ни съ болѣе слабыми товарищами, ни съ способами, какими защищаются сами, и отстаиваютъ только свои желанія. Учителю въ большинствѣ случаевъ почти невозможно начать съ первыхъ же дней правильные уроки; ему съ большимъ трудомъ удается возбудить вниманіе этихъ маленькихъ дикарей, смотрящихъ со страхомъ на чужого имъ человѣка — учителя и боящихся быть самими собой, открыть свой маленькій міръ, который такъ дорогъ и цѣненъ въ дѣлѣ воспитанія. Прямая цѣль школы и не воспитаніе дѣтей, а обученіе ихъ. Въ школѣ, гдѣ человѣкъ 40 учениковъ и гдѣ требуется въ короткое сравнительно время пройти довольно обширную обязательную программу, учителю трудно останавливаться на изученіи жизни и характера каждаго ученика и удѣлять время на развитіе способностей и стремленій дѣтей; для учителя въ школѣ — классъ раздѣляется лишь на слабыхъ и прилежныхъ по успѣхамъ, дурныхъ и хорошихъ по поведенію учениковъ. Разобраться же, почему, напримѣръ, одни дѣти слушаются злого окрика, а другіе только на ласку отзываются, одни дѣти предпочитаютъ стишки, сказочки, рисунки, другіе же любятъ серьезное чтеніе, интересуются разными изобрѣтеніями, событіями въ жизни, явленіями въ природѣ и т. д., подмѣтить эти особенности и удовлетворить любознательность дѣтей у учителя при всемъ желаніи нѣтъ времени. Да онъ и безсиленъ одинъ справиться со всѣми богатствами дѣтской души. И въ концѣ концовъ школа, особенно низшая, выпускаетъ почти всѣхъ учениковъ подъ одну мѣрку; дѣти и въ школѣ, какъ и до поступленія въ нея, затаиваютъ въ себѣ тѣ или иныя способности, и развѣ только особенно талантливыя изъ нихъ привлекаютъ вниманіе учителя и продолжаютъ въ спеціальной уже школѣ развивать свои дарованія. Конечно, учитель долженъ быть и воспитателемъ, и чѣмъ выше стоитъ онъ какъ человѣкъ, чѣмъ больше любитъ и понимаетъ дѣтей,

тѣмъ и большую пользу принесетъ своимъ ученикамъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но какъ много пользы принесла бы школа, если бы на помощь ей пришли сами родители, правильно воспитывающіе своихъ дѣтей до поступленія ихъ въ школу! Учителю бы оставалось лишь обучать, развивать извѣстныя уже способности и продолжать работу родителей, направляя въ желательную сторону характеръ дѣтей. Ребенокъ, которому еще до школы внушили быть правдивымъ, искреннимъ, не обижать слабыхъ товарищей, искать дружбы со своими сверстниками, сдерживать и умѣрять прихоти — будетъ дѣйствовать своимъ примѣромъ благотворнымъ образомъ и на другихъ дѣтей. Мы знаемъ, какъ примѣры заразительны и для взрослыхъ, что же говорить о дѣтяхъ? И не дурной примѣръ, какъ принято думать, находитъ больше подражанія, а примѣръ сильный, т. е. на людей дѣйствуетъ та духовная сила, плохая или хорошая, которая заложена въ каждомъ изъ насъ. И чѣмъ крѣпче, чѣмъ богаче ею человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ и вліяетъ на другихъ. Представьте же себѣ, какъ много такого вліянія на дѣтей невоспитанныхъ оказала бы школа, если бы въ ней большинство учениковъ получили доброе, нравственное воспитаніе еще въ семьѣ, до поступленія въ классы! — «Дѣти — основа человѣчества», на нихъ держится все наше будущее, въ нихъ вся надежда и вѣра; они должны исправить наши ошибки и недочеты и сдѣлать жизнь желанною, благословенною и радостною, въ которой рожденіе дѣтей было бы праздникомъ, счастьемъ, а не обузою и «лишнимъ ртомъ», какъ смотрятъ на появленіе ребенка въ нѣкоторыхъ необезпеченныхъ семьяхъ теперь.

Изъ всего сказаннаго нетрудно сдѣлать выводъ, что школѣ должно предшествовать воспитаніе дѣтей дома. Школа не замѣнитъ собою семьи, но семья должна придти на помощь и вмѣстѣ со школой раздѣлить труды по воспитанію дѣтей. Дома ребенокъ растетъ подъ призоромъ своихъ родителей; въ семьѣ онъ черпаетъ все доброе и дурное, въ домашней обстановкѣ пробуждается осмысленное отношеніе ко всему окружающему, складывается его характеръ, крѣпнетъ здоровье, развивается тѣло. Задача родителей, особенно матерей, поставить на ноги ребенка, довести его до школы — громадная; но много ли у насъ семей, которыя имѣютъ возможность посвящать свое время только дѣтямъ, наблюдать одинаково и за тѣлеснымъ и за душевнымъ развитіемъ ихъ? Въ семьяхъ богатыхъ людей дѣтей отдаютъ на попеченіе нянекъ, боннъ, гу-

вернантокъ и т. д., въ бѣдныхъ же семьяхъ, гдѣ няньки не на что нанять и родители уходятъ на работу, дѣти растутъ безъ всякаго призора, предоставленныя почти исключительно вліянію улицы. Правда, встрѣчаются и такія семьи и у богатыхъ и у бѣдныхъ, гдѣ матери, какъ онѣ говорятъ, живутъ только для дѣтей, но мы видимъ сплошь и рядомъ, что и у такихъ родителей дѣти не обѣщаютъ ничего добраго. Воспитательницею безъ подготовки, безъ умѣнія, не будучи достаточно развитой въ этой области, — быть трудно; къ тому же лишь въ немногихъ семьяхъ матери имѣютъ возможность посвящать дѣтямъ достаточно времени. Я указываю на матерей, такъ какъ отцы большую часть дня проводятъ внѣ семьи, зарабатывая средства для ея существованія, и, слѣдовательно, вся тяжесть воспитанія дѣтей ложится на мать. — Дальше семьи, домашней обстановки ребенокъ не знаетъ міра; и если при этомъ онъ въ семьѣ одинъ, безъ братьевъ и сестеръ, то изъ него по большей части выростаетъ узкій эгоистъ, любящій только себя, избалованный и не привыкшій думать о другихъ человѣкъ; нерѣдко и въ семьяхъ, гдѣ дѣтей много и они достаточно надоѣдаютъ родителямъ своимъ шумомъ и шалостями, дѣти постепенно привыкаютъ къ окрикамъ, наказаніямъ, лишеніямъ и растутъ робкими, запуганными, боясь быть искренними и правдивыми съ родителями. И тамъ, гдѣ дѣтей особенно нѣжатъ и няньчатся съ ними, и тамъ, гдѣ за ними нѣтъ даже должнаго присмотра — о правильномъ воспитаніи не можетъ быть и рѣчи.

Приходится убѣждаться, что каждая замкнувшаяся въ себѣ семья безсильна создать для ребенка здоровую обстановку и условія, въ которыхъ бы росли и крѣпли его душевныя и тѣлесныя силы.

Мы находимъ, что только *общественное воспитаніе,* т. е. когда заботы о дѣтяхъ возьмутъ на себя не только родители, но и общество, и дѣти дошкольнаго возраста будутъ совмѣстно проводить часть дня подъ наблюденіемъ особой руководительницы — только тогда можетъ вопросъ о воспитаніи разрѣшиться въ желательную сторону.

Первымъ практическимъ осуществленіемъ общественнаго воспитанія является учрежденіе, носящее названіе «дѣтскій садъ». Основателемъ его считается извѣстный педагогъ Фребель; онъ первый организовалъ такія воспитательныя учрежденія для дѣтей дошкольнаго возраста и удачно назвалъ ихъ «дѣтскимъ садомъ».

За границею, особенно въ Америкѣ, Швейцаріи, Германіи и т. д. «дѣтскіе сады» — самое распространенное учрежденіе; нѣтъ городка, селенія, деревни, гдѣ дѣти съ 4-лѣтняго возраста не посѣщали бы ихъ. Въ школу переводятъ непосредственно изъ дѣтскихъ садовъ. У насъ въ Россіи за послѣднее время идея общественнаго воспитанія проникаетъ уже всюду, во всѣ классы общества; осуществляется на дѣлѣ также въ устройствѣ дѣтскихъ садовъ, которые открываются не только въ такихъ большихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва, Кіевъ, гдѣ народныхъ садовъ уже 11, но и въ уѣздныхъ городахъ и даже, какъ, напримѣръ, въ Тверской и Екатеринославской губерніяхъ, по лѣтамъ открываются и въ деревняхъ.

Что же такое «дѣтскій садъ»? Это, конечно, не значитъ, что дѣти проводятъ время только въ саду, гдѣ растутъ деревья, цвѣты и т. д., но «сами дѣти какъ бы уподобляются нѣжнымъ, дающимъ полезные плоды, растеніямъ, которыя требуютъ самаго тщательнаго, внимательнаго и заботливаго ухода со стороны умѣлыхъ, опытныхъ садоводовъ — и только тогда приносятъ эти плоды». — «Воспитаніе человѣка, конечно, гораздо болѣе сложное дѣло, чѣмъ выращиваніе, напримѣръ, яблони или пшеницы; но, по крайней мѣрѣ, одно сходство есть между этими сопоставленіями: какъ въ первомъ, такъ и во второмъ — что посѣемъ, то и пожнемъ. Какія сѣмена будутъ посѣяны въ свѣжую и благодатную почву дѣтской души, каковъ будетъ уходъ за всходами, какую погоду создадутъ для нихъ люди и обстоятельства, таковыми окажутся и созрѣвшія растенія — дѣти», будущіе строители новой жизни. «Дѣтскій садъ представляетъ изъ себя какъ бы союзъ нѣсколькихъ семей, которыя сообща устраиваютъ удобную обстановку для дѣтей и поручаютъ надзоръ за ними и уходъ за ихъ духовнымъ развитіемъ опытной, знающей воспитательницѣ, подъ разумнымъ руководствомъ которой растетъ и крѣпнетъ союзъ дѣтей». Такое учрежденіе помогаетъ матерямъ справиться съ ихъ трудной задачей въ дѣлѣ воспитанія; «дѣтскій садъ — та же семья, но семья большая, состоящая изъ мальчиковъ и дѣвочекъ; воспитательница является для дѣтей любящею, разумною матерью». Какъ и школа, «дѣтскій садъ» помѣщается или въ спеціально построенномъ зданіи, или въ нанятой для этой цѣли квартирѣ. Конечно, по возможности квартира выбирается просторная, свѣтлая, высокая, гдѣ дѣтямъ есть мѣсто бѣгать, двигаться и работать; понятно,

весьма желательнымъ является садъ и огородъ при квартирѣ, отданный въ распоряженіе дѣтямъ.

«И тѣ три-четыре часа, которые ребенокъ проведетъ въ этой обстановкѣ, подъ присмотромъ внимательной, любящей воспитательницы — не лучше ли они тѣхъ часовъ, когда дѣти предоставлены своимъ невѣжественнымъ нянькамъ, или только себѣ, или, наконецъ, улицѣ со всѣми ея темными сторонами?» Дѣтскій садъ, принимая на себя заботы по уходу и воспитанію дѣтей, прежде всего приходитъ на помощь трудящимся, мало обезпеченнымъ семьямъ. Заработокъ рабочаго часто недостаточенъ для существованія; жена нерѣдко тоже принуждена искать работы внѣ семьи; но ей не на кого оставить своего ребенка, и вотъ здѣсь-то приходится выбирать между двухъ золъ: или оставлять его на попеченіе няньки, малолѣтней же, т. е. брата, сестры, или предоставить улицѣ. Во многихъ мѣстахъ на помощь матерямъ, вынужденнымъ уходить на работу, приходятъ ясли, гдѣ можно оставить грудныхъ дѣтей, но дѣтей съ 4-лѣтняго возраста до поступленія въ школы — оставлять негдѣ, кромѣ дома и улицы; некому поручить и присмотръ за ними. «Чаще всего и въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ матери работаютъ дома, дѣтямъ не легко живется; имъ нечѣмъ заняться; играть, бѣгать негдѣ, шалить нельзя; крикъ и возня раздражаютъ взрослыхъ; займутся чѣмъ-нибудь — опять не ладно: либо вещь нужную возьмутъ, неподходящую, либо что-нибудь испортятъ. Опять ссора, опять недовольство взрослыхъ. Придетъ отецъ съ работы, ему хочется отдохнуть въ семьѣ, поговорить съ женою, но ей не до разговоровъ: она раздражена за цѣлый день дѣтьми, устала отъ ихъ шума, измучилась, разбирая ихъ ссоры или унимая отъ шалостей». Примѣняется послѣдній способъ водворить тишину, хотя на время: дѣтей отсылаютъ на улицу. Но мы знаемъ изъ массы ежедневныхъ примѣровъ, читая газеты, что значитъ улица и ея вліяніе, особенно въ большихъ городахъ. Для дѣтей много соблазновъ, много дурныхъ примѣровъ на этихъ дворахъ и улицахъ, гдѣ они видятъ жизнь во всей ея неприглядности. «Народный дѣтскій садъ» и является тѣмъ домомъ, «гдѣ ребенокъ изъ рабочей семьи находится подъ защитой отъ непогоды, несчастныхъ случаевъ, дурныхъ примѣровъ, всего грубаго и безобразнаго. Но этого мало: онъ служитъ защитою не только отъ всего дурного, но является и такимъ учрежденіемъ, въ которомъ ребенокъ поставленъ въ облагораживающія его душу

условія». Въ дѣтскомъ саду ребенокъ слышитъ добрыя, правдивыя слова; ему внушаютъ любовь къ правдѣ, истинѣ и красотѣ; научаютъ быть терпѣливымъ и заботливымъ по отношенію къ слабымъ, сдерживать свои капризы и прихоти ради общаго блага; пріучаютъ къ самостоятельности; развиваютъ въ немъ любознательность, прививаютъ, наконецъ, полезные навыки. «Дѣтскій садъ даетъ ребенку тепло и уютность родного гнѣздышка, ласку и радости, какихъ дѣти зачастую лишены дома». Что же дѣти дѣлаютъ въ дѣтскомъ саду? Какъ проводятъ тамъ время? У нихъ нѣтъ уроковъ и точнаго ихъ распредѣленія, какъ въ школѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣти дѣлаютъ все то, что нужно, чтобы развиваться нравственно, умственно и тѣлесно и безъ всякаго принужденія. «Ребенокъ чувствуетъ потребность двигаться, ходить, бѣгать, упражнять свои силы; онъ всегда занятъ, всегда дѣятеленъ; воспитательница дѣтскаго сада, пользуясь этимъ, постепенно пріучаетъ ребенка къ дѣятельности осмысленной, развиваетъ въ немъ любовь къ труду; она убѣждаетъ, что скука и шалость есть плоды праздности, при любви къ труду имъ нѣтъ мѣста. Дѣти поймутъ, что при помощи труда они не только улучшаютъ свое собственное положеніе, но и облегчаютъ участь другого. Воспитательница постепенно объясняетъ ребенку, что все, что было сдѣлано великаго, хорошаго и прекраснаго на землѣ — было результатомъ работы рукъ и ума. И въ своей маленькой жизни дѣти не разъ убѣждаются въ возможности быть полезными своимъ трудомъ; дѣвочка, напримѣръ, зашьетъ разорвавшуюся рубашенку своему брату и тѣмъ облегчитъ работу матери; дѣти научаются оказывать другъ другу услуги, помогаютъ слабымъ, всѣ эти примѣры убѣждаютъ ребенка полюбить трудъ не только ради его пользы для себя, но и за то, что при помощи его можно дѣлать добро». — «Дѣтскій садъ пріучаетъ дѣтей къ порядку; ребенокъ уже знаетъ, что, придя въ домъ, онъ долженъ на опредѣленное мѣсто положить свою шапку, повѣсить пальто. Онъ знаетъ, что долженъ придти съ чистыми руками, и самъ, безъ напоминанія, слѣдитъ дальше за чистотою своего лица и рукъ. Привыкая съ самаго ранняго возраста въ мелочахъ быть аккуратнымъ, исполнительнымъ, ребенокъ и въ жизни затѣмъ будетъ держаться порядка и аккуратности. За очень маленькими слѣдятъ дѣти постарше, помогая имъ одѣваться, раздѣваться и умываться; это развиваетъ въ нихъ не только при-

вычку къ чистотѣ и порядку, но и чувство дружескаго, заботливаго отношенія къ младшимъ». Путемъ бесѣдъ, прочитанныхъ вслухъ книжекъ, собственными примѣрами дѣти научаются разбирать что хорошо и что дурно; не закрывая ихъ глаза на тяжелыя положенія въ семьѣ, въ жизни, воспитательница направляетъ ихъ вниманіе въ лучшую сторону, внушая имъ чувства справедливости, уваженіе къ старшимъ, желаніе придти на помощь несчастнымъ. Дѣтей пріучаютъ всегда быть правдивыми и искренними; они сами въ концѣ концовъ убѣждаются, что «страхъ есть результатъ трусости, а чистосердечіе, искренность — результатъ смѣлости, и они захотятъ быть смѣлыми». Находясь въ дѣтскомъ саду въ обществѣ своихъ сверстниковъ, дѣти постепенно привыкаютъ къ общественной жизни и научаются ради общей пользы сдерживать свои прихоти и жертвовать своими желаніями. Конечно, при этомъ воспитательница обращаетъ вниманіе на то, чтобы особенности каждаго изъ дѣтей, его хорошіе задатки, не подавлялись, и лишь дурныя наклонности убивались въ самомъ зародышѣ. «Воспитаніе въ дѣтскомъ саду ведется совмѣстное и мальчиковъ и дѣвочекъ; пребываніе въ немъ тѣхъ и другихъ развиваетъ въ дѣтяхъ умѣніе держать себя, способствуетъ мягкости характера мальчиковъ, они сдерживаютъ свою физическую силу, избытокъ которой превратился бы въ грубость; дѣвочки же, по природѣ своей застѣнчивыя, боязливыя, дѣлаются храбрыми и болѣе ловкими. Мальчикъ, самъ того не замѣчая, узнаетъ, что обязанность сильнаго охранять слабаго; дѣвочка научается быть совѣтницей, утѣшительницею. Все это должно запечатлѣться въ душѣ каждаго ребенка, изъ какой бы среды онъ ни былъ; особенно же важнымъ это является для класса рабочихъ людей, дѣти которыхъ посѣщаютъ народные дѣтскіе сады». Наиболѣе доступнымъ средствомъ развить въ дѣтяхъ чувство общественности и ближе познакомиться съ характеромъ каждаго ребенка, узнать его міръ — служатъ игры. Нигдѣ дѣти такъ не проявляютъ своего характера, себя, какъ въ играхъ. «Въ игрѣ происходятъ столкновенія, разногласія; въ нихъ мы наблюдаемъ, какъ одни дѣти стремятся къ первенству, къ превосходству, другія же лишь покоряются сильнѣйшимъ и болѣе предпріимчивымъ товарищамъ; въ играхъ мы видимъ однихъ дѣтей созидающихъ что-то новое, изобрѣтающихъ, другихъ же лишь пользующихся этими добытыми новинками; одни дѣти малоподвижны, робки, необщительны, другія

наоборотъ. Игра — это работа ребенка, его ремесло, его жизнь». Въ игру дѣти вносятъ свои наблюденія надъ жизнью взрослыхъ, «играютъ въ большихъ». Недаромъ игру дѣтей называютъ зеркаломъ жизни взрослыхъ. Но не направляемая, игра «на улицѣ», въ которой дѣти и не пытаются разобраться, что въ ней есть дурного и хорошаго — даетъ только нежелательные результаты, тогда какъ игра подъ руководствомъ воспитательницы, осмысленная, оказываетъ на дѣтей прекрасное воздѣйствіе.

Въ общихъ работахъ, исполняемыхъ всѣми дѣтьми, развитіе чувства общественности также находитъ благопріятную почву. Исполняя въ отдѣльности часть работы, ребенокъ стремится сдѣлать ее такъ, чтобы она не портила общаго выполненія и отвѣчала тому замыслу, который намѣтили дѣти. Напримѣръ, имъ прочитали о деревнѣ, разсказали, какія тамъ бываютъ избы, улицы и т. д., и предложили всѣмъ дѣтямъ изобразить ее: вырѣзать изъ картона, изъ дерева или вылѣпить изъ глины. Кто изъ дѣтей ясно себѣ представилъ или видѣлъ деревенскіе домики, напримѣръ, тотъ ихъ и воспроизводитъ; другой хорошо понялъ или вспомнилъ какой въ деревнѣ колодезь — дѣлаетъ его; третій хочетъ около деревни изобразить садикъ, рѣчку, поле и т. д. Дѣти берутъ работу по своему желанію, силамъ и способностямъ и выполняютъ сообща одну общую картину или тему. И во всѣхъ работахъ способности развиваются, выясняются, и въ то же время дѣти привыкаютъ серьезно относиться къ принятой на себя задачѣ и стараются выполнить ее добросовѣстно. Дѣтямъ внушается, что «они свободны поступить такъ, какъ хотятъ, они не должны чувствовать гнета, принужденія, но при этомъ обращаютъ ихъ вниманіе на то, что ребенокъ не одинъ и, поступая такъ или иначе, долженъ считаться прежде всего съ другими, дѣлать такъ, чтобы это не приносило другимъ вреда или огорченія. Безъ лишнихъ словъ, безъ заучиваній и принужденія — ребенокъ долженъ понять свои права и обязанности».

Для умственнаго развитія, любознательности, дѣтскій садъ прежде всего выдвигаетъ знакомство съ природой и ея явленіями, съ животнымъ міромъ, съ отношеніями между людьми, съ явленіями изъ жизни ребенка. Разумѣется, занятій правильныхъ, школьныхъ здѣсь нѣтъ; уроки, если только можно такъ назвать бесѣды воспитательницы, ведутся наглядно, т. е. то, что дѣти слушаютъ, то они и видятъ и наблюдаютъ. Ѣдятъ дѣти хлѣбъ, одѣ-

ваютъ платье, но откуда все это берется, какъ получается — они не представляютъ себѣ, да и не задумываются надъ этими вопросами. Воспитательница вызываетъ ихъ на вопросы, на наблюденія, и дѣтскій умъ развивается, обогащается добытыми познаніями. Во многихъ дѣтскихъ садахъ дѣти постарше знакомятся болѣе подробно съ нѣкоторыми производствами и даже сами пробуютъ добывать, напримѣръ, сахарный сиропъ, стеаринъ, варить мыло и т. п. И надо видѣть съ какою радостью они показываютъ родителямъ и другимъ дѣтямъ сдѣланныя ими самими работы! Дѣти незамѣтно для себя выучиваютъ названіе разныхъ предметовъ, ихъ употребленіе; запасъ ихъ словъ съ каждымъ днемъ увеличивается, они все болѣе и болѣе умственно развиваются.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣти обнаруживаютъ склонность къ чему-либо опредѣленному; одинъ ребенокъ, напримѣръ, больше всего любитъ рисовать, но не съ чего-нибудь, а самъ придумываетъ цѣлыя картины; другой лѣпитъ прекрасно изъ глины; тѣ дѣти любятъ пѣть, строить, вырѣзывать; иные предпочитаютъ шить, вышивать и т. д.; во всѣхъ этихъ занятіяхъ проявляется творчество дѣтей, самодѣятельность; развить эти способности, вызвать ихъ «призваніе» къ чему-либо — также задача воспитательницъ. Рисованіе, лѣпка, плетеніе корзинокъ и ковриковъ, вязаніе и много разныхъ видовъ такихъ работъ вообще — въ дѣтскихъ садахъ поставлены довольно широко. Маленькія ручонки, не привыкшія вначалѣ справляться ни съ карандашомъ, ни съ ножницами, ни съ иголкой, — постепенно научаются владѣть и тѣми и другими, не портя работы и не мѣшая своимъ сосѣдямъ. Дѣти вышиваютъ сначала на бумагѣ, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, затѣмъ вышиваютъ сумочки, подрубляютъ носовые платки, а въ возрастѣ 7—8 лѣтъ уже вышиваютъ передники и рубашки, конечно, самымъ простымъ рисункомъ. Съ дѣтьми 7 лѣтъ и старше занимаются грамотой, учатъ считать, писать; пѣніе, заучиваніе стихотвореній, выращиваніе растеній, гимнастика, прогулки за городъ, посѣщеніе музеевъ и т. д. — проводятся почти во всѣхъ дѣтскихъ садахъ. Понятно, что всѣ занятія ведутся по силамъ и здоровью дѣтей, ихъ отнюдь не утомляютъ. День въ дѣтскомъ саду, приблизительно, проходитъ такъ: въ большинствѣ изъ нихъ дѣти собираются часамъ къ 9—10; первые полчаса проводятъ въ играхъ, въ ожиданіи запоздавшихъ товарищей, затѣмъ отправляются въ комнату, предназначенную для занятій, и, пу-

темъ бесѣдъ съ воспитательницей, называемыхъ «предметными» уроками, почерпаютъ первыя свѣдѣнія по природовѣдѣнію, естествовѣдѣнію и т. д. Послѣ такого «урока», продолжающагося минутъ 25—30, дѣти переходятъ къ играмъ, бѣгаютъ, двигаются. Затѣмъ слѣдующій часъ посвящается или работамъ: вышиванію, плетенію, постройкамъ, или пѣнію, или, наконецъ, гимнастикѣ. Часовъ въ 12 дѣти завтракаютъ или обѣдаютъ, затѣмъ время послѣ обѣда до окончанія занятій часа въ 2, 3 — распредѣляется и чередуется по днямъ между лѣпкой, рисованіемъ, общими работами, чтеніемъ какого-либо разсказа, заучиваніемъ стихотвореній, свободными играми и т. д. Если погода благопріятствуетъ, дѣти непремѣнно играютъ на дворѣ, или въ саду, или ходятъ гулять куда-либо. Для удобства занятій дѣти раздѣляются по возрастамъ на группы, и, сообразуясь съ этимъ дѣленіемъ, занятія ихъ также чередуются, т. е. въ то время какъ, напримѣръ, младшая группа самостоятельно играетъ кубиками, строитъ, наклеиваетъ картинки — со старшей группой руководительница занимается грамотой. Распредѣленіе дня и планъ занятій всецѣло зависитъ отъ воспитательницъ; зная дѣтей, она видитъ, какъ и чѣмъ съ ними можно и нужно заниматься въ то или иное время.

Итакъ, основой воспитанія въ дѣтскихъ садахъ служитъ задача — развить въ дѣтяхъ чувство общественности, любовь къ труду, къ порядку и аккуратности; вызвать творчество, укрѣпить волю, привить полезные навыки, внушить, наконецъ, любовь ко всему доброму, къ правдѣ и красотѣ. Короче сказать: «цѣль воспитанія въ дѣтскихъ садахъ сдѣлать ребенка сильнымъ, умнымъ, добрымъ и простымъ». — «Дѣтскій садъ долженъ быть для дѣтей свѣтлымъ, радостнымъ домомъ, гдѣ ребенокъ отдыхаетъ душою, развиваетъ свои духовныя и тѣлесныя силы. Здѣсь онъ чувствуетъ себя хозяиномъ, свободнымъ, равнымъ со всѣми; здѣсь — все для него; личность ребенка уважается и тѣмъ заставляетъ и его самого уважать чужое мнѣніе, считаться съ другими. Дѣтскій садъ сберегаетъ дѣтей отъ вліянія улицы; не она, а пребываніе въ кругу своихъ сверстниковъ, ласка и любовь воспитательницы, ея вниманіе къ каждому ребенку — должны привлекать дѣтей и отталкивать ихъ отъ разрушающихъ, дурныхъ примѣровъ улицы».

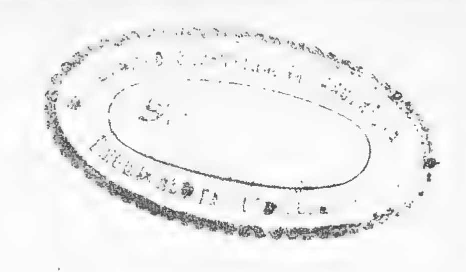
Но дѣтскій садъ не есть «благотворительное» учрежденіе, не есть пріютъ, какой у насъ принято понимать; дѣтскій садъ есть учрежденіе, замѣняющее собою семью. Организація его основана

на взаимопомощи родителей; посылая дѣтей съ 4-лѣтняго возраста въ такую, какъ бы одну семью, созданную самими родителями, во главѣ которой стоитъ воспитательница, опытная, достаточно развитая и любящая дѣтей, — родители не только облегчаютъ свою жизнь, но и создаютъ разумную обстановку для своихъ дѣтей. Для большаго сближенія съ руководительницей и обсужденія общихъ вопросовъ по воспитанію — назначаются родительскія собранія, на которыхъ каждый можетъ высказывать свои взгляды, удовольствія или порицанія. И чѣмъ чаще родители собираются, чѣмъ дружнѣе будутъ собесѣдованія, тѣмъ большихъ успѣховъ достигнетъ дѣтскій садъ. Несомнѣнно, что такое громадное и серьезное дѣло, какъ общественное воспитаніе, можетъ существовать только при условіи тѣсной сплоченности всѣхъ сочувствующихъ этой задачѣ, любящихъ дѣтей и видящихъ въ нихъ залогъ будущаго счастья и благополучія всѣхъ людей. Важно проникнуться мыслью, что воспитаніе человѣка начинается съ самыхъ первыхъ шаговъ его сознательной жизни. Школа — обучаетъ, воспитывать должна семья, но такъ какъ каждая въ отдѣльности не сможетъ дать правильнаго, всесторонняго развитія ребенку, то ее и замѣняетъ дѣтскій садъ. Пребываніе въ немъ не только дѣлаетъ дѣтей лучшими во всѣхъ отношеніяхъ, развитыми умственно, но и дѣти въ свою очередь вносятъ изъ дѣтскаго сада въ свою семью облагораживающее вліяніе. Родители съ ними обращаются мягче, становятся болѣе сдержанными, внимательными. Поступая затѣмъ въ школу — дѣти дѣтскаго сада замѣтно отличаются отъ иныхъ «новичковъ»; учителю съ ними уже не приходится «справляться», пріучать къ извѣстному порядку, вниманію и т. д., — эти дѣти знаютъ, какъ держать себя въ обществѣ своихъ сверстниковъ, они умѣютъ уже слушать и понимать учителя.

Выяснивъ въ краткихъ чертахъ, что такое «народный дѣтскій садъ» и почему онъ такъ необходимъ, мы, члены нашего «Общества содѣйствія дошкольному воспитанію», обращаемся къ вамъ съ предложеніемъ совмѣстно работать и распространять идею общественнаго воспитанія, осуществляя ее практически организаціей народныхъ дѣтскихъ садовъ. Эти учрежденія не должны являться какъ «благотворительность», подъ видомъ которой открываются иногда убѣжища для дѣтей или пріюты, не имѣющіе ничего общаго съ задачами правильнаго воспитанія; желаніе устроить дѣтскій садъ должно исходитъ отъ самихъ родителей, убѣ-

дившихся, во-первыхъ, въ томъ — какимъ облегченіемъ прежде всего является дѣтскій садъ для тѣхъ семей, матери и отцы которыхъ уходятъ на работу и оставляютъ своихъ дѣтей безъ всякаго призора, а затѣмъ и въ томъ, что дѣтскій садъ приходитъ вообще на помощь всѣмъ, кому дорого воспитаніе дѣтей, кто озабоченъ и ихъ настоящимъ и ихъ будущимъ благополучіемъ. Мы со своей стороны готовы помочь и совѣтами и участіемъ въ организаціи такого рода учрежденій — всѣмъ лицамъ, раздѣляющимъ наши, только что высказанные, взгляды на задачи и цѣли народнаго дѣтскаго сада. Съ большою готовностью дадимъ указанія по вопросамъ какъ техническимъ, такъ и воспитанія; вмѣстѣ съ вами обсудимъ всѣ мелочи, выяснимъ трудности и препятствія, если таковыя встрѣтятся; сообща выработаемъ программу занятій въ дѣтскомъ саду, составимъ смѣту расходовъ, — словомъ, поможемъ разобраться во всемъ и на основаніи собственнаго опыта разскажемъ вамъ какъ начать организацію дѣтскаго сада и вести его затѣмъ по правильной дорогѣ. Важнымъ вопросомъ, конечно, являются денежныя средства, но оборудованіе и существованіе дѣтскаго сада обходится очень недорого, и во всякомъ случаѣ польза и облегченіе, которыя онъ принесетъ и вамъ и вашимъ дѣтямъ, стоятъ того, чтобы урѣзать изъ скромнаго заработка маленькую сумму на воспитаніе своего ребенка, будущаго сильнаго, разумнаго и честнаго помощника семьи.

Е. Іорданская.

Первая дѣтская лѣтняя колонія Общества въ 1908 году*.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1908 года я сдѣлала предложеніе на общемъ собраніи устроить лѣтнюю дѣтскую колонію для дѣтей бѣдныхъ родителей, помѣщеніе для которой предлагалось безплатно; а для сбора денегъ открыть подписку и отпечатать подписные листы. Планъ организаціи такой колоніи былъ общимъ собраніемъ утвержденъ, и подписными листами было собрано большею частью среди членовъ нашего Общества 278 руб., остальные 136 руб. были внесены за дѣтей тѣми лицами, которыя отправляли дѣтей въ колонію. Вещами поступили слѣдующія пожертвованія: самоваръ и нѣсколько старой одежды; продуктами — макароны и чай. Всего денегъ получено мною на колоніи 414 руб., израсходовано 409 руб. 56 коп., остатокъ 4 руб. 44 коп.

Расходъ распредѣлился по слѣдующимъ группамъ:

Вознагражденіе завѣдующей за мѣсяцъ	50	руб.	—	коп.
„ прислугѣ	20	„	—	„
Столъ за 2 мѣсяца (на 13 челов.)	222	„	66	„
Провозъ дѣтей и багажа въ колонію и обратно	40	„	13	„
Игрушки.	12	„	39	„
Канцелярія	4	„	28	„
Обзаведеніе.	42	„	13	„
Освѣщеніе и стирка.	5	„	25	„
Мелкіе расходы	2	„	77	„
Непредвидѣнные расходы	7	„	95	„

Колонія теперь пріобрѣла въ собственность слѣдующія вещи: 12 кроватей, 10 стульевъ, самоваръ, умывальникъ, 11 сѣнниковъ, 7 полотенецъ чайныхъ, 8 простынь, 3 наволоки большихъ и 2 малыхъ.

* Докладъ читанъ въ 1908 году на общемъ собраніи Общества.

Когда комплектъ дѣтей, ѣдущихъ въ колонію, былъ заполненъ, ихъ осмотрѣлъ докторъ, членъ нашего Общества г. Петровъ, и нашелъ ихъ въ очень плачевномъ состояніи: всѣ они были рахиты. У меня имѣются данныя взвѣшиванія за послѣдній мѣсяцъ (см. таблицу), которыя показываютъ, что дѣти прибавились въ среднемъ на $2^1/_4$ ф. за мѣсяцъ; данныя перваго мѣсяца къ большому моему огорченію оказались, благодаря порчѣ вѣсовъ, невѣрны, и потому сказать, сколько они прибавились въ первый мѣсяцъ, я не могу, но что дѣти безусловно освѣжились и поздоровѣли, это замѣтно было по ихъ бодрому виду и порозовѣвшимъ лицамъ. Пріѣзжала къ намъ въ колонію мать одного мальчика и нашла его поправившимся, несмотря на то, что онъ прожилъ всего три недѣли въ колоніи, а когда дѣти вернулись къ своимъ родителямъ, то послѣдніе тоже остались довольны ихъ видомъ.

Результаты взвѣшиванія дѣтей за 1 мѣсяцъ въ первой дѣтской лѣтней колоніи Общества въ 1908 году.

ФАМИЛІИ.	26 іюня	26 іюля	Прибавл. въ вѣсѣ за 1 м.
Новакъ	1 п. 25½ ф.	1 „ 30— ф.	4½ ф.
Ѳомина	1 „ 17¾ „	1 „ 21— „	3¼ „
Богданова	1 „ 16¼ „	1 „ 19— „	2¾ „
Стеняевъ	1 „ 18¼ „	1 „ 21— „	2¾ „
Иванова	1 „ 17½ „	1 „ 20— „	2½ „
Бодуновъ	1 „ 31¾ „	1 „ 34— „	2¼ „
Новицкій	1 „ 17— „	1 „ 19— „	2— „
Михайловъ	1 „ 32— „	1 „ 34— „	2— „
Шумаковъ	1 „ 35½ „	1 „ 37— „	1½ „
Халманова	1 „ 10— „	1 „ 11— „	1— „
Фаусекъ	1 „ 32¾ „	1 „ 33¼ „	½ „

Дѣти были въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ; 6 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, изъ разныхъ слоевъ общества, какъ, напр., 5 чело-

вѣкъ дѣти рабочихъ, 1 сынъ повара, 1 ломового извозчика, 1 каменотеса, 1 желѣзнодорожнаго служащаго, 1 мелкаго торговца и 1 интеллигентныхъ родителей.

Только двое изъ дѣтей видѣли раньше деревню, а другіе попали въ нее первый разъ.

Выѣхали дѣти въ колонію 25 мая съ Воскресенской пристани, куда собрались родители проводить своихъ дѣтей. Всѣ ѣхали по своему желанію, и потому плачущихъ не было, за исключеніемъ одной дѣвочки, которую мы захватили на Обуховской пристани, но и та, какъ только увидала, что она ѣдетъ не одна, перестала плакать и вмѣстѣ съ другими дѣтьми не отходила отъ оконъ парохода, всю дорогу любуясь берегами Невы, пароходами, лодочками и т. д.

Вообще дѣти на пароходѣ чувствовали себя хорошо; спрашивали, куда ихъ везутъ и что они тамъ будутъ дѣлать? Имъ сказали, что они ѣдутъ въ деревню отдыхать, будутъ тамъ гулять, играть, веселиться. «А заниматься будемъ?» спросилъ одинъ бойкій мальчуганъ, и когда ему отвѣтили отрицательно, то онъ очень обрадовался, а нѣкоторые съ сожалѣніемъ сказали, что имъ придется лѣтомъ рѣшить нѣсколько задачъ и списать кое-что съ книги, т. е. исполнить заданный урокъ на лѣто. И вотъ, когда дѣти узнали куда и зачѣмъ ѣдутъ, то окончательно успокоились и всю дорогу не отходили отъ оконъ. Дѣти скоро сблизились со старшими и между собой; сближенію дѣтей помогло еще и то, что нѣкоторые изъ нихъ знали другъ друга и раньше. Пріѣхавъ въ Шлиссельбургъ, дѣти заботливо собрали свои узелки и перешли на другой пароходъ, ѣдущій по каналу; тутъ опять масса новаго; увидѣли издали Шлиссельбургскую крѣпость, стали по поводу ея обмѣниваться разговорами, кто-то слыхалъ про нее.

Ждать долго не пришлось, скоро двинулись по каналу, и обстановка измѣнилась еще рѣзче. Барки, которыя тянули уже не пароходы, а лошади, были явленіемъ для дѣтей совершенно неизвѣстнымъ. Каналъ, по которому мы ѣхали, былъ неширокій, и все, что дѣлалось по берегамъ, дѣтямъ было хорошо видно: вотъ группа погонщиковъ расположилась вокругъ костра и варитъ себѣ ужинъ; то пароходъ подойдетъ къ пристани какой-нибудь деревни, и толпа ребятъ встрѣчаетъ его съ букетиками первыхъ полевыхъ цвѣтовъ, которые и предлагаютъ купить публикѣ. Все это явля-

лось новой обстановкой для дѣтей и давало новую пищу для ихъ разсужденій, такъ что занимать ихъ всю дорогу не приходилось. Съ трудомъ удалось оторвать дѣтей отъ оконъ и усадить напиться чаю; наконецъ усталость взяла свое, и дѣтей начало клонить ко сну; тутъ пришлось рѣшить трудную задачу, какъ ихъ размѣстить, ибо пароходъ очень маленькій и имѣетъ обыкновеніе ѣхать наклоняясь то на одинъ, то на другой бокъ, такъ что иногда во снѣ и скатится кто-нибудь со скамейки; подымается всеобщій смѣхъ, не успѣютъ угомониться, какъ глянь и опять кто-нибудь на полу; и такъ съ приключеніями ѣхали до самаго конца.

Утромъ пріѣхали въ Ладогу; здѣсь дѣти увидали Ладожское озеро, искали глазами другого берега, любовались спокойнымъ видомъ озера и многочисленными лодочками рыбаковъ. Сойдя съ парохода, переѣхали на лодочкахъ чрезъ Волховъ, гдѣ ожидали насъ деревенскія телѣги, запряженныя небольшими лошадками. Дѣтямъ не сидѣлось на телѣгѣ, и, несмотря на утомительный путь, они соскакивали и бѣжали, набирая себѣ по пути цвѣтовъ и букеты черемухи, радуясь, что никто не запрещаетъ имъ этого дѣлать. Съ плясками, смѣхомъ и криками мы незамѣтно пріѣхали на дачу, гдѣ ожидалъ насъ обѣдъ, послѣ котораго, распаковавъ свои вещи, приготовивъ постели и напившись молока, дѣти улеглись спать. На другой день дѣти пошли въ паркъ. Я предложила имъ заняться собираніемъ сучковъ и складываніемъ ихъ въ кучи; дѣти заинтересовались — для чего это нужно; я предложила имъ самимъ догадаться, и дѣти, подумавъ немного, сказали, что сучки мѣшаютъ расти травкѣ и цвѣточкамъ, а потому ихъ надо убрать; вечеромъ они собранные сучья зажгли; когда огонь стихъ, дѣти прыгали черезъ костеръ; а впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ была ими посѣяна рѣпа, выросшая, когда дѣти были еще на дачѣ.

Не малую радость доставляли дѣтямъ занятія на огородахъ; шутя они вскопали грядку, сами посадили овощи и потомъ ухаживали за ними, т. е. поливали и пололи. Въ деревнѣ дѣти близко познакомились съ обработкою земли и посѣвомъ; для этой цѣли они ходили на поле и слѣдили за всѣми работами съ большимъ интересомъ, а когда начался сѣнокосъ, то дѣти и сами принимали дѣятельное участіе въ немъ, гребли, ворошили сѣно и были очень польщены, когда братъ мой далъ имъ смирную лошадь кататься

верхомъ, сказавъ при этомъ, что это удовольствіе онъ доставляетъ дѣтямъ за ихъ работу на сѣнокосѣ; не знаю, чему больше радовались дѣти: катанью ли или же вознагражденію по заслугамъ. Польщены также были дѣти любезнымъ приглашеніемъ одной крестьянки къ ней въ гости; въ назначенный день они тщательно привели свои костюмы въ порядокъ и съ нетерпѣніемъ ждали часа, когда отправятся въ деревню; по дорогѣ старательно обходили грязь, осторожно перелѣзали чрезъ изгороди и чинно вошли въ избу, гдѣ обрадованные хозяева не знали какъ и усадить и ублаготворить своихъ многочисленныхъ гостей. Хотя угощеніе было и скромно, но дѣти остались очень довольны и по возвращеніи принялись писать письма родителямъ, въ которыхъ дѣлились своими впечатлѣніями, вынесенными изъ этого посѣщенія.

Когда въ ближайшихъ деревняхъ были праздники, то дѣти ходили туда и присутствовали на деревенскихъ хороводахъ и танцахъ; а когда дома былъ случай устроить какой-нибудь праздникъ, они всегда принимали живое участіе въ его устройствѣ; такъ напр., была одна дѣвочка именинница; дѣти захотѣли что-нибудь для нея сдѣлать, пошли въ поле, набрали массу цвѣтовъ, наплели вѣнковъ и гирляндъ, разукрасились всѣ въ цвѣты, а имениницѣ сплели папаху изъ цвѣтовъ и наряженные такимъ образомъ устроили танцы и пѣніе; конечно, большіе имъ шли навстрѣчу и устраивали съ своей стороны угощеніе. Въ свободное отъ общей работы время дѣти занимались кто чѣмъ хотѣлъ, въ ихъ распоряженіе были предоставлены игрушки и общія игры, напр., серсо, крокетъ, площадку для котораго дѣти расчистили сами, и это была одна изъ любимѣйшихъ ими игръ. Кромѣ того дѣти сами придумывали различныя игры, напр., городки, загоняніе попа, чижики и др.; въ этихъ играхъ нужно было примѣнять физическую силу, и потому мальчики не хотѣли принимать въ эту игру дѣвочекъ, говоря: «куда вамъ дѣвченкамъ съ нами играть»; также высказывали мальчики нежеланіе играть съ дѣвочками въ хороводъ, говоря при этомъ: «мы вѣдь не дѣвченки». Желая опровергнуть такой ложный взглядъ на дѣвочекъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣ играли вмѣстѣ и не ссорились, мы часто вели на эту тему съ дѣтьми бесѣды, напр.: читали мальчики и дѣвочки, и потомъ у дѣтей спрашивали, кто лучше читаетъ; оказывалось, что дѣвочки нисколько не хуже мальчиковъ умѣютъ читать; тогда предлагали

сравнить тетради, и здѣсь перевѣсъ оказался на сторонѣ дѣвочекъ, потому что ихъ тетради были чище; сравнивали, у кого опрятнѣе содержится кровать и костюмъ, и вездѣ мальчики должны были уступить первенство дѣвочкамъ, да въ довершеніе всего оказалось, что дѣвочки сами чинятъ свое бѣлье и даже помогаютъ чинить бѣлье мальчиковъ; значитъ, есть ли поводы смѣяться надъ дѣвочками и считать ихъ хуже мальчиковъ? Въ концѣ концовъ мальчики согласились, и дѣти перестали дѣлиться на мальчиковъ и дѣвочекъ, а играли всѣ вмѣстѣ безъ споровъ и ссоръ. Впослѣдствіи дѣти общими усиліями выстроили будку. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ къ намъ въ гости Николай Владимировичъ Чеховъ, который еще давалъ дѣтямъ совѣты, какъ лучше укрѣпить столбы и устроить крышу. Когда будка была готова, дѣвочки стали хозяйками: приготовляли изъ песку и травъ обѣды, а мальчики ходили на охоту за дичью. Первое время въ дежурствѣ по колоніи принимали участіе какъ дѣвочки, такъ и мальчики, всѣ одинаково накрывали на столъ, мыли посуду, убирали свои постели, но впослѣдствіи мальчики перестали помогать, а дѣвочки съ удовольствіемъ исполняли свои обязанности до конца. Дѣвочки очень любили ходить на кухню помогать чистить овощи, ходить за ними на огородъ, а когда захотѣли почистить свой самоваръ, то пришлось вмѣшаться старшимъ, чтобы подѣлить, кому крышку, кому камфорку, ибо получившія кранъ и др. мелкія вещи остались недовольны этимъ, поэтому пришлось установить очередь на самоваръ. Любили дѣвочки полоскать свое бѣлье, синить и вѣшать его, интересно было смотрѣть на нихъ, какъ они съ серьезными лицами, засучивъ рукава, старались изобразить изъ себя настоящихъ прачекъ. Любимая прогулка дѣтей была ходить въ лѣсъ, гдѣ они устраивали игры въ звѣрей и охотниковъ, въ разбойниковъ, а когда поспѣли грибы и ягоды, то рѣдкій день дѣти не были въ лѣсу. Наканунѣ Троицына дня дѣти возвратились изъ лѣсу съ березками, которыя и поставили каждый около свое кровати, а на столахъ букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ; комнаты ихъ утопали въ зелени, было очень красиво; и дѣти остались очень довольны.

Въ этотъ же день, когда помощница М. И., уложивъ дѣтей спать, зашла ко мнѣ и, немного побывъ, пошла къ себѣ, то у дверей ее остановило пѣніе, несшееся изъ комнатъ дѣтей; она вернулась за мною, и мы долго стояли и слушали ихъ стройное

пѣніе, а когда вошли, то намъ представилась слѣдующая картина: кто сидя, кто лежа, кто стоя на кровати, кто держа березки въ рукахъ — дѣти пѣли «Во полѣ березынька стояла». Нисколько не смущаясь насъ, дѣти заявили, что они встрѣчаютъ Троицынъ день. Дѣти очень любили пѣть, и пѣть именно тогда, когда ихъ объ этомъ не просятъ и никто не слушаетъ, а какъ-то такъ, вздумали и запѣли. Одинъ разъ, читая въ саду, я слышу среди дѣтей разговоръ такого рода: давайте играть въ рабочихъ и казаковъ; послѣ этого завязались долгіе споры: кому быть рабочими и кому быть казаками,—никому не хотѣлось исполнять обязанности казаковъ; наконецъ порѣшили, что сыграютъ два раза, чтобы тѣ, кто сейчасъ будетъ казаками, потомъ могли бы быть рабочими. И вотъ, казаки съ палками за плечами, изображающими пики, попрятались за деревья, а рабочіе, обнявшись, дружно затянули марсельезу и пошли по дорожкамъ сада. Когда дѣти поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣли казаки, послѣдніе выскочили изъ своей засады и набросились на рабочихъ; кто не поспѣлъ бѣжать, того вязали и тащили въ участокъ. Вообще, на дѣтяхъ часто сказывалась жизнь той среды, гдѣ они вращались; такъ, напр., играли въ забастовку, съ этой цѣлью устраивали всякаго рода заводы и отказывались работать въ случаѣ неисполненія ихъ требованій. Это, если можно такъ сказать, сказывались на дѣтяхъ условія общественной жизни. А вотъ примѣръ изъ вліянія семейной обстановки: какъ-то утромъ дѣти разсказываютъ М. И., что они вчера передъ сномъ бесѣдовали о томъ, кому съ кѣмъ надо спать; одна изъ дѣвочекъ взяла на себя роль распредѣлительницы и намѣчала, кому именно изъ мальчиковъ нужно укладываться на одной кровати съ дѣвочкой; при этомъ говорили, что дома у нихъ всѣ спятъ вмѣстѣ, чаще всего на одной кровати два человѣка, а иногда такъ и больше; по этому поводу у насъ произошли долгія бесѣды съ дѣтьми, которыя и убѣдили ихъ, что спать вдвоемъ на одной кровати незачѣмъ, такъ какъ у каждаго есть своя кроватка, а во-вторыхъ, кровати такъ узки, что вдвоемъ нельзя и помѣститься. Дѣтей это удовлетворило, и болѣе объ этомъ никогда они разговора не поднимали. Кромѣ этого факта, который, очевидно, навѣянъ подражаніемъ семейной обстановкѣ, никакихъ недоразумѣній на этой почвѣ какъ мною, такъ и М. И. замѣчено не было. Ничего дурного также нельзя было прослѣдить въ томъ предпочтеніи, которое оказывалъ мальчикъ Митя дѣвочкѣ Дашѣ; это пред-

почтеніе было, на мой взглядъ, полно романтизма и рыцарства, онъ всегда старался ей чѣмъ-нибудь услужить, приносилъ ей цвѣты, защищалъ передъ другими и сидѣлъ скучный, если она танцовала съ другими; дѣти скоро подмѣтили это и не упускали случая подшутить надъ нимъ, мы же, не видя въ этомъ ухаживаніи ничего дурного, только наблюдали и старались внушить дѣтямъ, что смѣяться здѣсь не надъ чѣмъ. Ставили имъ въ примѣръ двухъ мальчиковъ: Сашу и Лешу, которые очень любили другъ друга, а, однако, никто надъ ними не смѣется; «что же смѣшного находите вы, — говорили мы, — въ дружбѣ Даши и Мити?» Вскорѣ дѣти какъ-то привыкли къ этому и, если у кого и возникала дружба, то не придавали ей большого значенія. Уставъ играть или утомившись отъ жаркой погоды, дѣти просили почитать имъ; тогда всѣ со вниманіемъ слушали, усѣвшись кружкомъ около читающаго, а послѣ чтенія вели бесѣду о прочитанномъ; такъ, напр., читали имъ разсказъ о жизни медвѣдя въ лѣсу, какъ потомъ онъ попалъ въ городъ и его водили на цѣпи, а когда его сильно измучили, онъ оборвалъ цѣпь и убѣжалъ въ лѣсъ; со стороны дѣтей была высказана радость, что мученія Мишука кончились и онъ можетъ свободно гулять въ лѣсу. «Вотъ въ Зоологическомъ саду бѣдные Мишки, да и другіе звѣри сидятъ въ клѣткахъ и не могутъ жить такъ, какъ имъ хочется», сказалъ одинъ мальчикъ; и долго бесѣдовали на тему, что нехорошо мучить животныхъ, что имъ такъ же больно и скучно бываетъ, какъ человѣку. Гуляя какъ-то въ саду, они подъ деревомъ нашли маленькаго птенчика, упавшаго съ дерева, и не знали, что съ нимъ сдѣлать; одни совѣтовали убить, чтобы прекратить его мученія, а другіе говорили, что можетъ быть онъ и не такъ сильно расшибся и еще поправится, а поэтому слѣдуетъ его оставить; такъ и сдѣлали.

Когда у насъ въ имѣніи появились маленькіе утята и цыплята, то дѣтишки первое время все вертѣлись около нихъ, кормили съ рукъ хлѣбомъ, оберегали отъ ястребовъ и подолгу сидѣли около пруда, любуясь, какъ ловко ныряютъ утята, несмотря на то, что только что появились на свѣтъ.

Когда была дождливая погода, дѣти устраивали дома игры, или занимались постройками изъ спичекъ, складываніемъ и вырѣзываніемъ изъ бумаги, или же устраивали представленія; такъ напр., дѣти недурно разыграли «Красную шапочку», смастерили сами костюмы, для декораціи лѣса притащили деревьевъ, и вышло

очень живо и мило; иногда говорили басни въ лицахъ, или просто стихи и хоровое пѣніе, или же разыгрывали какую-нибудь сказку пополамъ со своей фантазіей. Были у нихъ еще и религіозныя игры, такого рода: дѣвочки, понадѣлавъ себѣ куколъ, шли крестить ихъ въ церковь — будку; священника и причтъ изображали мальчики, которые пѣли и крестили этихъ куколъ, по-настоящему опуская въ какую-то чашку съ водой, а мать — дѣвочка, при этомъ пищала за своего ребенка. Моей дочери эта игра такъ понравилась, что она даже нарисовала священника съ младенцемъ на рукахъ и молящуюся мать. Занимались дѣти немного и рисовали красками прямо съ натуры; такъ, напр., пойдутъ гулять, принесутъ съ собою цвѣтовъ, выберетъ каждый себѣ цвѣтокъ, который нравится, и рисуетъ совершенно самостоятельно, самъ подбирая цвѣта красокъ. Большинство изъ нихъ рисовало красками первый разъ. Дѣтямъ очень понравилось рисованіе, и потомъ они часто брали краски и рисовали кто цвѣты, кто домики, броненосцы или еще что-нибудь.

Въ общемъ дѣти не скучали и дома во время дождя, но зато, когда дожди кончились, имъ было большое раздолье на дворѣ, они бѣгали по лужамъ, устраивали озера, заливы, проливы, острова и т. д.; въ канавѣ, гдѣ скопилось много воды, пускали плавать кораблики, которые дѣлали сами, или же спускали большую доску на воду, привязывали къ одному ея концу веревку и тянули за нее, изображая такимъ образомъ лошадей, которыхъ они видѣли на каналѣ тянущими барки. Кому-то пришла въ голову мысль устроить водопадъ, всѣ ухватились за это предложеніе, и закипѣла работа: кто копалъ дернъ, кто таскалъ камни, кто прутья; наконецъ запруда была устроена, вода поднята, образовался красивый водопадъ, все было готово: и шумъ воды, падающей на камни, и пѣна, и волны, только сиди да любуйся; какъ вдругъ — трахъ: сооруженіе дѣтей не выдержало сильнаго напора воды и прорвалось. Эта картина была тоже не менѣе интересна: вода съ шумомъ ринулась впередъ и все за собой потащила; тутъ и корабли, тутъ и утки, не могшія справиться съ сильнымъ теченіемъ, тутъ и крики стоящихъ внизу запруды, которые не успѣли отойти и ихъ обдало холодною водой. Пока все это происходило, было интересно, шумно и весело, и дѣти какъ-то первое время не вспомнили, какое ихъ постигло несчастье, но когда вода ушла и любоваться было уже нечѣмъ, дѣти рѣшили возобновить работу, но

уже фундаментальную. Съ этою цѣлью были приглашены на совѣтъ старшіе, которые такъ заинтересовались этимъ укрѣпленіемъ, что и сами принялись вмѣстѣ съ другими ребятами устраивать новую запруду; и вотъ, послѣ долгихъ усилій, вода была поднята на $1^1/_2$ арш.; получился характерный шумъ воды, падающей на камни. Кто-то предложилъ устроить мельницу, и когда она была готова, дѣти рѣшили устроить торжественное открытіе; съ этою цѣлью они понадѣлали флаговъ и колпаковъ, дѣвочки набрали цвѣтовъ, на берегу устроили скамеечку и, пригласивъ взрослыхъ, торжественно спустили воду, и тутъ замололи мельницы, поплыли корабли, и маленькая канавка надолго оживилась постоянной гурьбой ребятъ, которые спеціально приходили изъ деревни полюбоваться искусственнымъ водопадомъ; цѣлые дни проводили ребята на этой канавкѣ, то спуская, то запирая воду, мастерили мосты и корабли и очень жалѣли, когда вода стала въ канавкѣ высыхать.

Лѣтомъ дѣти совершили небольшую экскурсію въ городъ Старую Ладогу, находящуюся въ десяти верстахъ отъ насъ; экскурсія, кромѣ пріятнаго, хотя и небольшого путешествія и развлеченія, принесла дѣтямъ еще и маленькую пользу въ историческомъ отношеніи. Отправились мы туда на лошадяхъ, но дѣтямъ не сидѣлось, когда по бокамъ дороги можно было лакомиться вкусными ягодами. Выѣхавъ на живописный берегъ Волхова, дѣти посидѣли, полюбовались и двинулись дальше. Вскорѣ, какъ на ладони, мы увидѣли съ высокаго берега красиво расположенный городъ — Старую Ладогу, по обѣимъ сторонамъ которой бѣлѣли, какъ снѣгъ, пріютившіеся два старинныхъ монастыря. Дѣти прежде всего искали глазами крѣпость и спрашивали, указывая на монастыри, не это ли крѣпость; но когда имъ указали на едва замѣтныя издали развалины, то дѣти какъ бы разочаровались: они надѣялись видѣть ее могучею, съ высокими стѣнами, съ пушками, солдатами и т. д. и т. д. Чтобы попасть въ Старую Ладогу, намъ пришлось переѣхать на другой берегъ Волхова; тамъ имѣли возможность осмотрѣть подробно развалины, съ сохранившимися башнями и мѣстами для орудій, со рвами вокругъ крѣпости; тамъ же въ крѣпости видѣли деревянную церковь, которая теперь хотя и возобновлена, но архитектура и размѣры воспроизведены въ точности. Съ виду это небольшая часовня съ маленькими оконцами, съ папертью, похожею на сѣни, безъ образовъ, съ высо-

кими порогами, тяжелыми дверями и низкими потолками. Внутреннее ея убранство оставлено безъ перемѣнъ: небольшія деревянныя царскія врата, деревянныя же иконы съ едва сохранившимися на нихъ изображеніями; въ церкви вообще нѣтъ никакого украшенія. Въ ризницѣ хранятся плачевныя священническія одежды изъ грубой крашенины, подбитыя мѣшковой матеріей; жестяные вѣнцы, желѣзная дарохранительница и крестъ. Все это дѣти осматривали съ большимъ интересомъ и обо всемъ разспрашивали подробно, а когда вернулись домой, то на другой же день принялись устраивать крѣпость, при чемъ съ замѣчательною точностью размѣстили башни и входы. Въ Ладогѣ же дѣтьми былъ осмотрѣнъ старинный женскій монастырь, въ которомъ была заключена Петромъ Великимъ его жена, Евдокія Лопухина; здѣсь дѣтямъ показали старинную церковь и иконы, нѣкоторыя кельи и общую трапезную. Когда мы вошли туда, монахини обѣдали; дѣти присутствовали на ихъ обѣдѣ и за всѣмъ пытливо наблюдали. Все это величавое спокойствіе, непривычная для дѣтей тишина, смиреніе и умиленное моленіе совершенно для нихъ неизвѣстной монастырской жизни тяжело на дѣтей подѣйствовало, и они, когда вышли изъ стѣнъ монастыря, радостно и облегченно вздохнули, какъ будто послѣ только что перенесеннаго наказанія; несмотря на то, что монахини приняли дѣтей очень радушно, угощали обѣдомъ и ягодами, они все-таки заявили, что никогда не хотѣли бы быть монахинями и жить въ такой тюрьмѣ. Часто потомъ они вспоминали объ этой хотя небольшой, но много имъ давшей экскурсіи.

Вотъ, собственно, все, чѣмъ я хотѣла подѣлиться въ краткихъ словахъ о жизни дѣтей въ колоніи. Дѣти остались очень довольны, и нѣкоторыя изъявляли желаніе пожить и еще, но, къ сожалѣнію, мы сдѣлать для нихъ этого не могли. Дѣти говорили мнѣ, что они бы съ радостью поѣхали и на будущій годъ, если будетъ колонія; нѣкоторыя написали мнѣ письма изъ дому, что они вспоминаютъ колонію, и спрашивали, будетъ ли она и на будущій годъ. Дѣти всѣ были симпатичныя, добрыя, любящія своихъ родителей. Напр., одна дѣвочка первое время часто плакала, и когда ее спрашивали о причинѣ, она отвѣчала, что скучаетъ по мамѣ. Ее спросили: «Сама ли ты поѣхала въ колонію?»— «Сама». — «Ну что же тебѣ не нравится здѣсь? голодна ли ты? наказываютъ ли тебя? есть ли у тебя столько подругъ и игру-

шекъ дома, какъ здѣсь?» — «Нѣтъ». — «Ну, такъ подумай, стоитъ ли скучать?» Скоро она стала привыкать и все рѣже и рѣже плакать; но надо сказать, что дѣвочка эта была совершенно больная: съ искривленіемъ позвоночнаго столба, одна ключица выше другой, съ искривленными ногами, нервная; первое время ни за что не хотѣла ходить босая, не желая показывать свои бѣдныя ноги, но когда ей объяснили, что стыдиться нечего и что есть люди еще болѣе больные, чѣмъ она, что они въ этомъ не виноваты, что надо стыдиться только того, что сдѣлала сама плохого, и что никто надъ ея ногами смѣяться не станетъ, дѣвочка стала веселѣе, начала ходить босая, и ей это очень понравилось, даже потомъ принимала участіе въ танцахъ, а первое время все сидѣла одна и ото всего отказывалась; взвѣшиваніе показало, что за послѣдній мѣсяцъ она прибавилась на 4 ф. больше, чѣмъ кто-либо изъ остальныхъ дѣтей. Любила очень читать книги и рукодѣльничать. Нюша Халманова была самая маленькая дѣвочка, очень замкнутая, никогда не подойдетъ, ничего не спроситъ; когда хочешь ее вызвать на разговоры, она или молчитъ, или отвѣчаетъ: «да», «нѣтъ». Черезъ недѣлю дѣвочка стала уже сама принимать участіе понемногу въ играхъ, разговорахъ, и чѣмъ дальше жила, день-ото-дня дѣлалась живѣе и разговорчивѣе, даже прочла стихотвореніе на дѣтскомъ праздникѣ, чего никакъ нельзя было ожидать, глядя на нее первое время. Я думаю, что только благодаря мягкому товарищескому отношенію старшихъ къ дѣтямъ и той семейной обстановкѣ, которая царила въ колоніи, эта дѣвочка не ушла совершенно въ себя, чего я боялась, а слилась въ одну семью со всѣми дѣтьми вмѣстѣ. По всему было видно, что она запугана, что она привыкла выполнять только приказанія, а если и рѣзвилась иногда, такъ только исподтишка. Я заключаю это изъ слѣдующихъ наблюденій: напр., она займется какой-нибудь игрой и увлечется даже, а лишь только кто-нибудь обратитъ на нее вниманіе, она сейчасъ же какъ-то съежится вся и скорѣй отходитъ отъ того мѣста, гдѣ играла, боясь, какъ бы ее не наказали; но когда она увидѣла, что ее даже поощряютъ играть, предлагаютъ ту или иную игрушку, ласково заговариваютъ съ ней, то мало-по-малу стала привыкать и перестала дѣлать все исподтишка и оказалась очень веселенькой дѣвочкой. Относительно Пети Бодунова могу сказать, что мальчикъ изъ очень бѣдной семьи, никогда не видѣлъ ничего хорошаго, живя дома, ничего отраднаго,

незнакомъ совершенно съ игрушками и не умѣетъ ими пользоваться; когда ему дали мячъ, онъ не зналъ, что съ нимъ дѣлать, какъ играть; дали ему тачку возить песокъ, такъ онъ ее такъ повезъ, что въ результатѣ тачка осталась безъ колесъ. Мальчикъ онъ хотя и большой, ему 9 лѣтъ, но обрадовался какъ дитя, когда получилъ первый разъ игрушку. Былъ у него одинъ недостатокъ — не сознаваться въ своихъ проступкахъ, но я приписываю это исключительно опять-таки запуганности; напр., сломаетъ онъ нечаянно игрушку, поставитъ скорѣй на мѣсто, а самъ бѣжитъ и говоритъ, что кто-то сломалъ игрушку. «Петя, вѣдь ты сейчасъ держалъ ее въ рукахъ». Онъ начинаетъ усиленно отпираться, плакать, но когда понялъ, что его ни разу не наказали, а просили только сознаваться въ своихъ поступкахъ и не говорить на другихъ, онъ понемногу сталъ привыкать къ новому положенію и съ какимъ-то облегченіемъ каялся въ своихъ проступкахъ, даже находя въ этомъ какое-то наслажденіе, разсказывая со всѣми подробностями.

Петя Новицкій былъ мальчикъ очень живой, энергіи масса, мальчикъ, который ни минуты не можетъ сидѣть спокойно, или онъ бѣгаетъ, или играетъ, а если не найдетъ себѣ занятія, то начинаетъ приставать къ товарищамъ, чтобы тѣ приняли его въ свою игру; но послѣдніе не очень любили съ нимъ играть, такъ какъ онъ всегда старался быть среди нихъ первымъ и хотѣлъ, чтобы они слѣдовали его совѣтамъ; но если сумѣешь его во-время заинтересовать какой-нибудь работой, направить запасъ его энергіи на что-нибудь интересное для него, то мальчика становится и не слышно, онъ такъ увлечется, что не обращаетъ вниманія, играетъ ли одинъ, или съ другими дѣтьми. Вотъ этотъ мальчикъ привлекалъ больше другихъ къ себѣ вниманіе старшихъ. Остальныя дѣти были самыя обыкновенныя, симпатичныя, добрыя, ласковыя и не доставляли никакихъ затрудненій въ воспитательномъ отношеніи тѣмъ лицамъ, которыя за ними слѣдили. У меня лично сохранилось о нихъ самое свѣтлое воспоминаніе, самое теплое чувство, и когда я проводила ихъ въ Петербургъ, то первое время какъ бы недоставало нѣсколькихъ членовъ нашей семьи у насъ въ домѣ, такъ мы всѣ ихъ полюбили и привязались за то короткое время, которое провели дѣти въ колоніи.

Л. Глаголева.

Приложеніе къ ст. „Первая дѣтская колонія Общества въ 1908 году“.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ДНЯ ВЪ ПЕРВОЙ ДѢТСКОЙ ЛѢТНЕЙ КОЛОНІИ ВЪ 1908 ГОДУ.

Дѣти вставали въ 8 час. утра.
Въ $8^1/_2$ час. утра пили молоко съ бѣлымъ хлѣбомъ.
„ 1 „ дня обѣдали.
„ 4 „ дня пили чай съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.
„ 7 „ вечера ужинали.
„ $8^1/_2$ „ вечера ложились спать.

Въ будни обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, а въ праздники изъ трехъ блюдъ, при чемъ на третье подавались кисели, компоты, ягоды, сладкіе пироги и т. д.

ПИЩА.

Обѣды были такого рода:

1. Супъ съ картофелемъ,
2. Котлеты съ макаронами;

или

1. Щи (свѣжія, кислыя, зеленыя, борщъ),
2. Вареное мясо съ картофелемъ;

или

1. Молочный супъ,
2. Рулетъ съ гарниромъ. — И т. д.

Ужинъ состоялъ изъ молока и какой-нибудь молочной каши (манной, рисовой, пшенной и т. д.) или творога, или запеченныхъ макаронъ и т. д.

Дѣтская лѣтняя колонія Общества въ 1911 году.

(Упоминаемыя въ текстѣ діаграммы помѣщены въ концѣ статьи.)

По примѣру прошлыхъ лѣтъ Обществомъ содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей была организована и въ нынѣшнемъ году дѣтская лѣтняя колонія. О значеніи этого дѣла для петербургскаго населенія, особенно его «низовъ», много говорилось и на первыхъ собраніяхъ Общества, и на одномъ изъ общихъ собраній Общества въ свое время былъ прочитанъ по данному вопросу даже спеціальный докладъ. Въ настоящемъ же докладѣ-отчетѣ я коснусь лишь дѣла организаціи дѣтской колоніи нынѣшняго лѣта, постановки самаго дѣла и выводовъ изъ наблюденій, которые могли бы лечь въ основу дальнѣйшаго нормальнаго развитія колоніи. При этомъ надо принять во вниманіе, что дѣло развивается усиленнымъ темпомъ, съ каждымъ годомъ увеличивается число дѣтей, проведшихъ лѣто въ колоніи нашего Общества, и параллельно этому растетъ и сумма, израсходованная на колонію. Но отсутствіе планомѣрной организаціи, отсутствіе постоянной комиссіи по устройству дѣтской лѣтней колоніи Общества, очень тормозитъ работу и придаетъ ей какой-то случайный характеръ. О колоніи начинаемъ думать только за мѣсяцъ до ея осуществленія, именно, въ тотъ пресловутый мѣсяцъ май, когда наступаетъ лихорадочный періодъ ликвидаціи городской жизни, когда люди особенно заняты личной жизнью и ихъ нельзя застать дома. Даже членамъ Общества, взявшимъ на себя подписные листы, часто приходилось возвращать ихъ только со своимъ личнымъ пожертвованіемъ. Тѣмъ же членамъ, которымъ еще удалось сдѣлать сборъ, пришлось затратить на это весьма много энергіи. Но все-таки собранныя деньги дали возможность отправить на дачу дѣтей больше, чѣмъ въ предыдущіе годы. Отсут-

ствіе коллегіальнаго творчества наложило на работу завѣдующей оттѣнокъ единоличной инициіативы, что возлагало на нее слишкомъ большую отвѣтственность. Вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ ясно выступили при подведеніи итоговъ нынѣшняго лѣта такіе недостатки и упущенія, которыхъ легко можно было бы избѣжать при коллегіальной организаціонной работѣ. Укажу на нѣкоторые примѣры.

Нашему Обществу, какъ и всякому общественному дѣятелю, важно знать, приноситъ ли его дѣятельность пользу или нѣтъ. Въ данномъ отношеніи большую роль могли бы сыграть разработанные листки о соціальномъ положеніи дѣтей, взятыхъ въ колонію, объ условіяхъ ихъ домашняго быта, о физическомъ ихъ здоровьѣ до прибытія въ колонію, во время пребыванія въ колоніи и при отъѣздѣ и т. д. Такихъ раціонально разработанныхъ листковъ, дающихъ богатѣйшій и разносторонній матеріалъ относительно бѣднѣйшей части населенія столичнаго города, не было заранѣе заготовлено. Не было также и правильныхъ антропометрическихъ измѣреній, которыя указали бы вліяніе на населеніе хроническаго недоѣданія, сырыхъ жилищъ и т. д. Отсутствіе постоянной медицинской помощи внушаетъ серьезнѣйшія опасенія за будущее колоніи. Правда, лѣтомъ нынѣшняго года можно констатировать полное отсутствіе заболѣваній среди дѣтей, но вѣдь это только счастливая случайность. Однимъ изъ больныхъ организаціонныхъ вопросовъ, весьма тормозящихъ дѣло устройства колоніи, является отсутствіе собственнаго помѣщенія. Обыкновенно подыскивали какое-нибудь случайное школьное помѣщеніе, для чего заранѣе списывались съ г.г. завѣдующими или инспекторами народныхъ училищъ. Такимъ образомъ, время выѣзда колоніи изъ Петербурга не всегда зависѣло отъ нашего желанія. Въ этомъ году, напримѣръ, мы выѣхали слишкомъ поздно: 3 іюня. Въ прошломъ году у насъ не было своего огорода. Въ этомъ году намъ дали небольшой клочокъ земли, который насъ не могъ вполнѣ удовлетворить. Крайне непріятнымъ, крайне стѣснительнымъ обстоятельствомъ, которое постоянно преслѣдуетъ колонію, является общая кухня съ живущими при школѣ. Бывали случаи самовольнаго, ничѣмъ не оправдываемаго вмѣшательства въ жизнь дѣтей помимо завѣдующей.

Не имѣя спеціальныхъ средствъ для организаціи колоніи, правленіе Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей уже

согласилось съ печальной необходимостью: колоніи въ этомъ году не устраивать. И только въ послѣднихъ числахъ апрѣля Общество вспомоществованія нуждающимся гимназисткамъ и бѣднымъ дѣтямъ, учащимся въ подготовительной школѣ при VIII классѣ гимназіи М. Н. Стоюниной, обратилось въ правленіе Общества содѣйствія дошкольному воспитанію съ просьбой принять отъ него собранныя въ пользу дѣтской лѣтней колоніи 210 рублей и помѣстить въ эту колонію 21 ребенка изъ числа учащихся въ безплатной школѣ при гимназіи, куда поступаютъ дѣти исключительно бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Имѣя въ виду вышеупомянутую сумму, т. е. 210 рублей, правленіе нашего Общества рѣшило принять предложеніе Общества при гимназіи М. Н. Стоюниной, съ условіемъ уменьшить число дѣтей до 16, предполагая остальныя вакантныя мѣста занять дѣтьми изъ своихъ народныхъ дѣтскихъ садовъ, и на общемъ собраніи 30 апрѣля роздало среди членовъ 17 подписныхъ листовъ. Деньги по 12 листамъ поступали въ теченіе всего мая мѣсяца, деньги съ 2 листовъ были пересланы уже въ колонію, а 3 листа пока еще не возвращены.

По листу №	1	отъ	г. Томашевскаго получено . . .	4	р. —	к
„ „ „	2	„	г. Грюнбергеръ „ . . .	28	„ —	„
„ „ „	3	„	листъ не возвращенъ.			
„ „ „	4	„	г. Лебедева получено	7	„ —	„
„ „ „	5	„	г-жи Камышевой не возвращенъ листъ			
„ „ „	6	„	г. Магалифъ получено	6	„ —	„
„ „ „	7	„	г-жи Купортъ „ . . .	10	„ 30	„
„ „ „	8	„	„ Гирсъ „ . . .	16	„ 50	„
„ „ „	9	„	„ Чабанъ „ . . .	8	„ —	„
„ „ „	10	„	„ Лебедевой „ . . .	7	„ 30	„
„ „ „	11	„	листъ не возвращенъ.			
„ „ „	12			13	„ 35	„
„ „ „	13	„	г-жи Угриновичъ получено . .	28	„ —	„
„ „ „	14			—	„ 50	„
„ „ „	15	„	„ Купортъ „	13	„ —	„
„ „ „	16	„	„ Сулима „	3	„ —	„
„ „ „	17	„	„ Купортъ „	71	„ 40	„

Итого по подписнымъ листамъ 216 р. 35 к.

На призывъ Общества отозвался и торгово-промышленный классъ. Были сдѣланы пожертвованія натурой слѣдующими фирмами:

Торговый домъ	„Высоцкій и Комп.“	пожертвовалъ	чай;
„ „	„Кузмичевъ“	„	кофе;
„ „	„Жукъ“	„	мыло;
„ „	„Блигкенъ и Робинсонъ“	„	макароны и немного конфетъ.
Хозяйственный магазинъ	г-жи Вержбинской	„	3 дюжины тарелокъ.

Членъ нашего Общества, Леонидъ Васильевичъ Леонтьевъ, уже второй годъ жертвуетъ на колонію матерію, изъ которой мы пополняемъ скудный гардеробъ нашихъ колонистовъ, и затѣмъ членъ Общества при гимназіи М. Н. Стоюниной, Викторъ Викторовичъ Шевлягинъ, оказалъ нашей дѣтской лѣтней колоніи большую услугу тѣмъ, что, при его посредствѣ, удалось купить масло, сыръ, ветчину и сельдей по весьма низкой цѣнѣ. Надо еще упомянуть, что нѣкоторыя торговыя фирмы сдѣлали, хотя и небольшія, пожертвованія деньгами на подписныхъ листахъ Общества.

Книги намъ любезно предоставила Рубакинская библіотека.

Наша дѣтская лѣтняя колонія получила на это лѣто безплатное помѣщеніе въ селѣ Ястребинѣ, Ямбургскаго уѣзда, Петербургской губерніи, въ министерской школѣ, попечительницей которой состоитъ княгиня Лид. Ал. Оболенская.

Правленіе Общества содѣйствія дошкольному воспитанію уже второй разъ получаетъ отъ княгини разрѣшеніе воспользоваться этимъ свободнымъ школьнымъ помѣщеніемъ на лѣтнее время. Дѣтямъ были предоставлены 2 большихъ класса, имѣющихъ одинъ — $24^1/_2$ куб. саж., а второй — 25 куб. саж. У насъ были еще столовая и кухня, общая съ живущими въ школѣ. Руководительницы также пользовались большой и свѣтлой комнатой. Комнаты выходили окнами на восточную, сѣверную и западную стороны. Но такъ какъ въ дѣтскихъ комнатахъ было по пяти оконъ, то свѣту было вполнѣ достаточно.

Денежный отчетъ.

Приходъ.

1. Отъ Общества вспомоществованія нуждающимся гимназисткамъ и бѣднымъ дѣтямъ, учащимся въ подготовительной школѣ при VIII классѣ гимназіи М. Н. Стоюниной	210 руб.	—	коп.
2. По подписнымъ листамъ	216 „	35	„
3. Отъ г-жи Глаголевой по квитанціямъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію	25 „	—	„
4. Отъ г-жи Т. Дроздовой за мальчика	7 „	50	„
5. Черезъ казначея Общества отъ М. Ив. Буровцевой	3 „	—	„
Итого собрано	461 руб.	85	коп.

Расходъ.

1. Расходъ по организаціи колоніи	11 руб.	43	коп.
2. Дорожные расходы колоніи	37 „	51	„
3. Вознагражденіе служащимъ въ колоніи	90 „	—	„
4. Инвентарь	11 „	38	„
5. Стирка, сода, прачка и т. д.	5 „	—	„
6. Ржаная мука и черный хлѣбъ печеный	12 „	39	„
7. Бѣлая мука, баранки, булки и дрожжи (86 к.)	35 „	68	„
8. Мясо	54 „	—	„
9. Масло	12 „	68	„
10. Сметана	1 „	89	„
11. Молоко	46 „	09	„
12. Сыръ и сельди, купленные въ Петербургѣ	7 „	65	„
13. Сахаръ и сахарный песокъ	36 „	23	„
14. Крупы для кашъ	39 „	26	„
15. Приправы къ обѣдамъ: овощи и т. п. зелень, соль	15 „	07	„
16. Яйца	3 „	30	„
17. Дрова	8 „	80	„
18. Вода	9 „	08	„
19. Матеріалъ для дѣтскаго труда: бумага, карандаши, гвозди, гумми-арабикъ, клей,			
Переносъ	437 руб.	44	коп.

Переносъ . .	437 руб.	44 коп.	
нитки и т. д., и тетради для дѣтей и отчета	6 „	40 „	
20. На починки и поправки вообще дѣтскихъ костюмовъ и шитье новаго	2 „	26 „	
21. Почтовые расходы по организаціи колоніи и для дѣтей	4 „	05 „	
22. Кофе для руковод.; какао и цикорій (къ дѣт. кофе) для дѣтей	3 „	04 „	
23. Солома для матрацовъ	2 „	20 „	
24. Укупорочный матеріалъ	1 „	37 „	
25. Сласти и чай на прогулкахъ	1 „	26 „	
26. Керосинъ, спички и случайные расходы .	2 „	62 „	
27. Лѣкарства, купленныя въ аптекѣ	1 „	16 „	
Итого расходу . .	461 руб.	80 коп.	

Надо еще принять во вниманіе, что изъ той же скудной суммы, собранной на нашу колонію, приходится тратить и на постепенное увеличеніе инвентаря колоніи и на дорожные расходы. Здѣсь я попрошу обратить вниманіе на діаграмму № 1, гдѣ наглядно распредѣлены расходы колоніи. Красной штриховкой обозначены суммы, израсходованныя исключительно на питаніе дѣтей, а черной — всѣ остальные расходы. Каждый ребенокъ обошелся колоніи въ 10 рублей $49^{7}/_{22}$ копейки въ 1 мѣсяцъ. Одно его мѣсячное содержаніе стоило 6 рублей $22^{19}/_{25}$ копейки.

Оправдательныхъ документовъ имѣется на 343 рубля 31 копейку. Оправдательныхъ документовъ нѣтъ на желѣзнодорожные и другіе путевые расходы, расходы по организаціи, дрова и другіе продукты, которые брали по мелочамъ у крестьянъ.

Итакъ:

Приходу было	461 руб.	85 коп.
Расходу	461 „	80 „
Итого остатку .		05 коп.

Интересно прослѣдить, какъ постепенно расширялось дѣло колоніи Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей за 4 года. Надо замѣтить, что учредители Общества считали по-

становку лѣтней дѣтской колоніи при Обществѣ однимъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ дня. Такъ, уже на первомъ году своего существованія Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей имѣло возможность отправить въ колонію 10 человѣкъ; въ слѣдующемъ году, т. е. 1909-мъ, дѣтей въ колоніи было 12 и израсходовано на нихъ 385 рублей. Въ 1910 году удалось взять въ колонію 16 дѣтей, и израсходовано на нихъ было 426 рублей, при чемъ колонія просуществовала 2 мѣсяца и 10 дней, а въ этомъ, 1911 году — на сумму въ 461 рубль 85 копеекъ 22 ребенка прожили въ колоніи ровно 2 мѣсяца.

Такое быстрое и постоянное развитіе дѣла даетъ возможность думать, что въ недалекомъ будущемъ колонія нашего Общества достигнетъ тѣхъ же размѣровъ, какъ и колонія Фребелевскаго общества, которое, скажу между прочимъ, уже имѣетъ собственную усадьбу и болѣе десятины земли, пожертвованную однимъ изъ членовъ того же Фребелевскаго общества. Ежегодно это Общество отправляетъ въ свою колонію отъ 80 до 100 дѣтей.

Итакъ, 3 іюня, въ 11 часовъ утра, колонія въ полномъ составѣ отправилась на станцію Веймарнъ, Балтійской желѣзной дороги. Желѣзнодорожная администрація весьма любезно предоставила намъ отдѣльный вагонъ. Въ дорогѣ дѣти были веселы и бодры. Проводы родителей не очень взволновали ихъ, такъ какъ дѣти были захвачены одной мыслью: ѣдемъ на дачу, будемъ купаться, у насъ будутъ свои комнаты. Дѣти справлялись заранѣе, будутъ ли у нихъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, отдѣльные для каждаго кровати и шкафики для бѣлья. Такого рода мечты дѣтей о шкафикахъ и кроватяхъ вполнѣ понятны, такъ какъ жизнь по угламъ слишкомъ ихъ утомляетъ и унижаетъ. Здѣсь же они сразу чувствуютъ себя дѣтьми, о которыхъ заботятся и которыя живутъ, по ихъ подлинному выраженію, «не хуже господскихъ дѣтей». Это обстоятельство очень имъ льститъ и приподнимаетъ ихъ настроеніе. Въ дорогѣ дѣтей очень занималъ вопросъ о томъ, пойдутъ ли они отъ станціи Веймарнъ до села Ястребино пѣшкомъ или поѣдутъ на лошадяхъ? На станціи Веймарнъ всѣ дѣти были по очереди взвѣшены. Надо замѣтить, что при отъѣздѣ изъ колоніи они были снова взвѣшены. Результаты того и другого взвѣшиванія можно видѣть изъ прилагаемой діаграммы № 2. Обратите вниманіе на колебанія въ вѣсѣ, которыя

далъ одинъ и тотъ же возрастъ. Къ объясненіямъ, даннымъ въ діаграммѣ № 2, считаю необходимымъ добавить, что счетъ ведется по вертикальному направленію, начиная прямо съ одного пуда, такъ какъ ни одинъ ребенокъ не вѣсилъ меньше этого количества.

Отъ станціи до села дѣти шли пѣшкомъ по живописной дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись всходы ржи и другихъ злаковъ. Эта первая прогулка весьма занимала дѣтей: они наперерывъ старались угадать, чѣмъ засѣяно данное поле. Конечно, дѣло не обошлось безъ грубыхъ ошибокъ. Бывали, напримѣръ, случаи, что всходы овса были названы всходами *пшена* и т. д. Уже во время этой первой прогулки постепенно обнаруживались темпераменты и характеры дѣтей. Такъ какъ подводы стоили дорого, а именно: по 1 рублю 10 копеекъ до Ястребина, а багажу было 23 пуда, плюсъ несмѣтное количество ручного багажа — корзиночекъ и узелочковъ, то пришлось для дѣтей взять одинъ «Ванкуръ» — телѣгу, на которую они подсаживались по очереди, а багажъ шелъ на двухъ подводахъ.

Уже съ первыхъ же моментовъ пребыванія въ колоніи день распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Дѣти вставали около восьми часовъ утра. Дежурные по спальнямъ (2 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ) убирали каждые свою спальню, т. е. мели полъ, вытирали пыль и открывали окна. Дежурные по столовой, тоже 2, шли съ ведромъ за молокомъ. Утромъ брали 5 горшковъ молока, т. е. 18 бутылокъ. Въ четверть или 20 минутъ девятаго (8 ч. 20 м.) всѣ шли или купаться или умываться, въ зависимости отъ погоды. Мѣсто для купанья отстояло отъ школы на $^1/_8$ версты, умываться ходили тоже на рѣчку къ водопаду, недалеко отъ школы. Послѣ купанья дѣти дѣлали гимнастическія упражненія. Въ 9 часовъ садились за столъ. Сначала дѣти кушали кашу съ молокомъ, поперемѣнно: гречневую, яшневую или пшенную и нѣсколько рѣже манную съ сахаромъ, на молокѣ. Затѣмъ пили по 2 кружки ячменнаго кофе съ баранками, домашнимъ ситнымъ или съ оладьями, которыя мастерски готовила наша прислуга. Послѣ утренняго завтрака дежурные по столовой мыли посуду. Остальные готовились къ прогулкѣ и играли во дворѣ. Если была хорошая погода, то колонія выходила на прогулку. Въ противномъ случаѣ дѣти занимались дома какими-либо работами по указанію дежурной руководительницы.

Прогулка или работы начинались въ 10 часовъ утра, иногда въ $10^1/_2$ часовъ. Въ часъ дня дѣти шли купаться или умываться.

Въ 2 часа дня былъ обѣдъ, состоявшій изъ двухъ, иногда изъ трехъ блюдъ. Послѣ обѣда дежурные моютъ посуду, и дѣти совершаютъ вторую прогулку недалеко отъ дома съ играми и гимнастикой на открытомъ воздухѣ. Если же погода дурная, то играютъ дома. Въ промежуткѣ времени до чая желающіе читаютъ и пишутъ. На діаграммѣ № 3 время, проведенное дѣтьми на открытомъ воздухѣ, обозначено красной краской. Необходимо обратить вниманіе на то, что громадную часть времени дѣти провели на открытомъ воздухѣ. Послѣ чая дѣти или продолжаютъ игры или уходятъ въ ближнее поле или лѣсъ за цвѣтами для своихъ комнатъ, за ягодами и за палочками и прутиками для работъ; нѣкоторые при всякомъ удобномъ случаѣ лазаютъ по деревьямъ, при чемъ искусство лазать весьма цѣнилось. Въ $6^1/_2$ часовъ дня колонія отправлялась купаться или умываться. Въ $7^1/_4$ часовъ вечера былъ ужинъ. Послѣ ужина починяли порванное за день платье или играли «въ рюхи», а въ $8^1/_2$ часовъ вечера отправлялись спать. Здѣсь прошу обратить вниманіе на то, что дѣти получали хорошій, сытный и разнообразный столъ.

Меню на всю недѣлю.

Обѣдъ.	Чай въ 4 часа.	Ужинъ.
Понедѣльникъ.		
1. Зеленыя щи. 2. Бефъ-Строгановъ.	По кружкѣ молока съ чернымъ хлѣбомъ.	1. Бефъ-строгановъ. 2. Простокваша.
Вторникъ.		
1. Супъ съ вермишелью или домашнею лапшою. 2. Форшмакъ.	Чай съ булками.	1. Супъ отъ обѣда. 2. Каша съ молокомъ
Среда.		
1. Супъ съ томатами. 2. Печенка съ картофелемъ. 3. Иногда ягоды съ молокомъ.	Молоко съ чернымъ хлѣбомъ.	1. Супъ съ томатами. 2. Печенка съ картофелемъ. 3. Молоко по 1 кружкѣ.

Обѣдъ.	Чай въ 4 часа.	Ужинъ.
Четвергъ.		
1. Гороховый супъ съ ветчиной.	Чай съ булкой.	1. Ветчина съ хлѣбомъ.
2. Котлеты съ подливкой изъ томатовъ.		2. Каша съ молокомъ.
Пятница.		
1. Щи съ кислой капустой и ветчиной.	Молоко съ чернымъ хлѣбомъ.	1. Щи.
2. Вареники или пельмени.		2. Каша съ молокомъ.
Суббота.		
1. Борщъ.	Чай или молоко.	1. Борщъ.
2. Рулетъ.		2. Рулетъ.
Воскресенье.		
1. Бульонъ съ кореньями и пирогъ съ мясомъ и рисомъ.	Чай съ баранками или ситнымъ.	1. Супъ, заправленный крупами.
2. Макароны съ масломъ и сыромъ.		2. Каша съ молокомъ.
3. Компотъ или какао или сладкій пирогъ съ молокомъ.		

Какъ уже было упомянуто ранѣе, дѣтей въ колоніи было 22 человѣка—11 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ. Изъ нихъ 16 человѣкъ изъ подготовительной школы для бѣднѣйшихъ дѣтей, состоящей при VIII классѣ гимназіи М. Н. Стоюниной, и 6 человѣкъ, помѣщенныхъ въ колонію членами Общества содѣйствія дошкольному воспитанію.

Возрастъ дѣтей былъ слѣдующій:

4 лѣтъ		2 дѣтей
7 „		2 „
8 „		7 „
9 „		5 „
10 „		3 „
11 „		1 ребенокъ.
13 „		1 „
14 „		1 „

Соціальное положеніе дѣтей было слѣдующее:

1. Дѣти рабочихъ на заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ	12 ч.	54,54 %
2. „ служащихъ личной прислугой	3 „	13,64 %
3. „ интеллигентныхъ тружениковъ	3 „	13,64 %
4. „ солдата и торговца (изъ солдатъ)	2 „	9,09 %
5. „ совсѣмъ незнающіе отцовъ	2 „	9,09 %
Итого	22 ч.	100,00 %

Занятія матерей:

1. Дѣти работницъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ и портнихъ	7 ч.	31,81 %
2. „ ведущихъ домашнее хозяйство	6 „	27,28 %
3. „ личной прислуги	4 „	18,18 %
4. „ прачекъ	3 „	13,64 %
5. „ интеллигентныхъ труженицъ	2 „	9,09 %
Итого	22 „	100,00 %

Изъ 22 дѣтей внѣбрачныхъ 5.

Дѣтей, находящихся на рукахъ исключительно матерей	14 ч.
„ не имѣющихъ матери	1 „
Всего дѣтей полусиротъ	15 ч.

Обычное число дѣтей въ семьяхъ нашихъ колонистовъ 4, 6, 8 человѣкъ.

Одинъ ребенокъ встрѣчается только у внѣбрачныхъ.

Петербургскій климатъ, плохое питаніе, сырые и полутемные углы, обычно уносятъ каждый годъ массу дѣтей. Дѣти, явившіяся въ колонію, отражаютъ на себѣ послѣдствія антигигіеническихъ условій столичной жизни. Рахитъ, ужасающее малокровіе, золотуха, зачастую испорченные зубы, плохое зрѣніе, незначительный объемъ и неправильная форма грудной клѣтки, слабое развитіе мышечной и костной системы, слабое сердце, вялость и апатія всего организма и т. д. и т. д. — вотъ съ чѣмъ являются дѣти въ колонію, какъ это ясно показываетъ діаграмма № 4. Интересно сопоставить данныя діаграммы № 2 съ данными этой діаграммы. Намъ ясно бросается въ глаза тѣсная зависимость между состояніемъ здоровья и вѣсомъ ребенка. Красная штриховка обозначаетъ здоровыхъ дѣтей, черная — ярко выражен-

ную болѣзнь, смѣшанная — слѣды недавней болѣзни. Все вышесказанное доказываетъ необходимость медицинской помощи во время пребыванія дѣтей въ колоніи. Особенно тяжело отзывалась на руководительницахъ вялость дѣтей: ихъ трудно было раскачать, вовлечь въ игры и занятія. Ко всему они относились крайне безразлично. Конечно, и у нихъ были отдѣльные подъемы настроенія. И только къ концу уже лѣта наши колонисты стали дѣтьми, какъ и всякія другія дѣти, ихъ апатія понемногу уступила мѣсто живому интересу къ окружающему. Не имѣя возможности дать дѣтямъ постоянную медицинскую помощь, мы вынуждены были обращаться къ заѣзжавшему земскому врачу, который бывалъ въ этихъ мѣстахъ 2 раза въ мѣсяцъ, и по его указаніямъ лѣчили дѣтей съ хроническими болѣзнями. Но, конечно, всѣмъ ясно, что этимъ не должна исчерпываться медицинская помощь. За все лѣто у дѣтей не наблюдалось какихъ-либо новыхъ заболѣваній. Въ общемъ мы можемъ сказать, что здоровье дѣтей значительно улучшилось за лѣто, благодаря хорошему питанію, движенію на чистомъ воздухѣ, купанью и спокойной жизни. Дѣти значительно прибавились въ вѣсѣ, какъ это видно изъ діаграммы № 2, кромѣ 2 дѣтей, изъ которыхъ одинъ страдалъ солитеромъ, а другой — онанизмомъ. Болѣе точной картины состоянія здоровья дѣтей къ концу ихъ пребыванія въ колоніи мы дать не можемъ изъ-за отсутствія врачебнаго осмотра ихъ по прибытіи въ Петербургъ.

Переходя къ общей характеристикѣ дѣтей, я должна сдѣлать оговорку, что, собственно говоря, дѣтская колонія даетъ намъ массу матеріала, который можетъ послужить для цѣлаго ряда научныхъ докладовъ по воспитанію дѣтей. Но, давая общій отчетъ о положеніи дѣлъ въ дѣтской колоніи нынѣшняго лѣта, я должна ограничиться только общей характеристикой дѣтей съ ихъ большими и маленькими недостатками, проявлявшимися у насъ въ колоніи. Также мнѣ придется упомянуть и о тѣхъ, правда, незначительныхъ, результатахъ, нѣсколько повысившихъ уровень дѣтей, которыхъ удалось достичь за столь непродолжительный срокъ пребыванія въ колоніи, т. е. за 2 мѣсяца. Весьма ярко сказывалось у дѣтей отсутствіе цѣлаго ряда культурныхъ навыковъ, а также привычка къ грубому и безцеремонному отношенію съ окружающими.

И вотъ, характерно для среды, изъ которой вышли эти дѣти,

то обстоятельство, что такой необходимый, такой нужный навыкъ, какъ умѣнье одѣваться и умываться, у нихъ совершенно отсутствовалъ. На первыхъ порахъ постоянно приходилось слѣдить, чтобы все было на мѣстѣ, какъ слѣдуетъ надѣто и застегнуто. Особенной неряшливостью, доходящей почти до распущенности, отличались мальчики. Сразу же пришлось предъявить имъ рядъ культурныхъ требованій, о которыхъ дѣтямъ приходилось слышать зачастую въ первый разъ и необходимость которыхъ ими упорно отвергалась. Какъ уже было упомянуто выше, дѣтямъ было очень пріятно имѣть свою комнату и «собственную» кровать. Но, несмотря на все это, комнаты были въ порядкѣ только на одинъ первый день пріѣзда, когда они устраивались и были исключительно этимъ заинтересованы. Но когда же жизнь вошла въ нормальную колею, картина получилась иная. Даже когда дежурными по комнатамъ были старшіе мальчики и дѣвочки, все равно приходилось постоянно наблюдать небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Дѣтей приводило въ недоумѣніе также постоянное требованіе полной чистоты и строгой аккуратности во всемъ. Они заявляли, что у нихъ для буденъ достаточно чисто, что-де завтра не праздникъ. Зато къ празднику они ужъ показывали себя: они чистили, мели, терли и скребли съ удивительнымъ трудолюбіемъ, стараясь изо всѣхъ силъ. Въ этомъ можно было видѣть нѣчто традиціонное, внушаемое съ ранняго дѣтства средою. Употребленіе мыла, очевидно, не считалось обязательнымъ въ ихъ домашней обстановкѣ, такъ какъ каждый разъ при отправленіи на купанье приходилось напоминать о томъ, взято ли мыло и полотенце. О послѣднемъ стоитъ упомянуть, потому что находились такіе оригиналы, даже среди большихъ дѣтей, которые серьезнѣйшимъ образомъ увѣряли, что полотенца не надо, что лицо само высохнетъ, а въ крайнемъ случаѣ можно утереться рубашкой. И только постоянное и неуклонное требованіе аккуратнаго отношенія къ своему туалету заставило ихъ относиться къ этому болѣе внимательно. Несмотря на все это, требованіе мыть за ушами дѣти-колонисты, вѣроятно, и до сего дня считаютъ излишней роскошью. Такое же небрежное отношеніе, какое они проявляютъ къ своей личности, можно было замѣтить и въ ихъ обращеніи со своими вещами. Такъ, дѣти не знали своихъ собственныхъ вещей. И въ этомъ году, какъ и въ прошломъ, случались при возвращеніи въ Петербургъ такіе ка-

зусы: на нѣкоторыя вещи не нашлось хозяевъ, а нѣкоторыя дѣти перемѣнились вещами, такъ что пришлось дожидаться матерей и производить разборку вещей уже на Петербургскомъ вокзалѣ. Этого, повторяющагося каждый годъ, инцидента старались въ этомъ году избѣжать тѣмъ, что немедленно по пріѣздѣ засадили за мѣтку бѣлья. Къ своимъ игрушкамъ они также относились крайне небрежно: забывали на улицѣ, не убирали въ опредѣленное мѣсто, а сваливали въ сѣняхъ или гдѣ попало, нещадно ломали ихъ, при чемъ къ своей собственной игрушкѣ, привезенной имъ изъ дому, ребенокъ относился болѣе внимательно. Чтобы пріучить дѣтей къ аккуратному и вообще хорошему отношенію къ игрушкамъ, ихъ старались заинтересовать самымъ процессомъ уборки, создать изъ мѣста храненія нѣчто красивое или освѣтить какою-нибудь заманчивою цѣлью и причиной. Такъ, напримѣръ, была слѣдующая исторія съ плотомъ.

Дѣти создали плотъ, на которомъ съ удовольствіемъ плавали по пруду. По окончаніи плаванія они его обыкновенно просто пригоняли къ берегу, не закрѣпляя и не привязывая. По этому поводу былъ цѣлый разговоръ, во время котораго удалось навести дѣтей на мысль, что плотъ надо привязывать, иначе онъ или самъ отойдетъ отъ берега или его отгонятъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ его не достанешь. На слѣдующій же день дѣти сами вбили на берегу колъ, къ которому и стали съ этихъ поръ аккуратно привязывать плотъ, боясь его потерять.

Чтобы дѣти вѣшали свои пальто въ опредѣленное мѣсто, а не бросали ихъ на кровать или подъ кровать, пришлось достать вѣшалку и наклеить билетики съ ихъ именами, при чемъ было указано, что мы себѣ устроили вѣшалку, какъ въ учебномъ заведеніи. Это ихъ занимало, и они мало-по-малу отвыкли подкладывать пальто себѣ подъ голову.

Отсутствіе культурности отразилось также на неумѣніи употреблять посуду. Сразу чувствовалось, что дома дѣти привыкли ѣсть изъ общей чашки. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи ихъ культурность повышалась съ головокружительной быстротой. Это ярко характеризуется слѣдующимъ случаемъ.

Спустя недѣли три по пріѣздѣ одною дежурною было сломано сразу 8 тарелокъ. Волей-неволей за этимъ обѣдомъ пришлось предложить кушать по-двое изъ одной тарелки. И несмотря на то, что дѣти сидѣли парами, рядомъ со своими избранными прія-

телями, все-таки они моментально заявили протестъ, доказывая, что ѣсть изъ одной тарелки и неудобно, и непріятно, и сами же нашли выходъ изъ этого положенія, именно, предложивъ одной группѣ дѣтей покушать, вымыть тарелки и передать ихъ второй группѣ. Это предложеніе было охотно принято, и всѣ дѣти были удовлетворены.

Также большого труда стоило пріучить дѣтей къ правильному сну. Изъ распредѣленія дня видно, что дѣти уже въ девятомъ часу шли въ свои спальни. Сначала они были ужасно огорчены, прямо ошеломлены тѣмъ, что всѣ они должны въ одно и то же время идти спать. Именно, это слово «должны» и производило на нихъ такое ошеломляющее впечатлѣніе. Дѣти считали, что можно идти ложиться спать когда кому вздумается. Одинъ доказывалъ, что онъ привыкъ ложиться дома въ 11 часовъ; другой объяснялъ, что дома онъ читаетъ мамѣ до 12, а иногда и до 2 часовъ. Но такъ какъ они видѣли, что никакія просьбы здѣсь не помогутъ, то и должны были согласиться съ печальной необходимостью. Къ тому же они за день настолько уставали, проводя почти весь день на воздухѣ, что, добравшись до кроватей, моментально засыпали. И въ самый непродолжительный срокъ окончились всякаго рода протесты по этому вопросу, такъ какъ у дѣтей не хватило бы силъ оставаться играть позже 9 часовъ.

Городская привычка «ѣсть по кусочку» тоже дала себя почувствовать и въ колоніи. Пообѣдавъ, многія дѣти не забывали положить себѣ въ карманъ или рукавъ костюма кусочекъ или даже корочку хлѣба. И такъ какъ за этимъ былъ организованъ правильный надзоръ, то дѣти съ первыхъ же дней обратились за кусочками къ прислугѣ. Видя, что ихъ за это руководительницы не преслѣдуютъ, а просто интересуются, почему дѣти такъ поступаютъ, хотя ѣдою они и не стѣснены, они откровенно заявляли, что-де они боятся, что вдругъ имъ захочется ѣсть, а они знаютъ, что имъ до слѣдующей ѣды въ опредѣленный часъ ничего не дадутъ. Но съ этой привычкой пришлось недолго бороться, такъ какъ дѣти всегда, въ сущности, были сыты, и эта привычка городской бѣдноты исчезла сама собою.

Здѣсь я считаю долгомъ указать, что, несмотря на тяжелую нужду, отсутствіе сносной пищи, — дѣти этой среды имѣютъ возможность тратить на лакомства копеечки, выпрошен-

ныя у родителей или у кого-либо другого. Въ колоніи же, гдѣ они вполнѣ довольны столомъ, ихъ сокрушаетъ отсутствіе шоколадокъ и мороженаго.

Къ числу низшихъ чувствъ, проявленныхъ нашими колонистами, надо отнести жадность. Особенно это проявлялось за столомъ, когда поднимались крики: «Мнѣ! Мнѣ!», такъ какъ многіе изъ нихъ не хотѣли признавать, что все за столомъ подается по очереди. Чувство жадности проявлялось и въ играхъ, когда каждый старался захватить лучшую игрушку. Но нельзя сказать, чтобы это чувство имѣло такіе размѣры, что проявленія его приходилось бы подчеркивать.

Религіозныя теченія народной мысли также нашли свое отраженіе въ средѣ, изъ которой вышли дѣти. Еще при организаціи колоніи мнѣ пришлось встрѣтиться со слѣдующими фактами. Когда мною были приглашены всѣ дѣти принести всѣ свои вещи для ихъ упаковки, то нѣкоторыя не явились, несмотря на то, что всѣмъ имъ было заблаговременно послано извѣщеніе. Опасаясь какой-либо случайности, изъ-за которой ребенокъ не поѣдетъ, я приняла мѣры для провѣрки дѣла на мѣстѣ. Были случаи, когда ребенокъ имѣлъ возможность уѣхать въ деревню, но были случаи поистинѣ трагическіе.

Явившись въ одну семью, мы узнали, что родители сами страшно огорчены невозможностью отправить ребенка на дачу, но по ихъ категорическому заявленію поступить иначе они не могли, такъ какъ «братецъ Иванушка», пользующійся громаднымъ вліяніемъ на темную народную массу, а въ томъ числѣ и на данную семью, заявилъ, что отпускать ребенка грѣшно, если у родителей есть хотя бы какая-нибудь возможность прокормить его. Авторитетъ «братца Иванушки» настолько силенъ, что родители этого ребенка даже не хотѣли входить въ критику его безапелляціоннаго рѣшенія.

Но въ нашей колоніи этимъ дѣло не окончилось, такъ какъ одна семья, очевидно, не испросивъ предварительнаго разрѣшенія отъ того же «братца Иванушки», отпустила двоихъ дѣтей, но, будучи его ревностными поклонниками, эти родители категорически запретили дѣтямъ «вкушать мясо». Узнавъ про это, я готова была въ первый моментъ отказаться принять этихъ дѣтей въ колонію. Но дѣти уже явились вмѣстѣ съ матерью, и тогда я была поражена ихъ невѣроятнымъ малокровіемъ; лица ихъ были

буквально прозрачны: подъ глазами были черные круги. — Это были — дѣвочка 13 лѣтъ съ вѣсомъ въ 1 пудъ 33 фунта и мальчикъ 9 лѣтъ, вѣсившій 1 пудъ 15 фунтовъ, какъ вы видите на діаграммѣ № 2, меньше всѣхъ дѣтей его возраста и даже меньше дѣтей 8 лѣтъ. Несмотря на то, что Вѣра — такъ звали эту дѣвочку — говорила о постѣ и молитвѣ, видно было, что она съ жадностью и завистью смотритъ на то, какъ другія дѣти ѣдятъ мясныя блюда. Очевидно въ ней происходила внутренняя борьба, и она быстро и легко перешла къ общему столу. Голоданіе, возведенное въ систему, отразилось даже на психологіи дѣвочки, развивъ въ ея характерѣ типичную раздражительность, доходившую до сварливости, а временами до истерики. Она постоянно затѣвала ссоры съ подругами, была слишкомъ корыстолюбива, и уже въ эти годы у нея было такъ много показного и такъ мало искренне-добраго въ отношеніи къ окружающимъ. Работа съ такимъ типомъ была поистинѣ тяжелая. Но не могу не сказать о томъ, что къ концу лѣта ребенокъ если и не окончательно преобразился, то во всякомъ случаѣ Вѣра много измѣнилась къ лучшему. Она стала вполнѣ терпимой. И мы отнесли это къ значительному улучшенію ея здоровья: она значительно прибавилась въ вѣсѣ (см. діаграмму № 2), пополнѣла и порозовѣла.

Далѣе перейдемъ къ психологіи дѣтей. Дѣти принесли съ собою большой запасъ уличныхъ пѣсенъ, разговоры и манеры взрослыхъ.

Чтобы прекратить пѣніе уличныхъ пѣсенъ, руководительницамъ приходилось садиться съ ними же и начинать пѣсню, подходящую къ дѣтскому возрасту. Это отвлекало дѣтей отъ ихъ репертуара, и мало-по-малу окончательно установился репертуаръ пѣсенъ, разученныхъ ими въ приготовительной школѣ при гимназіи М. Н. Стоюниной, и пѣсенъ, разученныхъ на дачѣ.

Нельзя сказать, чтобы мальчики и дѣвочки обращали вниманіе на различіе половъ, но привычка говорить объ этомъ съ одною только цѣлью вызвать этимъ недовольство представителей другого пола, была въ большомъ ходу, особенно у мальчиковъ. Были случаи, когда они подсматривали въ спальню дѣвочекъ, но ясно было, что ихъ интересуетъ не самое подсматриваніе, а то, что это сердитъ дѣвочекъ. Это является продуктомъ взглядовъ среды. А дѣвочки, въ свою очередь, не прочь были спѣть пѣсню про «симпатію», какъ онѣ сами выражались. Мы еще разъ под-

черкиваемъ, что такого рода явленія не присущи ихъ дѣтскому возрасту и навѣяны исключительно средою. Всегда занятыя въ колоніи или общими играми и прогулками или работами, при постоянномъ наблюденіи руководительницъ, дѣти утрачивали весьма быстро склонность къ такого рода разговорамъ. Характерно отмѣтить отношенія между мальчиками и дѣвочками на купаньѣ. Они купались на разстояніи 10—15 саженъ одни отъ другихъ и считали прямо недопустимымъ купаться вмѣстѣ. Въ водѣ же они съ чисто дѣтской наивностью не замѣчали, что слишкомъ близко подходятъ другъ къ другу. Надо отмѣтить, что купанье было для нихъ самымъ дорогимъ дачнымъ удовольствіемъ: они были бы готовы купаться по десяти разъ въ день. И при отъѣздѣ изъ колоніи дѣти сочинили общими силами прощальную пѣсню, въ которой большое вниманіе было отдано купанью, а далѣе воспѣвались и лѣсъ, и поля и т. д.

Особенное вниманіе было обращено на постановку игръ въ колоніи. Всѣ игры, устраиваемыя въ колоніи, можно раздѣлить на двѣ группы: 1) игры подъ руководствомъ воспитательницъ и 2) игры по собственной иниціативѣ дѣтей.

Въ первой группѣ игръ насъ интересовали психологическіе мотивы и физическое развитіе дѣтей. За руководство у насъ былъ принятъ методъ Петра Францевича Лесгафта, и игры велись въ связи съ тѣми гимнастическими упражненіями, которыми дѣти занимались или наканунѣ или въ тотъ же день, и сами дѣти смотрѣли на гимнастику какъ на необходимую подготовку, чтобы легко справляться съ задачами игры.

Игры второй группы рѣдко бывали общественными: дѣти любили разбиваться на группы по 2—3 человѣка и вели игры, опять таки ярко отражающія и вкусы и интересы ихъ среды. Они играли въ господъ добрыхъ и злыхъ. Добрые господа, въ ихъ игрѣ, много платили своимъ работникамъ и дѣлали подарки. Злые или совсѣмъ не давали работы или были грубы и требовательны и часто прогоняли своихъ рабочихъ. Дѣти великолѣпно подражали вздохамъ и огорченіямъ, которыя имъ часто приходилось наблюдать дома, и игра шла безъ треній, словно великолѣпно заученная роль. Грустно было смотрѣть на такого рода игры, и мы старались привлечь дѣтей вниманіе къ чему-либо новому, дающему и матеріалъ для мысли и богатыя впечатлѣнія. Такъ, вышеизложенную игру намъ удалось замѣнить игрой въ поѣзда тоже съ житейскимъ

смысломъ. Это было необходимо, такъ какъ, несмотря на малый возрастъ нашихъ колонистовъ, они были склонны къ практицизму. Я не буду подробно останавливаться на точномъ изложеніи вновь организованной игры. Упомяну лишь, что она была полна жизни и движенія. Дѣти часто ходили на желѣзнодорожный разъѣздъ — Ястребино, гдѣ до мельчайшихъ подробностей заучили правила движенія поѣздовъ и все это съ необычайной точностью перенесли въ свою игру, добавивъ въ нее разнаго рода житейскія явленія. Такія игры, созданныя почти исключительно самими дѣтьми, заслуживаютъ, конечно, вниманія. Исключительно по ихъ иниціативѣ были организованы «полеты». Дѣти устроили большой змѣй и стали его пускать. Интересно отмѣтить, что организаторы, назначивъ плату за мѣста, сами же смутились, понявъ, что ихъ публикѣ нечѣмъ будетъ платить да и какъ имъ быть вообще съ деньгами. Но это смущеніе длилось всего нѣсколько минутъ. Кто-то изъ нихъ предложилъ замѣнить денежную плату букетами въ пользу руководительницъ и за лучшіе букеты были предложены первыя мѣста. «Авіаціи» (такъ называли дѣти полеты змѣя) хорошо удавались, и дѣти любили эту игру. Среди мальчиковъ и нѣсколькихъ дѣвочекъ большимъ вниманіемъ пользовалась «игра въ обезьянъ», имѣвшая цѣлью, главнымъ образомъ, лазанье по деревьямъ и кувырканье по землѣ.

Переходимъ къ занятіямъ и работамъ дѣтей, хотя нужно оговориться, что занятія нашихъ колонистовъ мало чѣмъ отличались отъ игръ и часто съ ними были тѣсно связаны. Это было сдѣлано сознательно, чтобы дѣти возможно больше времени проводили внѣ комнатъ. Какъ ни хорошо было въ ихъ большихъ и свѣтлыхъ комнатахъ, но въ полѣ и лѣсу еще лучше и много лучше. Здѣсь имъ давали бодрость и силы и солнце, и воздухъ, и возможность свободно двигаться.

Я обращу ваше вниманіе на діаграмму № 3, гдѣ красной штриховкой отмѣчено время, проведенное дѣтьми на воздухѣ въ прогулкахъ, экскурсіяхъ, въ гимнастикѣ и т. д. Оно занимаетъ (исключая изъ общаго расчета сонъ) — 62,88% всего времени бодрствованія. Итакъ, правильные уроки у насъ были только тогда, когда, благодаря дурной погодѣ, не было никакой возможности пойти на прогулку или хотя бы во дворъ. Въ такіе дни мы занимались, главнымъ образомъ, рисованіемъ по воспоминаніямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы бывали. Нѣкоторые просто срисовы-

вали съ рисунковъ. Чтеніемъ дѣти часто занимались въ саду, дожидаясь товарищей-дежурныхъ, чтобы идти на прогулку. Читали и вечеромъ, послѣ ужина до $8^1/_2$ часовъ, когда нужно было отправляться спать; читали и въ дурную погоду. Вообще, книгъ было взято достаточно, и за 2 мѣсяца дѣти перечитали всѣ книги, за небольшимъ исключеніемъ. Чтобы дѣти за лѣто не забыли писать, имъ были предложены тетради, куда они записывали новыя пѣсни и стихи, а также черновики писемъ къ родителямъ. Эти тетради время отъ времени провѣрялись.

Всевозможныя же ариѳметическія упражненія продѣлывались въ играхъ, гдѣ дѣти старались возможно быстрѣе и правильнѣе высчитывать, а на прогулкахъ дѣти занимались измѣреніемъ, шагами и аршинными палками, полосъ крестьянскихъ посѣвовъ, сравнивая полосы и соображая о будущемъ урожаѣ. Это и занимало ихъ и развивало.

Въ дурную же погоду дѣти дѣлали себѣ игрушки изъ палочекъ, принесенныхъ ими изъ лѣсу. Я должна отмѣтить, что мальчики, узнавъ о возможности получить ножъ, молотокъ и гвозди, пришли въ неописуемый восторгъ, фантазіи ихъ не было конца, и въ этой работѣ, какъ ни въ чемъ другомъ, они проявляли постоянство. На работу полагалось maximum $1^1/_2$ часа, но были дѣти, которыхъ это время не удовлетворяло, и они готовы были не разставаться съ работой до вечера. Иначе отнеслись къ этому дѣвочки. Вѣра, о которой мы уже ранѣе упоминали, дерзко заявила, что мы-де не столяры и работать не станемъ. Вначалѣ большинство дѣвочекъ было съ нею согласно и только 2—3 были полны желанія побѣжать въ комнату, гдѣ уже застучали молотки, но не рѣшались нарушить общаго отрицательнаго отношенія другихъ дѣвочекъ. Такое упорство дѣвочекъ продолжалось недолго, такъ какъ 2 изъ нихъ пошли и спустя полчаса принесли показать другимъ — одна лѣстницу, а другая борону; постепенно и остальныя подъ давленіемъ уговоровъ занялись работой. Изъ дѣвочекъ особенно увлекались работами 3 тихія вдумчивыя дѣвочки. Первое время онѣ сильно уступали мальчикамъ въ ловкости, но этотъ недостатокъ сравнительно быстро исчезъ. Дѣти создали даже общую работу: былъ устроенъ деревенскій домикъ съ сараемъ и частоколомъ, подобіе огорода и т. д. Всѣ свои работы повезли домой, чтобы дома показать и кое-что подарить младшимъ. Эти работы настолько увлекли ихъ, что они передъ отъ-

ѣздомъ просили разрѣшенія заготовить себѣ палочекъ для Петербурга. Занимались и выпиливаніемъ, но инструментъ у насъ былъ всего только одинъ, да и работа для громаднаго большинства была бы трудной, но все же 5 человѣкъ увлекались выпиливаніемъ. Затѣмъ, какъ уже было выше упомянуто, дѣти, по собственной инициативѣ, устроили себѣ плотъ, который могъ сдержать троихъ дѣтей. Онъ плавалъ у нихъ по пруду возлѣ самой школы, гдѣ помѣщалась колонія.

Для плота дѣти на тачкахъ привозили изъ сосѣдняго лѣса обрѣзки сосновыхъ и березовыхъ верхушекъ отъ 2 до 3 вершковъ толщиной, сдѣлали раму изъ досокъ, и при помощи гвоздей плотъ былъ скрѣпленъ. Дѣти работали съ восторгомъ: каждое прибитое бревно приводило ихъ въ умиленіе, а когда плотъ двинулся по пруду и не потонулъ, чего они неосновательно опасались, дѣти кричали ура и кувыркались отъ безграничнаго счастья. Въ этой ихъ работѣ были и просторъ и творчество. И между прочимъ, они, пользуясь плотомъ, очистили прудъ отъ палокъ и щепокъ, загрязнявшихъ его.

Съ неменьшей энергіей и творчествомъ дѣти строили себѣ избушки въ лѣсу во время продолжительныхъ прогулокъ и пикниковъ. Для постройки избушекъ у нихъ было излюбленное мѣсто, гдѣ былъ и лѣсъ и песокъ мелкій и крупный съ камнями. Этого матеріала было вполнѣ достаточно для строительныхъ плановъ нашихъ колонистовъ. Дѣвочки въ постройкѣ избушекъ не уступали мальчикамъ. Эта работа-игра удерживала ихъ вниманіе на цѣлый день. А вообще, про дѣтей нашей колоніи можно сказать, что ихъ вниманіе не можетъ долго сосредоточиваться на одномъ и томъ же явленіи.

Пикникомъ у насъ называлось слѣдующее. Сразу послѣ утренняго завтрака колонія отправлялась въ лѣсъ на излюбленное мѣсто, увозя съ собою на телѣжкѣ заранѣе приготовленный обѣдъ, самоваръ и посуду. Придя на мѣсто, дѣти начинали постройку своихъ избушекъ, спѣша главное закончить къ обѣду, который и разносили по своимъ хижинамъ. Послѣ обѣда немного времени тратили на сборъ ягодъ и вновь работали надъ своими избушками, при чемъ часть дѣтей вырывала себѣ въ пескѣ пещеры лопатами, захваченными изъ дому. Въ 4 часа пополудни шли за молокомъ въ сосѣднюю деревню и вновь играли, пока не отправлялись купаться.

Гимнастика и игры устраивались всегда на воздухѣ, о чемъ было уже упомянуто. Однимъ словомъ, дѣти пользовались воздухомъ, насколько это было возможно. Такъ, часто колонія, отправляясь послѣ обѣда на прогулку, заходила къ 4 часамъ пополудни въ деревню, гдѣ для нихъ брали молоко и чернаго хлѣба. Дѣти закусывали и шли домой.

Интересно подмѣчать у городскихъ дѣтей проявленія восторженнаго чувства къ природѣ и сознаніе ея красотъ. Закатъ солнца, лѣсъ и поле — все привлекало ихъ вниманіе и приводило въ восхищеніе.

О развитіи у дѣтей настоящаго общественнаго чувства трудно говорить, хотя можно отмѣтить довольно внимательное отношеніе другъ къ другу. Обыкновенно дѣвочки держались нѣсколько въ сторонѣ отъ мальчиковъ, но рѣзко это не проявлялось. Между собою мальчики часто дрались не изъ-за какихъ-либо особенныхъ причинъ, а просто, вѣроятно, изъ любви къ искусству. Сократить ихъ состязанія въ дракѣ, которая возникала обыкновенно изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ, удалось только выставляя каждый разъ инцидентъ въ смѣшномъ видѣ. Каждому мальчику не хотѣлось стать въ смѣшное положеніе, и въ концѣ концовъ сами дѣти стали относиться къ дракамъ отрицательно, такъ что останавливать типичныхъ драчуновъ приходилось не самимъ руководительницамъ. Среди дѣвочекъ ссоры происходили, главнымъ образомъ, на почвѣ обязательныхъ работъ.

Отношеніе старшихъ дѣтей колоніи къ младшимъ было великолѣпное. Одинъ старшій мальчикъ, который уже второй годъ былъ въ колоніи и котораго мы, слѣдовательно, успѣли хорошо изучить, относился къ младшимъ членамъ колоніи съ удивительною, почти материнскою, заботливостью.

Какъ на примѣръ такого заботливаго отношенія старшихъ къ младшимъ могу указать на слѣдующій инцидентъ. Какъ-то во время отдаленной прогулки за ягодами колонія разбрелась по склону горки, при чемъ совершенно случайно дѣвочка 9 лѣтъ и мальчикъ 4-хъ оказались уже на другой сторонѣ склона. Они крикнули раза два, но настолько слабо, что ихъ за склономъ не было слышно. Тогда дѣти рѣшили, что они заблудились, но, по разсказу мальчика, они не испугались. «Лиза, — увѣрялъ онъ, — все предлагала понести меня на спинѣ, потому что я маленькій и могу устать... Мы хотѣли дойти до мельницы и спро-

сить дорогу у мельника». Во время этого разговора они услышали призывные крики и увидѣли всю колонію, спускавшуюся съ вершины.

Были, конечно, среди дѣтей и нелюдимы и типы ненормальные, являющіеся продуктами уродливаго воспитанія. Но на нихъ я останавливаться не буду.

Укажу только на одного мальчика, сбитаго съ толку лубочными романами о приключеніяхъ на сушѣ и на морѣ. Онъ воображалъ себя героемъ всѣхъ прочитанныхъ имъ происшествій. Въ то же самое время онъ страдалъ полнымъ отсутствіемъ понятій о реальныхъ величинахъ. *Способность* этого мальчика зачастую приходить въ какое-то тупое состояніе, когда онъ абсолютно не замѣчалъ окружающей его обстановки, когда требовались особенныя усилія, чтобы привести его въ себя — вся такая особенность ребенка давала чувствовать, что передъ нами ненормальный типъ.

Можно еще указать на примѣръ ненормальнаго ребенка и среди дѣвочекъ. Характерною особенностью этой дѣвочки было полное отсутствіе самолюбія.

Объ отношеніяхъ дѣтей къ руководительницамъ могу сказать слѣдующее. Вначалѣ накоторыя дѣти относились къ намъ подозрительно, съ недовѣріемъ, хотя такого рода отношеніе проявляли далеко не всѣ. Но постепенно эта недовѣрчивость исчезла, и дѣти бѣжали къ руководительницамъ подѣлиться всѣми своими радостями и горестями, и часто бывало, что они сами разсказывали о своихъ шалостяхъ и продѣлкахъ. Вообще, руководительницы пользовались среди дѣтей большимъ довѣріемъ и авторитетомъ, что легко давало возможность вліять на дѣтей.

По отношенію къ постороннимъ лицамъ дѣти часто проявляли свою некультурность. Такъ, передъ самымъ носомъ доктора, къ которому дѣти отправлялись на пріемъ, они кричали: «Дѣти! Пойдемте къ дохлому! Онъ намъ лѣкарство пропишетъ!» Конечно, наши выводы касаются общаго впечатлѣнія, даютъ общую характеристику, такъ что здѣсь мы не упоминаемъ о тѣхъ дѣтяхъ колоніи, которыя въ достаточной степени удовлетворяли культурнымъ требованіямъ.

Дѣти не считали нужнымъ здороваться при встрѣчѣ съ лицомъ, съ которымъ они часто встрѣчаются или имѣютъ къ нему

какое-либо отношеніе, не взирая ни на годы или положеніе человѣка. Имъ было въ высшей степени безразлично, старше ли ихъ данное лицо, равно ли имъ или младше. Въ данномъ случаѣ имъ просто не хотѣлось наклонять голову и говорить: «Здравствуйте» или «До свиданья». Добиться этого удалось только тѣмъ, что руководительницы сами каждое утро встрѣчали ихъ привѣтствіемъ: «Доброе утро» и прощались вечеромъ, пожелавъ: «Спокойной ночи». Тогда и дѣти постепенно стали отвѣчать на привѣтствіе тѣмъ же.

Мы должны еще упомянуть о томъ, что въ отношеніяхъ дѣтей къ животнымъ въ этомъ году мы не наблюдали такихъ грубыхъ и звѣрскихъ поступковъ, какіе встрѣчались въ прошломъ году и съ которыми было трудно бороться. Только любовь къ собиранію коллекцій давала плачевный результатъ въ этомъ отношеніи, да и то только на первыхъ порахъ, когда дѣти еще не вполнѣ освоились съ дѣломъ.

Перейдемъ теперь къ отношенію дѣтей къ родному дому, къ родной семьѣ. Разсказы нашихъ маленькихъ колонистовъ о домѣ окутаны какой-то розовой дымкой. Всѣ воспоминанія дѣтей кружатся вокругъ всего того немногаго хорошаго, что они видѣли дома, а все темное, тяжелое совершенно затушевывается въ ихъ воспоминаніяхъ. Они тоскуютъ по своему дому. Очевидно, у нихъ проявляется въ этомъ привязанность къ домашнимъ привычкамъ, къ домашней жизни. Это и выражается у нѣкоторыхъ дѣтей особенной любовью къ разсказамъ о своей домашней обстановкѣ и о себѣ самихъ среди нея. Но при послѣдовательныхъ разспросахъ обнаруживается весьма мрачная картина семейной жизни. Ясно, что разлука съ семьей прикрыла розовымъ туманомъ непригдядныя стороны домашняго быта.

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что идеаломъ у всѣхъ этихъ дѣтей служитъ желаніе «быть богатымъ и ничего не дѣлать». Только такой идеалъ и могъ выработаться подъ вліяніемъ такихъ могучихъ факторовъ, какъ постоянная, давящая нужда, часто тяжелая, не по возрасту работа, разговоры окружающихъ взрослыхъ и грубое отношеніе со всѣхъ сторонъ.

Всегда занятыя въ колоніи какою-либо подходящею къ ихъ возрасту и интересамъ работою, дѣти привыкли любить хотя бы

нѣкоторыя работы, а отсюда и поколебался ихъ идеалъ «ничего не дѣлать», такъ какъ въ бесѣдахъ имъ стремились подчеркнуть, что если бы мы лишили ихъ цѣлаго ряда интересныхъ работъ, то имъ было бы скучно. Впослѣдствіи часто можно было слышать въ разговорахъ среди дѣтей: «Вотъ эта работа мнѣ бы никогда не надоѣла» или — «Вотъ только эту работу я люблю», — заявлялъ другой.

Отправляясь домой, дѣти пѣли прощальную пѣсню колоніи, радовались, что ѣдутъ домой, но и тутъ же проявлялось огорченіе по утратѣ хорошаго времени, проведеннаго въ колоніи. Нѣкоторыя изъ дѣтей даже проектировали обратное возвращеніе въ колонію, желая пробыть дома только одну недѣльку, другія этотъ срокъ сокращали до двухъ дней. Уѣзжая домой, дѣти повезли въ подарокъ своимъ овощи, выращенныя ими самими.

Заканчивая этимъ свой докладъ о колоніи нынѣшняго лѣта, я перехожу къ тѣмъ pia desideria, выполненіе которыхъ сыграло бы, по моему мнѣнію, большую роль въ дальнѣйшемъ развитіи дѣтской лѣтней колоніи Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей. Всѣ эти пожеланія изложены въ слѣдующихъ восьми пунктахъ:

1) Необходимо организовать постоянную комиссію по устройству дѣтской лѣтней колоніи.

2) Устраивать проѣздъ колоніи туда и обратно по экскурсіонному тарифу.

3) Увеличить вознагражденіе служащимъ.

4) Урегулировать постановку нормальной медицинской помощи на предлагаемыхъ ниже основахъ:

a) тщательное медицинское свидѣтельствованіе дѣтей при ихъ отъѣздѣ изъ Петербурга и по возвращеніи изъ колоніи;

в) постоянная медицинская помощь на мѣстѣ;

c) введеніе скорбныхъ листковъ и антропометрическихъ измѣреній (для опредѣленія вліянія недоѣданія, сырыхъ жилищъ на физическое здоровье дѣтей въ городѣ и на состояніе его во время пребыванія въ городѣ и т. д. и т. д.).

5) Для усиленія средствъ предлагаю поднять вопросъ о пріемѣ и платныхъ дѣтей (плата отъ 15 руб. въ мѣсяцъ).

6) Необходимо подыскать средства для устройства постояннаго помѣщенія для колоніи.

7) При помѣщеніи необходимо имѣть свой огородъ.

8) Необходимо поднять вопросъ о возрастномъ составѣ дѣтей и вообще выработать основы для пріема дѣтей въ колонію.

Въ заключеніе предлагаю выразить отъ имени Общества благодарность лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ матеріальную поддержку дѣлу колоніи.

Завѣдующая дѣтской лѣтней колоніею

Купортъ.

30 сентября 1911 года.

Зимняя дѣтская колонія для учащихся.

Осенью 1911 года по мысли членовъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей была организована первая зимняя колонія для дѣтей-школьниковъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ наши дѣти, особенно учащіяся, мало пользуются зимой прогулками; лишь очень немногія изъ нихъ катаются на конькахъ и такимъ образомъ проводятъ 1—2 часа на воздухѣ, у большинства же дѣтей прогулкой считается переходъ по улицамъ отъ жилища до школы и обратно. О выѣздѣ же за городъ зимою дѣти почти и не слышатъ, если только школа не предпринимаетъ короткихъ загородныхъ прогулокъ въ учебные дни. Между тѣмъ каждому живущему въ городѣ понятно, какое значеніе для дѣтей, особенно нашихъ столичныхъ городовъ, имѣетъ «настоящій свѣжій воздухъ»; то, что въ городахъ подразумѣваютъ подъ этими словами, въ гигіеническомъ отношеніи далеко не соотвѣтствуетъ своему названію.

Организовать для дѣтей прогулки за городъ въ праздники довольно затруднительно, такъ какъ тутъ является большая зависимость отъ погоды, да и количество времени, проводимаго на воздухѣ при такихъ прогулкахъ, очень невелико, и всегда эти выѣзды за городъ сопряжены съ различнаго рода неудобствами.

Гораздо раціональнѣе устройство колоній въ приспособленныхъ для зимы домахъ, куда дѣти могли бы уѣзжать на праздники съ ночевками и такимъ образомъ использовать все свѣтлое время для прогулокъ, не утомляясь переѣздами по желѣзнымъ дорогамъ.

Въ октябрѣ 1911 года двумя членами Общества въ лицѣ завѣдующей школой Общества и врача школы былъ выработанъ планъ такой колоніи и найдено соотвѣтствующее помѣщеніе.

Наиболѣе подходящей мѣстностью была признана Финляндія,

такъ какъ она и по условіямъ жизни и по санитарному состоянію стоитъ значительно выше всѣхъ окрестностей Петербурга. Въ 7 километрахъ отъ ст. Теріоки, въ имѣніи г. Парвіайнена была снята зимняя дача въ 5 комнатъ, очень удобная въ смыслѣ планировки комнатъ и вполнѣ чистая и хорошо обставленная. Однимъ изъ большихъ преимуществъ было то, что здѣсь можно было получить необходимое количество кроватей, что избавляло колонію отъ лишнихъ расходовъ и отъ необходимости перевозить большой багажъ. Пришлось обзавестись только кухонной посудой, а чайные и столовые приборы привозились колонистами и оставлялись на все время пользованія колоніей. Начиная такое новое дѣло, организаторы колоніи разсчитывали только на небольшое число колонистовъ, такъ какъ, несмотря на сознаваемую пользу такой колоніи, они должны были считаться съ извѣстнаго рода рискомъ и неизвѣстностью, какъ пойдетъ дѣло.

Когда уже все было организовано, въ школѣ было объявлено родителямъ учащихся о возникновеніи колоніи и предложено записаться желающимъ. Въ первые же дни записалось 12 человѣкъ дѣтей, которыя и выѣхали въ колонію въ первый разъ 20 октября, пользуясь тремя днями праздника. Порядокъ дня въ колоніи былъ принятъ слѣдующій: около 8 часовъ утра вставали, получали молоко или какао и хлѣбъ съ масломъ и сыромъ и шли гулять; въ 12½ часовъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ и яблоки, затѣмъ прогулка по окрестностямъ колоніи; въ 4 часа молоко и хлѣбъ съ масломъ; въ 7 часовъ горячій ужинъ (не мясной) и молоко; въ 8 часовъ шли спать. Вечерніе часы, когда стемнѣетъ и гулять нельзя, дѣти проводили дома, занимаясь каждый чѣмъ хочетъ: кто читалъ, кто игралъ, кто готовилъ заданные уроки.

Послѣ первой поѣздки стало быстро увеличиваться число желающихъ ѣхать въ колонію, такъ что былъ взятъ второй домъ, завѣдываніе хозяйствомъ въ которомъ взяли на себя родители участниковъ-колонистовъ. Записывались не только дѣти, учащіяся въ школѣ Общества, но и посторонніе, родители которыхъ состоятъ членами Общества.

Каждый колонистъ при записи въ колонію вноситъ пай въ размѣрѣ 10 руб., и эти деньги идутъ на уплату за дачу, дрова, вознагражденіе дворнику и прислугѣ и на обзаведеніе.

Изъ этихъ же суммъ оплачивается проѣздъ прислугѣ и завѣдующей. Содержаніе дѣтей оплачивается родителями за каждую

поѣздку по раскладкѣ и обходится по 50—60 коп. въ день; родителями же оплачивается и проѣздъ дѣтей.

Всѣ вопросы, касающіеся колоніи, обсуждаются и рѣшаются на общихъ собраніяхъ родителей колонистовъ. Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей приняло колонію въ свое вѣдѣніе и выдало подписные листы для сбора добровольныхъ пожертвованій въ пользу дѣтей-школьниковъ, нуждающихся въ отдыхѣ, но не имѣющихъ возможности платить за себя. Вслѣдствіе этого явилось возможнымъ взять въ колонію двоихъ дѣтей, паевой взносъ за которыхъ былъ сдѣланъ изъ собранныхъ суммъ.

Передъ каждой поѣздкой за нѣсколько дней дома протапливаются дворникомъ, такъ что дѣти пріѣзжаютъ въ теплое помѣщеніе. Собираются въ назначенный день прямо на вокзалъ. Администрація Финляндской желѣзной дороги отводитъ для дѣтей отдѣльный вагонъ, въ Теріокахъ уже ждутъ лошади, такъ что переѣздъ совершается быстро. При возвращеніи въ Петербургъ дѣти прямо съ вокзала развозятся по домамъ.

Въ ноябрѣ были совершены двѣ поѣздки на 14—15 и 21—22 числа, при чемъ съ цѣлью использовать все свѣтлое время для прогулокъ колонисты отправлялись съ вечернимъ поѣздомъ наканунѣ праздниковъ и пріѣзжали въ колонію въ 10-мъ часу вечера, закусывали и тотчасъ же ложились спать.

На Рождествѣ дѣти провели въ колоніи 15 дней, и ихъ было уже 28 человѣкъ. Погода все время была ясная, солнечная, безъ вѣтра, и, несмотря на большіе морозы, дѣти гуляли очень много, катались на конькахъ и съ горы, бѣгали на лыжахъ.

Польза колоніи уже теперь, послѣ сравнительно небольшого періода ея существованія сказывается во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, со стороны здоровья,—всѣ дѣти послѣ короткихъ поѣздокъ выглядятъ значительно бодрѣе и свѣжѣе, послѣ же рождественскихъ каникулъ всѣ прибавились въ вѣсѣ, вернулись порозовѣвшими и окрѣпшими. Второе не менѣе важное вліяніе колоніи — это развитіе чувства общественности у дѣтей. Такъ, въ колоніи совершенно отсутствуютъ драки и ссоры, и если изрѣдка случаются небольшія недоразумѣнія, то они и выясняются самими дѣтьми. Всѣ охотно помогаютъ другъ другу чѣмъ могутъ и, неся обязательныя дежурства по колоніи, пріучаются прежде всего заботиться и обслуживать другихъ, ставя себя на послѣднее мѣсто,

что для нашихъ избалованныхъ дѣтей является очень желательнымъ.

Кромѣ всего перечисленнаго жизнь въ колоніи дала дѣтямъ возможность наблюдать картины природы поздней осенью и зимой внѣ города, о чемъ наши дѣти обычно не имѣютъ и представленія, а проведя въ колоніи Пасху, они увидятъ и первое весеннее пробужденіе природы.

Дѣлать какіе-либо выводы изъ этого краткаго опыта конечно преждевременно, но думается, что цѣль колоніи говоритъ сама за себя; остается только пожелать, чтобы начатое дѣло не заглохло, а разрослось и окрѣпло и дало бы въ будущемъ возможность многимъ и многимъ дѣтямъ разумно и здорово проводить дни отдыха, набираясь силъ для дальнѣйшей школьной работы.

Е. П. Ивашева.

Школа и дѣтскій садъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей.

Въ 1908 году въ Петербургѣ группой родителей, убѣжденныхъ въ необходимости и плодотворности общественнаго воспитанія дѣтей на первыхъ же порахъ ихъ жизни, былъ открытъ домашній дѣтскій садъ для дѣтей отъ 4 до 6 лѣтъ. Дѣти собирались ежедневно на три часа на частной квартирѣ и проводили время въ играхъ, бесѣдахъ, работахъ и занятіяхъ подъ руководствомъ спеціально приглашеннаго лица. Всѣ родители участвовали въ расходахъ по саду и въ то же время активно работали въ немъ, оказывая посильную помощь его руководительницѣ. Всѣ вопросы, касающіеся жизни сада, обсуждались на родительскихъ собраніяхъ.

По примѣру перваго дѣтскаго сада въ Петербургѣ стали возникать и другіе аналогичные очаги дошкольнаго воспитанія и просвѣщенія дѣтей, и къ концу перваго года въ городѣ насчитывалось до 16 домашнихъ дѣтскихъ садовъ. Родителей и руководителей садовъ объединяла одна цѣль — предоставить ихъ дѣтямъ возможность получить не узко-семейное, а общественное воспитаніе, въ которомъ они, родители, играли бы активную роль участниковъ и работниковъ, а не однихъ пассивныхъ зрителей.

Раціональное воспитаніе на первой же ступени дѣтства, здоровыя впечатлѣнія, цѣлесообразныя занятія, равномѣрное упражненіе физическихъ и психическихъ силъ, развитіе внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ оказываютъ благотворное вліяніе на развитіе характера ребенка, его воли, на формированіе полезныхъ, добрыхъ привычекъ и навыковъ, необходимыхъ въ теченіе всей послѣдующей жизни человѣка. Питомцевъ раціонально и умѣло обставленнаго дѣтскаго сада съ благодарностью отмѣчаетъ всякая школа, выгодно выдѣляя ихъ изъ числа не воспринявшихъ соотвѣтствующія вліянія товарищей ихъ.

Время шло. Дѣти росли, и родители-организаторы дѣтскаго

сада оказались скоро передъ назрѣвшей и неустранимой задачей — создать для своихъ дѣтей и школу.

Съ полнымъ сознаніемъ всей трудности этой, самой жизнью выдвинутой дилеммы принялась группа лицъ за подготовительную работу по организаціи школы Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей. Если бы Общество, убоясь трудности задачи, отказалось отъ ея разрѣшенія, оно этимъ признало бы свою полную несостоятельность. Сорганизовалась группа учредителей-пайщиковъ, и осенью 1908 года школа была открыта.

«Школа и жизнь есть одно и то же. Жизнь школьника есть такая же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ жизнь, какъ и жизнь взрослаго. Если дѣти не имѣютъ ни силы, ни способности нарушать законы нашей жизни, и мы не имѣемъ права безнаказанно и произвольно ниспровергать опредѣленные законы дѣтскаго міра», сказалъ Пироговъ. Это великая и неоспоримая истина! Но чтобы права дѣтскаго міра не нарушались, чтобы дѣйствительные, реальные интересы школы не приносились въ жертву, необходимо, чтобы между школой и жизнью господствовало неразрывное единеніе, полное взаимопониманіе, довѣріе, чтобы они руководствовались одними задачами и законами, стремились къ однимъ идеаламъ. Въ дѣйствительности пока этого нѣтъ. Жизнь течетъ сама по себѣ, а школа, ищущая новыхъ путей, сама по себѣ. Жизнь властно диктуетъ одни законы, правила, положенія, а школа, конечно, идейная, понимаемая въ лучшемъ значеніи этого слова, ихъ не признаетъ и выдвигаетъ свои, жизнью въ свою очередь не пріемлемые. Въ этомъ заключается проклятіе, тяготѣющее надъ школой; это тѣ путы, которыя связываютъ ея дѣятелей по рукамъ и ногамъ, превращаютъ ихъ въ исполнителей чужой воли, чужихъ предписаній и наполняетъ душу каждаго изъ нихъ чувствомъ глубокаго и неизбѣжнаго неудовлетворенія.

«Воспитаніе должно быть свободно, въ смыслѣ предоставленія широкой возможности свободному безпрепятственному развитію лучшихъ индивидуальныхъ силъ и способностей ребенка», говоритъ школа въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей.

«Пусть такъ», отвѣчаетъ жизнь, но въ то же время сжимаетъ свои тиски и фактически не дозволяетъ организовать обученіе малочисленныхъ группъ, допускающихъ индивидуальное воспитаніе и преподаваніе.

«Не въ сухомъ книжномъ знаніи цѣнность и счастье, — гово-

ритъ школа. — Развивайте самодѣятельность ребенка, любовь къ постиганію, какъ таковому, не загромождайте дѣтскія головы ненужнымъ и безполезнымъ; учите ихъ наиболѣе цѣнному и существенному, какъ въ жизни, такъ и въ интересахъ ихъ личности».— «Нѣтъ, — отвѣчаетъ жизнь, — потрудитесь осилить *мною* предлагаемыя программы, начинять головы дѣтей *мною* отобраннымъ матеріаломъ, попробуйте-ка игнорировать *мои* дипломы, направлять своихъ питомцевъ по путямъ, которыхъ *я* не санкціонирую и не признаю!»

«Сближайте школы съ природой! — говоритъ современная педагогія. — Выведите дѣтей изъ тѣсныхъ, душныхъ классовъ и сдѣлайте весь Божій міръ своей аудиторіей!»

«Что жъ прекрасно! попробуйте-ка!» иронизируетъ надъ нею жизнь, бьющаяся въ каменныхъ мѣшкахъ — городахъ.

«Школа должна быть демократична!» Кто станетъ теперь противъ этого возражать? «Да, но какъ этого достигнуть? нѣтъ для этого ни средствъ ни путей», накладываютъ свое запрещеніе условія современной жизни.

«Школа должна работать въ полномъ единеніи съ семьей», одинъ изъ лозунговъ раціональнаго воспитанія. «Семья и школа — работники въ одномъ и томъ же дѣлѣ, соратники на одномъ поприщѣ; побольше взаимныхъ усилій, единодушія, взаимнаго довѣрія, пониманія, любви».

«Мы еще плохо знаемъ васъ, — возражаютъ родители, съ недовѣріемъ и опаской оглядываясь по сторонамъ. — Дадите ли вы нашимъ дѣтямъ наиболѣе нужное — хлѣбъ насущный, опредѣленное обезпеченное положеніе въ реальной, а не чаемой жизни? Въ послѣднемъ смыслѣ старые пути надежнѣе, и безъ казенныхъ дипломовъ все равно не обойтись». И они осаждаютъ старыя школы, озабоченные въ большинствѣ случаевъ лишь однимъ — поставить дѣтей на рельсы, а тамъ, Богъ дастъ, они докатятся до благъ, которыя выдвигаетъ современный строй, которому волей-неволей должна служить и покорная ему школа.

«Безконечно высоко и значительно званіе учителя», это понимаетъ каждый, имѣющій живую душу. «Учитель долженъ быть виртуозомъ своего дѣла, его дѣятельность — творчество, онъ весь — любовь къ дѣтямъ, тонкій знатокъ дѣтской души, представитель интересовъ ребенка, носитель того свѣта, который долженъ яркимъ примѣромъ воспитывать воспріимчивую его душу.

А жизнь, тусклая и тяжелая, выдвигаетъ людей хмурыхъ и безличныхъ, ремесленниковъ, людей въ футлярѣ и т. д., и т. д.

И въ этомъ болѣзненно остромъ конфликтѣ между школой и жизнью сдается, идетъ на компромиссъ, конечно, болѣе слабый, т. е. школа. Современная школа вообще, а русская по преимуществу вся построена на компромиссѣ между лучшими идеальными стремленіями своими, съ одной стороны, и выдвигаемыми жизнью требованіями, съ другой.

Современная школа вынуждена volens nolens приспособляться къ этимъ требованіямъ, по одежкѣ протягивать ножки, готовить своихъ питомцевъ къ современному, опредѣленному, безконечно далекому отъ совершенства соціальному строю.

Все это глубоко понимали, взвѣсили люди, взявшіеся за организацію школы Общества. Четырехлѣтнее существованіе школы, постепенный ходъ крѣпнущаго дѣла не выдвинулъ для нихъ никакихъ неожиданностей и сюрпризовъ. Всѣ тягости, тренія, препятствія были совершенно неизбѣжны и предусмотрѣны, какъ неустранимый результатъ тѣхъ условій, среди которыхъ приходится работать и дѣйствовать. Насколько возможно устранять эти препятствія, смягчать тренія — вотъ къ чему были направлены усилія лицъ, работавшихъ въ школѣ. Насколько это имъ удается, судить, конечно, не имъ однимъ.

Наиболѣе больное мѣсто организаціи всего дѣла обусловливается матеріальной стороной его. Школа, хоть сколько-нибудь приближающаяся къ типу новой, обходится неимовѣрно дорого. Небольшія группы учащихся не въ состояніи оплачивать себя при сколько-нибудь достойномъ вознагражденіи труда школьныхъ работниковъ и сколько-нибудь приличной постановкѣ школьнаго дѣла. Число дѣтей въ каждой группѣ школы Общества колеблется между 6 и 12, и результатомъ является то, что трудъ учителей оплачивается мизерной суммой — 20 руб. за годовой часъ, отчасти же не оплачивается вовсе. Не представляется пока также возможнымъ существенно улучшать и расширять постановку дѣла. Насколько тягостно и нежелательно подобное положеніе вещей, понятно безъ комментаріевъ.

Не менѣе остро воспринимается всѣми участвующими въ школѣ и то обстоятельство, что имъ до сихъ поръ не удалось избавить школу отъ тягостной роли быть приготовительной. Всякое учебное заведеніе, которое не въ состояніи дать своимъ пи-

томцамъ законченнаго образованія, довести ихъ до школы высшей, не можетъ не быть приготовительнымъ. Выпуская изъ своихъ стѣнъ дѣтей, такъ сказать, на полпути, оно не можетъ не взять на себя обязательства обезпечить имъ поступленіе въ другое учебное заведеніе, т. е. не можетъ не руководствоваться чужими программами, планами, методами, учебниками, которые сплошь и рядомъ не соотвѣтствуютъ его собственнымъ педагогическимъ взглядамъ и пріемамъ. Чувство какого остраго неудовлетворенія это вноситъ въ работу — пойметъ всякій, кто хоть сколько-нибудь разбирается въ дѣлѣ обученія и воспитанія. Только надежда на то, что для школы настанутъ лучшія времена, заставляетъ скрѣпя сердце мириться съ этими наиболѣе тяжелыми сторонами ея жизни и организаціи.

Но нельзя не отмѣтить и тѣхъ свѣтлыхъ отрадныхъ впечатлѣній, которыми жизнь школы даритъ ея сотрудниковъ. Дѣло хоть медленно, но несомнѣнно крѣпнетъ и растетъ. Школа пріобрѣтаетъ все большее педагогическое, показательное значеніе. Эта просвѣтительная роль ея, идейное значеніе нравственно вознаграждаютъ ея работниковъ за всѣ матеріальныя тягости и протори. Число лицъ, посѣщающихъ школу для ознакомленія съ постановкой дѣла, разрабатываемыми въ ней новыми методами, съ каждымъ годомъ растетъ. Въ послѣдніе два года школу систематически посѣщали слушательницы Фребелевскихъ курсовъ и Психоневрологическаго института.

Отрадно отмѣтить то возрастающее довѣріе, склонность къ сближенію, которыя проявляютъ часто родители учащихся. Они охотно отзываются на призывъ оказывать школѣ посильную помощь и входить въ ея жизнь. Такъ, родительскими стараніями организуется школьная библіотека; родители принимаютъ участіе въ школьныхъ экскурсіяхъ, прогулкахъ, праздникахъ, облегчая трудъ руководительницъ.

Родительскія собранія достаточно многолюдны и проходятъ оживленно. На нихъ читаются доклады, предлагаются для обсужденія вопросы, выдвигаемые школьной жизнью (о дисциплинѣ, товариществѣ, о дракахъ дѣтей и т. п.), даются отзывы о ходѣ дѣла и успѣшности дѣтей по научнымъ предметамъ.

Два раза въ годъ родителямъ вручаются отзывы-характеристики о дѣтяхъ на спеціально для этой цѣли приспособленныхъ

листкахъ. Дѣти относятся къ школѣ съ видимымъ интересомъ и любовью, что доставляетъ ея руководительницамъ наряду съ выше перечисленными огорченіями и минуты высокаго удовлетворенія. Сближенію учащихъ съ учащимися способствуютъ отношенія, поддерживающіяся и въ неучебное время. Такъ, въ послѣднемъ учебномъ году организована зимняя колонія, въ которую учащіеся имѣютъ возможность выѣзжать на всѣ праздники подъ наблюденіемъ завѣдующей колоніей и школьнаго врача.

Все это заставляетъ работниковъ школы не терять бодрости и надежды на то, что дѣло ихъ и польза отъ него будутъ расти, не взирая на всѣ тѣ тяжелыя и неблагопріятныя условія, въ которыхъ имъ, какъ представителямъ русской жизни и школы, приходится дѣйствовать.

Чтобы обезпечить себѣ при этомъ наилучшіе реальные результаты, они непоколебимо рѣшили не создавать себѣ никакихъ иллюзій, добросовѣстно разбираться въ реальной дѣйствительности и, не обѣщая ни самимъ себѣ, ни, тѣмъ болѣе, лицамъ, къ нимъ съ довѣріемъ относящимся, ничего химерическаго и неосуществимаго, съ терпѣніемъ и упорствомъ отвоевывать у жизни тѣ возможныя крупицы, которыя они считаютъ за несомнѣнное и реальное благо.

Дѣтскія развлеченія дѣлились на двѣ группы: къ первой относятся развлеченія, въ которыхъ дѣти принимали участіе въ качествѣ исполнителей; ко второй тѣ, въ которыхъ дѣти фигурировали лишь въ роли зрителей и слушателей.

Первая группа.

1) Елка (басни въ лицахъ и живыя картины).

2) Елка («Зимній сонъ» — дѣтская пьеска).

3) Елка («Козлики» — дѣтская опера).

4) Елка (Китайскій праздникъ).

5) Концертъ и литературное утро (дѣти пѣли, играли, читали стихотворенія, свои сочиненія).

6) Зима (катанье на конькахъ съ пѣніемъ).

7) Праздникъ 19 февраля (живыя картины, пѣніе, декламація).

8) Никитинское утро (декламація).

Вторая группа.

А. Музыкальныя развлеченія для дѣтей.

1) Опера «Золушка» въ залѣ Павловой.

2) Опера «Гензель и Гретель» въ залѣ Павловой.

3) Концертъ и литературное утро въ залѣ Реформатскаго училища.

4) Концертъ въ школѣ.

5) Утро дѣтской пѣсни изъ произведеній Гречанинова въ залѣ Петровскаго училища.

6) Утро дѣтской пѣсни изъ произведеній Ц. Кюи въ залѣ Реформатскаго училища.

7) Бѣлая елка въ залѣ Земской управы.

Б. Лекціи для дѣтей.

1) О Кольцовѣ. Лекторъ Е. И. Тихѣева.

2) О Ломоносовѣ. Лекторъ Е. И. Тихѣева.

3) «Воздухоплаваніе и воздухоплавательные аппараты». Лекторъ М. Л. Франкъ.

4) «Какъ животныя летаютъ». Лекторъ Е. А. Елачичъ.

5) «Что мы знаемъ о воздухѣ». Лекторъ Л. Л. Мищенко.

6) «Страничка Исторіи Земли». Лекторъ Л. Л. Мищенко.

7) «Кометы». Лекторъ Е. Е. Соловьева.

8) «Египетъ». Лекторъ Е. И. Тихѣева.

9) «Жизнь въ Туруханскомъ краю». Лекторъ П. Е. Островскихъ.

10) Художественное чтеніе «Конька Горбунька».

Дѣтскій садъ и школа Общества за 1911 годъ *.

Во второмъ полугодіи 1911 учебнаго года дѣтскій садъ и школа Общества, послѣ трехлѣтняго пребыванія на Кабинетской ул., получили, наконецъ, матеріальную возможность переѣхать на новоселье, болѣе удовлетворяющее ихъ запросамъ и потребностямъ. Новая квартира была найдена (Свѣчной, 5), но переѣздъ этотъ очень смущалъ лицъ, близко стоящихъ къ школѣ: приходилось оставлять уже насиженное гнѣздо. Со школой на Кабинетской уже многіе ознакомились. Ее связали съ этой улицей правленіе Общества и его библіотека, помѣщавшіяся на ней же. Но съ водвореніемъ на новой квартирѣ опасенія разсѣялись. Родители, желавшіе отдать своихъ дѣтей въ школу Общества, разыскали ее и здѣсь и довѣрили ей ихъ воспитаніе. Такой оборотъ дѣла показалъ, что довѣріе къ школѣ, какъ къ учрежденію Общества, существуетъ, что школа идетъ, стало быть, навстрѣчу желаніямъ его членовъ и удовлетворяетъ ихъ потребностямъ. Въ результатѣ въ двухъ отдѣленіяхъ дѣтскаго сада и четырехъ отдѣленіяхъ школы числилось 50 человѣкъ дѣтей.

Бюджетъ школы равнялся 3442 руб. 80 коп., расходъ — 3209 руб. 17 коп., остатокъ къ 1 января 1912 года — 233 руб. 63 коп.

Бюджетъ составился изъ слѣдующихъ статей: изъ платы за учащихся = 3041 руб. 50 коп., изъ суммы, вырученной за сдачу помѣщенія, = 103 руб. 50 коп., отъ устройства дѣтскаго утра = 97 руб. 80 коп. и изъ двухъ паевыхъ взносовъ по сто рублей. Въ школѣ числится теперь 12 пайщиковъ, внесшихъ по сто рублей каждый. Въ прибыляхъ школы пайщики не участвуютъ и процентовъ не получаютъ, но каждому изъ нихъ предоставлено право получить свой пай въ любое время обратно. Вся же прибыль долж-

* Отчетъ, прочитанный Л. В. Глаголевой на годовомъ собраніи 28 января 1912 года.

на идти на улучшеніе постановки школьнаго дѣла. Пайщикомъ считается каждое лицо, внесшее сто рублей, но до сихъ поръ таковыми были лишь родители учащихся, какъ люди въ школѣ болѣе всего заинтересованные. Деньги, занятыя на открытіе школы въ размѣрѣ 2200 руб., почти всѣ уже возвращены; остается уплатить около 80 руб. за мебель.

Трудъ 12 лицъ педагогическаго персонала оцѣнивается 20 рублями за годовой часъ; трое работаютъ безплатно.

Матеріальной стороной школы завѣдуетъ совѣтъ пайщиковъ. Всѣ счета и приходо-расходная книга подлежатъ ежегодной ревизіи членовъ ревизіонной комиссіи Общества.

Учебную часть вѣдаетъ педагогическій совѣтъ. Въ составъ его, кромѣ учащихъ, входятъ представители отъ родителей — по одному отъ каждаго отдѣленія школы и сада. Собирается совѣтъ два раза въ мѣсяцъ.

Родительскія собранія собираются въ мѣсяцъ разъ; по мѣрѣ надобности созываются кромѣ того поклассныя родительскія собранія. Гигіенической стороной постановки дѣла, физическимъ развитіемъ дѣтей и медицинскимъ надзоромъ за учебной частью завѣдуетъ школьный женщина-врачъ.

Минувшей осенью ею организована зимняя колонія для дѣтей школы, въ которую дѣти выѣзжаютъ на праздники, если таковыхъ не менѣе двухъ подъ-рядъ. О жизни и дѣятельности этой колоніи Е. П. Ивашевой со временемъ будетъ представленъ подробный отчетъ (см. выше, стр. 93—98).

Школа заботится и о художественномъ воспитаніи дѣтей. Параллельно съ уроками пѣнія, музыки (рояль), чтенія, устраиваются литературно-музыкальныя утра, въ которыхъ дѣти принимаютъ и активное участіе въ роли исполнителей; организуются литературныя чтенія со свѣтовыми картинами. Въ истекшемъ полугодіи между прочимъ три утра были посвящены памяти Толстого, Никитина и Ломоносова. Придавая большое значеніе спеціально музыкальному образованію, педагогическій совѣтъ школы проявляетъ свою дѣятельность и въ этомъ направленіи. Онъ обратился за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ извѣстнымъ русскимъ композиторамъ — Гречанинову и Ц. Кюи и просилъ ихъ организовать музыкальныя утра для дѣтей изъ своихъ произведеній. На просьбу эту оба композитора откликнулись съ полнымъ вниманіемъ и готовностью помочь своимъ цѣннымъ и авторитетнымъ содѣйстві-

емъ. Утро дѣтской пѣсни изъ произведеній Гречанинова прошло съ полнымъ матеріальнымъ и нравственнымъ успѣхомъ. Маленькіе слушатели слѣдили за исполненіемъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ, а шумное одобреніе отдѣльнымъ номерамъ свидѣтельствовало о томъ удовольствіи, которое музыка имъ доставляла. На очереди теперь утро дѣтской пѣсни изъ произведеній Ц. Кюи.

Приложенiе 1 къ ст. „Дѣтскiй садъ и школа Общества въ 1911 году“.

Цифровыя данныя объ учащихся въ дѣтскомъ саду и школѣ Общества содѣйствiя дошкольному воспитанiю дѣтей. СПБ. Свѣчной, 5, кв. 25.

Первое полугодiе.

№	ВОПРОСЫ.	1908/09	1909/10	1910/11	1911/12
	Число паевъ.	8	9	10	12
1	Ск. дѣтей было въ дѣтскомъ саду?	12	16	13	15
2	„ дѣтей было въ школѣ?	28	35	30	37
3	„ дѣтей было въ дѣтскомъ саду и школѣ?	40	51	43	50
4	„ мальчиковъ въ дѣтскомъ саду?	7	9	6	6
5	„ дѣвочекъ въ дѣтскомъ саду?	5	5	7	7
6	„ мальчиковъ въ школѣ?	13	17	16	23
7	„ дѣвочекъ въ школѣ?	15	18	14	14
8	„ дѣтей завтракало?	18	16	13	15
9	„ дѣтей получали въ школѣ молоко или чай?	4	3	3	4
10	„ дѣтей заним. ручн. трудомъ?	13	10	8	11
11	„ дѣтей брали уроки музыки?	3	—	3	7
12	„ дѣтей брали уроки танцевъ?	—	—	18	20
13	„ экскурсiй было организовано въ городѣ?	3	4	6	2
14	„ экскурсiй было организовано за городъ?	1	1	3	2
15	„ дѣтскихъ праздниковъ было устроено дѣтьми?	2	2	2	1
16	„ развлеченiй было устроенно для дѣтей?	1	1	2	1
17	„ дѣтей пользов. зимней колон.?	—	—	—	13
18	„ эпидемическихъ болѣзней было въ школѣ?	—	—	—	—
19	„ дѣтей поступили въ др. учебн. зав. для продолж. образов.?	4	11	3	—
20	„ получено за обученiе дѣтей въ дѣтскомъ саду и школѣ?		3,695 р. — к.	3,530 р. — к.	2,254 р. — к.
21	„ истрачено на учебныя пособiя въ дѣтскомъ саду и школѣ?		178 „ — „	119 „ 32 „	114 „ 06 „
22	„ израсходовано на обзаведенiе?		116 „ 86 „	113 „ 54 „	60 „ 34 „
23	„ выдано учащимъ за уроки?		1,481 „ — „	1,662 „ 50 „	1,119 „ 50 „
24	„ истрачено на кварт. и отопл.?		1,524 „ 90 „	1,469 „ 20 „	1,254 „ 48 „
25	„ истр. на вознагр. за услуги?		238 „ 50 „	271 „ 28 „	180 „ 50 „
26	„ истрачено на хоз. расходы?		181 „ 21 „	121 „ 98 „	88 „ 14 „
27	„ истрачено на завтраки?		519 „ 78 „	412 „ 57 „	217 „ 74 „
28	„ истрачено на разные расходы?		162 „ 81 „	179 „ 93 „	129 „ 53 „
29	„ уплачено долговъ?		689 „ 61 „	818 „ 25 „	52 „ 80 „

№	ВОПРОСЫ.	1908/09	1909/10	1910/11	1911/12
30	Ск. получено за завтраки?		673 р. 90 к.	306 р. 40 к.	227 р. 50 к.
31	„ получ. отъ сдачи помѣщенія?		248 „ 95 „	599 „ — „	103 „ 50 „
32	„ разныхъ полученій?		323 „ 63 „	654 „ 61 „	361 „ — „
33	„ учащихъ состояло въ дѣтск. саду и школѣ?	13	13	16	17
34	„ посѣт. было въ д. с. и школѣ?	68	75	86	52
35	„ педагогическихъ засѣданій?	8	8	13	8
36	„ родительскихъ собраній?	6	6	8	4
37	„ учебн. дней въ учебн. году?	155	156	154	79
38	„ дѣтей посѣщало школу и д. с. среднимъ числомъ въ день?	—	40	31	40
39	„ ур. въ нѣд. въ средн. въ I отд.	24	24	28	28
	„ „ „ „ во II отд.	26	26	30	30
	„ „ „ „ въ III отд.	—	28	30	33
	„ „ „ „ въ I кл.	—	—	—	36
40	„ въ средн. врем. въ день зан.:				
	„ въ I отд.	2 ч. 50 м.	2 ч. 50 м.	3 ч. — м.	3 ч. — м.
	„ во II отд.	2 „ 50 „	2 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „
	„ въ III отд.	— „ — „	3 „ 40 „	3 „ 30 „	3 „ 20 „
	„ въ I кл.	— „ — „	— „ — „	— „ — „	4 „ — „
41	„ врем. ежедн. въ средн. на перем.				
	„ въ I отд.	1 ч. 10 м	1 „ 10 „	1 „ — „	1 „ 10 „
	„ во II отд.	1 „ 10 „	1 „ 10 „	1 „ — „	1 „ 10 „
	„ въ III отд.	— „ — „	1 „ 20 „	1 „ — „	— „ 50 „
	„ въ I кл.	— „ — „	— „ — „	— „ — „	1 „ — „
42	„ времени ежедневно въ средн. дѣти проводили въ школѣ:				
	„ въ I отд.	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
	„ во II отд.	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
	„ въ III отд.	— „ — „	5 „ — „	$4^1/_2$ „ — „	$4^1/_2$ „ — „
	„ въ I кл.	— „ — „	— „ — „	— „ — „	5 „ — „
	ЧИСЛО УРОКОВЪ.	I отд.	II отд.	III отд.	I кл.
	Русскій языкъ.	5	5	5	5
	Ариѳметика.	5	5	5	5
	Французскій языкъ	—	—	4	4
	Нѣмецкій языкъ.	4	4	3	3
	Гимнастика.	3	3	3	3
	Пѣніе, рисованіе.	2	2	2	2
	Лѣпка, танцы, ест. ист. и геогр. по	1	1	1	1 ест. 1 геогр.
	Законъ Божій.	1	1	2	2
	Фребелевскія занятія.	2	2	—	—
	Ручной трудъ.	2	2	2	2

Приложеніе 2 къ ст. „Дѣтскій садъ и школа Общества въ 1911 году“.

Свѣдѣнія объ экскурсіяхъ.

Экскурсіи дѣлились на слѣдующіе отдѣлы:

1. Художественный.

a) Музей Александра III.
b) Эрмитажъ.
c) Выставка дѣтскихъ книгъ.

2. Естественный.

a) Зоологическій садъ.
b) Зоологическій музей.
c) Ботаническій садъ.
d) Акваріумъ.
e) Выставка плодоводства и огородничества.
f) Выставка птицеводства.

3. Производственный.

a) Стеклянный заводъ.
b) Гранильная фабрика.
c) Земледѣльческая колонія.
d) Царскосельская выставка.
e) Осмотръ типографіи.

4. Историческій.

a) Лѣтній садъ и домикъ въ немъ Петра Великаго.
b) Историческій музей Александра III.
c) Этнографическій отдѣлъ при музеѣ Александра III.

5. Современный.

a) Выставка „Искусство въ жизни ребенка“.
b) Выставка воздухоплавательная.
c) Наблюденія надъ полетами.

6. Прогулочный.

a) Въ Павловскъ.
b) На Удѣльную.
c) Въ Гатчину.

Комиссія по дѣтскимъ садамъ Общества.

Настоящій отчетъ охватываетъ дѣятельность комиссии въ теченіе 1910 и половины 1911 года; составленъ онъ на основаніи имѣющихся протоколовъ въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ. Первымъ вопросомъ, занявшимъ вниманіе членовъ комиссіи, былъ выдвинутъ вопросъ объ устройствѣ выставки дѣтскихъ работъ, которая бы наглядно познакомила широкую публику съ работоспособностью, творчествомъ и самодѣятельностью дѣтей. По обсужденіи общаго плана, комиссія нашла желательнымъ привлечь къ участію въ выставкѣ не только дѣтскіе сады и элементарныя школы, но первые классы среднихъ учебныхъ заведеній до 15-лѣтняго возраста; въ виду же сложности устройства выставки ограничить ее только Петербургомъ. Къ участію привлекались и нѣкоторые магазины игръ, пособій и занятій для дѣтей. Наиболѣе желательной была признана группировка экспонатовъ не по учрежденіямъ, а по спеціальнымъ отдѣламъ, какъ, напримѣръ, лѣпки, рисованію, бумажной скульптуры, фребелевскихъ работъ и т. п. Во все время открытія выставки предполагалось чтеніе докладовъ какъ членовъ Общества, такъ и приглашенныхъ для этой цѣли лекторовъ. Часть расходовъ комиссія разсчитывала покрыть входною платою, процентами за проданныя вещи и книги и платою за мѣста для тѣхъ экспонатовъ, которые не поступали въ собственность Общества; но, конечно, при огромныхъ затратахъ такихъ доходовъ было далеко недостаточно. Составивъ приблизительную смѣту, комиссія пришла къ соглашенію открыть выставку лишь при условіи дарового помѣщенія и безвозмездной работы сотрудниковъ. Члены комиссіи были увѣрены, что вопросъ о помѣщеніи не явится особенно затруднительнымъ; казалось, что въ Петербургѣ для идейнаго предпріятія встрѣтится поддержка и из-

внѣ, но къ концу года стало очевиднымъ, что именно отсутствіе подходящаго, отвѣчающаго всѣмъ требованіямъ, помѣщенія и будетъ главнымъ тормазомъ къ открытію выставки. Послѣ многихъ хлопотъ удалось, наконецъ, найти болѣе или менѣе удобную квартиру за самую минимальную стоимость; всѣ необходимыя работы по организаціи были уже сдѣланы, день открытія намѣченъ, поступающій матеріалъ разбирался; конечно, производились довольно значительные расходы, — но все это, по независящимъ отъ комиссіи обстоятельствамъ — рушилось: оказалось, что помѣщеніе не удовлетворяетъ требованіямъ техническаго осмотра, и выставка г. градоначальникомъ не разрѣшена. И такъ какъ учебный годъ уже кончался, новаго помѣщенія искать не было ни времени, ни средствъ, то комиссія и отказалась въ текущемъ году отъ практическаго осуществленія своей первой, намѣченной задачи. Вопросъ объ устройствѣ постояннаго музея дѣтскихъ работъ и пособій для занятій дошкольнаго возраста на время отпадаетъ самъ по себѣ, такъ какъ фондомъ для него должны были служить оставшіеся отъ выставки экспонаты.

Вопросъ о программѣ занятій въ дѣтскихъ садахъ является однимъ изъ самыхъ существенныхъ, обсужденіемъ котораго неоднократно занимались члены комиссіи. Исходя изъ принципа индивидуализаціи дѣтей, программы общей, обязательной для всѣхъ, конечно, быть не можетъ, но выработать планъ занятій, изъ котораго можно исходить — члены комиссіи находили и желательнымъ и полезнымъ и съ этою цѣлью приступили къ разсмотрѣнію прежде всего существующихъ уже программъ, примѣняемыхъ въ тѣхъ или иныхъ дѣтскихъ садахъ. Приступая къ выработкѣ своего плана, комиссія, конечно, сознавала, что вопросъ по отвѣтственности, трудности и сложности не можетъ быть скоро рѣшенъ; одной теоріей здѣсь отдѣлаться нельзя, необходимо выработанный планъ примѣнить и на практикѣ, а потому и опредѣленнаго срока для работы быть не можетъ. Комиссія рѣшила прежде всего познакомиться путемъ докладовъ съ существующими программами, какъ было сказано выше, тщательно разсмотрѣть ихъ и взять то положительное, что можетъ быть пріемлемымъ для вырабатываемаго плана. Въ силу чисто внѣшнихъ причинъ, доклады по этому вопросу читались, къ сожалѣнію, не въ систематическомъ порядкѣ, но, тѣмъ не менѣе, въ теченіе года было разобрано нѣсколько предложенныхъ плановъ. Первою обсуждалась

программа дѣтскаго сада при школѣ Общества. Занятія въ немъ ведутся «по временамъ года», т. е. дѣти послѣдовательно въ бесѣдахъ, на предметныхъ урокахъ, въ играхъ и работахъ знакомятся съ природою и жизнью въ ней во всѣ времена года. Въ защиту этого плана, принятаго во многихъ дѣтскихъ садахъ, выставляется то, что при немъ всего удобнѣе возбудить въ дѣтяхъ наблюдательность надъ природою, къ которой они, по своему возрасту, стоятъ ближе всего. Дѣти наблюдаютъ погоду, припоминаютъ, что они видѣли въ живой природѣ, получаютъ свѣдѣнія о тѣхъ или иныхъ явленіяхъ, приглядываются къ животному и растительному міру, словомъ «времена года» даютъ разнообразный матеріалъ и расширяютъ безъ особаго усилія кругозоръ дѣтей. Является вопросъ: съ какого времени года цѣлесообразнѣе начинать занятія? Дѣти, начиная посѣщать садъ съ осени, полны еще лѣтнихъ впечатлѣній и переживаній, отъ нихъ имъ трудно отдѣлаться; зима и лѣто своею яркостью и рѣзкими контрастами болѣе возбуждаетъ интересъ и вниманіе въ нихъ, чѣмъ переходныя времена года — весна и осень, которыя переживаются дѣтьми менѣе интенсивно; осенью невольно приходится въ разговорахъ касаться лѣта; для большей силы впечатлѣнія и пониманія — лучше всего говорить съ дѣтьми о томъ, что еще свѣжо въ ихъ представленіи; слѣдовательно, въ результатѣ, наиболѣе желательнымъ можно признать знакомство съ природой лѣтняго періода, но съ тѣмъ, чтобы весною возобновлять бесѣды о лѣтѣ и подготовить дѣтей къ каникуламъ. Задача руководительницъ — возбудить въ дѣтяхъ любознательность, вниманіе и осмысленное пользованіе благами природы. Посадка и уходъ за растеніями, наблюденія надъ работами въ полѣ и огородѣ являются въ высшей степени желательными для дѣтскихъ садовъ; собираніе нѣкоторыхъ коллекцій въ дошкольномъ возрастѣ не рекомендуется: дѣти 5—7 лѣтъ не поймутъ научную цѣль ихъ, да и неумѣлое при этомъ обращеніе, напримѣръ, съ насѣкомыми, можетъ вызвать или жестокость или излишнюю сантиментальность; знакомство съ природой должно исходить прежде всего изъ принципа бережнаго отношенія къ ней. Не вдаваясь въ подробности — что проходится въ теченіе каждаго мѣсяца, сколько недѣль посвящается изученію временъ года, такъ какъ это зависитъ отъ состава и возраста дѣтей, слѣдуетъ сказать, что каждое прохожденіе предмета должно быть нагляднымъ, при чемъ съ дѣтьми до 6 лѣтъ рекомендуется лишь наблюдать

живую природу. Экскурсіи необходимо поставить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ только то наиболѣе усвояется дѣтьми, что они видятъ и ощущаютъ сами. Въ силу климатическихъ условій самое подходящее время для научныхъ прогулокъ — весна; зимою не всегда удобно устраивать экскурсіи за городъ, въ это время года лучше всего знакомить дѣтей съ жизнью людей въ городѣ и деревнѣ, съ предметами производства и животнымъ міромъ. Планъ, по которому проводится программа «по временамъ года», предоставляется каждей руководительницѣ имѣть свой, лишь бы не былъ нарушенъ основной принципъ дѣтскихъ садовъ: наглядность въ занятіяхъ, развитіе наблюдательности, самодѣятельности и творчества въ дѣтяхъ. При двухъ группахъ дѣтскаго сада программа можетъ быть одна и та же, но методъ различный, сообразно степени пониманія дѣтей. Настоящій планъ «по временамъ года» комиссіей признается удовлетворительнымъ, но проводить его цѣликомъ, не разнообразя и не расширяя — нельзя.

Въ журналѣ «Свободное Воспитаніе» за 1909/10 годъ была помѣщена программа дѣтскаго сада съ планомъ этнографическимъ; по своей сложности въ практическомъ примѣненіи планъ этотъ комиссіей былъ признанъ непригоднымъ. Затѣмъ въ томъ же журналѣ была помѣщена статья о занятіяхъ въ дѣтскомъ саду въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ; по плану можно было видѣть, какая обширная, дающая массу научныхъ свѣдѣній и отвлеченныхъ знаній, программа въ немъ примѣнялась, но наряду съ этимъ отводилось очень мало мѣста для занятій простыхъ, понятныхъ и доступныхъ малышамъ; комиссія отнеслась отрицательно и къ этому трудному, неравномѣрному плану.

Почти во всѣхъ дѣтскихъ садахъ со старшею группою приходится заниматься грамотою; членамъ комиссіи было интересно познакомиться съ примѣняемыми методами преподаванія ея. По заявленіямъ руководительницъ очень удачнымъ методомъ является такъ называемый американскій, представленный въ «Русской Грамотѣ»; при немъ дѣти быстро и легко выучиваются читать и писать.

Желая познакомиться съ практическимъ примѣненіемъ Фребелевскихъ теорій въ современномъ дѣтскомъ саду, комиссія выслушала на эту тему спеціальный докладъ, съ демонстраціями основныхъ Фребелевскихъ работъ.

На музыкальное воспитаніе въ дѣтскихъ садахъ при всѣхъ

разновидныхъ программахъ должно быть обращено большое вниманіе. Людямъ, близко стоящимъ къ дѣтямъ, приходится на каждомъ шагу убѣждаться въ томъ, какъ дѣти любятъ музыку и пѣніе и какъ чутко относятся къ художественному исполненію ихъ. Развить слухъ, научить дѣтей воспринимать музыку, цѣнить искусства — довольно трудная задача для руководительницъ дѣтскаго сада. Спеціализироваться дѣтямъ дошкольнаго возраста въ этомъ, конечно, нѣтъ надобности, но дать имъ общую художественную подготовку — необходимо. Съ практической стороны вопросъ оказывается довольно труднымъ: какъ и чѣмъ руководствоваться въ музыкальной программѣ тѣмъ воспитательницамъ дѣтскихъ садовъ, которыя не проходили спеціально музыки и пѣнія? Желая разобраться въ этомъ вопросѣ, комиссія разсмотрѣла нѣсколько сборниковъ дѣтскихъ пѣсенокъ и высказала о нихъ свое мнѣніе. Обращено было вниманіе и на тѣ сказки, которыя переложены въ пѣсни; исходя изъ того, что во-первыхъ, сказка, какъ произведеніе литературное, захватывающее дѣтей содержаніемъ и своимъ своеобразіемъ, переложенная на музыку хотя и сохраняетъ художественность, но, увы, становится непосильною для дѣтскаго пониманія, во-вторыхъ, признавая, что въ сказкѣ дорогъ именно народный складъ, который, въ пѣніи утрачивается, — комиссія пришла къ заключенію, что переложенныхъ въ пѣсни сказокъ лучше избѣгать; пѣсни же, приспособленныя для игръ, признаются желательными. Изъ спеціальныхъ докладовъ по занятіямъ пѣніемъ и музыкой въ дѣтскихъ садахъ можно видѣть, что главною цѣлью музыкальнаго воспитанія въ дошкольномъ возрастѣ должно быть развитіе въ дѣтяхъ слуха, ритма и музыкальности. Для достиженія положительныхъ результатовъ въ музыкальномъ воспитаніи — весьма желательнымъ является устройство концертовъ съ простой, понятной программой и при условіи художественнаго выполненія ея.

Для всѣхъ домашнихъ и народныхъ дѣтскихъ садовъ имени Общества комиссіей были выработаны особыя условія, которымъ они должны удовлетворять. Составленныя правила прошли черезъ правленіе и общее собраніе и были затѣмъ разосланы во всѣ дѣтскіе сады, открытые подъ флагомъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію. Затѣмъ у членовъ комиссіи возникаетъ мысль издать полную справочную книгу по вопросамъ дѣтскаго сада. Книга должна заключать въ себѣ подробныя указанія организаціи

домашнихъ и народныхъ дѣтскихъ садовъ, нѣсколько существующихъ программъ веденія занятій въ нихъ, отчеты по литературѣ дѣтскаго сада, по книгамъ для дѣтей дошкольнаго возраста, музыкальнымъ сборникамъ, руководствамъ по устройству экскурсій, дѣтскихъ праздниковъ, лекцій, концертовъ, статьи по гигіенѣ дѣтскаго сада и т. д., — словомъ члены комиссіи предполагали издать настольную книгу для воспитательницъ дѣтскихъ садовъ, но въ виду того, что въ этомъ году Общество издаетъ сборникъ, въ который должна войти часть намѣченныхъ комиссіей статей, то изданіе спеціальной книги рѣшено отложить.

Устраивая на Рождествѣ 1910 года елку для дѣтей народнаго дѣтскаго сада на Разъѣзжей улицѣ, комиссія, между прочимъ, обсуждала вопросъ объ игрушкахъ: что дарить дѣтямъ? Съ одной стороны пріятно подарить то, что они хотятъ, съ другой же стороны непедагогично дарить дѣтямъ нѣкоторыя игрушки, какъ, напримѣръ, пушки, ружья, пистолеты и т. п. Комиссія пришла къ заключенію, что желательно интересъ дѣтей направлять въ извѣстную сторону, отвлекать ихъ отъ тяготѣнія къ такого рода подаркамъ.

О домашнихъ и народныхъ дѣтскихъ садахъ Общества указано въ годовомъ отчетѣ; болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ выйдутъ или въ отдѣльной брошюрѣ или во второмъ сборникѣ.

Въ началѣ мая 1911 года засѣданія комиссіи по дѣтскимъ садамъ до сентября прекратились. Изъ всего сказаннаго видно, что хотя комиссія и не смогла всѣ намѣченныя задачи провести въ жизнь, но работа по разнымъ вопросамъ начата и, надо думать, будетъ впослѣдствіи болѣе плодотворной. Члены комиссіи убѣждены, что только коллективный трудъ, совмѣстное обсужденіе вопросовъ дошкольнаго воспитанія, заинтересованность въ нихъ и активное участіе всѣхъ членовъ дадутъ возможность осуществить и широко примѣнить къ жизни идею общественнаго воспитанія.

Е. Іорданская.

Лекціонная комиссія Общества.

Въ послѣдніе годы замѣчается значительное оживленіе интереса къ вопросамъ воспитанія и обученія. Русское общество, въ лицѣ пока отдѣльныхъ, болѣе сознательныхъ представителей своихъ, начинаетъ проникаться сознаніемъ своей полной неосвѣдомленности въ дѣлѣ, которому суждено оказывать наибольшее вліяніе на будущее молодыхъ поколѣній, а стало быть и всего уклада жизни. Люди начинаютъ искать путей къ пополненію этого существеннаго пробѣла, съ интересомъ и довѣріемъ прислушиваются къ каждому голосу, могущему дать совѣты, нужныя указанія, предначертанія и руководящія начала.

Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей не могло, конечно, не отмѣтить этой стороны общественной жизни. Удовлетворять этимъ запросамъ, облегчать исканія явилось одной изъ цѣлей его дѣятельности, и въ первый же годъ своего существованія оно приступило къ организаціи курсовъ по вопросамъ воспитанія и обученія для взрослыхъ.

Починъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ: всѣ курсы, предложенные Обществу въ первое полугодіе 1909/10 учебнаго года, прошли при значительномъ числѣ слушателей и полномъ матеріальномъ и нравственномъ успѣхѣ.

Курсы эти слѣдующіе:

1) Психологія дѣтскаго возраста. Лекторъ Н. Е. Румянцевъ.

2) Гигіена дошкольнаго возраста. — В. В. Рахмановъ.

3) Обзоръ дѣтской литературы. — Н. В. Чеховъ.

4) Теорія и практика Фребелевскихъ занятій. — А. П. Забѣло.

5) Занятія ручнымъ трудомъ. — Е. К. Соломинъ.

6) Методика начальнаго рисованія. — Е. Н. Стахѣева-Кошкодамова.

Изъ предметовъ, намѣченныхъ для второго полугодія, состоялись лишь слѣдующіе курсы:

1) Обзоръ дѣтской литературы. Лекторъ А. М. Калмыкова.

2) Методика начальнаго природовѣдѣнія. — Л. Н. Никоновъ.

3) Практическія занятія ручнымъ трудомъ. — Е. К. Соломинъ.

Кажущійся неуспѣхъ этотъ объясняется слѣдующими соображеніями: лекціи были разрѣшены градоначальникомъ исключительно для членовъ Общества; право помѣщенія объявленій, оповѣщенія широкой публики не было предоставлено Обществу. Молодое же, немногочисленное еще Общество не могло доставить достаточный контингентъ слушателей по однимъ и тѣмъ же курсамъ, читаемымъ вторично въ томъ же году и въ одномъ и томъ же кварталѣ города.

По этимъ же соображеніямъ въ 1910/11 учебномъ году состоялись лишь два курса:

1) Ручной трудъ. — Е. К. Соломинъ.

2) Фребелевскія занятія. — М. Л. Карпинская.

Въ 1911/12 учебномъ году состоялись лекціи и систематическія практическія занятія по лѣпкѣ подъ руководствомъ извѣстнаго скульптора И. Я. Гинцбурга. Число желающихъ записаться на эти занятія было такъ велико, что ихъ пришлось разбить на двѣ группы, въ виду заявленія профессора, что онъ можетъ руководить занятіями лишь 15 лицъ, работающихъ одновременно.

Кромѣ систематическихъ курсовъ по вопросамъ воспитанія и обученія, лекціонной комиссіей устраивались отъ времени до времени единичныя лекціи по самымъ разнообразнымъ педагогическимъ вопросамъ. Строгой системы и послѣдовательности въ матеріалѣ, освѣщаемомъ этими лекціями, быть, конечно, не могло. Приглашать лекторовъ за плату и организовать лекціи по опредѣленной программѣ Общество не могло за неимѣніемъ средствъ. Приходилось удовлетворяться услугами лицъ, любезно предлагавшихъ безвозмездно подѣлиться съ членами Общества своими мыслями и знаніями. Избѣжать случайности въ подборѣ темъ было при этихъ условіяхъ, конечно, совершенно невозможно. Большинство изъ этихъ лекцій устраивались для членовъ Общества даромъ. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ взималась незначительная плата (30 коп.) въ пользу Общества.

Лекціи собирали значительное число слушателей и сопровождались оживленнымъ обмѣномъ мнѣній по поводу прочитаннаго. За время существованія Общества, насколько удалось установить, до 1911 года, были сдѣланы слѣдующіе доклады:

Въ 1908 году: «Принципы свободнаго воспитанія». Н. В. Чеховъ. — «Воспитаніе общественности въ дѣтяхъ». Е. Г. Соловьева.

Въ 1909 году: «Дѣтскій домъ въ С.-Петербургѣ». Н. А. Вукотичъ. — «О совмѣстномъ обученіи». М. М. Штенгаузъ. — «Половой вопросъ въ семьѣ и школѣ». — «Значеніе художественнаго воспитанія». Э. Л. Вейдмеръ-Глухова.

Въ 1910 году: «Значеніе общественныхъ организацій въ дѣлѣ распространенія идей дошкольнаго воспитанія». Н. В. Чеховъ. — «Къ вопросу объ экспериментальномъ изслѣдованіи отношенія дѣтей ко лжи». В. И. Гартьера. — «Опытъ психологическій характеристики ребенка». Е. А. Штейнъ. — «Объ оранизаціи библіотекъ». — «О преподаваніи наукъ въ дошкольномъ возрастѣ». — «Существующіе типы народныхъ дѣтскихъ садовъ». — «Воспитательное значеніе лѣтнихъ колоній». — Что и какъ читать дѣтямъ», и др.

Библіотечная комиссія, показательная постоянная выставка дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ, журналовъ и организація дѣтской библіотеки Общества.

Въ 1910 году впервые раздались голоса между членами Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей о необходимости сорганизоваться для просмотра дѣтской литературы, для установленія критерія, съ которымъ слѣдуетъ подходить къ оцѣнкѣ книгъ для различныхъ возрастовъ дѣтей. Собралась группа въ нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе дѣятельныхъ членовъ Общества, и эти члены новой «Библіотечной комиссіи» занялись въ первую очередь разборомъ дѣтскихъ журналовъ за текущій годъ.

Собранія библіотечной комиссіи происходили еженедѣльно, на нихъ читались доклады о журналахъ, рѣшались текущія дѣла, но собранія эти носили скорѣе семейный, домашній характеръ — безъ протоколовъ засѣданій, и много цѣнныхъ мнѣній, цѣнныхъ сужденій остались лишь въ стѣнахъ собранія въ памяти собиравшихся членовъ.

Были разобраны всѣ дѣтскіе журналы за исключеніемъ «Природа и Люди» и «Вокругъ Свѣта», какъ журналовъ не спеціально дѣтскихъ, хотя имѣющихъ успѣхъ у дѣтей.

Разборъ журналовъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: группа въ 5—7 человѣкъ знакомилась съ содержаніемъ журнала, съ характеромъ его статей, съ задачами, которыя онъ проводилъ, и одинъ изъ членовъ такой подкомиссіи докладывалъ всей комиссіи общее мнѣніе о журналѣ. Планъ разбора журналовъ былъ разработанъ комиссіей, и всѣ журналы разбирались по одному плану.

I. Возрастъ, цѣна, внѣшность, форма изданія (размѣръ, количество книгъ, приложеній и пр.), программа изданія.

II. Выполненные отдѣлы:

1. Беллетристическій отдѣлъ:

а) Литературно-хидожественное направленіе.

б) Языкъ.

в) Переводная и оригинальная литература.

г) Группировка по темамъ; краткое, сжатое опредѣленіе содержанія.

д) Присутствіе юмора и жизнерадостнаго элемента.

е) Откликъ на современныя переживанія.

2. Біографіи и литературно-художественныя характеристики:

а) Какія личности затронуты (какіе идеалы вырисовываются дѣтямъ).

б) Умѣстность ихъ въ данномъ возрастѣ.

3. Стихи:

а) Форма ихъ (языкъ, музыкальность, образность), направленіе.

б) Содержаніе (группировка по темамъ).

4. Научный отдѣлъ. Естествовѣдѣніе:

а) Форма (популярно-научная или беллетристическая).

б) Какія области изъ этой сферы трактуются.

в) Выполненіе (доступность, научность, интересность).

5. Историческій отдѣлъ:

а) Форма (популярно-научная или беллетристическая, курсъ систематическій или эпизоды изъ исторіи).

б) Изъ какой исторіи.

а) Какъ представленъ (выдержанъ ли исторически, направленіе).

6. Географія, этнографія:

а) Форма (путешествія, популярно-научныя свѣдѣнія или беллетристика).

б) Какiе страны и народы представлены.
в) Задѣта ли общественно-соцiальная жизнь.
г) Встрѣчается ли религiозный элементъ.

7. Какъ журналъ откликается на событiя современной жизни:

а) Научныя новости.
б) Событiя изъ общественной жизни.
в) Изъ школьной жизни (дѣтскiе клубы, журналы).
г) Изъ явленiй природы.

8. Наблюденiя и занятiя:

а) Совѣты по экскурсiямъ, гербаризацiи, коллекцiямъ и пр.
б) Устройство школьныхъ праздниковъ.
в) Работы (изъ бумаги, дерева, глины и пр.).

9) Развлеченiя:

а) Спортъ въ разныхъ отрасляхъ, новыя игры.
б) Загадки, ребусы, шарады, задачи.

10) Почтовый ящикъ:

а) Вопросы и отвѣты на нихъ.
б) Письма со своими впечатлѣнiями, свѣдѣнiями.
в) Анкета.
г) Рисунки.

11. Внѣшность журнала:

а) Иллюстрацiи.
б) Шрифтъ и др. детали.

Въ случахъ яркаго разногласiя опоненты выступали съ контръ-докладомъ. Изъ оживленнаго обмѣна мнѣнiй по поводу прочитаннаго и ряда вопросовъ, обращенныхъ къ докладчикамъ — въ случаяхъ недоумѣнiя со стороны членовъ-слушателей, лишь ярче и всесторонне выступалъ обликъ журнала.

Такая совмѣстная работа сплотила членовъ комиссiи, и въ средѣ ихъ возникла мысль осуществить намѣченный въ далекомъ прошломъ проектъ устройства выставки дѣтскихъ книгъ.

Благодаря энергичной работѣ нѣкоторыхъ членовъ, отзывчивости и щедрости книгопродавцевъ и издателей, были собраны тысячи книгъ, и выставка была открыта въ апрѣлѣ 1910 года въ Меньшиковскихъ покояхъ 1-го кадетскаго корпуса. Книги на ней были расположены по системѣ каталога «Школьныя библіотеки» (система эта всецѣло принята въ комиссіи), и каждая тема въ свою очередь подраздѣлялась по тремъ возрастамъ дѣтей.

Общее вниманіе привлекла систематичность расположенія всѣхъ отдѣловъ: такъ, *естествовѣдѣніе* на нѣсколькихъ столахъ представило всю лѣстницу организма «отъ микроба до человѣка»; рядомъ — мертвая природа со всѣми подраздѣленіями, и въ концѣ всѣхъ этихъ отдѣловъ — біологія (приспособляемость, умъ животныхъ, борьба за существованіе).

Исторія русская и всеобщая расположились въ хронологическомъ порядкѣ: русская — начиная съ VIII—IX вѣка (нашего доисторическаго періода) и въ послѣдовательности временной и въ то же время группируясь по эпохамъ: новгородскій періодъ, кіевскій, московскій, а дальше — по царствованіямъ. Особенно выдѣлялась своимъ богатствомъ литература объ Іоаннѣ Грозномъ, смутномъ времени, о Петрѣ I, 12-мъ годѣ и эпохѣ реформъ (Александръ II).

Беллетристика, распредѣленная по темамъ, давала яснѣе представленіе о системѣ чтенія, начиная съ «семьи», «сиротъ», «любви къ животнымъ», «товарищей», «школы» и такъ 50 темъ — кончая «работой на пользу общества» [1].

Сказки сгруппированы были по народностямъ и тѣмъ отражали свой національный характеръ.

Дѣтскіе журналы представлены были почти всѣ существующіе въ Россіи и сопровождались рецензіями.

Дошкольный возрастъ. Придавая громадное значеніе впечатлѣніямъ дошкольнаго возраста, комиссія занялась подробной расцѣнкой книгъ для малышей, и тутъ пришлось натолкнуться на самый разнохарактерный матеріалъ: наряду съ книгами, которыя должны стать обязательными въ каждой дѣтской, имѣются книги совершенно недопустимыя ни въ какомъ возрастѣ. Чтобы лучше оріентировать родителей при выборѣ и оцѣнкѣ книгъ, рѣшили распредѣлить ихъ по достоинствамъ съ такими аншлагами: «лучшія»,

[1] См. „Школьныя библіотеки", каталогъ книгъ для дѣтей до 15 лѣтъ, изд. Сытина, цѣна 50 коп.

«удовлетворительныя», «посредственныя», «хорошъ текстъ — плохи рисунки», «хороши рисунки — плохъ текстъ», «вредныя». При расцѣнкѣ обращалось вниманіе на языкъ, содержаніе, доступность и художественность изданія.

Имѣла ли успѣхъ выставка? Безусловно имѣла; публики бывало много, выставкой очень интересовались, привѣтствовали эту мысль — выставить дѣтскія книги, разспрашивали о книгахъ, просили указаній, желали пріобрѣтать каталоги, принятые комиссіей, и рекомендованныя ею книги. Были случаи горячей симпатіи къ этому новому дѣлу — рекомендаціи дѣтскихъ книгъ не отдѣльнаго издательства, не одного автора, а широкой выставки того, что можно читать дѣтямъ въ дошкольномъ возрастѣ, въ 5—7 лѣтъ, въ 8—10 лѣтъ и въ 11—15 лѣтъ.

Комиссія не имѣла возможности снабдить всѣ выставленныя книги рецензіями, рекомендаціями, но была витрина безусловно рекомендованныхъ книгъ — хорошихъ, очень хорошихъ — можетъ быть, даже «вѣчныхъ» въ дѣтской литературѣ. По вечерамъ въ помѣщеніи выставки читались доклады о дѣтскихъ журналахъ и по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ воспитанія и обученія: «Типы читающихъ дѣтей», «о современныхъ теченіяхъ въ дѣтской литературѣ», «о новыхъ хрестоматіяхъ», «о чтеніи дѣтей», «о лабораторномъ методѣ преподаванія ариѳметики», «о новыхъ методахъ преподаванія ариѳметики». По закрытіи выставки большинство издателей оставили свои изданія въ распоряженіе библіотечной комиссіи, въ виду намѣренія членовъ ея продолжать это полезное дѣло ознакомленія широкой публики съ дѣтской литературой. Съ осени нанято было помѣщеніе (Кабинетская, 18), и члены комиссіи занялись устройствомъ *постоянной выставки-музея,* гдѣ каждый день за плату 10 коп. можно было желающимъ придти осмотрѣть выставку, узнать мнѣніе комиссіи о книгѣ, посовѣтоваться, что дать начинающему читать ребенку или завзятому любителю чтенія, пересмотрѣть десятокъ книгъ на желаемую тему, познакомиться со шрифтомъ, иллюстраціями, духомъ книги и т. д.

Статистика посѣщеній показываетъ, что значеніе выставки устанавливается въ сознаніи публики; вмѣсто того, чтобы поручать выборъ книги для своего ребенка приказчику, — обращаются за совѣтами въ комиссію и составляютъ списки не на одинъ годъ.

Совмѣстно съ технической работой по устройству и музея книгъ, въ средѣ членовъ библіотечной комиссіи шла интенсивная работа по разбору новинокъ, пересмотру старыхъ книгъ, а впереди, какъ мечта, стояло устройство своей образцовой библіотеки съ идеей сближенія съ дѣтьми на почвѣ прочитанныхъ книгъ и бесѣдъ съ ними на литературныя темы.

Въ теченіе 1910/11 года библіотечная комиссія прослушала рецензіи болѣе 2 сотенъ книгъ. Рецензіи шли отъ одного изъ членовъ, но книга получала свою окончательную оцѣнку лишь въ томъ случаѣ, если ее, кромѣ рецензента, знали еще 4—5 человѣкъ. Ознакомленные съ книгой освѣщали ее со своихъ точекъ зрѣнія, и библіотечная комиссія получала болѣе или менѣе полное представленіе о данной книгѣ. Всѣ книги-новинки съ приклеенными къ нимъ листками съ рецензіями попадали на особый столъ-витрину, гдѣ посѣтители музея имѣли полную возможность ознакомиться съ ними.

Жизнь выдвинула необходимость тутъ же при музеѣ устроить продажу книгъ; издатели доставляли книги по указанію библіотечной комиссіи, и изъ процентовъ вырученнаго отъ продажи и ежемѣсячнаго членскаго взноса въ 50 коп. составлялись суммы, необходимыя для оплаты помѣщенія выставки и склада.

Чрезвычайно много интереса къ выставкѣ выказали члены съѣзда по экспериментальной педагогикѣ, бывшаго въ декабрѣ 1911 года, и учителя-слушатели лѣтнихъ курсовъ въ Петербургѣ. Члены съѣзда посѣщали выставку, знакомились съ системой ея и охотно раскупали листокъ съ перечнемъ лучшихъ книгъ, выпущенный комиссіей къ Рождественскимъ праздникамъ. Много требованій поступало и поступаетъ на каталогъ книгъ, рекомендованныхъ именно комиссіей, но такого каталога пока нѣтъ, и сама комиссія руководится каталогомъ «Школьныя библіотеки». Какъ слѣдствіе ознакомленія членовъ съѣзда съ выставкой, завязались сношенія комиссіи съ провинціей, и оттуда поступали запросы и просьбы списковъ рекомендованныхъ книгъ, помочь въ организаціи библіотекъ по системѣ комиссіи. Съ зимняго сезона того же 1911 года рецензіи библіотечной комиссіи впервые стали появляться въ печати на страницахъ журналовъ: «Семейное Воспитаніе» въ Астрахани, «Свободное Воспитаніе» и «Тропинка» въ Петербургѣ, «Дошкольное Воспитаніе» въ Кіевѣ и въ газетѣ «Рѣчь». Эти выступленія членовъ на страницахъ пе-

дагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ вызвали вопросъ объ авторскомъ правѣ на эти рецензіи. Постановлено было такое рѣшеніе: если членъ комиссіи беретъ книгу по личному почину и, составивъ рецензію, предлагаетъ собранію ее прослушать — рецензентъ является хозяиномъ своей рецензіи, независимо отъ одобренія ея комиссіей. Но если тема намѣчена комиссіей и рецензируются книги на данную тему или книга разбирается по порученію, собственникомъ рецензіи является комиссія. Отвѣчая на запросы текущей жизни, при чемъ часто требовалось спѣшное выполненіе чисто случайной работы — дѣятельность библіотечной комиссіи неизбѣжно должна была носить пестрый, разнообразный характеръ: рецензіи новинокъ, составленіе списковъ рекомендуемыхъ книгъ по разнымъ отраслямъ, организація библіотекъ различныхъ типовъ, техническая работа по выставкѣ, — вотъ повседневная работа комиссіи. Случайная же, эпизодическая работа въ музеѣ возникала тогда, когда время отъ времени раскидывались выставки книгъ, то по отдѣльному предмету, — географіи, исторіи, то примѣняясь къ какому-нибудь событію текущей жизни, юбилею или съѣзду и т. п.

Такихъ временныхъ выставокъ въ жизни библіотечной комиссіи было нѣсколько. 19 февраля 1911 года исполнилось 50-лѣтіе со дня обнародованія манифеста объ уничтоженіи крѣпостной зависимости. И школа, и семья, конечно, должны были отозваться на это событіе, и долженъ былъ явиться спросъ на книги по этому вопросу. Насколько это было въ силахъ, библіотечная комиссія развернула выставку на тему о «19 февраля» и руководителямъ дѣтскимъ чтеніемъ дала возможность разобраться въ книгахъ, освѣщающихъ дѣтямъ тѣ или другія стороны временъ крѣпостного права. Было выставлено болѣе 100 книгъ; изъ классиковъ были подобраны тѣ произведенія, которыя касались событія 19 февраля; они распредѣлялись на группы: дворяне, помѣщикъ и крестьяне. Для учителей, какъ руководства для освѣщенія эпохи, предложены были популярно-научныя произведенія — Радищева, Джаншіева, Сементковскаго, Корнилова, Кизеветтеръ, Назаревскаго, Князькова и др. Сборники и хрестоматіи этой витрины представляли изъ себя цѣнное пособіе для чтенія дома или заучиванія стихотвореній и отрывковъ на данную тему. Беллетристика была разложена на 2 группы: для средняго возраста и старшаго возраста дѣтей.

Всѣ книги, кромѣ классиковъ, были просмотрѣны членами, и рецензіи о нихъ прочитаны въ библіотечной комиссіи. Разборъ былъ сдѣланъ очень подробный, выдѣляя въ книгѣ всѣ удачные моменты и обращая вниманіе на всѣ недочеты. Комиссія обратилась во всѣ дѣтскіе журналы съ просьбой прислать номера журналовъ. Журналы были просмотрѣны, отмѣчены тѣ, которые цѣликомъ посвятили свои номера юбилею освобожденія крестьянъ, и тѣ, которые помѣстили статьи о крѣпостномъ правѣ среди обычнаго текста. Юбилейная выставка вызвала большой интересъ у публики, и большая работа библіотечной комиссіи по собиранію и разбору книгъ не пропала даромъ.

Эту выставку смѣнили книги «въ помощь руководительницамъ дѣтскихъ садовъ». Книгъ было выставлено немного, такъ какъ литература по этому вопросу невелика. Книгъ-руководствъ, какъ вести дѣтскій садъ, почти нѣтъ, а на эти-то книги и былъ самый усиленный спросъ. Кромѣ книгъ-руководствъ были выставлены сборники дѣтскихъ пѣсенъ, игръ и занятій.

Къ веснѣ была выдвинута третья временная выставка на тему «чѣмъ и какъ заняться дѣтямъ лѣтомъ». Были разложены книги о собираніи коллекцій, устройствѣ садиковъ и огородовъ, прогулкахъ и экскурсіяхъ. При подборѣ матеріала для этой выставки руководились отзывами «Подвижного музея» и спеціалистовъ по природовѣдѣнію. Удалось представить много интересныхъ пособій для лицъ, желавшихъ познакомиться съ тѣмъ, чѣмъ можно занять лѣтомъ дѣтей различнаго возраста.

Въ текущемъ году, ко дню 200-лѣтія со дня рожденія Ломоносова, была устроена витрина его біографій и произведеній. Ко дню этого юбилея вышли у различныхъ издателей новыя книжечки о Ломоносовѣ, и всѣ онѣ, какъ и всѣ существовавшія прежде, прошли черезъ рецензіи библіотечной комиссіи. Познакомить дѣтей съ исключительной личностью Ломоносова, конечно, было крайне желательно, но очень труднымъ дѣломъ являлось освѣщеніе его какъ ученаго, какъ писателя, такъ какъ произведенія его мало доступны пониманію дѣтей. Дѣтямъ младшаго и средняго возраста возможно лишь дать понятіе о Ломоносовѣ, какъ о примѣрѣ стремленія къ знанію, энергіи и несокрушимой силы воли.

Кромѣ осуществленія своихъ практическихъ задачъ — ознакомленія публики съ книгами путемъ выставокъ и музея — Библіо-

течная комиссія подготовлялась къ организаціи своей библіотеки, работая надъ тезисами для разбора книгъ. Очень подробно и полно были разработаны тезисы для оцѣнки сказокъ, какъ книгъ преимущественно дошкольнаго возраста.

Всѣ сказки были подраздѣлены на 4 группы: народныя, индивидуальнаго творчества, фантастическія и бытовыя. Какъ принципы, было постановлено, что въ сказкахъ недопустимы: 1) слишкомъ яркія проявленія жестокости и грубости, 2) передѣлка народныхъ сказокъ съ искаженіемъ смысла и образовъ сказки, 3) замѣна яркаго образнаго народнаго языка своими словами, за исключеніемъ безусловно художественнаго изложенія, относящагося къ индивидуальному творчеству, напр., Пушкина, 4) недопустимы сказки, дѣйствующія на воображеніе ребенка до болѣзненности устрашающимъ образомъ, и 5) сказки-анекдоты, не обладающія достоинствами древности и отражающія мелочность и пошлость современнаго быта.

Библіотечная комиссія была настолько заинтересавана вопросомъ о сказкахъ и роли ихъ въ жизни ребенка, что была сорганизована особая «сказочная комиссія», которая работала надъ просмотромъ сборниковъ сказокъ и составленіемъ каталога ихъ. Кромѣ того, обратились къ В. В. Каррику, извѣстному иллюстратору и издателю сказокъ, съ просьбой подѣлиться съ комиссіей его мнѣніями. Каррикъ издалъ болѣе 20 книжекъ, имѣющихъ огромный успѣхъ у дѣтей и воспитателей. Текстъ народныхъ сказокъ въ нихъ не искаженъ, а талантливые рисунки сами разсказываютъ часто больше и полнѣе, чѣмъ слова. Каррикъ въ своемъ докладѣ сообщилъ исторію сказки, и взгляды его на значеніе ея въ жизни ребенка вполнѣ совпали съ мнѣніями библіотечной комиссіи.

Еще памятно то время, когда сказка совершенно изгонялась изъ дѣтской литературы; это гоненіе пришло на смѣну того времени, когда лишь она одна царила въ дѣтской. Но время расцвѣта сказки, какъ воспитательницы, прошло, и она стала изгоняться изъ дошкольнаго возраста дѣтей, какъ слишкомъ изощряющая ихъ фантазію. Это явленіе — гоненіе на сказки — наблюдалось не только у насъ, но и за границей.

За послѣднее время опять произошелъ крутой поворотъ въ признаніи сказки именно для дѣтей дошкольнаго возраста. Она питаетъ основную черту духовнаго міра ребенка — фантазію; изъ бытовыхъ сказокъ онъ черпаетъ понятія объ отношеніяхъ между

людьми, — а это-то и цѣнно ребенку. Трудно, почти невозможно найти народную сказку въ чистомъ видѣ — безъ наслоеній, накопленныхъ столѣтіями, но все же и у насъ и за границей народная сказка найдена, возстановлена, записана и даже нанесена на пластинки граммофона. Послѣднее особенно цѣнно потому, что сказка отъ разсказчика производитъ несравненно бóльшее впечатлѣніе, чѣмъ прочитанная въ книгѣ. Въ былыя времена няня разсказывала дѣтямъ сказки, и дѣти-слушатели жили одной жизнью съ нею, а теперь сборники сказокъ, изящно изданные съ картинками, часто очень художественными, не даютъ дѣтямъ того, что давали простыя крѣпостныя няни.

Докладчикъ Каррикъ и вся комиссія высказалась за возстановленіе сказокъ всѣми мѣрами, за собираніе возможно бóльшаго числа иностранныхъ сказокъ, чтобы сличеніемъ выдѣлить древнѣйшее ядро ихъ. Законность и прямое право на существованіе сказки подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что въ ней ярко выступаетъ сродство народной психологіи съ дѣтской — и у народа, и у дѣтей совершенно тождественное отношеніе къ чуду и нѣтъ недовѣрія къ описываемымъ явленіямъ; отношеніе къ міру совершенно одинаковое.

Работа по разбору сказокъ еще не заключена библіотечной комиссіей — на основаніи тезисовъ разбираются сказки, и всѣ усилія направлены на то, чтобы въ музеѣ отдѣлъ сказокъ былъ какъ можно полнѣе и тщательно расцѣненъ. Сказки въ музеѣ разнесены по національностямъ, и каждая группа разбита на 3 возраста.

Какъ было уже упомянуто выше, работа библіотечной комиссіи неизбѣжно должна носить пестрый характеръ — попутно съ разборомъ сказокъ идетъ разборъ театральныхъ пьесъ, такъ какъ жизнь передъ праздниками выдвигаетъ необходимость высказаться о театральныхъ пьесахъ. Ихъ было разобрано свыше 40, изъ нихъ забракованы пьесы съ грубыми шутками, съ плоскими остротами, съ притянутыми эффектами, пьесы, гдѣ мало дѣйствія, а много разговоровъ, трудныхъ для заучиванья.

Лучшими были признаны пьесы Allegro, нѣкоторыя Лукашевичъ, Авиловой и Васильева.

Хотя библіотечная комиссія не ставила своей задачей разборъ учебниковъ, но съ началомъ учебнаго года явилась необходимость провести черезъ рецензіи библіотечной комиссіи новыя хрестоматіи, и были выработаны тезисы къ разборамъ этихъ

книгъ. Тезисы эти были слѣдующіе: хрестоматіи должны отличаться народнымъ характеромъ, быть художественными, давать знакомство не только съ внѣшнимъ міромъ, но и съ внутреннимъ, въ нихъ необходимо присутствіе психологическаго элемента. Содержаніе ихъ должно быть разнообразнымъ, удовлетворять съ педагогической точки зрѣнія, быть интереснымъ, доступнымъ пониманію дѣтей даннаго возраста. На основаніи этихъ тезисовъ были разобраны нѣкоторыя хрестоматіи и произведена детальная оцѣнка всего матеріала.

Изъ большихъ коллективныхъ работъ членовъ библіотечной комиссіи надо упомянуть о разборѣ книжекъ и статей Л. Н. Толстого, послѣ его смерти, когда естественно начался усиленный спросъ на его книги для ознакомленія дѣтей съ личностью и талантомъ Толстого. Комиссія занялась тѣмъ, что разнесла по тремъ возрастамъ все то, что можно изъ произведеній Толстого дать дѣтямъ. Конечно, большинство произведеній по силамъ дѣтямъ старшаго возраста, но были отмѣчены нѣкоторыя вещи, доступныя даже дѣтямъ младшаго возраста.

Однимъ изъ членовъ комиссіи, *извѣстнымъ знатокомъ дѣтской литературы А. М. Калмыковой,* былъ сдѣланъ крайне интересный докладъ. Были подобраны нѣсколько книгъ на тему: школьная жизнь въ старой англійской школѣ и новой американской. Эта въ высшей степени удачная мысль, дать такой объединяющій докладъ, нарисовала членамъ библіотечной комиссіи яркую картину того, что изъ себя представляетъ школьная жизнь Англіи, Америки и частью Австраліи, и въ то же время получилось полное представленіе о книгахъ, на основаніи которыхъ былъ составленъ докладъ. Всѣ особенности англійской школы, большая часть которыхъ занесена и въ школы Америки, обрисовались въ этомъ докладѣ. Описанія школьной жизни — массовой и индивидуальной, отношеній школьниковъ къ педагогамъ и къ своимъ обязанностямъ, отношеній взрослыхъ къ дѣтямъ и ихъ шалостямъ, всѣ эти описанія, благодаря параллельному разбору нѣсколькихъ книгъ, сгруппировались въ одну яркую картину. Можно съ увѣренностью сказать, что описанія исключительныхъ обязанностей англійской и американской школы, какъ въ высшей степени нежелательный институтъ «фаговъ» (не перенесенный въ Америку) и, наоборотъ, желательное явленіе «школьныхъ старшинъ» (въ англійскихъ и американскихъ), прочтутся съ особеннымъ инте-

ресомъ юными читателями. Въ недалекомъ будущемъ будетъ прочитанъ второй такой докладъ, объединяющій нѣсколько книгъ на тему: жизнь дѣтей достаточныхъ классовъ и бѣдняковъ и о ихъ взаимоотношеніи.

Разбирая книги-новинки, комиссія остановилась на книжкахъ Сэтонъ-Томпсона «Разсказы изъ жизни животныхъ». Жизнь животныхъ, о которыхъ разсказываетъ С.-Томпсонъ, настолько интересно складывается, что можетъ возбудить величайшій интересъ у дѣтей. Но С.-Томпсону ставятъ въ упрекъ то, что онъ приписываетъ животнымъ психологію людей (напр., лисица сознательно приноситъ лисенку, попавшему въ неволю, отравленное мясо). Комиссія остановилась на вопросѣ о зоологической правдѣ въ разсказахъ С.-Томпсона и обратилась съ просьбой къ профессору Вагнеру прочесть докладъ о разсказахъ С.-Томпсона съ точки зрѣнія науки. Профессоръ пошелъ навстрѣчу желанію комиссіи, и подробный докладъ обѣщанъ, а вкратцѣ профессоръ высказался въ томъ смыслѣ, что не считаетъ произведенія С.-Томпсона правдивыми съ точки зрѣнія зоологіи.

Но, оставляя подъ сомнѣніемъ правдивость нѣкоторыхъ переживаній звѣрей, комиссія все же рекомендуетъ разсказы С.-Томпсона для чтенія дѣтей, такъ какъ признаетъ, что его произведенія вызываютъ у дѣтей въ высшей степени гуманныя чувства къ животнымъ. Всѣ разсказы его рекомендованы для дѣтскаго чтенія.

Вообще, всѣ разсказы о животныхъ различныхъ авторовъ комиссія дѣлитъ на 3 группы: 1) разсказы, гдѣ рисуется психологія животныхъ безъ навязыванія имъ человѣческихъ переживаній, — таковы въ высшей степени желательныя произведенія Робертса, 2) С.-Томпсонъ — представитель второй группы разсказовъ, гдѣ психологія животныхъ раздвинута настолько, что граничитъ съ фантазіей, и 3) группа, гдѣ животныя рисуются въ обстановкѣ не свойственной ихъ быту; подобные разсказы, конечно, нежелательны въ дѣтской литературѣ.

Разбирая книги, члены комиссіи сталкивались съ вопросами, которые требовали принципіальнаго разрѣшенія. Таковы постановленія: о недопустимости книгъ хотя безвредныхъ, но и безполезныхъ (сказки Трубачевой); желательно, чтобы дѣти читали

то, что даетъ развитіе ума; въ равной мѣрѣ недопустимы однѣ и тѣ же книги въ рукахъ бѣдняковъ и богатыхъ дѣтей — одно и то же произведеніе можетъ однимъ открыть глаза на жизнь другихъ классовъ и научить ихъ не проходить мимо безъ участія, а на другихъ — бѣдняковъ, произведетъ удручающее впечатлѣніе.

За послѣдніе годы стали въ дѣтской литературѣ появляться книги съ легендарнымъ содержаніемъ, а противъ легендъ въ дѣтскомъ чтеніи раздавалось не мало голосовъ. Комиссія пришла къ убѣжденію, что разумное пользованіе легендой насъ переноситъ на почву историческую, на почву прошлаго. Весь вопросъ въ томъ, чтобы легенды являлись въ смыслѣ расширяющемъ кругозоръ, а не въ понижающемъ. Комиссія, конечно, высказывается противъ тѣхъ книгъ, гдѣ на страницѣ происходитъ скопленіе всякихъ ужасовъ, или описываются безвыходныя, тяжелыя положенія, или ставятся мучительные вопросы, на которые отвѣты не даны и которые не могутъ быть разрѣшены самими дѣтьми.

Много разъ высказывалась комиссія за недопустимость сказочной формы при сообщеніи научныхъ свѣдѣній.

Въ 1911 году понадобился дополнительный просмотръ дѣтскихъ журналовъ, чтобы установить, появилось ли что-нибудь новаго въ нихъ, или физіономія, т. е. духъ и программа, остаются прежніе. Эти работы были вынесены не только на засѣданія комиссіи, но и на страницы педагогическихъ журналовъ. Отчеты о всѣхъ разнообразныхъ журналахъ въ печати были не единственнымъ выступленіемъ комиссіи за стѣны своихъ собраній. Библіотечная комиссія въ лицѣ своей предсѣдательницы и одного изъ членовъ участвовала въ съѣздѣ библіотековѣдовъ. Въ подсекціи по устройству дѣтскихъ и народныхъ библіотекъ былъ сдѣланъ докладъ о системѣ показательной выставки и всей работѣ; демонстрированъ плакатъ съ графической схемой системы (разработанъ М. Я. Морозовой) библіотечной комиссіи и также удивительно разработанная членомъ комиссіи Т. М. Брамсономъ анкета по дѣтскому чтенію. Кромѣ съѣзда библіотековѣдовъ, докладъ о выставкѣ былъ сдѣланъ на съѣздѣ учителей и демонстрирована выставка. На Царскосельской выставкѣ была выставлена витрина лучшихъ книгъ дошкольнаго возраста и прочитана лекція на тему: «что читать дѣтямъ». Ближайшимъ слѣдствіемъ этой лекціи явилась просьба отъ одной изъ школъ въ Царскомъ Селѣ

прочесть лекцію родителямъ на тему о дѣтскомъ чтеніи и составить библіотечку по системѣ комиссіи.

Подобныя же лекціи о дѣтскомъ чтеніи были прочитаны предсѣдательницею еще въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Петербурга. Въ Екатеринодарѣ, Ейскѣ и Анапѣ прочитаны лекціи о системѣ выставки библіотечной комиссіи.

Для успѣшнаго выполненія заказовъ на составленіе библіотекъ на опредѣленныя суммы было рѣшено и приведено въ исполненіе составленіе списковъ по отдѣламъ: лучшихъ книгъ, путешествій, сказокъ, біографіи и т. д. Надъ составленіемъ этихъ списковъ работалъ кружокъ лицъ, который собирался спеціально для этой работы. Такимъ же кружкомъ членовъ была совершена очень большая работа — составленіе карточнаго каталога. Вся наличность выставки-музея была переписана на карточки (болѣе 8 тыс.), при чемъ на карточкѣ обозначались заглавіе и авторъ книги, изданіе и цѣна, клѣтка-полка, къ которой принадлежала книга по своей темѣ, и возрастъ дѣтей-читателей.

Всѣ эти работы совершались членами, не терявшими надежду подготовить и организовать дѣтскую библіотеку. Вопросъ объ устройствѣ библіотеки поднимался на многихъ засѣданіяхъ въ теченіе зимы 1911/12 года. Несмотря на горячее, вполнѣ обоснованное желаніе — имѣть свою библіотеку, чтобы не работать надъ книгами лишь теоретически, но и практически, провѣряя впечатлѣнія отъ книги у дѣтей вопросами и періодическими лекціями-бесѣдами, устройство библіотеки откладывалось съ одного срока на другой. Останавливало отсутствіе средствъ, основного капитала, пугали большія затраты, и лишь за послѣднее время были собраны небольшія средства, но все же дающія возможность привести въ исполненіе устройство библіотеки. Въ теченіе зимы лица, заинтересованныя библіотекой, которая по постановленію комиссія должна носить названіе: «Библіотека въ память Л. Н. Толстого», были заняты подготовительной работой — составленіемъ списковъ нужныхъ книгъ, подсчетами ихъ стоимости и переписываніемъ того, что уже имѣлось на рукахъ и т. д.

По идеѣ комиссіи библіотека должна не только давать подборъ книгъ, но взять на себя руководительство чтеніемъ. Основные принципы этого руководительства слѣдующіе:

1) Чтеніе дѣтей должно быть согласовано съ очередными интересами ихъ духовнаго развитія. Библіотека должна давать книги

дѣтямъ въ каждый послѣдовательный моментъ развитія ихъ интересовъ, провести ихъ отъ темы «семья» черезъ темы — «дружба», «любовь къ людямъ различныхъ классовъ и народностей» до «высокихъ подвиговъ», «жизни для другихъ» и «работы на пользу общества». Согласно съ этимъ библіотека должна быть распредѣлена по темамъ.

2) Книга должна отвѣчать и научнымъ запросамъ, возникающимъ въ зависимости отъ проходимаго курса и случайнымъ изъ окружающей жизни. Согласно съ этимъ книги должны быть расположены по научной системѣ.

3) Для углубленія и расширенія представленій желательны при библіотекѣ организованныя бесѣды съ дѣтьми по поводу прочитаннаго.

4) Составъ библіотеки долженъ быть изъ лучшихъ и удовлетворительныхъ; книги посредственныя не будутъ имѣть мѣста.

5) Книги библіотеки должны быть подраздѣлены по возрастамъ дѣтей.

Но этихъ продуманныхъ пунктовъ все же мало для устройства образцовой библіотеки. Она только тогда будетъ стоять на высотѣ и достигать вполнѣ своей цѣли, если у нея будетъ связь со школой, если будетъ совмѣстная работа педагогическаго персонала школы съ завѣдующими библіотекою. Важно дать понять дѣтямъ, что на все то, что они проходятъ въ школѣ, они найдутъ разъясненія еще и въ книгахъ библіотеки. Забота библіотеки будетъ та, чтобы научить дѣтей читать, заставить ихъ захотѣть той или другой темы. Самое ужасное явленіе, когда дѣтямъ «все равно» что читать, когда они просятъ «что-нибудь». А такихъ подписчиковъ, обыкновенно, въ библіотекахъ очень много, число ихъ доходитъ до 83%. Чтобы научить дѣтей разбираться въ библіотекѣ, проведена мысль устроить наглядные каталоги изъ картинъ, гдѣ дѣти смогутъ выбирать картинку по своему вкусу и къ ней получать ту или иную книгу.

Члены библіотечной комиссіи надѣются, что интересное дѣло образцовой библіотеки встрѣтитъ сочувствіе со стороны членовъ Общества и широкой публики, и скоро маленькіе читатели найдутъ для себя интересныя и хорошія книги, полезный совѣтъ и нужныя разъясненія въ стѣнахъ новой библіотеки.

Въ заключеніе надо упомянуть о большой работѣ библіотечной комиссіи — изданіи каталога съ перечнемъ книгъ для дѣтей

дошкольнаго возраста. Всѣ книги въ каталогѣ разнесены по достоинству на нѣсколько группъ: книги хорошія, удовлетворительныя, посредственныя, плохія, съ хорошимъ текстомъ и плохими рисунками, плохимъ текстомъ и удачными рисунками и вредныя. Въ книгѣ для руководителей чтеніемъ дѣтей дана при всѣхъ рецензіяхъ объединяющая статья по вопросу о чтеніи и книгахъ для дѣтей до 7 лѣтъ. Такіе же сборники выйдутъ съ рецензіями книгъ для дѣтей младшаго и средняго возраста и для старшаго.

В. П. Фанъ-деръ-Флитъ.

Мысли А. И. Герцена о воспитаніи *.

Непосредственно о воспитаніи Герценъ не написалъ ни одной статьи, но было бы ошибочно предполагать, что вопросы воспитанія были ему чужды. Какъ мыслитель, вдумчиво изучавшій жизнь общества и государства, какъ отецъ семейства, онъ не могъ пройти мимо этихъ вопросовъ. И, дѣйствительно, читая произведенія Герцена, мы находимъ, что вездѣ, гдѣ по ходу мысли ему приходится такъ или иначе сталкиваться съ педагогическими проблемами, онъ въ краткихъ, но яркихъ и опредѣленныхъ, очевидно, основательно продуманныхъ, выраженіяхъ формулируетъ свое отношеніе къ нимъ. Хорошо извѣстно, какое громадное вліяніе оказывали статьи Герцена на читателей. «Я перечитываю сейчасъ Герцена», сказалъ какъ-то въ разговорѣ съ нами, въ началѣ девяностыхъ годовъ, Л. Н. Толстой. «Вотъ талантъ-то, не чета разнымъ писателямъ, въ родѣ меня и Тургенева. Я говорю это искренно, безъ ложной скромности. Герцену наше поколѣніе многимъ обязано; мы вѣдь воспитывались на немъ».

Если такой самобытный умъ, какъ Л. Н. Толстой, признаетъ громадное вліяніе Герцена, то о рядовомъ дѣятелѣ и говорить ужъ нечего.

Фразы о воспитаніи, хотя и брошенныя вскользь, все же должны были оставить громадный слѣдъ въ умѣ читателя и вліять тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онѣ были кратче и опредѣленнѣе.

Вотъ почему мы думаемъ, что историку педагогической мысли въ Россіи нельзя будетъ пройти мимо Герцена, не отдавъ себѣ отчета въ томъ, какое значеніе имѣлъ онъ въ этомъ отношеніи. Но и помимо чисто историческаго интереса, знакомство со взгля-

* Докладъ читанъ въ Обществѣ содѣйствія дошкольному воспитанію 14 ноября 1909 года.

дами Герцена на воспитаніе далеко не безполезно для рѣшенія проблемъ, выдвигаемыхъ педагогами въ наше время.

Въ прибавленіи[1] ко второй части «Былого и Думъ», въ статьѣ, озаглавленной «Н. Х. К.», Герценъ пишетъ:

«Воспитаніе дѣлитъ судьбу медицины и философіи: всѣ на свѣтѣ имѣютъ о нихъ опредѣленныя и рѣзкія мнѣнія, кромѣ тѣхъ, которые серьезно и долго занимались. Спросите о постройкѣ моста, объ осушеніи болота, человѣкъ откровенно скажетъ, что онъ не инженеръ, не агрономъ. Заговорите о водяной или чахоткѣ, онъ предложитъ лѣкарство, по памяти, по наслышкѣ, по опыту своего дяди, но въ воспитаніи онъ идетъ далѣе. «У меня, — говоритъ, — такое правило, и я отъ него никогда не отступаю; что касается до воспитанія, я шутить не люблю, это предметъ слишкомъ близкій моему сердцу»»[2].

У Герцена мы, конечно, не найдемъ такихъ опредѣленныхъ правилъ, которыхъ придерживаются диллетанты-педагоги. Онъ понималъ, что воспитатель и учитель долженъ хорошо знать природу ребенка, долженъ умѣть обращаться со своимъ питомцемъ и ясно представлять себѣ средства и цѣли воспитанія.

Вопроса о цѣли воспитанія Герценъ касается въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Нѣсколькими строками ниже въ этой статьѣ, о которой мы только что упомянули, Герценъ очень опредѣленно формулируетъ цѣль воспитанія въ слѣдующихъ словахъ: «*Дикій предразсудокъ нормальнаго человѣка*[3], къ которому стремились послѣдователи Жанъ-Жака, *отрѣшалъ ребенка отъ исторической среды, дѣлалъ его въ ней иностранцемъ, какъ будто воспитаніе не есть привитіе родовой жизни лицу*»[4].

Въ повѣсти «Кто виноватъ» Герценъ разсказываетъ, что воспитатель Бельтова перечиталъ всѣ трактаты о воспитаніи, — «одного онъ не читалъ въ этихъ книгахъ — что важнѣйшее дѣло воспитанія состоитъ въ приспособленіи молодого ума къ окружающему, что воспитаніе должно быть климатологическое, что для каждой эпохи, такъ, какъ для каждой страны, еще больше для каждаго сословія, а можетъ быть и для каждой семьи должно быть свое воспитаніе».

---

[1] Мы пользовались изданіемъ Ф. Павленкова 1905 года.

[2] Т. II, стр. 476.

[3] Курсивъ подлинника.

[4] II, стр. 477.

Мы находимъ тутъ у Герцена взглядъ, развитый позже Спенсеромъ. Воспитаніе должно быть приспособленіемъ къ той соціальной средѣ, въ которой придется жить человѣку. Но тутъ является трудный вопросъ: какъ далеко должно идти это приспособленіе? Если эта историческая среда есть среда рабства, то неужели воспитаніе должно задаться цѣлью вырастить раба или рабовладѣльца?

Герценъ останавливается надъ этимъ вопросомъ въ своей повѣсти «Кто виноватъ».

Жена Алексѣя Абрамовича Негрова упросила своего мужа позволить ей взять къ себѣ на воспитаніе его незаконную дочь отъ крѣпостной женщины. Алексѣй Абрамовичъ, позволивъ однажды, нашелъ очень естественнымъ странное положеніе ребенка и не далъ даже себѣ труда подумать, хорошо или худо онъ сдѣлалъ, согласившись на это... Въ самомъ дѣлѣ, хорошо или худо онъ сдѣлалъ? Можно многое сказать за и противъ. Кто считаетъ высшей цѣлью жизни человѣческой развитіе во что бы то ни стало, какія бы оно послѣдствія ни привело, — тотъ будетъ на сторонѣ Глафиры Львовны [жены Негрова]. Кто считаетъ высшей цѣлью жизни счастье, довольство, въ какомъ бы кругу оно ни было и на счетъ чего бы оно ни досталось, — тотъ будетъ противъ нея [5].

Трудно сомнѣваться въ томъ, что Герценъ на сторонѣ развитія, а не счастья и довольства, въ какомъ бы кругу оно ни было. Впрочемъ, онъ самъ выражается очень опредѣленно объ этомъ: «Наше воспитаніе не имѣетъ ничего общаго съ тою средою, для которой человѣкъ назначенъ, — и это превосходно. Образованіе у насъ отдаляетъ молодого человѣка отъ нравственной почвы, оно его гуманизируетъ и необходимо ставитъ его въ оппозицію съ офиціальной Россіей. Онъ отъ этого много страдаетъ и этими страданіями заглаживаетъ ошибки и преступленія отцовъ своихъ» [6]. Въ другой статьѣ, «Диллетантизмъ въ наукѣ», Герценъ говоритъ: «Наука разрушаетъ въ области положительно сущаго и созидаетъ въ области логики, — таково ея призваніе. Но человѣкъ призванъ не въ одну логику, а еще въ міръ соціально-историческій, нравственно-свободный и положительно дѣятель-

---

[5] I, стр. 124.

[6] „Старый міръ и Россія“, т. V, стр. 319.

ный, у него не одна способность отрѣшающагося пониманія, но и воля, которую можно назвать разумомъ положительнымъ, разумомъ творящимъ; человѣкъ не можетъ отказаться отъ участія въ человѣческомъ дѣяніи, совершающемся около него; онъ долженъ дѣйствовать въ своемъ мѣстѣ, въ своемъ времени, — въ этомъ его всемірное призваніе, это его conditio sine qua non» [7].

Итакъ, цѣль воспитанія есть «привитіе родовой жизни лицу», но не въ смыслѣ приспособленія къ окружающей средѣ для личнаго счастья и довольства, а для «участія въ человѣческомъ дѣяніи, совершающемся около него». «Забытая въ наукѣ личность потребовала своихъ правъ, потребовала жизни, трепещущей страстями и удовлетворящейся однимъ творчествомъ, свободнымъ дѣяніемъ» [8].

Короче говоря, цѣлью воспитанія является всестороннее развитіе: развитіе ума, чувствъ и воли. Такое развитіе дѣлаетъ человѣка образованнымъ.

«Образованный человѣкъ не считаетъ ничего человѣческаго чуждымъ себѣ: онъ сочувствуетъ всему окружающему... Образованный человѣкъ мыслитъ по свободному побужденію, по благородству человѣческой природы, и мысль его открыта, свободна» [9].

Короче и сильнѣе ту же мысль выражаетъ Герценъ въ статьѣ «Публичныя чтенія г. Грановскаго»: «Человѣкъ созданъ, чтобы думать и любить» [10]. Думать, любить и дѣйствовать сообразно съ этимъ — вотъ, слѣдовательно, назначеніе человѣка и его свойство, но не долгъ.

«Быть *человѣкомъ* въ человѣческомъ обществѣ вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитіе внутренней потребности; никто не говоритъ, что на пчелѣ лежитъ священный долгъ дѣлать медъ; она дѣлаетъ, потому что она пчела. Человѣкъ, дошедшій до сознанія своего достоинства, поступаетъ человѣчески, потому что ему такъ поступать естественнѣе, легче, свойственнѣе, пріятнѣе, разумнѣе»[11].

Въ современномъ обществѣ, у современнаго человѣка есть наклонность, какъ выражается Алексѣй Толстой, «то предъ тѣмъ, то предъ этимъ ползать на брюхѣ». Герценъ этой наклонностью

---

7 IV, стр. 125.
8 IV, стр. 124.
9 IV, стр. 105.
10 IV, стр. 137.
11 IV, стр. 369.

объясняетъ созданіе ученья о долгѣ. «Человѣкъ стоитъ безпрестанно на колѣняхъ передъ тѣмъ или другимъ, передъ золотымъ тельцомъ или передъ внѣшнимъ долгомъ... И между тѣмъ, дѣйствительно, все превращается въ кумиръ; даже логическую истину, даже самую свойственную человѣку форму жизни превращаетъ человѣкъ себѣ въ долгъ; онъ заставляетъ себя насильно повиноваться своему собственному побужденію, такъ въ немъ искажены всѣ понятія» [12].

Мы видимъ, что цѣлью воспитанія является развитіе естественныхъ, присущихъ человѣку свойствъ его природы. Съ этимъ, конечно, не согласятся старые моралисты, которые, какъ говоритъ Герценъ, думаютъ, *«что человѣкъ отъ природы злодѣй и извергъ, изъ чего и выводятъ, что онъ долженъ быть добродѣтеленъ»* [13].

Такому идеалу — быть добродѣтельнымъ вопреки своей природѣ Герценъ противопоставляетъ идеалъ естественно-нравственный.

«Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно-нравственный и потому нравственно чистый. Многіе издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресло, въ свою очередь, и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ единства, догадывался, что онъ существо цѣлое, а не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, что врагъ, спаянный съ нимъ, исчезъ» [14].

Человѣкъ представляетъ изъ себя гармоническое цѣлое. Гармоническое развитіе, — вотъ цѣль воспитанія. И это воспитаніе не заканчивается даже съ университетомъ.

«Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло — поставить человѣка, à même продол-

---

[12] IV, стр. 368.
[13] IV, стр. 369.
[14] „Былое и Думы", II, стр. 120.

жать на своихъ ногахъ; его дѣло возбуждать вопросы, научить спрашивать» [15].

Какъ мы видимъ, требованіе, предъявляемое Герценомъ къ воспитанію, довольно высоко; и въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ придаетъ воспитанію большое значеніе въ развитіи личности. Воспитаніе, по мнѣнію Герцена, можетъ какъ имѣть положительное благотворное вліяніе, такъ — и это еще чаще — оказывать отрицательное, вредное воздѣйствіе.

Бельтовъ въ повѣсти «Кто виноватъ» своей неприспособленностью къ жизни многимъ обязанъ полученному имъ воспитанію.

«У него недоставало того практическаго смысла, который выучиваетъ человѣка разбирать связный почеркъ живыхъ событій; онъ былъ слишкомъ разобщенъ съ міромъ, его окружавшимъ. Причина этой разобщенности Бельтова понятна; Жозефъ сдѣлалъ изъ него человѣка вообще, какъ Руссо изъ Эмиля; университетъ продолжалъ это общее развитіе, дружескій кружокъ изъ пятишести юношей, полныхъ мечтами, полныхъ надеждами, настолько большими, насколько имъ еще была неизвѣстна жизнь за стѣнами аудиторіи, — болѣе и болѣе поддерживалъ Бельтова въ кругу идей, несвойственныхъ, чуждыхъ средѣ, въ которой ему приходилось жить» [16].

Самое, повидимому, идеальное воспитаніе можетъ оказаться пагубнымъ въ зависимости отъ условій среды, отъ условій природнаго характера, съ которымъ имѣютъ дѣло, и, наоборотъ, самыя неблагопріятныя условія могутъ закалить стойкій духъ, хотя, конечно, такая закалка можетъ достаться дорого.

«Любонька въ гостиной — совсѣмъ иное дѣло: какъ бы глупо ее ни воспитывали, она получала возможность образоваться; самая даль отъ грубыхъ понятій людской — своего рода воспитаніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ она должна была понять всю несообразную нелѣпость своего положенія; оскорбленія, слезы, горести ждали ее въ бельэтажѣ, и все это вмѣстѣ способствовало бы дальнѣйшему развитію духа, а, можетъ быть, съ тѣмъ вмѣстѣ, развитію чахотки» [17].

Мы видимъ изъ этого отрывка, что Герценъ огромное значеніе приписываетъ образованію, въ особенности для насъ — рус-

---

15 „Былое и Думы", II, стр. 91.

16 I, стр. 204.

17 I, стр. 125.

скихъ. «Образованіе у насъ кладетъ предѣлъ, за который много гнуснаго не ходитъ. На Западѣ это не такъ» [18].

Въ той же повѣсти «Кто виноватъ» онъ еще разъ возвращается къ этой темѣ, говоря о воспитаніи, полученномъ матерью Бельтова. «Не будь она такъ развита, можетъ быть, она сладила бы какъ-нибудь, нашлась бы и тутъ; но воспитаніе раскрыло въ ней столько нѣжнаго, деликатнаго, что на нее все окружающее дѣйствовало въ десять разъ сильнѣе» [19]. Нужда и лишенія для сильныхъ характеровъ, при прочихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не приносятъ почти вреда и могутъ даже способствовать развитію сильной личности. Таково было воспитаніе семьи Пассекъ.

«Въ нуждѣ, въ работѣ, лишенные теплой одежды, а иногда насущнаго хлѣба, они умѣли выходить, вскормить цѣлую семью львенковъ; отецъ передалъ имъ неукротимый и гордый духъ свой, вѣру въ себя, тайну великихъ несчастій, онъ воспитывалъ ихъ примѣромъ; мать самоотверженіемъ и горькими слезами. Сестры не уступали братьямъ въ героической твердости. Да чего бояться словъ, — это была семья героевъ» [20].

Надо, впрочемъ, замѣтить что безобразное воспитаніе даже сильнымъ характерамъ можетъ нанести непоправимый вредъ и угрожать не только тѣлеснымъ нездоровьемъ, но и душевными ранами.

Таково было воспитаніе двоюродной сестры Герцена, впослѣдствіи его жены.

«Жить своею жизнью въ средѣ непріязненной и пошлой, гнетущей и безвыходной могутъ очень немногіе. Иной разъ духъ вынесетъ, иной разъ тѣло сломится» [21].

Въ такой непріязненной средѣ воспитывалась невѣста Герцена, духъ и тѣло ея выдерживали это воспитаніе, но все же «сиротство и грубыя прикосновенія въ самый нѣжный возрастъ оставили черную полосу на душѣ, рану, которая никогда не сросталась вполнѣ» [22].

Итакъ, сильные характеры мало поддаются воздѣйствію вос-

---

[18] „Концы и начала", т. V, стр. 381.
[19] I, стр. 173.
[20] II, стр. 244.
[21] II, стр. 244.
[22] II, стр. 102.

питанія; даже безобразное воспитаніе ихъ только закаляетъ; но характеры поверхностные всецѣло поддаются вліянію воспитанія.

«Внутренняя жизнь наша опредѣляется не по обдуманной программѣ; въ раннемъ отрочествѣ, иногда въ ребячествѣ — инстинктъ, окружающая среда безъ преднамѣренія, безъ полнаго сознанія, безъ участія воли съ той и съ другой стороны даютъ направленіе. Когда молодой человѣкъ впервые пріостанавливается въ раздумьѣ и начинаетъ разборъ себя, его мысли уже подтасованы, движеніе по извѣстному направленію уже дано».

«Большею частью умственная жизнь у людей поверхностна, и ихъ интересы въ ней такъ несерьезны, что изъ нихъ равно можно сдѣлать мистиковъ и матеріалистовъ и даже то и другое вмѣстѣ» [23].

Обычное воспитаніе у такихъ поверхностныхъ характеровъ совершенно затуманиваетъ сознаніе.

«Съ той минуты, когда младенецъ открываетъ глаза у груди своей матери, до тѣхъ поръ, пока, примирившись съ совѣстью и Богомъ, онъ такъ же спокойно закрываетъ глаза, увѣренный, что его перевезутъ въ обитель, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханія, — все такъ улажено, чтобъ онъ не развилъ ни одного простого понятія, не наткнулся бы ни на одну простую, ясную мысль. Онъ съ молокомъ матери сосетъ дурманъ: никакое чувство не остается неискаженнымъ, не сбитымъ съ естественнаго пути. Школьное воспитаніе продолжаетъ то, что сдѣлано дома, оно обобщаетъ оптическій обманъ, книжно упрочиваетъ его, теоретически узакониваетъ традиціонный хламъ и пріучаетъ дѣтей къ тому, чтобы они *знали, не понимая* [24], *и принимали бы названіе за опредѣленія* [25].

«Если мы мало видимъ дѣтей, понимающихъ истины, — это оттого, что со дня рожденія развращаютъ естественный смыслъ ребенка воспитаніемъ. Воспитаніе очень надолго лишаетъ ребенка возможности понять ясное тѣмъ самымъ, что оно ему передаетъ темное за ясное, подавляетъ авторитетомъ, систематически пріучаетъ дѣтей къ сумасшествію» [26].

---

[23] Т. VI, стр. 229.

[24] Курсивъ подлинника.

[25] „Робертъ Оуэнъ", т. III, стр. 376.

[26] IV, стр. 352. Тутъ имѣется въ виду повальное сумасшествіе такъ называемыхъ нормальныхъ людей съ ихъ предразсудками и суевѣріемъ.

Таково дѣйствіе обычно практикуемаго воспитанія, которое оказываетъ тѣмъ сильнѣе вліяніе, что оно бываетъ по большей части не книжнымъ, теоретическимъ, а чисто практическимъ, какъ, напр., воспитаніе Михаила Степановича Столыгина въ повѣсти «Долгъ прежде всего».

«Воспитаніе это не столько было отвлеченно и книжно, какъ практично, и по тому самому имѣло несомнѣнный успѣхъ. Десятилѣтній мальчикъ былъ окруженъ толпой оборванныхъ, грязныхъ и босыхъ мальчишекъ, которыхъ онъ тѣснилъ, билъ и на которыхъ жаловался матери, бравшей всегда его сторону» [27].

Изъ дальнѣйшаго развитія повѣсти мы узнаемъ, что этотъ мальчикъ, выросши, сдѣлался самымъ бездушнымъ эгоистомъ.

Герценъ указываетъ на нѣкоторые неблагопріятные моменты воспитанія и анализируетъ ихъ вліяніе на развитіе личности. Такъ, напримѣръ, онъ думаетъ, что «удушливая пустота и нѣмота русской жизни, страннымъ образомъ соединенная съ живостью и даже бурностью характера, особенно развиваетъ въ насъ всякія уродства»[28]. Говоря въ статьѣ «Гофманъ» о его воспитаніи, Герценъ большое значеніе въ его развитіи приписываетъ одиночеству, въ которомъ онъ росъ... Вспомнимъ, кстати, что одиночество играло большую роль и въ воспитаніи самого Герцена.

«Странное вліяніе на душу младенческую дѣлаетъ одиночество; оно навсегда кладетъ зародышъ какой-то робости и самонадѣянности, дикости и любви, а болѣе всего мечтательности»... «Главная отличительная черта подобнымъ образомъ воспитанныхъ дѣтей состоитъ въ томъ, что они, будучи окружены взрослыми людьми, рано зрѣютъ чувствами и умомъ для того, чтобы никогда не созрѣть вполнѣ; теряютъ прежде времени почти все дѣтское для того, чтобы на всю жизнь остаться дѣтьми» [29].

Единство личности, по мнѣнію Герцена, можетъ зависѣть отъ правильнаго воспитанія и наоборотъ.

«Во мнѣ не было и не могло быть той спѣтости и того единства, какъ у Фогта. Воспитаніе его шло такъ же правильно, какъ мое безсистемно» [30].

---

[27] I, стр. 366.
[28] II, стр. 181.
[29] IV, стр. 2.
[30] III, стр. 136.

Приведенныя нами выдержки убѣдительно показываютъ, что Герценъ считалъ воспитаніе важнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія личности, но все же онъ не приписывалъ ему одному рѣшающаго въ этомъ отношеніи значенія, онъ понималъ, что въ самой личности кроется, какъ мы могли уже видѣть, — причина ея дальнѣйшаго развитія. «Вотъ хотя бы судьба этихъ двухъ братьевъ (Голохвастовыхъ), — чего, чего не придетъ въ голову, думая о нихъ».

«Разница, бывшая между моимъ отцомъ и сенаторомъ, блѣднѣетъ передъ рѣзкой противоположностью ихъ, несмотря на то, что они выросли въ одной комнатѣ, имѣли одного гувернера, однихъ учителей, одинакую обстановку» [31].

Врожденныя наклонности, совершенно противоположныя у братьевъ Голохвастовыхъ, отразились на ихъ личности и судьбѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ одинаковое воспитаніе, полученное ими. Герценъ не проходитъ мимо этого факта, но отмѣчаетъ его, какъ наводящій на глубокія размышленія.

Одно и то же воспитаніе даетъ совершенно различные результаты въ зависимости отъ прирожденныхъ склонностей. Отсюда и вытекаетъ необходимость хорошо знать душу ребенка; надо умѣть подмѣтить врожденныя особенности его личности, иначе даже лучшее, повидимому, воспитаніе можетъ внести только разладъ въ его душу и иногда окончательно ее искалѣчить. Есть самостоятельные характеры, которые не нуждаются въ чужой помощи. «Есть организаціи, — говоритъ Герценъ, — которымъ никогда не нужна чужая помощь, опора, указка, которыя всего лучше идутъ тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшетки» [32].

Въ повѣсти «Докторъ Круповъ» Герценъ даетъ яркій примѣръ несоотвѣтствія между наклонностями ребенка и воспитаніемъ. Онъ говоритъ устами доктора Крупова о другѣ его дѣтства, Левкѣ: «Чѣмъ болѣе я возвращаюсь къ воспоминаніямъ о немъ, чѣмъ внимательнѣе перебираю ихъ, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что пономаревъ сынъ былъ ребенокъ необыкновенный; шести лѣтъ онъ плавалъ, какъ рыба, лазилъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ-одинешенекъ, ничего не боялся, былъ, какъ дома, въ лѣсу, зналъ всѣ дороги и въ

---

[31] II, стр. 436.
[32] I, стр. 312.

то же время былъ чрезвычайно непонятливъ, разсѣянъ, даже тупъ» [33].

Этотъ необыкновенный ребенокъ, Левка, былъ доведенъ почти до полнаго идіотизма системою воспитанія, которую прилагалъ къ нему его отецъ пономарь, — системой, совершенно не соотвѣтствующей его природнымъ способностямъ и склонностямъ.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ Герценъ тоже отмѣчаетъ подобнаго рода несоотвѣтствіе.

«Итакъ, я слушался Тани, сантиментальничалъ, и подчасъ нравственныя сентенціи, блѣдныя и тощія, служили финаломъ моихъ рѣчей. Воображаю, что въ эти минуты я былъ очень смѣшонъ; живой характеръ мой мудрено было обязать конфетнымъ билетомъ ложной чувствительности, и вовсе мнѣ не было къ лицу ваять нравственныя сентенціи изъ патоки безъ имбиря, жанлисовской морали» [34].

Несомнѣнно, что Герценъ очень любилъ дѣтей. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, перечитавъ его переписку съ Огаревымъ, опубликованную въ «Вѣстн. Европы». Почти въ каждомъ письмѣ сообщается съ большой любовью о воспитываемой имъ Лизѣ, тщательно отмѣчается каждое проявленіе ея психики. Но Герценъ далеко не идеализируетъ природы ребенка. Онъ отмѣчаетъ, напримѣръ, что мальчикамъ свойственна вообще безпощадность и жестокость.

«Въ душѣ мальчиковъ вообще много безпощаднаго и жестокаго» [35].

Дѣтство, по мнѣнію Герцена, отличается неполной сознательностью. Мозгъ ребенка еще недоразвитъ. Его личность еще не сложилась. Въ этомъ его существенное отличіе отъ взрослаго. Но, впрочемъ, многіе взрослые въ этомъ отношеніи похожи на дѣтей.

«Человѣкъ, не дошедшій до сознанія, — дитя, больной неполный человѣкъ, недоросль» . . . [36].

«Я полагаю, что вещество большого мозга не совсѣмъ еще выработалось въ шесть тысячъ лѣтъ; оно еще не готово; оттого

---

[33] II, стр. 248.
[34] I, стр. 61.
[35] II, стр. 38.
[36] IV, стр. 369.

люди и не могутъ сообразить, какъ устроить домашній бытъ свой.

«Право такъ. У большей части людей мозгъ ребячій — имъ надобны дядьки, няньки, педели, наказанія, карцеры, игрушки, конфеты и проч. — дѣло дѣтское» [37].

Наряду съ отрицательными сторонами дѣтской психики Герценъ отмѣчаетъ и положительныя. Дѣти очень проницательны [38]; они большіе демократы [39]. Они хотятъ, чтобы съ ними обращались какъ съ равными. «Я ее (свою кузину Таню) полюбилъ за то, что она первая стала обращаться со мной по-человѣчески, т. е. не удивлялась безпрестанно тому, что я выросъ, не спрашивала, чему учусь и хорошо ли учусь, хочу ли въ военную службу и въ какой полкъ, а говорила со мной такъ, какъ люди вообще говорятъ между собою» [40].

Многіе думаютъ, что равенство обращенія съ дѣтьми исключаетъ возможность всякой ласки, всякой нѣжности. А между тѣмъ, дѣти нуждаются въ ласковомъ словѣ, взглядѣ, иногда поцѣлуѣ, вообще потребность ласки свойственна ихъ природѣ. Герценъ настойчиво подчеркиваетъ эту черту дѣтскаго характера, говоря о воспитаніи своей будущей жены. Только одно существо было около ребенка, которое поняло ея положеніе. Это была старушка-няня, «она одна просто и наивно любила ребенка. Часто вечеромъ, раздѣвая ее, она спрашивала: «Да что же это вы, моя барышня, такія печальныя?» Дѣвочка бросалась къ ней на шею и горько плакала, и старушка заливалась слезами и, качая головой, уходила съ подсвѣчникомъ въ рукахъ» [41].

Надо думать, что эта няня съ ея простой любовью спасла ребенка, что, не будь ея, кузина Герцена погибла бы въ удушающей атмосферѣ этого дома, гдѣ царила угрюмая старуха, княгиня Хованская. «Ты бы мнѣ, голубчикъ, отдалъ баловня твоего на выправку (говорила она отцу Герцена): онъ у меня въ мѣсяцъ сдѣлался бы шелковый». Я зналъ, что меня не отдадутъ, а все-таки у меня дѣлался знобъ отъ этихъ словъ» [42].

---

[37] IV, стр. 358.
[38] II, стр. 22.
[39] I, стр. 53.
[40] II, стр. 45.
[41] II, стр. 242.
[42] II, стр. 235.

«Съ лѣтами страхъ прошелъ, но дома княгини я не любилъ, въ немъ не могъ дышать вольно, мнѣ было у нея не по себѣ, и я, какъ пойманный заяцъ, безпокойно смотрѣлъ то въ ту, то въ другую сторону, чтобы дать стречка» . . .

Такъ дѣйствуетъ страхъ на дѣтскую душу, онъ навсегда поселяетъ въ ней враждебное чувство.

Мы видѣли, что Герценъ многихъ взрослыхъ считаетъ дѣтьми. Быть можетъ, атмосфера страха, въ которой воспитывается большинство людей, мѣшаетъ имъ сдѣлаться взрослыми. Въ самомъ дѣлѣ, взрослый возрастъ характеризуетъ полная сознательность, т. е. гармоническое единство личности. А мы знаемъ, что страхъ разрушаетъ это гармоническое единство, диссоціируетъ личность. У ребенка это единство крайне неустойчиво. Отсюда извѣстная способность дѣтей легко поддаваться всякого рода внушеніямъ. Устойчивое единство устанавливается не сразу. Въ юности легко увлекаются односторонними вліяніями, которыя надолго заполняютъ всю душу подростка. Герценъ подмѣчаетъ эту психологическую особенность юношескаго возраста. «Въ юности, — говоритъ онъ, — человѣкъ имѣетъ, непремѣнно, какую-нибудь мономанію, какой-нибудь несправедливый перевѣсъ, какую-нибудь исключительность и бездну готовыхъ истинъ» [43].

«Становясь взрослыми, плоскія натуры отбрасываютъ свои юношескія мечты, плюютъ на прежнюю святыню души своей. Натуры благородныя, но не реальныя, идутъ наперекоръ событіямъ и остаются все на одномъ мѣстѣ со своей мечтой. Натуры дѣйствительныя воспитываютъ свои убѣжденія по событіямъ, какъ Петръ I воспитывалъ своихъ воиновъ шведскими войнами» [44].

Такъ совершается переходъ отъ дѣтства къ возмужалости, онъ проходитъ черезъ юность ея восторженными мечтами, и въ этой юношеской восторженности Герценъ видитъ лучшее спасеніе отъ истинныхъ паденій. «Иная восторженность лучше всякихъ нравоученій *хранитъ отъ истинныхъ* [45] паденій . . . Половина, больше половины сердца была не туда направлена, гдѣ праздная страстность и болѣзненный эгоизмъ сосредоточиваются на нечистыхъ помыслахъ и строятъ пороки» [46].

---

[43] IV, стр. 360.
[44] IV, стр. 360.
[45] Курсивъ Герцена.
[46] II, стр. 111.

Эта восторженность юности связана съ общечеловѣческимъ интересомъ.

«Ничего въ свѣтѣ не очищаетъ, не облагораживаетъ такъ отроческій возрастъ, не хранитъ его, какъ сильно возбужденный общечеловѣческій интересъ. Мы уважали въ себѣ наше будущее. Мы смотрѣли другъ на друга, какъ на сосуды избранные, предназначенные» [47].

И само собой понятно, что эта черта юности не можетъ вязаться съ индифферентизмомъ къ судьбамъ родины и родного народа. Юноши не могутъ не интересоваться политикой и особенно въ минуты пробужденія страны. «Минуты великія, въ которыя начинается пробужденіе цѣлой страны, на вершинахъ всѣхъ слоевъ занимается заря, и всѣ чувствуютъ, что начинается другое время, новый день . . .

«И вы могли думать, что молодежь, что шестнадцати-семнадцатилѣтніе юноши останутся спокойно и благонравно доучиваться, съ тѣмъ втѣсненнымъ безучастіемъ къ жизни и отчаяннымъ усердіемъ, съ которымъ мы сидѣли на университетскихъ лавкахъ . . . Вы оскорбили молодежь безучастіемъ и порицаніемъ въ минуты дорогія для нея. Къ чему же дивиться, что и та часть ея, которая слушала васъ прежде, отстранилась и ускользнула отъ васъ?» [48].

Переходъ отъ дѣтства къ юности происходитъ незамѣтно. Герценъ подмѣчалъ у себя этотъ переходъ по перемѣнѣ своихъ интересовъ и занятій по возвращеніи время отъ времени въ деревню. «Я могъ деревней мѣрить, — говоритъ онъ, — не одинъ физическій ростъ — періодическія возвращенія къ тѣмъ же предметамъ наглядно показывали разницу внутренняго развитія. Другія книги привозились, другіе предметы занимали» [49].

Мы видимъ, что здѣсь Герценъ указываетъ на чисто объективные пріемы изученія дѣтской души, которые въ достаточной мѣрѣ оцѣнили и начинаютъ широко примѣнять лишь въ наше время. Увлеченіе чисто объективными методами изслѣдованія психическихъ явленій вызываетъ со стороны нѣкоторыхъ психологовъ протестъ; они указываютъ, что не слѣдуетъ забывать о ка-

---

[47] II, стр. 52.

[48] „Письма къ противнику“, т. VI—389.

[49] II, стр. 52.

чественной сторонѣ психическихъ процессовъ, которую невозможно почти изслѣдовать объективно.

Эту качественную особенность переживаній не упускаетъ изъ виду и Герценъ. Онъ, напримѣръ, очень мѣтко отмѣчаетъ, что въ юности чувство половой любви и дружбы переживается совершенно иначе, чѣмъ позже, когда мы возмужаемъ. «Я не знаю, почему даютъ такой монополь воспоминаніямъ первой любви надъ воспоминаніями молодой дружбы. Первая любовь потому такъ благоуханна, что она забываетъ различіе половъ, что она страстная дружба. Съ своей стороны, дружба между юношами имѣетъ всю горячность любви, и весь ея характеръ — та же застѣнчивая боязнь касаться словомъ своихъ чувствъ, то же недовѣріе къ себѣ, безусловная преданность, та же мучительная тоска разлуки и то же ревнивое желаніе исключительности»[50].

Мы видимъ, что Герценъ крупными штрихами вполнѣ вѣрно начертилъ отличительныя особенности дѣтскаго возраста съ его неустойчивой психикой, а также юношескаго періода съ его односторонней, восторженной, склонной къ мономаніямъ и идеализму устойчивостью. Излишне говорить, что воспитаніе, практикуемое въ большинствѣ случаевъ современниками Герцена, совершенно не сообразовалось съ этими особенностями дѣтской и юношеской психологіи; оно исходило изъ своеобразныхъ правилъ, откуда-то усвоенныхъ диллетантами, о которыхъ мы упоминали въ началѣ этой статьи. Мы уже указывали на тѣ мѣста, въ которыхъ Герценъ выставляетъ подобнаго рода воспитаніе, какъ источникъ чуть ли не повальнаго сумасшествія[51].

Въ сатирической повѣсти «Докторъ Круповъ» подобное воспитаніе, практикуемое кухаркой Матреной, выставляется какъ одинъ изъ признаковъ несомнѣннаго психическаго разстройства этой женщины, но это, конечно, лишь литературный пріемъ. Устами того же доктора Крупова Герценъ обобщаетъ этотъ случай и распространяетъ на большинство людей.

«Люди окружены цѣлой атмосферой, призрачной и одуряющей; всякій человѣкъ болѣе или менѣе, какъ Матренина дочь (зри выше) съ малыхъ лѣтъ, при содѣйствіи родителей и семьи,

---

[50] II, стр. 59.
[51] IV, стр. 352.

пріобщается мало-по-малу къ эпидемическому сумасшествію окружающей среды; вся жизнь наша, всѣ дѣйствія такъ и разсчитаны по этой атмосферѣ въ томъ родѣ, какъ нелѣпыя формы ихтіозавровъ, мастодонтовъ были разсчитаны и сообразны первобытной атмосферѣ земного шара» [52]. За сатирическимъ шаржемъ тутъ чувствуется глубоко серьезный тонъ, тѣмъ болѣе, что это поразительно напоминаетъ мнѣніе Л. Н. Толстого, утверждающаго, что многія убѣжденія и вѣрованія современнаго намъ общества, явно нелѣпыя и несообразныя, обязаны своимъ существованіемъ систематическому гипнозу, примѣняемому по отношенію къ людямъ на каждомъ шагу, начиная съ самаго ранняго возраста.

Герценъ не ограничивается огульнымъ осужденіемъ современнаго ему воспитанія, но и указываетъ наиболѣе рѣзкіе примѣры недостатковъ этого воспитанія. Мы уже ссылались отчасти на эти указанія. Мы говорили, что воспитаніе Бельтова отличалось отвлеченностью. Жозефъ хотѣлъ сдѣлать изъ него человѣка вообще. Воспитаніе Левки (изъ повѣсти «Докторъ Круповъ») совершенно игнорировало особенности природнаго характера этого необыкновеннаго ребенка и сдѣлало изъ него идіота. Мы указывали, что Герценъ отмѣчаетъ, какъ недостатокъ воспитанія, одиночество въ дѣтствѣ, выпавшее ему самому на долю, и безсистемность своего воспитанія. Въ повѣсти «Долгъ прежде всего» онъ, какъ мы упоминали, рисуетъ воспитаніе Столыгина, какъ бы нарочно приноровленное къ тому, чтобы развить въ ребенкѣ крайній эгоизмъ.

Въ повѣсти «Поврежденный» неустойчивость психики душевно-больного (съ точки зрѣнія врача) объясняется отчасти глупымъ холеньемъ въ дѣтствѣ. Чаще, конечно, воспитаніе отличается безсмысленной жестокостью, что и отмѣчаетъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ».

«Ужъ не оттого ли люди истязаютъ дѣтей, а иногда и большихъ, что ихъ такъ трудно воспитывать, — а сѣчь такъ легко? Не мстимъ ли мы наказаніемъ за нашу неспособность» [53].

«Проповѣдывать съ амвона, увлекать съ трибуны, учить съ каѳедры гораздо легче, чѣмъ воспитывать одного ребенка» [54]. Эта

---

[52] I, стр. 334.
[53] II, стр. 309.
[54] II, стр. 308.

сравнительная легкость проповѣдыванія и является главной причиной того, что большинство диллетантовъ воспитанія главнымъ средствомъ нравственнаго развитія считаютъ сухія моральныя сентенціи, могущія въ лучшемъ случаѣ оттолкнуть душу ребенка или же привить ему лицемѣріе. Таково было воспитаніе, полученное женой Герцена. «Нравственностью занималась она (княгиня Хованская) сама, это преподаваніе состояло изъ наружой выправки и изъ привитія цѣлой системы лицемѣрія. Ребенокъ долженъ былъ быть съ утра зашнурованъ, причесанъ, на вытяжкѣ, это можно было бы допустить въ ту мѣру, въ которую оно не вредно здоровью; но княгиня шнуровала вмѣстѣ съ таліей и душу, подавляя всякое откровенное чистосердечное чувство, она требовала улыбку и веселый видъ, когда ребенку было грустно, ласковое слово, когда ему хотѣлось плакать, видъ участія къ предметамъ безразличнымъ, словомъ — постоянной лжи» [55].

Это воспитаніе, проникнутое лицемѣріемъ и наружной выправкой, отличалось, конечно, отсутствіемъ всякой ласки. «Мое ребячество, — пишетъ жена Герцена, — было самое печальное, горькое; сколько слезъ пролито, невидимыхъ никѣмъ, сколько разъ, бывало, ночью, не понимая еще, что такое молитвы, я вставала украдкой (не смѣя и молиться не въ назначенное время) и просила Бога, чтобъ меня кто-нибудь любилъ, ласкалъ» [56].

Мы уже говорили о томъ, что необходимую ей ласку бѣдная дѣвочка нашла лишь со стороны старушки няни.

Вообще, воспитательное вліяніе прислуги и дворни въ прежнихъ богатыхъ крѣпостническихъ семьяхъ, несомнѣнно, было очень велико. На это указываетъ, напр., въ своихъ воспоминаніяхъ Кропоткинъ, который это вліяніе считаетъ благотворнымъ. Почти въ томъ же смыслѣ высказывается и Герценъ.

«Передняя и дѣвичья составляли единственное живое удовольствіе, которое у меня оставалось...

«Дѣти вообще любятъ слугъ; родители запрещаютъ имъ сближаться съ ними, особенно въ Россіи; дѣти не слушаютъ ихъ, потому что въ гостиной скучно, а въ дѣвичьей весело. Въ этомъ случаѣ, какъ въ тысячѣ другихъ, родители не знаютъ, что дѣлаютъ. Я никакъ не могу себѣ представить, чтобы наша передняя

---

[55] II, стр. 245

[56] II, стр. 243.

была вреднѣе для дѣтей, чѣмъ наша «чайная» или «диванная». Въ передней дѣти перенимаютъ грубыя выраженія и дурныя манеры, это правда; но въ гостиной они принимаютъ грубыя мысли и дурныя чувства . . .

«Самый приказъ удаляться отъ людей, съ которыми дѣти въ безпрерывномъ сношеніи, безнравствененъ» [57].

Говорить о правильномъ воспитаніи въ условіяхъ крѣпостного быта, собственно, не приходится, и Герценъ, конечно, не могъ отнестись иначе, какъ отрицательно, къ такому воспитанію.

Относясь отрицательно къ семейному воспитанію въ условіяхъ крѣпостного быта, Герценъ точно также отрицательно смотрѣлъ и на казенное школьное воспитаніе.

«Вся система казеннаго воспитанія состояла во внушеніи религіи слѣпого повиновенія, ведущей къ власти, какъ къ своей наградѣ. Молодыя чувства, лучистыя по натурѣ, были грубо оттѣсняемы внутрь, замѣняемы честолюбіемъ и ревнивымъ завистливымъ соревнованіемъ. Что не погибло, вышло больное, сумасшедшее . . . Вмѣстѣ съ жгучимъ самолюбіемъ прививалась какая-то обезкураженность, сознаніе безсилія, усталь передъ работой. Молодые люди становились иппохондриками, подозрительными, усталыми, не имѣя двадцати лѣтъ отроду. Они всегда были заражены страстью самонаблюденія, самообвиненія, они тщательно повѣряли свои психическія явленія и любили безконечныя исповѣди и разсказы о нервныхъ событіяхъ своей жизни» [58]. Воспитаніе дѣвушекъ было поставлено еще хуже, чѣмъ воспитаніе юношей.

«Развѣ кто-нибудь серьезно, честно старался разбить предразсудки въ женскомъ воспитаніи? Ихъ разбиваетъ опытъ, и оттого-то ломится не предразсудокъ, а жизнь.

«Трезвый взглядъ на людскія отношенія гораздо труднѣе для женщины, чѣмъ для насъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; онѣ больше обмануты воспитаніемъ, меньше знаютъ жизнь и оттого чаще отступаются и ломаютъ голову и сердце, чѣмъ освобождаются . . .

«Отрицательно и положительно все воспитаніе женщины остается воспитаніемъ половыхъ отношеній; около нихъ вертится вся ея послѣдующая жизнь . . . отъ нихъ она бѣжитъ, ими опозорена, ими гордится . . .

---

[57] II, стр. 24.
[58] III, стр. 213.

«Надо дивиться хорошей человѣческой натурѣ, не поддающейся такому воспитанію» [59].

Относясь отрицательно къ современному ему русскому воспитанію, Герценъ въ то же время хорошо видитъ недостатки воспитанія у французовъ и нѣмцевъ. Недостатокъ французскаго воспитанія — шаблонность.

«Французы заготовляются тысячами по одному шаблону. Теперешнее правительство не создало, но только поняло тайну прекращенія личностей: оно совершенно во французскомъ духѣ устроило общественное воспитаніе, т. е. воспитаніе вообще, потому что домашняго воспитанія во Франціи нѣтъ. Во всѣхъ городахъ имперіи преподаютъ въ тотъ же день и въ тотъ же часъ по тѣмъ же книгамъ одно и то же. На всѣхъ экзаменахъ задаются одни и тѣ же вопросы, одни и тѣ же примѣры, учителя, отклоняющіеся отъ текста или мѣняющіе программу, немедленно исключаются» [60].

Въ Германіи главнымъ недостаткомъ воспитанія является его теоретичность, схоластичность, чему оно обязано преимущественно вліянію цеховыхъ ученыхъ.

«Ученые въ Германіи похожи на касту жрецовъ въ Египтѣ: они составляютъ особый народъ, въ рукахъ котораго лежитъ дѣло общественнаго мышленія, лѣченія, ученья и пр.» [61].

«Степень цеховой учености опредѣляется рѣшительно памятью и трудолюбіемъ; кто помнитъ наибольшой запасъ вовсе ненужныхъ свѣдѣній объ одномъ предметѣ, у кого въ груди не бьется сердце, не кипятъ страсти, требующія не книжнаго удовлетворенія, а подѣйствительнѣе; кто имѣлъ терпѣніе лѣтъ двадцать твердить частности и случайности, относящіяся къ одному предмету, — тотъ и ученѣе» [62].

Воспитаніемъ должны заниматься не «цеховые» ученые, а люди, отмѣченные настоящимъ талантомъ воспитателя, который, однако, встрѣчается рѣже, чѣмъ всѣ другіе.

«Талантъ воспитанія, талантъ терпѣливой любви, полной преданности, преданности хронической, рѣже встрѣчается, чѣмъ всѣ

---

59 III, стр. 166—167.
60 III, стр. 57.
61 IV, стр. 102.
62 IV, стр. 106.

другіе. Его не можетъ замѣнить ни одна страстная любовь матери, ни одна сильная доводами діалектика» [63].

Намъ кажется, что въ приведенныхъ строкахъ больше содержанія, чѣмъ въ цѣлыхъ томахъ, трактующихъ о воспитаніи. Въ нихъ выражена почти съ исчерпывающей полностью вся сущность, весь секретъ воспитанія. Истинное воспитаніе требуетъ самоотверженной любви со стороны воспитателя. Эту мысль, которую въ наше время такъ талантливо и настойчиво проводитъ Элленъ Кей («Вѣкъ дитяти»), Герценъ подчеркиваетъ еще въ другомъ мѣстѣ. «Что, кажется, можно было бы прибавить къ нашему счастью, а, между тѣмъ, вѣсть о будущемъ младенцѣ раскрыла новыя, совсѣмъ невѣданныя намъ области сердца, упоеній, тревогъ и надеждъ.

«Нѣсколько испуганная и встревоженная любовь становится нѣжнѣе, заботливѣе ухаживаетъ, изъ эгоизма двухъ она становится не только эгоизмомъ трехъ, но *самоотверженіемъ двухъ для третьяго* [64]; семья начинается съ дѣтей» [65].

Герценъ, какъ было указано, цѣль воспитанія видѣлъ въ привитіи родовой жизни лицу, чтобы научить его дѣйствовать въ своемъ мѣстѣ, въ своемъ времени. Этому можетъ научиться только человѣкъ, привыкшій съ дѣтства поступать по собственному свободному, творческому побужденію, а не по навязаннымъ чужимъ авторитетамъ-шаблонамъ. Обычное воспитаніе, основанное на страхѣ наказанія и авторитетѣ, воспитываетъ не людей для творческаго дѣйствія, а полудѣтей, лѣнивыхъ мыслью, не смѣющихъ самостоятельно стоять на своихъ ногахъ.

«Лѣнь и привычка — два несокрушимые столба, на которыхъ покоится авторитетъ. Авторитетъ представляетъ, собственно, опеку надъ недорослемъ; лѣнь у людей такъ велика, что они охотно сознаютъ себя несовершеннолѣтними или безумными, лишь бы ихъ взяли подъ опеку и дали бы имъ досугъ ѣсть или умирать съ голоду, а главное — не думать и заниматься вздоромъ» [66].

Люди живутъ не мыслью, а по привычкѣ, по проторённымъ путямъ, — отсюда чрезмѣрное значеніе привычки въ ихъ жизни.

---

[63] II, стр. 309.
[64] Курсивъ нашъ.
[65] II, стр. 293.
[66] IV, стр. 366.

«Привычка — великое дѣло, это самая толстая цѣпь на людскихъ ногахъ; она сильнѣе убѣжденій, таланта, характера, страстей, ума» [67].

Жизнь по привычкѣ, по готовымъ шаблонамъ, лѣнь мысли и проистекающее отсюда исканіе авторитета дѣлаютъ людей идолопоклонниками. «Даже такіе привилегированные эмансипаторы, какъ Вольтеръ, умѣя кощунствовать надъ религіей, оставались просто идолопоклонниками *своихъ вымысловъ и призраковъ* [68], какой-то естественной и пренелѣпой религіи. Вольтеръ точно такъ, какъ впослѣдствіи Робеспьеръ, испугался прямого результата своихъ проповѣдей. Они лучше хотѣли выдумать искусственный авторитетъ, чѣмъ оставить людей не подвластными. Нужно ли говорить о всей сухости, всей безнравственности, всемъ неуваженіи къ истинѣ и всемъ презрѣніи къ людямъ, проглядывающемъ сквозь такое воззрѣніе. Тотъ, кто безъ вѣры хочетъ поработить другого чему-нибудь, тотъ самъ порабощенъ, рабъ и плантаторъ мысли. Кто далъ имъ право скрывать истину подъ спудомъ, если они были призваны, въ самомъ дѣлѣ, ее свидѣтельствовать, и что за самоуниженіе сказать, что человѣкъ не долженъ, не можетъ знать истины. Религія никогда не шла этимъ путемъ явнаго обмана» [69].

Вольтеръ и Робеспьеръ испугались послѣдствія своихъ проповѣдей и хотѣли лучше выдумать искусственный авторитетъ, чтобы не оставить людей не подвластными, конечно, потому, что понимали, что люди не могутъ быть не подвластными, не могутъ не поклоняться какому-нибудь идолу, не искать себѣ авторитета. Хотя Герценъ и упрекаетъ Вольтера и Робеспьера за то, что этимъ они проявили презрѣніе къ людямъ, но самъ онъ не болѣе высокаго мнѣнія о большинствѣ людей; на той же страницѣ онъ пишетъ:

«. . . Не самобытна большая часть самыхъ развитыхъ людей, вы у каждаго найдете какое-нибудь карманное идолопоклонство, какое-нибудь дикое понятіе, унаслѣдованное отъ няньки и спокойно прожившее лѣтъ тридцать, съ воззрѣніемъ, вовсе не свойственнымъ нянькамъ, и, наконецъ, хоть какой-нибудь авторитетъ, безъ котораго онъ пропалъ, безъ котораго онъ круглый сирота.

---

[67] IV, стр. 353.

[68] Курсивъ Герцена.

[69] IV, стр. 366, 367.

Вотяки трепещутъ передъ палкой, къ которой привязана козлиная борода, — это ихъ шайтанъ. Нѣмцы трепещутъ передъ страшными призраками своей науки. Конечно, отъ грубаго вотяцкаго шайтана до шайтана нѣмецкой философіи большой шагъ; но родственныя черты немудрено раскрыть между ними. «Я вижу на твоемъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ тебя почитать царемъ», — сказалъ Кентъ безумному Лиру. А мы можемъ сказать многимъ, кичащимся своей умственной независимостью: «Я вижу на твоемъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ назвать тебя рабомъ» [70]. Какія мы дѣти, какіе мы еще рабы, и какъ весь центръ тяжести, точка опоры нашей воли, нашей нравственности — внѣ насъ» [71].

Какимъ же должно быть воспитаніе, чтобы изъ дѣтей выростали не лѣнивые рабы, чувствующіе себя сиротами безъ какого-нибудь авторитета, а свободные люди, способные на творческую созидательную работу?

Въ статьѣ, озаглавленной «Н. Х. К.», Герценъ разсказываетъ, что съ К. у нихъ часто происходили споры изъ-за воспитанія. К. былъ фанатическимъ послѣдователемъ взглядовъ, высказанныхъ Руссо въ «Эмилѣ». «Мы сами были не очень далеки отъ этого взгляда» [72], говоритъ Герценъ.

Изъ этихъ словъ видно, что Герценъ стоялъ за свободное воспитаніе, развитое у Руссо, но онъ, какъ самостоятельный мыслитель, не былъ и не могъ быть его фанатическимъ послѣдователемъ. Мы уже приводили выдержку, въ которой Герценъ осуждаетъ «дикій предразсудокъ нормальнаго человѣка» и воспитаніе, «отрѣшающее ребенка отъ исторической среды».

Свободу въ воспитаніи онъ допускаетъ въ той мѣрѣ, въ какой она не нарушаетъ свободы другихъ. «Ребенокъ шалилъ и кричалъ во время болѣзни матери, я останавливалъ его; сверхъ простой необходимости, мнѣ казалось совершенно справедливымъ заставлять его стѣснять себя для другого, для матери, которая его такъ безконечно любила; но К. мрачно говорилъ мнѣ: «Гдѣ такое право останавливать его крикъ, онъ долженъ кричать, — это его жизнь. Проклятая власть родителей»» [73].

---

[70] IV, стр. 366.
[71] „Съ того берега“, т. V, стр. 259.
[72] IV, стр. 477.
[73] II, стр. 477.

И въ наше время среди враговъ и друзей свободнаго воспитанія есть много такихъ, которые вмѣстѣ съ К. думаютъ, что эта свобода заключается въ полномъ произволѣ, который долженъ быть предоставленъ дѣтямъ. Но Герценъ понималъ, что дѣти, какъ члены общества, не должны и не могутъ пользоваться никакой другой свободой, чѣмъ той, которая доступна каждому члену культурнаго, свободнаго общежитія, гдѣ свобода одного оканчивается тамъ, гдѣ начинаются права другого. Такъ понимаемое Герценомъ воспитаніе дѣлало его истинно свободнымъ, и для такого воспитанія, дѣйствительно, нужны таланты терпѣливой любви.

И тамъ, гдѣ есть этотъ талантъ терпѣливой любви, тамъ вліяніе воспитателя въ высшей степени благотворно, кто бы ни былъ этотъ воспитатель, старушка ли, няня или подростокъ кузина.

«Я думаю, — пишетъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ», — что вліяніе кузины было на меня очень хорошо; теплый элементъ вошелъ съ нею въ мое келейное отрочество, отогрѣлъ, а можетъ быть, и сохранилъ едва развертывающіяся чувства, которыя очень могли быть совсѣмъ подавлены ироніей моего отца. Я научился быть внимательнымъ, огорчаться отъ одного слова, заботиться о другѣ, любить; я научился говорить о чувствахъ»[74].

И эти чудеса воспитанія были достигнуты безхитростнымъ вліяніемъ простого любящаго сердца дѣвочки-подростка.

Нужны ли наказанія при такомъ воспитаніи? Они иногда бываютъ неизбѣжны, но не потому, что воспитатель хочетъ наказать, а потому, что онъ не можетъ не наказать. Наказаніе состоитъ въ томъ громадномъ огорченіи, которое даже нельзя скрыть и которое является вслѣдъ за дурнымъ поступкомъ воспитанника. Только такое невыдуманное, неподсказанное теоріей, а вылившееся прямо изъ глубины чувства отношеніе къ дурному поступку можетъ, дѣйствительно, глубоко запасть въ душу и оставить прочный благотворный слѣдъ. Такъ поступила кузина. Герценъ разсказываетъ, что онъ зло подшутилъ надъ нею: «Она перемѣнилась въ лицѣ, залилась слезами, ушла въ свою комнату. Я былъ испуганъ, несчастенъ и, подождавъ съ полчаса, отправился къ ней; комната была заперта, я просилъ отпереть дверь, кузина не пускала, говорила, что она больна, что я не другъ ей, а бездушный мальчикъ. Я написалъ ей записку, умолялъ простить меня;

---

[74] II, стр. 48.

послѣ чая мы помирились, я у ней поцѣловалъ руку, она обняла меня и тутъ объяснила всю важность дѣла»[75].

Намъ кажется, что въ этомъ отрывкѣ цѣлая программа нравственнаго воспитанія; но такъ вести себя можетъ только человѣкъ, имѣющій талантъ воспитанія, талантъ терпѣливой любви, а не почерпнувшій свои педагогическія познанія изъ книгъ.

Материнская любовь очень часто является источникомъ этого таланта. «Ребенокъ пріучаетъ мать къ жертвѣ, подчиненію воли, къ страстной тратѣ времени не на себя и отучаетъ отъ всякой внѣшней награды, признанія, спасиба. Мать съ ребенкомъ не считается, она ничего не требуетъ отъ него, — кромѣ здоровья, аппетита, сна и его улыбки...

«Совсѣмъ не то, когда бездѣтной женщинѣ попадаетъ въ домъ чужой ребенокъ, да еще по какой-нибудь необходимости. Она будетъ, пожалуй, наряжать его, играть съ нимъ, но когда ей *хочется;* она будетъ баловать его, но по-своему; во всѣхъ другихъ случаяхъ ребенокъ будетъ напрасно стучаться въ окоченѣлое или ожирѣвшее сердце. Словомъ, ребенокъ можетъ, навѣрное, разсчитывать на всѣ льготы и холенья, которыя дѣлаютъ шпицу, канарейкѣ — но не больше»[76].

«Но свобода и терпѣливая любовь воспитателя не могутъ сами по себѣ развить воли, для этого нуженъ разумный выходъ для накопляющихся силъ, иначе даже и твердая воля превращается въ упрямые капризы, незанятыя силы портятъ нравъ, дѣлаютъ его тяжелымъ»[77].

Нужно замѣтить, что подъ волей Герценъ разумѣетъ не умѣніе подчинять свое поведеніе велѣніямъ долга, какъ думаютъ многіе моралисты и педагоги, а способность ставить себѣ разумныя цѣли и добиваться ихъ. «Вырвать у человѣка изъ груди его эгоизмъ значитъ вырвать живое начало его, закваску, соль его личности; по счастью, это невозможно...

«Что мы сказали объ эгоизмѣ, то должно сказать о своеволіи. Мининъ началъ своевольно *великое дѣло возстанія противъ чужеземнаго порабощенія*[78]. Я полагаю, что *разумное признаніе*

---

[75] II, стр. 49.

[76] III, стр. 220.

[77] II, стр. 63. Въ текстѣ говорится въ данномъ случаѣ о взросломъ человѣкѣ (отцѣ Герцена); но то же самое, конечно, приложимо къ ребенку.

[78] Курсивъ подлинника.

своеволія есть высшее нравственное признаніе человѣческаго достоинства, что до него и домогаются всѣ» [79].

Но если своеволіе есть высшее нравственное признаніе, то, спрашивается, можно ли приказывать что-либо дѣтямъ? Мы видѣли, что Герценъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Онъ признаетъ, что у дѣтей не вполнѣ развито сознаніе, и недоразвитое дѣтское сознаніе дѣлаетъ необходимымъ вмѣшательство взрослыхъ, чтобы удержать дѣтей отъ такихъ поступковъ, которые могутъ задѣть чьи-либо права или причинить кому-либо вредъ.

«Человѣкъ, не дошедшій до сознанія, — дитя, недоросль; его должно силою заставить покориться, на томъ основаніи, на которомъ приказываютъ дѣтямъ исполнять волю старшихъ» [80].

Несомнѣнно, что Герценъ говоритъ здѣсь о приказаніи исполнять волю старшихъ относительно только тѣхъ случаевъ, которые мы указали, т. е., когда поведеніе дѣтей можетъ причинить зло другимъ. Онъ противъ всякихъ нравственныхъ сентенцій, которыя иногда такъ любятъ навязать дѣтямъ.

«Сентенціи... безполезны, потому что всегда слишкомъ общи, никогда не могутъ обнять всѣхъ обстоятельствъ, видоизмѣняющихся въ данномъ случаѣ, а внѣ данныхъ случаевъ онѣ не нужны; наконецъ, сентенція — мертвая буква; она не даетъ выхода изъ себя для исключительныхъ обстоятельствъ, и, когда являются эти обстоятельства, сила вещей отбрасываетъ отвлеченное правило, ломаетъ его какъ раму, не имѣющую мощи сдержать содержаніе. Человѣкъ нравственный долженъ носить въ себѣ глубокое сознаніе, какъ слѣдуетъ поступить во всякомъ случаѣ, и вовсе не какъ рядъ сентенцій, а какъ всеобщую идею, изъ которой всегда можно вывести — данный случай; онъ импровизируетъ свое поведеніе» [81].

Привить человѣку сознаніе этой всеобщей идеи есть задача воспитанія.

«Воспитаніе предполагаетъ внѣсущую готовую истину; съ того мгновенія, какъ человѣкъ пойметъ истину, она будетъ у него въ груди, и тогда дѣло воспитанія исчерпано — дѣло сознательнаго дѣянія начнется» [82].

---

[79] IV, стр. 371.
[80] IV, стр. 369.
[81] IV, стр. 248.
[82] IV, стр. 135.

Эту «внѣсущую истину» можно найти въ наукѣ, и потому главнымъ воспитательнымъ средствомъ является научное знаніе. «Наука спасла бы Базарова, онъ пересталъ бы глядѣть на людей свысока, съ глубокимъ и не скрытымъ презрѣніемъ. Наука учитъ насъ смиренію, она не можетъ ни на что глядѣть свысока, она не знаетъ, что такое *свысока,* она ничего не признаетъ, никогда не лжетъ для роли и ничего не скрываетъ изъ кокетства. Она останавливается передъ фактами, какъ изслѣдователь, иногда какъ врачъ, никогда какъ палачъ, еще меньше съ враждебностью и ироніей.

«Наука, я вѣдь не обязанъ скрывать нѣсколько словъ въ тиши душевной, наука — любовь, какъ сказалъ Спиноза о мысли и вѣдѣніи»[83].

Самый процессъ пріобрѣтенія научнаго знанія предполагаетъ въ человѣкѣ способность безкорыстно отдаться исканію истины.

«Наука требуетъ всего человѣка, безъ заднихъ мыслей, съ готовностью все отдать и въ награду получить тяжелый крестъ трезваго знанія»[84].

Въ наукѣ личность, повидимому, гибнетъ, потому что отдаетъ все личное. «Личности надо отречься отъ себя для того, чтобы сдѣлаться сосудомъ истины»[85]. Однако, это только повидимому, на самомъ же дѣлѣ: «Процессъ погубленія личности въ наукѣ есть процессъ становленія въ сознательную свободно-разумную личность — изъ непосредственно-естественной; она пріостановлена для того, чтобы вновь родиться»[86]. «Личность, имѣвшая энергію себя поставить на карту, отдается наукѣ безусловно; но наука не можетъ уже поглотить такой личности, да и она сама по себѣ не можетъ уничтожиться во всеобщемъ — слишкомъ просторно. Погубящій душу *найдетъ ее*»[87].

«Кто такъ дострадался до науки, тотъ усвоилъ ее себѣ не токмо какъ остовъ истины, но какъ живую истину, раскрывающуюся въ живомъ организмѣ своемъ; онъ дома въ ней, не дивится болѣе ни свободѣ, ни ея свѣту; но ему становится мало ея примиренія, ему мало блаженства, спокойнаго созерцанія и видѣнія;

---

[83] V, стр. 443.
[84] IV, стр. 116.
[85] IV, стр. 117.
[86] IV, стр. 117.
[87] Курсивъ Герцена.

ему хочется полноты упоенія и страданій жизни; ему хочется *дѣйствованія,* ибо одно дѣйствованіе можетъ вполнѣ удовлетворить человѣка» [88].

Итакъ, безкорыстное исканіе научной истины воспитываетъ свободно разумную личность, могущую удовлетвориться однимъ только дѣйствованіемъ. Такое воспитаніе разумной личности черезъ науку замѣняетъ «традиціонную мораль», укрѣпляя мысль.

«Освобожденіе отъ традиціонной морали, — сказалъ Гете, — никогда не ведетъ къ добру *безъ укрѣпившейся мысли;* дѣйствительно, *одинъ разумъ* достоинъ смѣнить *религію долга»* [89].

Если для усвоенія научнаго знанія нужна безкорыстная любовь къ наукѣ, то тѣмъ болѣе это необходимо для преподавателя. Идеаломъ такого преподавателя рисуется, по описанію Герцена, Грановскій.

«Г. Грановскій читаетъ довольно тихо, органъ его бѣденъ, но какъ богато искупается этотъ физическій недостатокъ прекраснымъ языкомъ, огнемъ связующимъ его рѣчи, полнотою мысли и полнотою любви» . . . Въ слабомъ голосѣ его есть нѣчто, проникающее въ душу, вызывающее вниманіе [90].

Преданность и любовь преподавателя къ предмету своего чтенія создаетъ необходимую связь между нимъ и слушателями, связь, безъ которой чтеніе лекцій не имѣетъ никакого значенія.

«Между слушателями и преподавателемъ (если, въ самомъ дѣлѣ, одни слушаютъ, а другой преподаетъ) образуется необходимо магнетическая связь, съ обѣихъ сторонъ дѣятельная; сначала они будто чужіе другъ другу, но мало-по-малу между ними устанавливается уровень, и, когда онъ приходитъ въ сознаніе обоихъ, тогда взаимодѣйствіе растетъ быстро, слова увлекаютъ слушателей, и аудиторія, срастающаяся въ одно нравственное лицо, увлекаетъ говорящаго» [91].

Споръ, длящійся и до нашего времени, о томъ, слѣдуетъ ли въ университетахъ читать лекціи, какъ намъ кажется, разрѣшенъ здѣсь Герценомъ. Только тотъ профессоръ можетъ и имѣетъ нравственное право читать лекціи, который, подобно Грановскому,

---

[88] IV, стр. 119 (курсивъ подлинника).
[89] III, стр. 110 (курсивъ подлинника).
[90] IV, стр. 139.
[91] IV, стр. 141.

умѣетъ увлечь аудиторію, приковать ея вниманіе и слить ее въ «одно нравственное лицо, увлекающее говорящаго». Такіе профессора, дѣйствительно, способствуютъ развитію слушателей. «Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ; профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могутъ спокойно играть въ бостонъ и еще спокойнѣе лежать подъ землей»[92]. Но лекціи далеко не единственное средство развитія слушателей. Живая бесѣда въ этомъ отношеніи имѣетъ больше значенія.

«Больше лекцій и профессоровъ развивала студенчество аудиторія юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеній»[93].

Въ другомъ мѣстѣ Герценъ, разсказывая о томъ, какое вліяніе оказалъ Станкевичъ на развитіе Грановскаго, говоритъ: «Станкевичъ привилъ ему поэтически и даромъ[94] не только воззрѣніе современной науки, но и ея пріемъ.

«Педанты, которые каплями пота и одышкой измѣряютъ трудъ мысли, усомнятся въ этомъ . . . Ну, а какъ же, — спросимъ мы ихъ, — Прудонъ и Бѣлинскій, неужели они не лучше поняли хоть бы методу Гегеля, чѣмъ всѣ схоласты, изучавшіе ее до потери волосъ и до морщинъ? А вѣдь ни тотъ ни другой не знали по-нѣмецки, ни тотъ ни другой не читали ни одного Гегелевскаго произведенія, ни одной диссертаціи его *лѣвыхъ* и *правыхъ* послѣдователей, а только говорили объ его методѣ съ его учениками?»[95].

Съ представленіемъ о такихъ живыхъ бесѣдахъ трудно, конечно, связать мысль о сухомъ схоластическомъ преподаваніи, отъ котораго долженъ освободиться всякій лекторъ, если онъ хочетъ увлечь слушателей. «Преподаваніе, для пріобрѣтенія сочувствія, должно очиститься отъ школьнаго формализма, оно должно изъ холодной замкнутости сухихъ односторонностей выйти въ жизнь дѣйствительности, взволноваться ея вопросами, устремиться къ ея стремленіямъ»[96]. Въ видѣ ли бесѣды или въ видѣ лекцій — преподаваніе должно и можетъ быть простымъ. «Въ этомъ-то и состоитъ задача педагогіи — сдѣлать науку до того понятной и

---

92 II, стр. 91.
93 II, стр. 91.
94 Посредствомъ простыхъ бесѣдъ.
95 II, стр. 391.
96 IV, стр. 140.

усвоенной, чтобъ заставить ее говорить простымъ, *обыкновеннымъ* языкомъ.

«Нѣтъ мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно» [97].

«Будьте увѣрены, что трудныхъ предметовъ нѣтъ, но есть бездна вещей, которыхъ мы просто не знаемъ, и еще больше такихъ, которыя мы знаемъ дурно, безсвязно, отрывочно, даже ложно. И эти-то ложныя свѣдѣнія еще больше насъ останавливаютъ и сбиваютъ, чѣмъ тѣ, которыхъ мы совсѣмъ не знаемъ.

«Вторая причина темноты въ наукѣ происходитъ отъ недобросовѣстности преподавателей, старающихся скрыть долю истины, отдѣлаться отъ опасныхъ вопросовъ.

«Пустые отвѣты убиваютъ справедливые вопросы и отводятъ умъ отъ дѣла» [98].

Въ этихъ пустыхъ отвѣтахъ отчасти кроется причина того, что очень быстро пропадаетъ охота спрашивать.

«Безнравственно на вопросъ о причинѣ какого-нибудь явленія отвѣчать вздоромъ, только для того, чтобы отдѣлаться. А это-то мы видимъ сплошь да рядомъ» [99]. Если хотятъ внѣдрить въ голову ученика рядъ фактовъ, рядъ знаній, какъ бѣлье въ чемоданъ, то въ вопросахъ со стороны ученика, пожалуй, нѣтъ надобности, но если имѣютъ въ виду научить мыслить, научить самостоятельному пріобрѣтенію знаній, то необходима активность со стороны учениковъ, необходимо, чтобы они сами задавали вопросы.

«Мнѣ хотѣлось бы (говоритъ Герценъ молодымъ людямъ) не столько сообщить вамъ свѣдѣній, дать отвѣты на ваши вопросы, какъ научить васъ *спрашивать,* поставить васъ относительно предметовъ на точку зрѣнія *здраваго смысла.* Овладѣвши ея несложными пріемами, вамъ легко будетъ пріобрѣсти сколько хотите знаній изъ огромныхъ запасовъ наблюденій и фактовъ» [100].

Итакъ, секретъ преподаванія состоитъ въ умѣніи научить спрашивать, научить овладѣть точкой зрѣнія здраваго смысла. Этому легче всего научить посредствомъ живой бесѣды. Образецъ

---

[97] IV, стр. 113.
[98] III, стр. 138.
[99] IV, стр. 441.
[100] IV, стр. 441 (курсивъ Герцена).

такого преподаванія мы находимъ у женевца, воспитателя Бельтова.

«Съ ранняго утра отправлялись они гербаризировать, и живой разговоръ замѣнялъ скучные уроки: всякій предметъ, попадавшійся на глаза, былъ темою, и Володя съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слушалъ объясненія женевца» [101].

Не случайно воспитатель Бельтова принялся со своимъ воспитанникомъ за изученіе ботаники. По замыслу романа здѣсь выводится почти идеальный педагогъ, не умѣвшій только считаться съ реальными условіями русской жизни. У себя въ Швейцаріи онъ является образцовымъ учителемъ. Герценъ, очевидно, хочетъ нарисовать почти идеальную постановку воспитанія. И дѣйствительно, изъ другихъ его статей мы можемъ убѣдиться, что естественнымъ наукамъ въ дѣлѣ развитія ума онъ отводитъ первое мѣсто. Напримѣръ, въ статьѣ «Публичныя чтенія г-на профессора Рулье» онъ пишетъ: «Намъ кажется почти невозможнымъ безъ естествознанія воспитать дѣйствительное, мощное, умственное развитіе; никакая отрасль знаній не пріучаетъ такъ ума къ твердому положительному шагу, къ смиренію передъ истиной, къ добросовѣстному труду и, что еще важнѣе, къ добросовѣстному принятію послѣдствій *такими, какими они выйдутъ* [102] — какъ изученіе природы; имъ бы мы начинали воспитаніе для того, чтобы очистить отроческій умъ отъ предразсудковъ, дать ему возмужать на этой здоровой пищѣ и потомъ уже раскрыть для него, окрѣпнувшаго и вооруженнаго, міръ человѣческій, міръ исторіи, изъ котораго двери отворяются прямо въ дѣятельность, въ собственное участіе въ современныхъ вопросахъ. Мысль эта, конечно, не нова. Рабле, очень живо понимавшій страшный вредъ схоластики на развитіе ума, положилъ въ основу воспитанія Гаргантуа естественныя науки. Бэконъ хотѣлъ ихъ положить въ основу воспитанія всего человѣчества: Instauratio основана на возвращеніи ума къ природѣ, къ наблюденію; исключительнымъ предпочтеніемъ естествовѣдѣнія стремился Бэконъ возстановить нормальное отправленіе мышленія, забитаго средневѣковой метафизикой, — онъ не видѣлъ иного средства для очищенія современныхъ умовъ отъ ложныхъ образовъ и предразсудковъ, наслоенныхъ вѣками, какъ об-

---

[101] I, стр. 179.

[102] Курсивъ подлинника.

ращая вниманіе на природу съ ея непреложными законами, съ ея непокорностью схоластическимъ пріемамъ и съ ея готовностью раскрываться логическому мышленію»[103].

Въ другомъ мѣстѣ, много лѣтъ позже, въ «Быломъ и Думахъ», Герценъ говоритъ почти то же самое:

«Безъ естественныхъ наукъ нѣтъ спасенія современному человѣку, безъ этой здоровой пищи, безъ этого строгаго воспитанія мысли фактами, безъ этой близости къ окружающей насъ жизни, безъ смиренія передъ ея независимостью, — гдѣ-нибудь въ душѣ остается монашеская келья и въ ней мистическое зерно, которое можетъ разлиться темной водой по всему разумѣнію»[104].

Это «строгое воспитаніе мысли фактами» развиваетъ склонность къ правдивости, которой Герценъ придаетъ большое значеніе. «У, какъ вы состарились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ, и молодежь браните и воспитывать ее хотите ложью, какъ няньки, поучающія дѣтей, что новорожденныхъ приноситъ повивальная бабка, и что дѣвочка отъ мальчика отличается покроемъ платья. Подумайте лучше, сколько вѣковъ люди безбожно лгали съ нравственной цѣлью, а нравственности не поправили; отчего же не попробовать говорить правду?»[105].

Эту правду надо говорить и въ дѣлѣ полового воспитанія, но говорить ее надо научно. Такъ поступилъ Фогтъ по отношенію къ сыну Герцена, когда тотъ заинтересовался половыми вопросами. Фогтъ сталъ проходить съ мальчикомъ подробно эмбріологію, и «какъ рукой снялъ шаловливый интересъ», прибавляетъ Герценъ[106].

Замѣчательна способность Герцена не впасть въ односторонность, видѣть всегда предметъ съ обѣихъ сторонъ, не сдѣлаться узкимъ фанатикомъ какой-либо идеи. Прочитавъ только что приведенные отрывки, можно было бы подумать, что Герценъ всецѣло преклоняется передъ фактами; такъ отнесся бы къ нимъ всякій болѣе посредственный умъ; но не таковъ Герценъ. Въ статьяхъ «Диллетантизмъ въ наукѣ» мы находимъ слѣдующія строки:

---

[103] I, стр. 337.
[104] II, стр. 84.
[105] V, стр. 400, „Концы и начала“.
[106] VI, стр. 328.

«Какъ бы человѣкъ ни считалъ себя занимающимися одними фактами, внутренняя необходимость ума увлекаетъ его въ сферу мысли, къ идеѣ, къ всеобщему» [107].

Мы видимъ, что безконечный споръ между приверженцами теоріи и фактовъ, споръ, который тянется и до нашихъ дней и происходитъ лишь оттого, что большинство ученыхъ не способно заразъ и къ конкретному, и къ отвлеченному мышленію, — для Герцена разрѣшается очень просто въ синтезѣ фактовъ и теорій. «Никакая сумма свѣдѣній, — пишетъ онъ, — не составитъ науки до тѣхъ поръ, пока сумма эта не обрастетъ живымъ мясомъ, около одного живого центра, то есть не дойдетъ до пониманія себя тѣломъ его» [108].

Итакъ, истинное научное знаніе, истинное научное развитіе предполагаетъ такую организованность пріобрѣтенныхъ знаній, при которой нѣтъ мѣста отдѣльнымъ фактамъ, отдѣльнымъ свѣдѣніямъ, не связаннымъ въ одно общей идеей. Далеко не таково было научное воспитаніе въ Европѣ во времена Герцена (то же почти можно сказать и про наше время).

«Воспитаніе образованныхъ сословій во всей Европѣ мало захватило изъ естественныхъ наукъ; оно осталось попрежнему подъ вліяніемъ какой-то риторико-филологической (въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова) выучки; оно осталось воспитаніемъ памяти болѣе, нежели разума, воспитаніемъ словъ, а не понятій, воспитаніемъ слога, а не мысли, воспитаніемъ авторитетами, а не самодѣятельностью; риторика и формализмъ попрежнему вытѣсняютъ природу. Такое развитіе ведетъ почти всегда къ надменности ума, къ презрѣнію всего естественнаго, здороваго и къ предпочтенію всего лихорадочнаго, натянутаго; мысли, сужденія, попрежнему, прививаются, какъ оспа, во время духовной неразвитости; приходя въ сознаніе, человѣкъ находитъ слѣдъ раны на рукѣ, находитъ сумму готовыхъ истинъ и, отправляясь съ ними въ путь, добродушно принимаетъ и то и другое за событіе, за дѣло конченное» [109].

Воспитанные такъ ученые, въ сущности, непригодны къ жизни. Здѣсь Герценъ говоритъ почти то же, что впослѣдствіи съ такой силой развивалъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ Л. Н. Толстой, который писалъ, что воспитанники нашихъ университетовъ

107 IV, стр. 112.
108 IV, стр. 110.
109 IV, стр. 338.

непригодны для практическаго дѣла. Герценъ пишетъ: «Теперь всякій знаетъ, что нѣтъ ни одного дѣла, которое можно поручить ученому; это вѣчный недоросль между людьми; онъ только не смѣшонъ въ своей лабораторіи, музеумѣ. Ученый теряетъ даже первый признакъ, отличающій человѣка отъ животнаго — общественность: онъ конфузится, боится людей; онъ отвыкъ отъ живого слова; онъ трепещетъ передъ опасностью; онъ не умѣетъ одѣться; въ немъ что-то жалкое, дикое» [110].

А между тѣмъ, какъ во времена Герцена, такъ и въ наше время — такимъ, ни къ чему неспособнымъ, людямъ поручаютъ часто отвѣтственное дѣло. И они берутся за него со спокойной совѣстью. Что же является причиной такого ненормальнаго явленія? Что вводитъ въ заблужденіе публику и самихъ господъ ученыхъ? Причину такого заблужденія Герценъ видитъ въ дипломахъ.

«Ученому мѣшаетъ его дипломъ: дипломъ — чрезвычайное препятствіе развитію; дипломъ свидѣтельствуетъ, что дѣло кончено, consumatum est; носитель его совершилъ въ себѣ науку, знаетъ ее . . ., получивъ дипломъ, человѣкъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что онъ знаетъ науку» . . . [111].

Получить дипломъ такому ученому, который, въ сущности, негоденъ ни къ какому дѣлу, который знаетъ науку не какъ нѣчто цѣлое, организованное, а какъ рядъ отрывочныхъ фактовъ и свѣдѣній, ничего не стоитъ; для этого существуютъ экзамены, которые именно и провѣряютъ способность человѣка впитывать въ себя подобнымъ образомъ факты. Таково значеніе экзаменовъ въ наше время: такъ было и во время Герцена, такъ будетъ и впредь, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать пропитанная экзаменаціоннымъ духомъ система преподаванія.

«Обыкновенныя хлопоты, неспанныя ночи для безполезныхъ мнемоническихъ пытокъ, поверхностное ученіе на скорую руку и мысль объ экзаменѣ, побѣждающая научный интересъ, — все это, какъ всегда» [112].

Мы видимъ, что Герценъ, отрицательно относившійся къ школьной нѣмецкой учености, къ дипломамъ и экзаменамъ, заявившій себя близкимъ по духу къ идеямъ по воспитанію Руссо,

---

110 IV, стр. 108.
111 IV, стр. 109.
112 II, стр. 110.

сходится со взглядами, высказанными впослѣдствіи Л. Н. Толстымъ, но это сходство все же далеко неполное. Намъ, напримѣръ, пришлось указать на то, что Герценъ придавалъ воспитанію большое значеніе и не оспаривалъ права взрослыхъ воспитывать дѣтей, считая, что дѣти не достигли полнаго сознанія, что мозгъ ихъ недоразвитъ; наоборотъ, Л. Н. Толстой, какъ извѣстно, совершенно не признаетъ за взрослыми этого права. Въ своемъ построеніи «свободнаго воспитанія» Толстой исходитъ изъ того положенія, что въ природѣ человѣка заложено высшее духовное начало, которое лучше всего руководитъ имъ, будь то взрослый или ребенокъ, и что никто не долженъ мѣшать свободному проявленію этого начала. Герценъ въ основу своихъ идей о воспитаніи кладетъ то положеніе, что человѣкъ призванъ къ творческой дѣятельности, къ активности. Только воспитаніе, развивающее самодѣятельность, отвѣчаетъ такому призванію человѣка. Герценъ сходится здѣсь съ современнымъ теченіемъ педагогики. Какъ извѣстно, нѣмецкая школа психологовъ, во главѣ съ Вундтомъ, считаетъ активность, волю — основнымъ началомъ человѣческой личности, и въ соотвѣтствіи съ этимъ современная педагогика строитъ воспитаніе на активности и самодѣятельности воспитанника.

Вообще, мысли Герцена о воспитаніи, какъ читатели, надѣемся, могли убѣдиться изъ приведенныхъ нами выдержекъ, отличаются замѣчательнымъ единствомъ и цѣльностью: тутъ нѣтъ ни одного противорѣчія, ни одного диссонанса, чего отнюдь нельзя сказать о другихъ теоретикахъ воспитанія, посвящавшихъ этому предмету спеціальныя монографіи. Міровоззрѣніе Герцена отличается глубокой продуманностью и законченностью, и его идеи о воспитаніи являются составной частью общаго цѣлаго, — и потому-то онѣ такъ выдержаны и такъ глубоко послѣдовательны.

В. Рахмановъ.

Мысли о воспитаніи высшихъ чувствованій *.

М. Г. Прежде чѣмъ подойти къ изложенію мыслей о воспитаніи чувствованій, необходимо коснуться движенія человѣчества по пути прогресса и разрѣшить вопросъ — совершается ли оно съ желаемой быстротой или идетъ медленно. Лично я думаю, что внѣшній успѣхъ культуры далеко опередилъ внутреннее самосовершенствованіе личности, и что послѣднее оставляетъ желать большаго. Доказательство я нахожу въ наблюденіи надъ жизнью, а отраженіе жизни — печать ежедневно приноситъ намъ извѣстія, свидѣтельствующія о невысокомъ нравственномъ уровнѣ современнаго общества. Судебные процессы и такъ называемыя ревизіи въ различныхъ областяхъ государственнаго и общественнаго хозяйства подтверждаютъ горестныя сообщенія о преступленіяхъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ — и противъ личности, и противъ собственности, и противъ общественной нравственности. Особенно поражаетъ у людей отсутствіе чувства законности и такъ называемой деликатности... Правда, наряду съ грустными, попадаются факты и весьма отрадные, но они такъ незначительны, что не производятъ должнаго впечатлѣнія и какъ бы растворяются въ массѣ печальныхъ.

Между преступниками фигурируютъ не только «подонки общества», но и люди, стоящіе высоко на ступеняхъ общественной лѣстницы и, казалось бы, могущіе прожить и безъ преступныхъ дѣяній, хотя бы противъ собственности.

Это категорія преступниковъ явныхъ, уличенныхъ, а сколько такихъ, которые не попали подъ судъ и, можетъ быть, никогда не сядутъ на скамью подсудимыхъ?

---

* Докладъ общему собранію членовъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію 26 апрѣля 1911 года.

Но самое большое число преступленій совершаютъ люди противъ закона не написаннаго, но заложеннаго Творцомъ въ душу каждаго, противъ голоса своей совѣсти. Здѣсь мы всѣ грѣшны, и былъ правъ тотъ мудрецъ, который сказалъ: «Весь міръ во злѣ лежитъ».

Вопросы, связанные съ нравственностью и преступностью, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ признавались наиболѣе серьезными, и лучшіе люди, по мѣрѣ силъ и умѣнья, разрѣшали ихъ, сообразуясь со взглядами, господствовавшими въ обществѣ въ данное время. Для нашего отечества вопросъ о нравственности особенно важенъ въ настоящее время, какъ переходное къ новымъ формамъ жизни. Вливать новое вино въ старые мѣхи — дѣло не выгодное и совсѣмъ не похвальное. Кромѣ того, въ послѣдніе годы наблюдается обиліе фактовъ, свидѣтельствующихъ о небывалой распущенности въ поведеніи такъ называемыхъ «хулигановъ», отъ которыхъ стонутъ жители и городовъ и деревень. Какъ будто и кадры ихъ значительно увеличились.

Правда, и за границей не прекращаются жалобы на засилье со стороны разнаго рода апашей, сутенеровъ и т. п. личностей, но, конечно, отъ этого намъ ничуть не легче и не должно останавливать насъ въ прінсканіи средствъ для борьбы съ нашими антисоціальными элементами, подъ которыми я разумѣю не только жителей «дна».

Огромное число лицъ, совершающихъ незаконныя дѣянія, *знаютъ*, что они не должны такъ поступать, но только немногіе изъ нихъ *чувствуютъ* отвращеніе къ совершаемому дѣянію. Для большинства преступный актъ, со стороны чувствованій, является или безразличнымъ, или же у иныхъ онъ сопровождается даже пріятнымъ чувствованіемъ. *Въ этихъ качественныхъ различіяхъ чувствованій, предшествующихъ преступному дѣянію и сопровождающихъ его я вижу, корень зла и добра.* Но объ этомъ подробности будутъ дальше.

Побужденія, которыми руководится большинство преступниковъ, должны быть отнесены къ разряду низшихъ, эгоистическихъ, такъ какъ имъ чужды побужденія высшаго порядка — альтруистическія. Возможно, что послѣднія хотя у нихъ и существуютъ, но настолько слабо выражены, что не могутъ сыграть роль преграды къ совершенію незаконнаго дѣянія.

Чувство страха передъ наказаніями, до каторги и висѣлицы

включительно, очевидно не можетъ предотвратить преступленія, доказательствомъ чему служитъ многовѣковая практика наказаній и плачевный результатъ ихъ воздѣйствія на поступки людей. Нѣкоторые виды наказаній, какъ, напримѣръ, совмѣстное тюремное заключеніе, является только хорошей школой для обученія преступности. Что же касается смертной казни, то она, обезцѣнивая жизнь, притуплетъ нашу чувствительность къ кровавымъ преступленіямъ. Всѣмъ извѣстны также сообщенія объ играхъ дѣтей въ смертную казнь и результаты такихъ забавъ.

Но если не наказаніе, то что же должно служить преградой преступленію?

Около 2000 лѣтъ на землѣ проповѣдуется ученіе Христа, точно опредѣляющее наши обязанности по отношенію къ себѣ и къ ближнимъ; ежедневно милліоны людей взываютъ въ молитвѣ: «да пріидетъ Царствіе Твое», между тѣмъ оно еще и до сихъ поръ не наступило, и люди относятся другъ къ другу далеко не побратски. И до сихъ поръ homo hominis lupus est.

Мнѣ думается, что неуспѣхъ евангельскаго ученія заключается въ томъ, что проповѣдники христіанской морали выполняли свои обязанности односторонне. Они только обучали морали, между тѣмъ какъ успѣхъ проповѣди требовалъ воздѣйствія проповѣдниковъ не только на умъ людей, но, главнымъ образомъ, на чувствованія. Далеко не безразличнымъ въ этой работѣ былъ и личный примѣръ жизни проповѣдниковъ. Стоитъ для этого припомнить успѣхъ той же проповѣди въ первые вѣка христіанства. Отдѣльные, къ сожалѣнію, малочисленные примѣры, подтверждающіе этотъ взглядъ, могли бы быть приведены и изъ ближайшаго къ намъ времени.

Если ни чувство страха передъ наказаніями за преступленія, ни проповѣдь христіанской морали не имѣли до сихъ поръ желаемаго успѣха въ борьбѣ съ преступленіемъ и грѣховностью, то неужели дѣло должно оставаться и на будущее время въ такомъ же положеніи? Не сдѣлать еще попытокъ и опустить руки передъ ужаснымъ положеніемъ было бы равносильно смертному приговору для каждаго мыслящаго человѣка, стремящагося быть полезнымъ своему ближнему. Съ этой точки зрѣнія я и ожидаю снисходительнаго отношенія ко мнѣ почтеннаго собранія, когда я буду говорить о предметахъ всѣмъ извѣстныхъ, но, въ то же время,

по своей важности и серьезности, требующихъ повторенія и лишь, можетъ быть, нѣсколько иного освѣщенія.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что *преграда преступленію имѣется и она лежитъ въ разумномъ воспитаніи человѣка, начиная съ момента формированія его личности.* При этомъ воспитаніи самымъ главнымъ я считаю обращеніе вниманія на чувствованія, въ виду чрезвычайно важной роли ихъ въ жизни.

Въ своей работѣ объ умственномъ и нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей («Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія», выпускъ XLIV—XLVI, 1902) профессоръ И. А. Сикорскій говоритъ: «Въ развитіи чувства лежатъ глубочайшіе корни направленія всей жизни человѣка... отсюда слѣдуетъ, что развитіе чувства должно составить одну изъ самыхъ важныхъ сторонъ воспитанія, не только въ дошкольный періодъ, но и въ самой школѣ... воспитаніемъ чувства мы стремимся раскрыть и укрѣпить въ ребенкѣ нѣчто наиболѣе возвышенное, благородное, чистое, нравственное... Въ этомъ отношеніи ни одна сторона душевной жизни не соприкасается такъ близко съ задачами и цѣлями нравственности, какъ воспитаніе чувства. И не безъ основанія иногда отождествляютъ нравственное воспитаніе съ культурой и развитіемъ чувства».

На воспитаніе чувствъ до сихъ поръ обращалось мало вниманія, между тѣмъ, какъ это видно изъ приведенной цитаты, практическое значеніе ихъ очень велико.

Для болѣе яснаго пониманія только что сказаннаго я позволю себѣ привести нѣкоторыя справки изъ психологіи [1].

Наши душевныя способности, для удобства пониманія, принято раздѣлять на сферу ума, чувства и воли. «Умственная сфера обхватываетъ тѣ психическія явленія, которыя служатъ для того, чтобы человѣкъ узнавалъ явленія внѣшняго и внутренняго міра и понималъ ихъ. Сфера душевныхъ чувствъ охватываетъ собою состоянія, которыя даютъ возможность ощущать тѣ перемѣны, которыя вызываются въ насъ самихъ различными, испытываемыми нами впечатлѣніями. Къ сферѣ воли относятся всѣ душевныя побужденія, влеченія, хотѣнія и различные акты, вызываемые мыслями и чувствованіями человѣка». Такое опредѣленіе дано по-

---

[1] Проф. Корсаковъ, Сербскій, Сикорскій. — Учебники.

койнымъ профессоромъ С. С. Корсаковымъ («Курсъ психіатріи», т. I, Москва 1901).

Оставляя въ сторонѣ сферу ума и воли, остановимся на сферѣ чувства или эмоцій.

Всѣмъ извѣстно огромное вліяніе ихъ на поступки людей. Французскій писатель Жюль Пейо въ своей книгѣ «О воспитаніи воли» (переводъ М. Шишмаревой, Спб. 1896), говоритъ: «Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что власть надъ нами эмоцій безгранична. Эмоція всесильна: повинуясь ей, человѣкъ, не колеблясь, идетъ на смерть и страданія. Констатировать могущество эмоцій — значитъ констатировать универсальный эмпирическій законъ». Далѣе онъ продолжаетъ: «Нашъ умъ, послушно подчиняющійся необузданной силѣ эмоцій, не можетъ оказывать большого вліянія на волю. Послѣдняя не любитъ исполнять холодныя, сухія приказанія, которыя онъ ей отдаетъ: какъ силѣ эмоціальнаго происхожденія, ей нужны приказанія, проникнутыя чувствомъ, окрашенныя страстью».

Согласно ученію Канта, по своему вліянію на здоровье и характеръ человѣка всѣ наши чувствованія могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы — на чувствованія пріятныя, поддерживающія жизнь, и чувствованія непріятныя, подрывающія и убивающія жизнь. Примѣрами чувствъ перваго рода служатъ: радость, надежда, чувство чести, благоговѣніе и пр.; примѣрами чувствъ второго рода — страхъ, печаль, зависть, досада, забота, злость, неудовольствіе, ненависть, сомнѣніе, уныніе и др.

Люди стремятся къ тому, что имъ доставляетъ удовольствіе, и стараются избѣжать непріятнаго. Безъ наличія обоихъ этихъ чувствованій немыслима была бы жизнь и дѣятельность. Человѣкъ долженъ былъ бы погибнуть отъ непріятнаго, не легче бы ему жилось и безъ пріятныхъ чувствованій, такъ какъ онъ не стремился бы пользоваться благами, предоставленными ему природой.

Психологія установила также фактъ, что у здороваго человѣка всѣ ощущенія и возникающія изъ нихъ представленія, а равно и ассоціаціи представленій сопровождаются чувствованіями пріятнаго или непріятнаго и, въ то же время, всякая мысль и ощущеніе неудержимо стремятся найти себѣ выраженіе въ дѣятельности. Стремленія эти, въ зависимости отъ качества и интензивности, будутъ называться въ однихъ случаяхъ побужденіемъ

и потребностью, въ другихъ — влеченіемъ и желаніемъ и въ третьихъ — хотѣніемъ.

Въ человѣческой душѣ — масса стремленій различной силы, въ зависимости отъ вызывающихъ ихъ чувствованій, но сущность ихъ одна и та же — измѣнить данное состояніе на другое, болѣе пріятное. Чѣмъ сильнѣе чувствованіе, тѣмъ больше и стремленіе перейти въ дѣйствіе. Особенною силою отличаются такъ называемыя органическія чувствованія, къ которымъ относятся голодъ, жажда и половое...

Наряду съ низшими, также прирождены человѣку и чувствованія высшія: эстетическое, логическое или интеллектуальное, нравственное и религіозное. Но эти высшія чувствованія далеко не у всѣхъ людей одинаково выражены. У однихъ они существуютъ только въ зародышѣ, и безъ особыхъ воспитательныхъ пріемовъ не могутъ проявить себя. У другихъ чувствованія не обладаютъ достаточной силой и постоянствомъ, а есть и такія личности, у которыхъ чувствованія, напримѣръ, нравственныя, даже извращены. Между преступниками и душевно больными не рѣдкость встрѣтить людей, наслаждающихся видомъ несчастія другихъ людей.

Я упомянулъ о томъ, что у иныхъ людей чувствованія не обладаютъ достаточной силой. Въ отношеніи силы они раздѣляются на три категоріи: слабыя, среднія и сильныя. Чувства умѣренной силы и средней продолжительности называются душевными волненіями или просто чувствами; сильныя и непродолжительныя — аффектами или страстями, а слабыя и длительныя чувствованія принято называть настроеніями духа.

Ранѣе я сказалъ, что чѣмъ сильнѣе чувствованіе, сопутствующее вновь возникшей мысли, тѣмъ сильнѣе стремленіе перейти въ дѣйствіе. И если бы человѣкъ былъ простою машиною, маріонеткою, то вслѣдъ за каждою мыслью, чувствованіемъ и стремленіемъ долженъ былъ бы наступить двигательный актъ. Такимъ образомъ, всѣ дѣйствія человѣка имѣли бы характеръ простого рефлекса. Но всѣ мы знаемъ, что у такъ называемыхъ воспитанныхъ людей существуетъ выдержка, они могутъ обуздывать свои порывы и подавлять рефлексы. Объ этихъ людяхъ говорятъ, что «тормозящій ихъ аппаратъ» хорошо работаетъ.

Въ чемъ же секретъ этого чуднаго аппарата?

Сущность этого намъ будетъ понятна изъ опредѣленія того,

что принято называть личностью или, вѣрнѣе, «ядромъ человѣческой личности». Подъ этимъ названіемъ подразумѣваются наиболѣе часто повторяющіяся, у даннаго человѣка, ассоціаціи, неразрывно между собою связанныя, поэтому и наиболѣе прочныя. Эти привычныя ассоціаціи представленій, сопровождаясь извѣстными опредѣленными чувствованіями, и составляютъ ядро личности, отличное отъ такого же ядра другой личности. Это ядро и представляетъ собою задержку или тормозящій аппаратъ (воспитанныхъ) людей.

Предположимъ, что возникаетъ въ душѣ новая мысль или рядъ мыслей, происходятъ различныя ихъ комбинаціи. Весь этотъ процессъ сопровождается извѣстными чувствованіями. Появляется желаніе и стремленіе къ дѣйствію. Но послѣднее можетъ наступить только тогда, когда и мысли и чувства будутъ находиться въ полной гармоніи и въ согласіи съ тѣмъ, что свойственно человѣку, что соотвѣтствуетъ ядру его личности. Такимъ образомъ, около ядра личности неизбѣжно завязывается борьба между основными мыслями, чувствованіями и стремленіями и вновь возникающими. Борьба здѣсь идетъ, главнымъ образомъ, между высшими и низшими чувствованіями, и побѣдитъ тотъ разрядъ ихъ, который въ данный моментъ является болѣе сильнымъ. Предположимъ слабое развитіе въ ядрѣ личности нравственныхъ чувствованій, и носитель его будетъ рабомъ чувствованій низшихъ. Человѣкъ, чувствующій голодъ и не имѣющій средствъ на покупку хлѣба, воспользуется собственностью ближняго, такъ какъ при совершеніи кражи, онъ не будетъ чувствовать ничего непріятнаго.

Чѣмъ сильнѣе выражены основныя влеченія, чѣмъ они цѣлостнѣе, тѣмъ болѣе поступки человѣка будутъ соотвѣтствовать стремленію всей его личности и тѣмъ однороднѣе характеръ его дѣятельности. Вотъ почему въ правильномъ образованіи ядра личности, я вижу центральную тяжесть вопроса о воспитаніи, и вотъ основаніе, по которому слѣдуетъ требовать отъ общества или государства самыхъ большихъ средствъ на дѣло воспитанія. Нѣтъ жертвы на такое дѣло, которую можно было бы назвать великой или чрезмѣрной. Должнымъ образомъ воспитывая человѣка, мы создаемъ личность, вполнѣ пригодную для общежитія. Въ обществѣ, состоящемъ изъ такихъ членовъ, не нужны будутъ «Уложенія о наказаніяхъ», такъ какъ преступленія будутъ рѣдкими явленіями, а о наказаніяхъ будутъ говорить, какъ о пере-

житкѣ старины. Попутно не могу не сказать и того, что для воспитанныхъ людей, вступившихъ въ союзъ, именуемый государствомъ, не представится особенно важнымъ и вопросъ о формѣ правленія государствомъ, такъ какъ обязанности гражданина каждымъ исполняться будутъ не за страхъ, а за совѣсть.

Таковы данныя психологіи и проистекающіе изъ нихъ выводы. Если все изложенное справедливо, то естественно желаніе оглянуться кругомъ и посмотрѣть, что дѣлается у насъ въ цѣляхъ воспитанія. Конечно, и семья и школа даютъ намъ воспитаніе, но какое? Въ то время, когда я учился въ школѣ, на наше воспитаніе совсѣмъ не обращалось вниманія. Мы учили уроки, получали отмѣтки, и, по успѣхамъ въ наукахъ, переходили въ слѣдующіе классы. Правда, намъ ставили баллы и по поведенію, но сколько я помню, для полученія даже высшаго балла не требовалось проявленія какихъ-либо высшихъ чувствованій, и никто не пытался опредѣлить качество ядра нашей личности. Иной разъ ставились высшіе баллы за добродѣтели, ничего общаго съ альтруизмомъ не имѣющія. Такимъ образомъ, говорить о полученіи въ наше время воспитанія въ школѣ, по опредѣленной программѣ, имѣя въ виду намѣченныя цѣли, я не имѣю права. То же могу сказать и о времени, болѣе близкомъ къ нашему, когда учились въ школѣ мои дѣти.

Въ мою задачу не входитъ разборъ причинъ такого положенія дѣла; лишь вскользь я замѣчу, что руководители народнымъ просвѣщеніемъ, вѣроятно, боялись воспитанныхъ людей, какъ бы они, въ сознаніи своихъ гражданскихъ обязанностей, привитыхъ воспитаніемъ, не затребовали бы и особыхъ правъ. Я думаю, что такое отношеніе къ школьному воспитанію было актомъ сознательнымъ. И сколько горя принесло оно обществу, и какъ много его еще впереди — и сказать трудно.

Не такъ дѣло воспитанія въ школѣ стоитъ во Франціи. Въ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1911 годъ, помѣщено письмо изъ Парижа г. Бѣлоруссова, подъ заглавіемъ «Молодая французская демократія». Въ этомъ письмѣ авторъ говоритъ: «Третья республика впервые осуществила всеобщее демократическое обученіе народа. За ничтожными исключеніями, всякій французъ проходитъ теперь чрезъ начальную школу, гдѣ не только пріобрѣтаетъ элементарныя знанія и навыкъ къ умственному труду, но и воспитывается въ духѣ демократическихъ идей. Осо-

бенностью новой французской школы является ея свѣтскій характеръ. Устранивъ церковниковъ отъ дѣла воспитанія и исключивъ религію изъ числа предметовъ преподаванія въ школѣ, третья республика оставляла въ школѣ громадную пустоту, заполненіе которой не могло не войти въ кругъ ея заботъ. На народную школу нельзя смотрѣть только какъ на орудіе сообщенія элементарныхъ знаній. Всякій учитель и всякая школа, такъ или иначе, воспитываютъ ученика, вліяютъ на образованіе его характера, прививаютъ ему навыки, вводятъ его въ кругъ извѣстныхъ представленій, понятій и идей. Это воспитательное вліяніе школы нельзя оставить вполнѣ на произволъ смѣняющагося учительскаго персонала — и въ то же время нельзя оставить незаполненной пустоту, обусловленную исключеніемъ религіозной морали изъ числа предметовъ преподаванія. Отсюда рѣшеніе реорганизаторовъ французской народной школы ввести въ нее преподаваніе свѣтской морали — той морали, которая должна служить этической базой новаго, демократическаго и республиканскаго общества. Моральное воспитаніе должно состоять не въ усвоеніи ученикомъ прописей и предписаній, а въ исправленіи характера ребенка и въ сообщеніи ему моральныхъ чувствъ и идей. Въ младшихъ классахъ учителю рекомендуется сосредоточить все свое вниманіе на цѣлесообразности упражненій чувства дѣтей, имѣющей цѣлью: a) развитіе добрыхъ качествъ, b) привычку къ дисциплинѣ, c) поощреніе чувствительности вообще и моральнаго чувства — въ частности». Вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуется подвергать моральному разбору факты школьной жизни и поступки учениковъ. Я не привожу дальнѣйшей программы воспитанія въ среднихъ и высшихъ классахъ (такъ какъ въ этой аудиторіи я вижу лицъ, интересующихся, главнымъ образомъ, дошкольнымъ воспитаніемъ). Отмѣчу лишь, что французскіе педагоги находятъ нужнымъ знакомить учениковъ съ обязанностями: 1) по отношенію къ самимъ себѣ, 2) по отношенію къ другимъ людямъ и 3) по отношенію къ Богу.

Въ Японіи воспитаніе предшествуетъ обученію, и каждый японецъ получаетъ и обученіе и воспитаніе.

Нѣсколько словъ я долженъ сказать о воспитаніи дѣтей въ семьѣ. Казалось бы, любовь къ дѣтямъ родителей и есть тотъ сильный рычагъ въ дѣлѣ воспитанія, или — что то же — созданія ядра личности, поэтому отъ семьи и слѣдовало бы ожидать по-

мощи въ дѣлѣ воспитанія. И, несомнѣнно, есть такіе родители, которые, изъ любви къ своему ребенку, желаютъ сдѣлать все возможное для развитія и укрѣпленія его лучшихъ душевныхъ качествъ и дѣлаютъ это самоотверженно.

Наряду съ такими встрѣчаются и другіе, которые, желая видѣть въ своемъ ребенкѣ совершенство, никакъ не могутъ объективно отнестись ни къ дѣтскимъ добродѣтелямъ, ни къ порокамъ, и бываютъ то очень строгими, то во всемъ дѣлаютъ дѣтямъ послабленіе. Въ результатѣ получается уродливое воспитаніе.

Весьма серьезнымъ факторомъ воспитанія является и личный примѣръ жизни родителей, нерѣдко разбивающій вѣру дѣтей въ правоту ихъ нравственныхъ поученій...

Если при этомъ мы зададимъ еще вопросъ — многія ли женщины, становясь матерями, сознаютъ необходимость познакомиться съ психологіей ребенка и хотя бы съ начатками педагогики, — отвѣтъ получится грустный. Полная неподготовленность матерей къ дѣлу воспитанія — удѣлъ огромнаго большинства женщинъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи.

Въ виду изложеннаго, я въ настоящее время стою за воспитаніе дѣтей внѣ семьи. И, можетъ быть, только та семья можетъ получить право на воспитаніе своихъ дѣтей дома, которая докажетъ свою способность въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Сказанное здѣсь относится къ людямъ со средствами. Что же касается до дѣтей трудящагося класса, то они должны быть въ школѣ съ самаго ранняго возраста, такъ какъ ихъ родителямъ, занятымъ работой внѣ дома, некогда воспитывать систематически своихъ дѣтей. Говоря о школѣ, я разумѣю здѣсь и учрежденія дошкольнаго воспитанія — дѣтскія ясли и дѣтскіе сады.

И вотъ я рисую себѣ картину, когда въ каждой мѣстности, гдѣ живутъ люди, въ городахъ, деревняхъ, поселкахъ — будутъ созданы воспитательно-учебныя учрежденія, въ которыхъ будутъ и воспитывать людей и вооружать знаніями. Въ то же время необходимо позаботиться и о физическомъ здоровьѣ молодого поколѣнія. И то, и другое, и третье должно начинаться возможно рано. Имѣя въ виду, что формированіе личности начинается въ возрастѣ около 4—5 лѣтъ, съ этого времени и должна осуществляться опредѣленная программа по воспитанію, хотя бы, для начала, въ такомъ размѣрѣ, какъ это начертано французскими педагогами для народной школы. Въ періодъ дошкольный надѣ-

леніе знаніями дѣтей, должно быть поставлено на второй планъ. Это время должно быть использовано, главнымъ образомъ, для развитія и воспитанія чувствованій и направленія воли. Но такъ какъ приведется сообщать знанія дѣтямъ и въ дѣтскихъ садахъ, то нужно остановиться на такихъ предметахъ, которые вмѣстѣ съ знаніемъ и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ вліяніемъ на умственную сферу способствовали бы проявленію прирожденныхъ душевныхъ способностей, и въ частности — высшихъ чувствованій.

Въ дошкольный періодъ, главное вниманіе педагоговъ должно быть обращено на воспитаніе нравственныхъ чувствованій, какъ элемента, опредѣляющаго наши отношенія къ людямъ. Чувствованія эти служатъ самымъ высокимъ показателемъ совершенства духовной организаціи человѣка. И при упадкѣ этой организаціи, что имѣетъ мѣсто при отравленіяхъ и психическихъ заболѣваніяхъ, прежде всего утрачиваются именно нравственныя чувствованія. Особенно рѣзко наблюдается это у пьяницъ, эпилептиковъ и истериковъ, и у лицъ, страдающихъ прогрессивнымъ параличемъ и старческимъ слабоуміемъ... Указывая на важность, въ первую очередь, воспитанія нравственныхъ чувствованій, я не отрицаю возможности съ большой пользою вести воспитаніе и другихъ чувствованій, напр. религіозныхъ и эстетическихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ развитіи и формированіи личности и въ созданіи вообще характера человѣка всѣ чувствованія должны играть весьма важную роль. Иначе не для чего бы было и награждать являющагося на свѣтъ ребенка, зародышами этихъ чувствованій.

Кромѣ того, педагоги должны помнить слова проф. И. А. Сикорскаго[1], что «задачи воспитанія, по отношенію къ чувствамъ, должны состоять въ постоянныхъ попыткахъ и стремленіяхъ обращать порывистыя чувства или страсти въ чувства медленныя, а чувства простѣйшія или низшія, поднять на степень болѣе сложныхъ, высокихъ». Такъ, страхъ изъ своей элементарной формы воспитаніемъ можетъ быть преобразованъ въ боязнь, т. е. въ опасеніе и предусмотрѣніе зла. Слѣпой, безумный гнѣвъ можетъ и умиленіе, зависть — въ соревнованіи и т. д. «Путемъ таперейти въ негодованіе и неодобреніе зла, печаль — въ грусть кихъ преобразованій, — продолжаетъ профессоръ, — харак-

[1] „Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія“, вып. XLIV—XLVI, 1902.

теръ человѣка становится правильнымъ, здоровымъ и возвышеннымъ».

Само собою разумѣется, что передъ началомъ воспитанія, т. е. при поступленія дѣтей въ воспитательно-учебное учрежденіе, необходимо установить у каждаго изъ нихъ наличіе чувствованій, степень ихъ силы и взаимоотношеніе высшихъ и низшихъ чувствованій. Все найденное должно быть записано въ особую, для каждаго ребенка, карточку по установленному образцу, и сообразно особенностямъ, воспитаніе должно вестись не по одному шаблону для всѣхъ, а по принципу индивидуальности... Еще нѣсколько словъ о личности педагога. Педагогами могутъ быть только люди по призванію къ этого рода дѣятельности. Они должны быть вооружены и знаніями и умѣніемъ воспитывать дѣтей. Нельзя имъ забывать и важной роли, въ жизни дѣтей, подражанія, поэтому и личная ихъ жизнь должна быть примѣромъ для воспитанниковъ. Это коренное условіе успѣха ихъ дѣятельности...

Здѣсь я долженъ остановиться и упрекнуть себя въ томъ, что занимаю ваше вниманіе, какъ будто, несбыточными мечтаніями. Развѣ мыслимо, имѣете вы право сказать мнѣ, установить практику указаннаго мною общественнаго воспитанія, и гдѣ найти учителей съ такимъ цензомъ.

Но, господа, если вѣрно мною все вышесказанное, то именно такія мечтанія мы и должны имѣть въ виду и, по мѣрѣ возможности, постепенно подходить къ ихъ осуществленію.

Раньше я сдѣлалъ оговорку, что всякая жертва, приносимая на алтарь воспитанія, не должна казаться великой, такъ какъ всѣ наши вольные и невольные грѣхи есть послѣдствіе неурегулированнаго вопроса о воспитаніи. Отсюда слѣдуетъ, что мы должны мечтать, и не только мечтать, но и дѣйствовать...

Надлежащими пріемами воспитанія мы должны наградить каждую личность такими, рѣзко выраженными, чувствами пріятнаго и непріятнаго, чтобы носитель ихъ при намѣреніи совершить дѣяніе, могъ получать указанія — чего слѣдуетъ избѣгать и къ чему стремиться. Чувствованія непріятныя, усиленныя до болѣзненности, вѣрнѣе всякихъ наказаній укажутъ тотъ путь, который долженъ считаться правильнымъ въ жизни.

На того, кто не будетъ поддаваться воспитанію, нужно смотрѣть, какъ на элементъ антисоціальный, и удалять изъ обще-

ства. Невоспитанный человѣкъ долженъ быть поставленъ внѣ закона, связующаго членовъ общества правилами общежитія. Тотъ, кто недостаточно воспитанъ или не можетъ развить гармонично свои психическія способности, по неблагопріятной ли наслѣдственности или почему-либо другому, тотъ долженъ въ обществѣ получить и роль такую, которая соотвѣтствовала бы особенностямъ его организаціи.

Итакъ, допустимъ, что придетъ такое время, когда явится возможность приступить къ дѣлу воспитанія безпрепятственно. Въ сознаніи общественныхъ дѣятелей твердо будетъ закрѣплена необходимость давать нужныя средства, всюду выростутъ школы, дѣтскіе сады и явятся люди, желающіе и умѣющіе работать въ школѣ по призванію. Спрашивается — чѣмъ будутъ руководствоваться воспитатели при сообщеніи дѣтямъ принциповъ нравственности и при развитіи у нихъ другихъ высшихъ чувствованій, а также при желаніи регулировать взаимное соотношеніе различныхъ чувствованій. Какъ, напр., воспитатель будетъ вести дѣло съ дѣтьми, не чувствующими удовольствія отъ того, что говорятъ правду, и неудовольствія отъ лжи? Что долженъ дѣлать педагогъ при проявленіяхъ дѣтской жестокости по отношенію и къ товарищамъ и къ животнымъ? Какъ онъ будетъ бороться съ чувствомъ страха? Какъ онъ будетъ бороться съ дѣтьми распущенными, лѣнтяями и предающимися дѣтскому пороку? До какой степени, до какой силы онъ долженъ доводить чувствительность дѣтей и развивать положительныя ихъ качества? Цѣлый рядъ вопросовъ долженъ встать передъ воспитателемъ, и онъ не всегда будетъ въ состояніи выйти изъ затруднительнаго положенія.

Въ помощь ему нужно создать руководство или методику воспитанія, какъ существуетъ методика для обученія грамматикѣ, ариѳметикѣ, языкамъ и т. д. Наряду съ методикой должна быть издана хрестоматія, содержащая въ себѣ рядъ поучительныхъ разсказовъ, рисунковъ, стихотвореній и т. д.

Насколько мнѣ извѣстно, на русскомъ языкѣ не существуетъ такого руководства, но на многіе вопросы, относящіеся къ воспитанію, можно получить отвѣты въ отдѣльныхъ статьяхъ, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ и вообще въ литературѣ. Напримѣръ, въ недавнее время очень много трактовали о половыхъ чувствованіяхъ и о томъ — позволительно ли въ школѣ сообщать дѣтямъ истину о дѣторожденіи или же слѣдуетъ и впредь оста-

влять ихъ въ туманѣ сказокъ объ аистахъ и кочняхъ капусты. Мнѣ кажется, составитель такого руководства многое, сюда относящееся, могъ бы почерпнуть изъ психологіи, психіатріи и изъ художественныхъ произведеній великихъ писателей, знатоковъ человѣческой души. Съ убѣдительною ясностью, эти художники слова укажутъ ему — что именно въ годы дѣтства дѣйствуетъ на впечатлительную душу ребенка, какой отпечатокъ появляется отъ воздѣйствія на нее того или иного происшествія, что подавляло ребенка, и что его особенно радовало и на всю послѣдующую жизнь оставило неизгладимый слѣдъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы дадимъ себѣ трудъ привести на память изъ своего дѣтства тѣ или другіе эпизоды, сильно дѣйствовавшіе на нашу душу, то мы и сейчасъ почувствуемъ отраженіе ихъ на нашемъ самочувствіи... А каковы они были тогда? Какъ они заставляли стучать наше маленькое сердечко! И эти и радостные и печальные моменты въ дѣтской жизни никогда не изгладятся изъ нашей памяти. Лично мнѣ особенно тяжело вспомнить тотъ періодъ школьной жизни, когда еще царила розга, и другіе виды оскорбительныхъ наказаній. Это было въ періодъ процвѣтанія бурсы. Я не жилъ въ бурсѣ, но бурса жила рядомъ со мною.

На страницахъ историческихъ журналовъ каждому изъ насъ приходилось читать воспоминанія стариковъ о своемъ дѣтствѣ, о времени пребыванія, напримѣръ, въ кадетскомъ корпусѣ въ то время, когда тамъ, безъ жестокихъ насилій, не считали возможнымъ вести школьное дѣло. И вотъ какой-нибудь задерганный, забитый кадетикъ, удрученный предстоящимъ или уже совершеннымъ наказаніемъ, совсѣмъ упалъ духомъ и готовъ на себя, въ отчаяніи, руки наложить; въ это время онъ совершенно неожиданно получаетъ ободряющее слово или ласку отъ какого-нибудь фельдфебеля или дядьки, и ему становится такъ тепло и хорошо. Озлобленія какъ не бывало, мрачность исчезла, и птенецъ совершенно другими глазами началъ смотрѣть на Божій міръ. Такихъ примѣровъ и разсказовъ, дѣйствующихъ на чувство дѣтей, многое множество.

Нужно только умѣло взяться за дѣло составленія книги, систематизировать весь матеріалъ, имѣя въ виду опредѣленныя задачи, въ связи съ данными психологіи дѣтской души.

Въ этомъ трудѣ чрезвычайно желательнымъ является участіе

членовъ общества содѣйствія дошкольному воспитанію; каждый изъ нихъ можетъ въ это общее дѣло внести свой посильный трудъ сообщеніемъ фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемому вопросу.

По мѣрѣ накопленія матеріала и распредѣленія его по отдѣламъ, предварительно могъ бы состояться рядъ докладовъ въ Обществѣ. Такимъ путемъ могло бы произойти еще большее объединеніе членовъ общества. Нѣтъ надобности говорить о полезности такой совмѣстной работы. Уже одно то, что члены Общества одинаково будутъ понимать задачи дошкольнаго воспитанія, уже это должно имѣть немаловажное значеніе. И когда новыя лица явятся за разрѣшеніемъ повѣсить флагъ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію надъ вновь возникающимъ дѣтскимъ садомъ, Общество будетъ имѣть полное право предложить свою опредѣленную программу веденія дѣла, какъ результатъ коллективной мысли людей, объединившихся въ достиженіи опредѣленной цѣли воспитанія.

Не у насъ, а въ Германіи, какъ свидѣтельствуетъ Э. Л. Брейтфусъ («Семейное воспитаніе въ Германіи». «Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія». Вып. XIX), есть тоже дѣтскіе сады, но они не достойны этого имени. Въ нихъ нѣтъ и тѣни того, чему учили Песталоцци и Фребель. Здѣсь разсказываютъ дѣтямъ непонятныя для нихъ исторіи, заставляютъ учить наизусть цѣлыя тирады, запугиваютъ дѣтей громомъ, какъ карой небесной, и т. п. Можно ли поручиться, что и у насъ, вывѣска Общества содѣйствія дошкольному воспитанію, не будетъ красоваться надъ домомъ, гдѣ будутъ проводиться идеи, не имѣющія ничего общаго съ задачами разумнаго воспитанія. Допустимъ даже, что такой уродливой формы не приметъ ни одинъ дѣтскій садъ Общества, все же, при открытіи новыхъ садовъ, приведется давать указаніе — какія цѣли преслѣдуетъ наше Общество и какимъ путемъ эти цѣли достигаются. Методика или руководство, въ связи съ хрестоматіей по воспитанію, будутъ очень пригодны для такого случая. Лично я, при открытіи дѣтскихъ садовъ, очень нуждался въ руководствѣ и указаніяхъ и получилъ таковыя отъ г-жи Чеховой, за что считаю нужнымъ здѣсь принести ей благодарность. Но указанія эти были, все же, общаго характера, а мнѣ нужно было знать и подробности. Привелось идти ощупью, дѣлать ошибки.

Какъ бы я радъ былъ, если бы подъ рукой у меня была книга, которая содержала бы всѣ необходимыя при открытіи дѣтскихъ садовъ свѣдѣнія. То же должны испытывать и родители, и воспитатели, если они хотятъ развить и воспитать личность — а развѣ можно въ этомъ сомнѣваться...

Я не буду сейчасъ касаться вопроса о томъ, какъ нужно поступать при поведеніи въ жизнь идей воспитанія, и ограничусь лишь общимъ указаніемъ, что мы должны дѣйствовать на душу ребенка, главнымъ образомъ, путемъ внушенія, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, заботясь въ то же время и о совершенствѣ органовъ чувствъ, какъ проводниковъ внушенія.

Д-ръ мед. Н. Реформатскій.

О развлеченіяхъ дѣтей*.

Въ числѣ факторовъ, содѣйствующихъ этическому воспитанію дѣтей, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ разумнымъ развлеченіямъ, всесторонне обдуманнымъ и соотвѣтствующимъ запросамъ дѣтскаго ума и психики. Развлеченія доставляютъ человѣку удовольствіе, возбуждаютъ радость, а поддержаніе свѣтлаго, радостнаго настроенія въ дѣтяхъ должно входить въ задачи воспитанія. Еще Лютеръ сказалъ: «Радость необходима дѣтямъ, какъ ѣда и питіе. Этимъ обусловливается и ихъ здоровье». Человѣкъ, въ особенности молодое существо, ребенокъ, жадно ищетъ радостныхъ впечатлѣній, ищетъ развлеченій, и святая обязанность воспитателя и школы содѣйствовать тому, чтобы развлеченія являлись широкой ареной, способствующей развитію способностей дѣтей, формировкѣ ихъ міровоззрѣнія и, главное, образованію и расцвѣту чувствъ и помысловъ высокихъ и благородныхъ.

На первой ступени жизни ребенка развлеченіемъ наиболѣе существеннымъ по своему значенію является игра. Игру слѣдуетъ признать безусловной необходимостью въ жизни дѣтей. Она имѣетъ громадное значеніе не только по удовольствію, которое она доставляетъ, но и по всестороннему упражненію физическихъ и духовныхъ силъ дѣтей. Она способствуетъ развитію ихъ чувствъ и способностей, проявленію творчества, работы, въ которой для нихъ всего дороже свободный починъ. Дѣтскія общественныя, драматическія игры имѣютъ громадное значеніе для развитія этическихъ чувствъ. «Одинъ изъ корней всякаго идеализма и гуманности лежитъ въ дѣтской игрѣ», совершенно спра-

---

* Докладъ читанъ въ Обществѣ содѣйствія дошкольному воспитанію 26 апрѣля 1911 года.

ведливо замѣчаетъ П. Ф. Каптеревъ. Сама природа позаботилась о томъ, чтобы предоставить дѣтямъ всесторонюю возможность игры независимо отъ ихъ сословнаго или имущественнаго положенія. Игра имѣетъ еще то громадное преимущество, что она не требуетъ присутствія и вмѣшательства взрослыхъ, которые часто по невѣдѣнію психологическаго значенія дѣтскихъ игръ только вредятъ своимъ участіемъ; и съ увѣренностью можно сказать, что какой-нибудь деревенскій мальчуганъ, предоставленный самъ себѣ и возможности безъ всякихъ стѣсненій развертывать на лонѣ природы свои творческія способности и стремленіе къ дѣятельности въ видѣ игры, обставленъ несравненно счастливѣе маленькаго избалованнаго, опекаемаго и заваленнаго игрушками горожанина.

Но въ жизни ребенка настаетъ моментъ, когда игры перестаютъ быть замкнутымъ кругомъ, удовлетворяющимъ всѣ его запросы развлеченій и радостныхъ впечатлѣній. Этотъ моментъ совпадаетъ обыкновенно съ началомъ школьнаго періода жизни дѣтей. Разумное вмѣшательство взрослаго, воспитателя въ упорядоченіе дѣла дѣтскихъ развлеченій является тогда безусловно необходимымъ. Опираясь на эмоціи эстетическаго свойства, слѣдуетъ побуждать душу ребенка къ разумѣнію и должной оцѣнкѣ всего прекраснаго, великаго и благороднаго и отвращенію отъ всего низкаго и грубаго. Вѣдь люди только потому и ищутъ порочныхъ грубыхъ развлеченій, что лишены изящныхъ. Культъ чувства прекраснаго является однимъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ индивидуальной нравственности. Частыя въ жизни ребенка чистыя, изящныя, высокія впечатлѣнія создаютъ вокругъ него атмосферу нравственной чистоты, которая можетъ стать для него привычкой и потребностью, какъ и чистота физическая. Художественное воспитаніе, жизнь, щедро одѣляющая дѣтей эстетическими впечатлѣніями, являются наилучшимъ путемъ для исправленія дефектовъ исключительно интеллектуальнаго развитія, для облагораживанія души, для совершенствованія ея, для смягченія тѣхъ недостатковъ, которые вложены въ нее природой. Для воспитанія нравственнаго не существуетъ однообразныхъ, готовыхъ рецептовъ, такъ какъ оно заключается въ подавленіи однѣхъ сторонъ души ребенка и развитіи другихъ, а эти свойства безконечны и разнообразны, какъ міръ. Но несомнѣнно одно, — для всѣхъ условій, для дѣтей всѣхъ типовъ и особенностей, что эсте-

тическое воспитаніе, развлеченія эстетическаго свойства въ значительной степени являются руководителями нравственности. Современное воспитаніе, школа игнорируютъ ту громадную роль, которую играютъ чувства человѣка въ дѣлѣ развитія его характера, формированія нравственной личности; они опираются на разсудокъ дѣтей, на ихъ память и забываютъ, что въ ихъ чувствахъ она должна искать своего самаго надежнаго помощника. «И долго буду тѣмъ народу я любезенъ, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ», сказалъ Пушкинъ. Возбуждать добрыя чувства — вотъ вся сущность, исходная и конечная точка этическаго воспитанія.

Развитіе внутреннихъ, наиболѣе высокихъ чувствъ человѣка не можетъ правильно и широко совершаться безъ правильно и всесторонне функціонирующихъ внѣшнихъ чувствъ. Потому-то такъ необходимъ самый тщательный, обдуманный уходъ за органами внѣшнихъ чувствъ ребенка. Назначеніе чувствъ человѣка утилитарное, оно клонится къ охранѣ его жизни и личности. Но они несутъ и другую службу: посредствомъ нихъ душа воспринимаетъ впечатлѣнія эстетическаго свойства.

Изъ всѣхъ чувствъ, способныхъ дать наибольшее число впечатлѣній эстетическаго характера, первое мѣсто принадлежитъ зрѣнію и слуху. Воспитаніе должно методически развивать и упражнять всѣ чувства ребенка, въ особенности чувства зрѣнія и слуха; необходимо пріучать его къ внимательному наблюденію окружающаго вообще, прекраснаго же по преимуществу. Средній человѣкъ проявляетъ въ дѣтствѣ непосредственныхъ, никѣмъ не искаженыхъ эстетическихъ наклонностей больше, чѣмъ во всю свою послѣдующую жизнь, и воспитатель долженъ пользоваться этимъ, питая эти наклонности пищей соотвѣтствующей и изысканной.

Ухо формируется у ребенка раньше глаза; воспріятіе звуковъ, ритма совершается быстрѣе воспріятія линій и цвѣтовъ. На слухъ ребенка опирается живая рѣчь, живое слово, которое является вѣрнѣйшимъ путемъ къ его чувству и сердцу и основаніемъ всего развитія.

Воспитатель, заботящійся объ этическомъ воспитаніи дѣтей, никогда не долженъ забывать того громаднаго, часто неотразимаго вліянія, которое живое слово имѣетъ на душу человѣка, на сокровенныя струны его сердца, которыя часто оно одно можетъ заставить звучать. Во власти живого художественнаго

слова надъ дѣтской душой можетъ убѣдиться каждый, кто имѣетъ дѣло съ дѣтьми. Наша же семья, наша школа отодвигаетъ ухо и чувство ребенка на задній планъ. Глазъ ребенка, его рука, разсудокъ выдвигаются, какъ первыя орудія развитія его. Живое слово, представленное въ первую пору жизни ребенка въ видѣ простого, яснаго, художественнаго разсказа, а нѣсколько позднѣе въ видѣ живого художественнаго чтенія литературныхъ образцовъ, должно имѣть постоянный, широкій доступъ къ дѣтямъ.

Человѣчество часто сбивается съ истиннаго пути, на которомъ оно уже прочно и сознательно стояло въ прошлыя времена. Такъ случилось, когда въ силу трудно регистрируемыхъ причинъ утратилось ясное представленіе о томъ, въ чемъ заключается сущность эстетическаго, а стало быть и этическаго воспитанія. Въ древней Греціи весь народъ разсаживался на ступеняхъ театровъ, и на частыхъ поэтическихъ состязаніяхъ получалъ пальмовую вѣтвь поэтъ, который умѣлъ лучше всѣхъ изложить легенды и поэтическія преданія языкомъ яснымъ и доступнымъ и приподнять надъ землей чувства и мысли слушателей. На народныхъ праздникахъ и пиршествахъ лира переходила изъ рукъ въ руки, и въ общемъ хорѣ сливались всѣ голоса. Рапсоды, мейстерзингеры и миннезингеры, баяны и сказатели удовлетворяли запросамъ народной души, властно требовавшей эстетическихъ эмоцій, вызываемыхъ слуховыми воспріятіями. Этихъ же эмоцій ищетъ и душа ребенка, столь же властно требующая разсказовъ. И разсказъ долженъ быть не случайнымъ, безпорядочнымъ явленіемъ въ жизни его, представленный сплошь и рядомъ людьми невѣжественными, грубыми, способными лишь развратить его воображеніе, подрѣзать крылья чувству идеализма и красоты. Разсказъ, художественный по формѣ, являющій образцовую чеканку живого родного языка, богатый внутреннимъ содержаніемъ, опирающимся на присущее каждому ребенку чувство правды и красоты, является на первой ступени жизни дѣтей могущественнѣйшимъ орудіемъ этическаго воспитанія. На второй ступени, при началѣ школьной жизни дѣтей къ этому фактору присоединяется еще другой — художественное литературное чтеніе. Надо только удивляться, какъ мало проникла въ активное сознаніе родителей и педагоговъ истина, что на художественную литературу, представленную передъ слухомъ, а стало быть и чувствомъ дѣтей въ видѣ выразительнаго художественнаго чтенія, въ дѣлѣ эсте-

тическаго и этическаго развитія дѣтей, знакомства ихъ съ жизнью слѣдуетъ прежде всего опираться. Къ сожалѣнію, школа наша не понимаетъ значенія и роли родного языка и литературы. Она видитъ въ нихъ науку, предметъ для изученія, а не средство къ развитію художественнаго проникновенія и восхищенія, пробужденія лучшихъ чувствъ. Разумное, правильно поставленное литературное воспитаніе есть въ то же время и воспитаніе этическое. Основаніемъ того и другого должно быть устное преподаваніе. Ухо является посредникомъ для воспріятія рѣчи, ротъ, а не перо, не печатная страница ея первѣйшимъ орудіемъ. Живое слово сильнѣйшее орудіе повседневной жизни и главнѣйшая сила великихъ мастеровъ слова. Къ сожалѣнію, люди становятся все болѣе существами книжными; надо употребить всѣ старанія, чтобы научить человѣка слушать и говорить. Надо овладѣть ухомъ ребенка. Наибольшаго значенія и вліянія на ребенка въ литературномъ, а стало быть и этическомъ образованіи надо ждать отъ художественнаго, словеснаго воспроизведенія передъ ними великихъ образцовъ литературы. Литературныя чтенія должны быть частымъ и обычнымъ явленіемъ въ жизни дѣтей, широко примѣняемымъ факторомъ ихъ эстетическаго и этическаго воспитанія. Литературныя поэтическія произведенія реальны и цѣнны, въ особенности въ пору дѣтства, только когда ихъ слышишь. Надо съ дѣтства снабжать память запасомъ художественныхъ, образцовыхъ по внѣшности и глубокихъ по смыслу литературныхъ поэтическихъ произведеній.

«Множество людей, — говоритъ одинъ французскій авторъ (Felix Pécaut, «L'éducation publique et la vie nationale»),—спасаются отъ умственнаго упадка, пошлости, эгоизма, свѣтской пустоты и сохраняютъ въ себѣ свѣжесть бытія и стремленіе къ высшей жизни, помимо всякихъ принциповъ, обдуманныхъ и полезныхъ намѣреній, быть можетъ, только потому, что время отъ времени они слышатъ музыку красивыхъ, высокихъ строфъ, поющихъ внутри ихъ».

Проникнувшись всей силой, которую живое слово имѣетъ надъ молодой душой, понимаешь всю громадность значенія выбора матеріала для литературныхъ чтеній. Еще Платонъ требовалъ для своей «республики» строжайшей цензуры надъ поэтами и писателями, исходя исключительно изъ необходимости оберегать дѣтскій умъ и душу отъ зловреднаго вліянія неподходящей литературы.

Надо утолять литературный голодъ ребенка той литературной пищей, которая соотвѣтствуетъ лучшимъ, здоровымъ запросамъ его натуры. Гёте говорилъ Эккерману: «Вкусъ не можетъ развиваться на посредственныхъ вещахъ, но только на самыхъ лучшихъ».

«Конечная и наивысшая задача знакомства съ литературой, — говоритъ Чебъ [1], — заключается въ развитіи характеровъ».

Характеръ человѣка проявляется въ его влеченіяхъ и ненавистяхъ, вкусахъ и желаніяхъ, идеалахъ и стремленіяхъ, а все это въ свою очередь зависитъ отъ того, при какомъ освѣщеніи, подъ какимъ вліяніемъ все это было заложено въ душу ребенка. А экстазы жизни, благородныя человѣческія стремленія и идеалы — достояніе и дѣти искусства и прежде и больше всего литературы. Та любовь, развить которую является святѣйшей задачей литературы, есть любовь не къ литературѣ, какъ таковой, а къ жизни, которую литература отражаетъ и освѣщаетъ.

«Мы создаемъ жизнь посредствомъ идеаловъ, — сказалъ Песталоцци, — и это дѣло воспитанія подвести ребенка подъ вліяніе благородныхъ типовъ и личностей, благородныхъ мыслей, поступковъ, чувствъ и стремленій. Для этого и существуетъ литература. Молодости такъ свойственно стремиться стать тѣмъ, что она любитъ, подражать тому, кому она отдала свое сердце. Высокіе идеалы, воплощенные литературой, гипнотизируютъ ее, заставляютъ стремиться къ жизни, имъ соотвѣтствующей. Здѣсь выступаетъ вся громадность значенія личности воспитателя. Только то, что исходитъ изъ сердца, имѣетъ доступъ въ чужое сердце. Лучшимъ критикомъ и учителемъ является тотъ, кто возбуждаетъ сочувствіе и пониманіе своими личными восторгами».

Чтобы возбудить нравственный энтузіазмъ, говорите дѣтямъ о полной героизма, нравственнаго подъема жизни великихъ тружениковъ, которыми гордится человѣчество. Говорите, обращаясь къ ихъ сердцу, ихъ чувству, безъ научныхъ комментаріевъ, глубокихъ анализовъ. Критика, освѣщеніе красоты всегда дѣйствительнѣе критики недостатковъ и пороковъ. Избѣгайте всяческихъ преградъ между творческой мыслью, вырвавшейся изъ души творца-художника, и душой ребенка-слушателя. Пусть

---

[1] Chubb, „Teaching of English".

художественное произведеніе звучитъ и говоритъ само за себя.

«Поймите, — говоритъ Чебъ, — что вліяніе литературы безмолвно и совершается втайнѣ. Оно дѣйствуетъ на сердце, чувство и разсудокъ путемъ настроенія; потрясаетъ глубоко и безсознательно все существо ребенка, создаетъ его міровоззрѣніе. Вотъ почему надо беречь цѣльность и красоту художественнаго произведенія и въ цѣляхъ нравственныхъ и этическихъ. Не касайтесь ихъ грубыми, неумѣлыми руками. Предоставьте дѣтямъ прислушиваться самимъ къ призыву къ добру и красотѣ, выдвигаемому художникомъ, цѣнить красочность и музыку его языка, его риѳмы и кадансы. Лишь опираясь на чувство ребенка, содѣйствуя ихъ росту, мы можемъ цѣлить и исправлять молодыя души. Это несомнѣнно въ отношеніи ко всѣмъ учителямъ и всѣмъ предметамъ, потому что нѣтъ предмета, который не могъ бы содѣйствовать этическому воспитанію. Но это относится прежде всего къ родному языку. Первымъ и лучшимъ стремленіемъ учителя и воспитателя должно быть содѣйствовать тому, чтобы дѣти путемъ знакомства съ совершеннѣйшими образцами поэзіи почувствовали и восприняли совѣсть человѣчества, содѣйствовать путемъ непосредственнаго чистаго вліянія художественнаго произведенія дезинфекціи дѣтской души, освѣщенію и упроченію въ ней идеаловъ».

Наша русская литература да и литература другихъ цивилизованныхъ народовъ является неисчерпаемымъ кладеземъ, изъ котораго можно черпать художественный матеріалъ, пригодный для эстетическаго и соціальнаго воспитанія юношества. Ребенокъ любитъ поэтическія произведенія, наслаждается красотой ихъ конструкціи. На первой ступени надо выбирать стихи съ ясно обозначеннымъ ритмомъ, по возможности ясными образами. Слѣдуетъ изгонять въ литературѣ, представленной передъ дѣтьми, все, что унижаетъ человѣка со вкусомъ безсильной и болѣзненной претенціозностью, манерностью, софизмомъ, особенно скептицизмомъ. Литература должна служить созданію поколѣній здоровыхъ, бодрыхъ и сильныхъ, готовыхъ къ дѣлу и самопожертвованію.

Намъ нужны рекомендательные каталоги книгъ, пригодныхъ исключительно для эстетическаго и этическаго воспитанія дѣтей, съ самымъ строгимъ выборомъ книгъ въ смыслѣ ихъ внѣш-

ней и внутренней художественности и значенія; нужны сборники литературнаго матеріала, имѣющаго въ виду развитіе всей гаммы лучшихъ чувствъ, свойственной человѣческой душѣ, которыми съ полнымъ довѣріемъ могъ бы пользоваться каждый учитель и воспитатель, проникшійся значеніемъ благотворнаго воздѣйствія на душу дѣтей путемъ живого художественнаго слова.

Эстетическое воспитаніе, эстетическія радостныя впечатлѣнія облагораживаютъ нравственность. Отраслью искусства, способной не менѣе живого художественнаго слова доставлять такія впечатлѣнія, является мызыка. Ея сила надъ душой человѣка иногда даже сильнѣе силы слова. Вѣдь пѣніе соединяетъ вліяніе музыкальнаго гармоничнаго созвучія и живого слова единовременно. Ни одинъ инструментъ не можетъ такъ сильно вліять на душу, какъ человѣческій голосъ. Музыкальная эмоція, углубляемая словомъ, усиливается еще группировкой голосовъ, хоровымъ пѣніемъ. Дѣтямъ нужна простая, понятная, выразительная музыка, ласкающая ухо нѣжностью мелодіи, ясностью ритма. Она вызываетъ глубокія ощущенія, говоритъ понятнымъ языкомъ ихъ чувству.

Начиная колыбельной пѣснью, продолжая народной, близкой каждому и ясной, мало-по-малу все углубляясь и осложняясь въ своемъ содержаніи и конструкціи, музыкальныя воспроизведенія должны быть неизмѣннымъ спутникомъ жизни дѣтей. И какъ плохо, какъ безотрадно обставлены въ этомъ смыслѣ наши дѣти! Какъ мало въ насъ еще сознательнаго пониманія того, въ чемъ заключается сущность и значеніе эстетическаго воспитанія! Оно ни въ коемъ случаѣ не должно быть подготовкой къ техникѣ искусства, оно должно только пробуждать въ дѣтской душѣ эмоціи эстетическаго свойства. Что же мы видимъ у насъ? Кто изъ нашихъ дѣтей, почти всегда съ отвращеніемъ и озлобленіемъ въ душѣ, не просиживаетъ горькихъ часовъ надъ роялемъ? И кто изъ нихъ, гдѣ, какъ часто имѣетъ возможность принять въ душу радостныя, соотвѣтствующія его возрасту музыкальныя впечатлѣнія? Никто и никогда. Мы, правда, водимъ дѣтей въ оперу, концерты, назначенные для взрослыхъ, но дѣлаемъ это только по глубокому непониманію того, что дѣтскія развлеченія, опирающіяся на эстетическія впечатлѣнія, должны вылиться въ совсѣмъ другую форму, чѣмъ развлеченія взрослыхъ, требуютъ большей

обдуманности и послѣдовательности, да отчасти потому, что больше дѣйствительно дѣтей вести некуда.

Наша школа знакомитъ съ литературой, опираясь на глазъ и руку учениковъ и устраняя органъ слуха.

Это абсурдъ великій. Но во сколько разъ большимъ абсурдомъ, болѣе поразительной нелѣпостью является обученіе дѣтей «музыкѣ», совершенно устранивъ таковую, какъ слуховое эстетическое впечатлѣніе! Видно нѣтъ такого абсурда, который не могъ бы получить правъ гражданства въ дѣлѣ воспитанія.

Послѣ слуха, зрѣніе является чувствомъ, имѣющимъ не меньшее значеніе въ дѣлѣ всесторонняго развитія души ребенка. Развитіе зрѣнія происходитъ медленнѣе развитія слуха. Вначалѣ внѣшній міръ представляется ребенку смутной картиной.

«На сто человѣкъ встрѣчается одинъ, способный думать, но умѣющій смотрѣть — одинъ на тысячи», — говоритъ Рескинъ. — Способность наблюдать, оріентироваться въ видимомъ у дѣтей очень слаба, и способность эту надо всячески развивать. Посредствомъ зрѣнія ребенокъ знакомится со всей внѣшней, видимой красотой внѣшняго міра, а культъ красоты, обдуманно проведенный, есть могучій союзникъ индивидуальной нравственности. Но произведенія искусства, воспринимаемыя посредствомъ зрѣнія, какъ живопись, скульптура, помимо той роли, которую они играютъ въ культѣ внѣшней красоты, могутъ вызывать сильныя эмоціи своимъ внутреннимъ содержаніемъ; они способны возбуждать лучшія чувства — радости, состраданія, восхищенія передъ правдой и добромъ, негодованія передъ зломъ, иногда столь интенсивно, какъ и словесныя художественныя произведенія. Дѣти страстно любятъ картины, любятъ рисовать, и любовь эта остываетъ, часто даже переходитъ въ нелюбовь, только когда неумѣлое вмѣшательство воспитателя или учителя чинитъ преграды нормальному развитію ихъ эстетическихъ наклонностей. Нормальное эстетическое и этическое воспитаніе дѣтей съ этой стороны требуетъ столь же обдуманныхъ, тщательныхъ заботъ, какъ ихъ воспитаніе литературное и музыкальное. Видимъ ли мы подобныя заботы? даютъ ли онѣ какіе-нибудь плоды? Ничего подобнаго. Мы водимъ дѣтей въ музеи, но вѣдь музеи, эти «тюрьмы искусства», какъ ихъ справедливо называютъ, примѣнительно даже къ взрослому человѣку безконечно далеки отъ желательныхъ условій, при которыхъ власть произведенія искусства надъ душой чело-

вѣка ничѣмъ не парализуется. Для большинства же дѣтей посѣщеніе музеевъ является положительно вреднымъ.

«Дѣтство, — говоритъ Джемсъ, — отличается значительной активностью и въ то же время располагаетъ слишкомъ незначительными критеріями для обсужденія новыхъ впечатлѣній и для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ, которыя заслуживаютъ особаго вниманія. Результатомъ является необыкновенная подвижность вниманія, сплошь обычная у дѣтей. Надо принимать мѣры къ устраненію у ребенка этого непроизвольнаго, рефлекторнаго вниманія, вслѣдствіе котораго можетъ показаться, что ребенокъ менѣе принадлежитъ самому себѣ, чѣмъ любому внѣшнему объекту, обратившему на себя временно его вниманіе. У нѣкоторыхъ лицъ такое состояніе вниманія продолжается на всю жизнь, и работа выполняется ими въ тѣ промежутки, когда это состояніе вниманія временно прекращается». Музеи являются самой благопріятной ареной для развитія этого отрицательнаго, зловреднаго состоянія вниманія. Взоръ ребенка, его вниманіе перебѣгаетъ съ картины на картину, съ предмета на предметъ, ни на одномъ не задерживаясь, ни однимъ не проникаясь, ничего не извлекая. Между тѣмъ, чѣмъ долѣе человѣкъ можетъ удерживать вниманіе на одномъ предметѣ, тѣмъ болѣе представляется ему возможность вполнѣ имъ овладѣть. Разсчитывать здѣсь на усилія воли дѣтей не приходится. Придавая воспитательное значеніе тому или другому объекту, мы должны по возможности представлять его передъ дѣтьми въ такомъ видѣ, чтобы ихъ вниманіе на немъ сосредоточивалось помимо ихъ воли. Музеи для дѣтей требуютъ спеціальной организаціи, подбора и группировки матеріала. При томъ нужно помнить, что эстетическое воспитаніе никогда не должно терять своей привлекательности. Наслажденіе красотой, ея значеніе исчезаютъ, если не сопровождаются удовольствіемъ. А потому посѣщеніе музеевъ не должно быть обязательнымъ. Изъ всего сказаннаго становится яснымъ громадное психологическое значеніе въ дѣлѣ воспитанія свѣтового экрана. Вниманіе дѣтей невольно сосредоточивается на объектѣ, изображенномъ на экранѣ, лишено всякой возможности разбѣгаться и отвлекаться. Благодаря царящей вокругъ темнотѣ глазъ ребенка не можетъ получить никакихъ другихъ зрительныхъ воспріятій, кромѣ тѣхъ, которыя вызываются свѣтовымъ экраномъ и служатъ цѣлямъ и задачамъ воспитателя. Свѣтовой экранъ волшеб-

наго фонаря отвоевалъ себѣ уже значительное мѣсто въ школѣ и является могучимъ орудіемъ въ дѣлѣ развитія знанія дѣтей. Его роль въ дѣлѣ эстетическаго и этическаго воспитанія дѣтей может и должно быть не менѣе существенна. Мало-по-малу совершенствуясь въ техническомъ отношеніи, онъ даетъ уже теперь поистинѣ художественныя репродукціи картинъ съ прекрасными свѣтовыми и красочными эффектами. Завершеніемъ прогресса свѣтового экрана послѣднихъ дней является кинематографъ. Въ немногихъ словахъ не освѣтишь всей громадности значенія этого изобрѣтенія въ дѣлѣ всяческаго воспитанія дѣтей.

Двигающаяся фильма возбуждаетъ инстинктивный интересъ зрителя, его непроизвольное вниманіе еще гораздо интенсивнѣе, чѣмъ экранъ волшебнаго фонаря. Возбуждающимъ стимуломъ является здѣсь живой, двигающійся объектъ, развертывающійся передъ зрителемъ во всей послѣдовательности своего развитія. Съ воспитательной точки зрѣнія кинематографъ является однимъ изъ самыхъ существенныхъ изобрѣтеній послѣдняго времени. Опираясь болѣе чѣмъ какое-либо другое воспитательное средство на инстинктъ безсознательнаго подражанія, на податливость къ внушенію, онъ можетъ увлечь зрителей въ сторону добра и зла. Большая часть поступковъ, совершаемыхъ по внушенію, — злые. Большая часть ложныхъ и вредныхъ мнѣній распространяются внушеніемъ. А потому нельзя быть достаточно осторожнымъ въ сознательномъ употребленіи его. Податливость людей къ внушенію заставляетъ воспитателя быть особенно строгимъ и осторожнымъ въ выборѣ того матеріала, которымъ онъ думаетъ тѣмъ или другимъ путемъ воздѣйствовать на дѣтей.

Содержаніе кинематографическихъ зрѣлищъ для дѣтей должно быть подвержено еще болѣе строгой цензурѣ, чѣмъ выборъ матеріала для литературныхъ чтеній.

Сила вліянія опредѣленнаго объекта на чувство зрителя при свѣтовомъ экранѣ можетъ еще быть усилена посредствомъ живого художественнаго слова. Если бы лучшія произведенія нашей художественной литературы, возбуждающія добрыя чувства, могли пройти передъ слухомъ дѣтей на фонѣ соотвѣтствующихъ имъ художественныхъ зрительныхъ впечатлѣній, какое это было бы великое, поистинѣ святое дѣло для развитія ихъ души и сердца!

Но такого рода развлеченія дѣтей должны находиться въ рукахъ опытныхъ людей, близкихъ дѣлу воспитанія, любящихъ дѣ-

тей и знакомыхъ съ дѣтской психологіей, художественно образованныхъ. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Безпримѣрный расцвѣтъ кинематографовъ въ рукахъ аферистовъ-эксплоататоровъ, набивающихъ свои карманы, опираясь на самые низменные чувства и инстинкты человѣка; и дѣло, могущее быть могучимъ орудіемъ свѣта и добра, является факторомъ растлѣнія дѣтской души.

Въ Америкѣ родился кинематографъ и получилъ небывалое распространеніе. Америка же первая ударила въ набатъ противъ той великой опасности, которой грозитъ обществу безконтрольный ростъ этого народнаго развлеченія въ томъ видѣ и тѣхъ условіяхъ, которыя обусловливаютъ его расцвѣтъ въ современной жизни. Американская педагогическая мысль признала современный кинематографъ «нравственной проказой», на борьбу съ которой должны быть направлены дружныя усилія всѣхъ, кому не безразличны вопросы морали вообще и нравственнаго развитія юношества по преимуществу.

Прямое и непосредственное дѣйствіе этическаго воспитанія должно быть обращено на чувства. Чувство предшествуетъ знанію. Кто не почувствуетъ истины, тотъ не пойметъ и не узнаетъ ее. Этой высокой цѣли должны служить всѣ эстетическія развлеченія дѣтей, пріобщая ихъ путемъ совмѣстнаго дѣйствія художественныхъ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній къ міру правды и красоты. Организація подобнаго рода развлеченій дѣтей должна быть серьезнымъ и обдуманнымъ общественнымъ починомъ. Семья, единоличныя силы наткнутся на препятствія, съ которыми имъ не совладать.

Главнѣйшая очередная забота, клонящаяся къ осуществленію этого великаго дѣла, должна быть направлена къ насажденію здравыхъ понятій въ широкихъ массахъ общества. Люди должны понять, что удовольствія дѣтей — орудіе обоюдоострое: оно можетъ служить дезинфекціи и облагораживанію души, и оно же можетъ вести къ ея опошленію и загрязненію. «Чувства руководятъ міромъ», сказалъ Дж. Ст. Милль. А если это такъ, то какъ не признать крайней необходимости въ томъ, чтобы какой-нибудь высшій императивъ въ свою очередь руководилъ чувствами человѣка. И это руководительство должно начинаться и выливаться въ опредѣленную соотвѣтствующую форму въ воспріимчивую пору дѣтства. Не подлежитъ сомнѣнію то, что наковальней, на которой

выковывается этическое міросозерцаніе человѣка, являются тѣ нравственные устои жизни, которые его окружаютъ съ младенчества. Примѣръ руководитъ ребенкомъ какъ въ сторону добра, такъ и въ сторону зла. Всѣ методическіе пріемы, клонящіеся къ его этическому воспитанію, будутъ или тщетны, или въ значительной степени парализованы, если ребенокъ будетъ свидѣтелемъ, какъ мы это видимъ вездѣ и всегда, жизни полной неправды и зла. А потому стремиться къ направленію жизни, къ самоусовершенствованію нужно прежде всего въ цѣляхъ нравственнаго подъема грядущихъ поколѣній. Но столь же несомнѣнно, что усилія эти должны между прочимъ опираться и на методическое, психологически обоснованное, художественное и этическое воспитаніе дѣтей. Всѣ, кому дороги интересы дѣтей, а стало быть и всего человѣчества, должны соединиться въ дружныхъ усиліяхъ для разработки и проведенія въ жизнь всѣхъ методическихъ пріемовъ, использованію всѣхъ средствъ, могущихъ способствовать нравственному совершенствованію.

Е. И. Тихѣева.

Вліяніе театра на дѣтей и юношей школьнаго возраста *.

Театръ! Сколько загадочнаго и прекраснаго въ этомъ словѣ для дѣтскаго воображенія. — «Дѣти, воскресенье для васъ праздникъ: вы поѣдете въ театръ!» — «Вова, ты плохо учился и шалилъ! Ты не поѣдешь въ театръ!» — Сколько восторга и разочарованій, сладкихъ грезъ и обманутыхъ надеждъ, какой важный вопросъ въ жизни дѣтской комнаты! А потомъ самая зала спектакля! Эта дикованная башня безъ оконъ, съ многочисленными норками, напоминающая жилища древнихъ христіанъ въ эпоху гоненій, подвижная стѣна-занавѣсъ, декораціи, освѣщеніе... Цѣлый міръ причудливыхъ сновидѣній, мѣняющихся по волшебству сказочной феи!

Сейчасъ, когда театръ завоевалъ себѣ прочное положеніе въ обиходѣ русскаго общества, говорить о воспитательномъ его значеніи едва ли приходится. Оно понятно само собой. Но воспитаніе бываетъ разное. Чему учитъ подобная каѳедра, къ чему она готовитъ свою аудиторію, каковы ея идеалы и стремленія? Всѣ эти вопросы вполнѣ своевременны, особенно имѣя въ виду, что театръ беретъ на себя задачу непосредственно вліять на молодежь. Я разумѣю спектакли спеціально для учащихся. Однако, прежде чѣмъ пытаться отвѣтить на поставленные здѣсь вопросы, позвольте сдѣлать маленькую экскурсію въ область прошлаго. Можетъ быть, тамъ, въ глубинѣ вѣковъ, мы найдемъ методы для изслѣдованія.

---

* Развитіе доклада, представленнаго на III Международномъ Конгрессѣ по воспитанію въ Брюсселѣ въ 1910 г. (III Congrès Internationale d'Education familiale de Bruxelles, 1910). Читанъ въ Обществѣ содѣйствія дошкольному воспитанію въ 1911 году.

Театръ-школа имѣетъ свою исторію, сложную и любопытную. Еще въ XVII вѣкѣ, на первыхъ ступеняхъ начальнаго образованія Руси, слѣды театральнаго дѣйства замѣчаются въ духовныхъ академіяхъ Кіевской епархіи. Художественной цѣнности этотъ театръ не имѣетъ, литературное значеніе его ничтожное (въ лучшемъ случаѣ для него приспособляются комедіи Теренція), но достоинство учрежденія лежитъ въ совершенно иной плоскости. Помимо того, что такой театръ обслуживаетъ интересы учащихся, предоставляя имъ разумное развлеченіе, онъ возвышаетъ себя въ глазахъ общества, вообще равнодушнаго къ искусству, а главнымъ образомъ защищаетъ самый институтъ театра отъ нападокъ церкви, всегда его ненавидѣвшей. Особенно ярко подчеркнулъ эту служебно-воспитательную роль школьнаго театра Петръ Великій. Практикъ отъ природы, совсѣмъ не понятый современниками, царь-преобразователь воспользовался театральной формой для разъясненія истиннаго смысла своихъ дѣяній. Когда попытки приспособить въ данномъ направленіи общій, публичный театръ не удались, Петръ взялъ готовую школьную драму. Она дала ему возможность объяснить «всенародному множеству» не только спеціально государственныя мѣропріятія (напр., значеніе разорительныхъ для Россіи войнъ), но и личную жизнь государя, вызывавшую народные толки (напр., бракъ съ Екатериной I).

До этого момента школьный театръ какъ будто отвоевываетъ себѣ право на существованіе, расчищаетъ путь для дальнѣйшей дѣятельности. Но вотъ воцаряется Елизавета Петровна, и начинается періодъ строительства. Минутная забава превращается въ серьезное, государственное дѣло. Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе имѣютъ кадетскіе спектакли въ шляхетномъ корпусѣ для утвержденія постояннаго русскаго театра. Достаточно сказать, что они окрылили пылкую фантазію перваго русскаго драматурга А. П. Сумарокова, развили энергію перваго русскаго артиста Ѳедора Волкова. Моя историческая «справка» объ этихъ трехъ важнѣйшихъ періодахъ развитія школьнаго театра была бы неполной, если бы я сразу не указалъ на отличительное свойство этого театра, сближающее его съ темой настоящаго доклада. *Это былъ театръ литературный по преимуществу.* Конечно, не Богъ вѣсть какими достоинствами блистали сочинители разныхъ интермедій, которыя въ «майскія рекреаціи» разыгрывали кіевскіе академисты на горѣ Скавыкѣ (народное названіе горы Щековицы), но по тому

времени это были *лучшіе* русскіе педагоги, лучшіе русскіе учителя. Понятно, лишь историческое значеніе имѣютъ сейчасъ «Трагикомедіи» Ѳеофана Прокоповича, сподвижника Петра, старавшагося въ драматической формѣ истолковать преобразованія своего государя и сочинявшаго ради сего пьесы съ такими, напр., заглавіями: «Божіе уничижителей гордыхъ въ гордомъ Израилѣ уничижителѣ чрезъ смиренна Давида униченномъ Голіафѣ уничиженіе», но на современномъ темномъ фонѣ русской дѣйствительности такіе дѣятели какъ Ѳ. Прокоповичъ, С. Полоцкій, Стефанъ Довгалевскій были единственными источниками просвѣщенія... Не менѣе важны съ этой точки зрѣнія и спектакли третьяго періода, протекавшіе въ стѣнахъ кадетскаго корпуса. Наивность письма, искусственность фабулы не мѣшали пьесамъ кадетскаго репертуара давать зрѣлищу культурный характеръ. Суммируя сказанное, можно съ полнымъ правомъ замѣтить, что школьные театры далекаго прошлаго отлично понимали цѣль своего существованія. Они *чему-то* учили, *что-то* объясняли, *что-то* защищали. Послѣднее свойство особенно цѣнно. Защищать въ ту пору значило, въ просвѣтительномъ смыслѣ, противопоставить грубому и безразличному свѣтлое и идейное. Школьный театръ описываемаго времени былъ преимущественно *театромъ идеи*. Возможно ли подобный эпитетъ дать театру нашихъ дней?

Въ своемъ мѣстѣ я познакомлю читателей съ положеніемъ школьнаго театра въ Россіи. Что въ этомъ направленіи сдѣлано государствомъ (казенные театры) и обществомъ (частная иниціатива)? Во всякомъ случаѣ, практическое разрѣшеніе вопроса значительно превосходитъ его теоретическое обоснованіе. Для методологіи школьнаго театра сдѣлано до обиднаго мало. За границей еще существуетъ кое-какая литература, хотя и разработана она довольно односторонне. Изслѣдователи, какъ E. Hermann, P. Matzdorff, O. Francke, A. Böwer разсматриваютъ вопросъ съ точки зрѣнія пригодности дѣтскихъ пьесъ для дѣтей или же разбираютъ свойства классическихъ пьесъ, разыгрываемыхъ дѣтьми на томъ языкѣ, на которомъ эти пьесы написаны. Другіе, какъ P. Haubald, или французы Gofflot и A. Robida останавливаются на историческихъ примѣрахъ школьнаго театра, отыскивая въ нихъ образцы для театра современнаго. И только незначительная часть (напр., E. Ackermann, Albrecht, A. Bartels, въ Америкѣ Elin Curtis и Chandler) удѣляютъ вниманіе школьному театру нашихъ дней, раз-

сматривая его одни — съ точки зрѣнiя нѣмецкой офицiальной педагогики, другiе (американцы) — въ примѣненiи къ нравамъ молодежи, успѣвшей испытать вредное влiянiе театральныхъ зрѣлищъ, особенно же кинематографа. Въ Россiи даже такой литературы не имѣется[1]. Школьный театръ, вѣрнѣе пьесы, разыгрываемыя дѣтьми, интересуютъ многихъ педагоговъ, напр., знаменитаго Пирогова (см. статью его «Быть и казаться»), А. Миронова, Макарову, но эти писатели касаются его мимоходомъ, разбирая, главнымъ образомъ, вопросъ объ участiи дѣтей въ театральныхъ представленiяхъ и относясь къ нему въ большинствѣ случаевъ отрицательно. Совсѣмъ ничего или очень мало найдете вы у нихъ по части репертуара для дѣтей школьнаго возраста, какихъ-либо руководящихъ принциповъ о развитiи именно этого порядка вещей.

Обсудивъ только что сказанное, вы поймете мое затруднительное положенiе, когда въ ноябрѣ 1909 года Спб. родительскiй кружокъ пригласилъ меня участвовать въ Международномъ конгрессѣ по воспитанiю, собиравшемся прошлой осенью въ Брюсселѣ, и прочесть докладъ на тему, представленную теперь вашему вниманiю. Отсутствiе какихъ-либо матерiаловъ невольно перенесло центръ тяжести работы съ дедуктивнаго метода на индуктивный. Почти всѣ выводы, исключая личныхъ моихъ наблюденiй, основаны на спецiальной анкетѣ, произведенной среди учащейся молодежи отъ 12- до 20-тилѣтняго возраста. Въ общей сложности мнѣ было доставлено около 500 отвѣтовъ, изъ коихъ одна четвертая часть, т. е. около 125, пришлось на долю женщинъ. Изъ этого количества женщины принадлежали къ гимназiямъ (VI и VII кл.) и къ театральнымъ школамъ, мужчины къ гимназiямъ, реальнымъ училищамъ (IV—VIII в.) и совсѣмъ незначительное число (2 человѣка) къ театральной школѣ. Территорiально больше всего пришлось на Петербургъ, затѣмъ Москву, Кiевъ и Харьковъ. Вопросовъ предложено было пять, не считая вопросовъ о возрастѣ, полѣ, учебномъ заведенiи и классѣ (фамилiя считалась не обязательной): 1) какiя пьесы вы видѣли въ театрахъ, подчеркните тѣ, которыя вамъ по-

---

[1] Большинство статей разсѣяно по журналамъ. Назову наиболѣе примѣчательныя: Россолимо, „Къ вопросу о роли театра въ воспитанiи" (докладъ, 1903); г-жи Е. Клѣшневой („Русское дѣло" 1889, № 2); А. Д. Звягинцевой „Вредны ли спектакли для дѣтей" („Вѣстникъ Воспитанiя", окт. 1904); Л. Тихѣевой, „Драмат. литература и театръ въ дѣтской жизни" („Воспитанiе и Обученiе" 1897, № 3) и др.

нравились и почему? 2) что васъ болѣе всего интересуетъ въ театрѣ? 3) какія пьесы вы желали бы видѣть вообще на сценѣ? 4) какія пьесы вы желали бы видѣть вторично и почему? 5) играли ли вы когда-нибудь сами и что?

Какъ видно изъ этого перечня, большинство вопросовъ группировалось около одного пункта — репертуара театра. Очевидно, такая постановка вопросовъ не удовлетворила многихъ, ибо они самостоятельно дополнили программу еще шестымъ вопросомъ: какое значеніе имѣетъ для нихъ вообще театръ.

Съ этого вопроса и начнемъ анкету.

Молодежь придаетъ вообще большое значеніе театру, его моральной сторонѣ. «Театръ мой другъ, — открыто заявляетъ юноша 19 л., — онъ указываетъ всѣ достоинства и недостатки жизни и учитъ жить. Это поученіе и интересуетъ меня». Ту же мысль развиваетъ его сверстникъ, гимназистъ VIII кл. «Идеальный герой, — пишетъ онъ, — даетъ образецъ лучшаго человѣка, типы же выхваченные изъ жизни даютъ намъ часто возможность посмотрѣть на самого себя со стороны и увидѣть свои недостатки». Въ томъ же родѣ повѣствуетъ его товарищъ, 19 л. «Театръ, — по его мнѣнію, — развиваетъ эстетическій вкусъ человѣка и побуждаетъ его стремиться къ идеалу». — Подобные отзывы встрѣчаются довольно часто: «Театръ облагораживаетъ душу зрителя». — «Театръ освѣжаетъ душу мощными и разнообразными впечатлѣніями и заставляетъ глубже вдумываться въ жизнь» (отзывъ дѣвочки 16 л.). «Человѣкъ, который часто посѣщаетъ театръ, какъ-то невольно вдумывается въ свои поступки». — При такихъ условіяхъ понятно радостное настроеніе, охватывающее молодого человѣка при посѣщеніи имъ театра. «Я, направляясь въ театръ, переживаю какое-то особенно приподнятое настроеніе, сказалъ бы даже праздничное», пишетъ одинъ. А другой скорбитъ, что всецѣло не можетъ отдаться любимому зрѣлищу. «Приходя въ театръ, я учусь и страшно жалѣю, что состояніе моихъ нервовъ дѣлаетъ посѣщеніе театра утомительнымъ». Легко представить себѣ, что такія настроенія не всегда проходятъ даромъ. Одинъ восьмиклассникъ простодушно сознается, что опера, которую онъ предпочитаетъ драмѣ, заставляетъ его иногда «позабывать грѣшнымъ дѣломъ свои священныя обязанности» и пропускать уроки. И здѣсь же отмѣчаетъ свое пристрастіе къ Вагнеру, Мусоргскому и Римскому-Корсакову. Но особенно ярко выразилъ свое отношеніе къ

театру одинъ ученикъ Кіевской гимназіи, мальчикъ 15 л. Не могу себѣ отказать въ удовольствіи привести образчикъ его пламенной исповѣди: «Я люблю театръ безумно, горячо, искренно! Люблю за то, что онъ является отразителемъ жизни людей всѣхъ временъ, всѣхъ классовъ, всѣхъ націй! Люблю за то, что онъ вѣрнѣй и быстрѣй, чѣмъ книга, дѣйствуетъ на чувства. Люблю его за то, что онъ пробуждаетъ въ людяхъ хорошіе инстинкты и наклонности; за то, что онъ безъ милосердія, большею частью, бичуетъ порокъ; за то, что онъ нагляднѣе обрисовываетъ, показываетъ важному фактору воспріимчивости — глазамъ историческую жизнь разныхъ государей и разныхъ государствъ; за то, что онъ развиваетъ литературный вкусъ, развиваетъ слухъ (опера) и, такимъ образомъ, все обогащаетъ человѣка внутренними качествами; за то, что репертуаръ его украшаютъ такіе перлы литературы, какъ произведенія Шекспира, Островскаго (слѣдуетъ длинный перечень драматурговъ, русскихъ и иностранныхъ), и за то, наконецъ, что онъ, хотя на нѣсколько часовъ заставляетъ забыть всѣ суеты тяжелой трудовой жизни». Тотъ же мальчикъ не долюбливаетъ оперу: «за ея «Вампукость», объясняетъ онъ. Есть еще мнѣніе, вполнѣ опредѣленно устанавливающее воспитательное значеніе театра. Одинъ ученикъ театральной школы вспоминаетъ, какое впечатлѣніе произвела на него впервые видѣнная имъ пьеса «Сестра Тереза или за монастырской стѣной», названіе онъ сейчасъ забылъ. «До сихъ поръ помню, какъ цѣлую недѣлю я былъ подъ вліяніемъ этой пьесы, какъ подчасъ я не могъ уснуть, размышляя о несчастной судьбѣ дѣйствующихъ лицъ, какъ воспитатель мой, привыкшій видѣть меня шалуномъ, поинтересовался узнать причину моего благонравія (между прочимъ, я хорошо помню, что не объяснилъ ему причины). Но прошла недѣля, другая, и опять пошли шалости, наказанія, все, какъ было раньше, пока насъ опять не повезли въ театръ». Вообще о благотворномъ вліяніи театра говорятъ многіе корреспонденты и только незначительная часть (всего два отвѣта) относится къ нему отрицательно. Но это, повидимому, прирожденные ипохондрики и мизантропы. «Меня вовсе ничего не интересуетъ, и я ничего не желаю видѣть», разсказываетъ мальчикъ 12 л. Другой, на вопросъ, игралъ ли онъ когда-нибудь самъ, отвѣчаетъ: «Слава Богу, никогда не игралъ и не желаю играть». — Любопытно противопоставить только что приведеннымъ отзывамъ письмо, полученное мною изъ далекой

Сибири отъ одного родителя, именующаго себя поклонникомъ вообще театра. Считая, что театръ долженъ быть школой для дѣтей прежде всего, незнакомый мнѣ корреспондентъ полагаетъ въ то же время, что онъ долженъ дополнять школу научную. — «По моему крайнему разумѣнію, — пишетъ онъ, — одно безъ другого не можетъ теперь существовать. Было время, когда на театръ смотрѣли, какъ на забаву отъ нечего дѣлать, но теперь такой взглядъ на театръ отошелъ въ область преданій. Нужно немножко наблюдательности, чтобы видѣть съ какимъ интересомъ, съ какой любовью и какъ серьезно дѣтишки устраиваютъ у себя дома какой-нибудь спектакль! Сплошь и рядомъ, такимъ отношеніемъ къ этому дѣлу, они и взрослыхъ заставляютъ относиться къ нему не менѣе серьезно. А когда дѣтишки въ театрѣ смотрятъ какую-либо хорошую, идейную пьесу, какъ они глазенки свои не сводятъ со сцены, боясь что-либо просмотрѣть и не разслышать, и какъ они, послѣ, дома, одинъ передъ другимъ стараются разсказать своимъ бабушкамъ и дѣдушкамъ, что они видѣли и слышали, не упуская при этомъ ничего дѣйствительно важнаго и серьезнаго и стараясь все хорошее, доброе отдѣлить отъ худого, заслуживающаго насмѣшки и полнаго ихъ невниманія! — Да, для дѣтей нуженъ театръ-школа!» въ заключеніе восклицаетъ убѣжденный родитель.

Обращаясь затѣмъ къ отвѣтамъ на вопросъ о желательномъ репертуарѣ, я долженъ оговориться, что распредѣлилъ всѣ отвѣты на двѣ группы по полу, а затѣмъ — каждую группу на возрастъ. Въ I группу мальчиковъ у меня вошли дѣти 12, 13 и 14 л., у дѣвочекъ же эту группу составляютъ дѣти возраста 12 и 13 л.; II группа — мальчики 15 и 16 л., дѣвочки 14 и 15 л.; III группа — молодые люди 17, 18 и 19 л., дѣвушки — 16, 17 и 18 л.; наконецъ, IV группа — молодые люди 20 л. и старше; дѣвушки — 19 л. и старше. Такой группировкой отвѣтовъ, мнѣ казалось, я отвѣчалъ нормальному соотвѣтствію умственнаго развитія отвѣчавшихъ къ ихъ полу и возрасту.

Общій тонъ отвѣтовъ непринужденный, жизнерадостный. Видно, что дѣти не стѣснялись отвѣчать, писали, что думали, никто не висѣлъ надъ ихъ душой. Въ послѣднемъ, особенно важномъ для сужденія объ искренности отвѣтовъ, убѣждаютъ меня два обстоятельства: во-первыхъ, рѣзкость многихъ отвѣтовъ, во-вторыхъ, орфографія. Если бы учитель предварительно просмотрѣлъ листки, онъ бы, навѣрно, сгладилъ нѣкоторыя шероховатости, во всякомъ

случаѣ, исправилъ бы ошибки. Кстати, объ учителяхъ. Если бы я желалъ быть нескромнымъ, я могъ бы по такой анкетѣ безошибочно опредѣлить, какой учитель любитъ свое дѣло и какой относится къ нему только формально. — Положительно, отличаясь другъ отъ друга своими вкусами и отношеніемъ къ театральному искусству, отвѣчающіе необыкновенно дружно сходятся во взглядахъ на современный репертуаръ. *Всѣ они относятся къ нему отрицательно.* Въ этомъ смыслѣ солидарны гимназистъ 14 л. и великовозрастный ученикъ театральной школы 22 л. «Въ пьесахъ, наводняющихъ *теперь* сцену, я совершенно не улавливаю ни смысла, ни красоты», пишетъ гимназистъ VIII кл. «Пьесы новѣйшихъ драматурговъ меня отталкиваютъ, такъ онѣ далеки отъ жизненной правды и извращаютъ всѣ понятія», добавляетъ другой. Третій объясняется совсѣмъ рѣзко: «Драму теперь не посѣщаю, такъ какъ мнѣ не нравятся современныя пьесы съ крайне запутанной идеей и содержаніемъ». Съ этимъ мнѣніемъ сходится другое, также объясняющее свое охлажденіе къ драмѣ. «Моя любовь къ драматическому театру ослабѣла съ появленіемъ декадентства въ русской и иностранной драмѣ и перешла на оперу». Юноша увлекся Вагнеромъ. Нѣкоторые пытаются объяснить, почему не нравятся имъ такія пьесы. «Декадентскихъ и символическихъ пьесъ я не признаю, — пишетъ юноша 18 л. — Пьесы должны дѣйствовать на душу, а запугиванья странными выкриками, оборотнями и т. п. ничего, кромѣ полной неудовлетворительности и недоумѣнія, не оставляютъ». Вотъ почему, когда самъ отвѣчающій играетъ въ любительскихъ спектакляхъ, онъ старается изображать типы, наиболѣе близкіе къ дѣйствительности. Они понятны и легче усваиваются.

Но въ такомъ случаѣ, какія пьесы нравятся? что молодежь желаетъ видѣть на сценѣ? Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ прежде всего сказывается возрастъ. Конечно, мальчикамъ и дѣвочкамъ 12—13 л. нравятся больше всего обстановочныя пьесы. Увлекаетъ красота картинъ, вообще зрѣлище. Одна дѣвочка 12 л. прямо заявляетъ о своемъ пристрастіи къ пластическому искусству. Это, вѣроятно, будущая художница, какъ будущій художникъ мальчикъ 14 л., желающій побольше экспрессіи въ декоративной живописи и гордо заявляющій, что онъ «самъ пишетъ». Къ тому же сорту пожеланій относятся замѣчанія о гримѣ артистовъ. — Свойство пола обнаруживается въ выборѣ сюжетовъ. Дѣвочки, вообще болѣе сдержанныя въ своихъ сужденіяхъ, отмѣчаютъ просто «клас-

сическія», «обстановочныя» пьесы. Мальчики входятъ въ подробности. Они любятъ изображеніе войны, путешествія, пьесы изъ жизни сыщиковъ и воровъ (Шерлокъ Холмсъ, Натъ Пинкертонъ). «Нравится Наполеонъ потому, что тамъ (въ пьесѣ) описывается, какъ онъ велъ войну». Шерлокъ Холмсъ нравится своею хитростью, Пинкертонъ — удальствомъ, оба привлекаютъ таинственностью обстановки [1]. Еще нравится божественное, «Іосифъ нравится потому, что тамъ описывается, какъ братья надъ нимъ издѣвались». Сантиментальность сюжета играетъ большую роль. Одному реалисту 14 л. понравился на этомъ основаніи «Демонъ» Рубинштейна. «Подъ конецъ оперы я презиралъ Демона, — пишетъ онъ. — Мнѣ было жаль Синодала и Тамары». Музыка вообще занимаетъ видное мѣсто въ отвѣтахъ. Среди отвѣчающихъ есть большіе поклонники Вагнера, Мусоргскаго, Р.-Корсакова, Глазунова. Иногда пристрастіе къ музыкѣ объясняется совершенно оригинальными причинами. Въ оперѣ находятъ отзвукъ національному чувству слушателя. «Князь Игорь» (А. Бородина) не можетъ не понравиться каждому русскому человѣку, — пишетъ гимназистъ V кл. 14 л. — Видишь на сценѣ родныхъ славянъ, а не славянъ не настоящихъ». — «Жизнь за Царя» Глинки будитъ въ нѣкоторыхъ патріотическія чувства. Въ «Жизни за Царя» понравилась геройская смерть Сусанина, говоритъ гимназистъ IV кл. Другому та же опера понравилась потому, что «Сусанинъ хотѣлъ умереть за царя». Общій тонъ пожеланій этой группы — предпочтеніе классическаго жанра. На вопросъ, что нравится въ театрѣ, многіе обращаютъ вниманіе на игру артистовъ. Это понятно. Только крайнее увлеченіе модернизмомъ можетъ перемѣстить актера на второй планъ. Артисты подкупаютъ молодую аудиторію своею искренностью, правдивымъ выраженіемъ чувствъ. Отмѣчая драматическую передѣлку «Мертвыхъ душъ» Гоголя, одинъ гимназистъ объясняетъ впечатлѣніе, произведенное на него пьесой, отличной игрой артистовъ. «Артисты хорошо играли, *не было фальши*. Осо-

---

[1] Любопытно, что дѣти того же возраста, но другой національности, испытываютъ то же самое. Въ анкетѣ, произведенной въ Америкѣ въ г. Провиденсѣ (въ Rhode Island), дѣти (мальчики и дѣвочки) 11—14 лѣтъ обнаружили особенный интересъ къ пьесамъ, потрясающимъ душу, заставляющимъ пережить сильныя ощущенія (убійства, стихійныя явленія природы и т. д.). См. по этому поводу ст. Н. Тичеръ въ журн. „Народное Образованіе“, ноябрь 1910, стр. 498.

бенно понравилась актриса, исполнившая роль комической старухи (Коробочки): *она хорошо выразила испугъ*». Нѣкоторыхъ интересуетъ «искусство артиста измѣнять выраженіе лица». Наконецъ, многіе отвѣты этой группы посвящаются технической сторонѣ театра, устройству сцены, свѣтовымъ эффектамъ и т. д.

Возрастъ 15 и 16 л. для мужчинъ и 14 и 15 л. для женщинъ отмѣченъ преобладаніемъ драмы, въ частности, историческихъ пьесъ. Здѣсь впервые упоминаются слова «бытъ»: «бытовыя» пьесы, «житейскія» («только не новыхъ писателей», спѣшитъ заявить одинъ гимназистъ). Одной пятнадцатилѣтней гимназисткѣ особенно понравились «Безъ вины виноватые» Островскаго: «Понравилась вся пьеса, какъ люди могутъ страдать безъ вины, и *потому, что она тяжелая*». Къ историческимъ пьесамъ нѣкоторые причисляютъ еще пьесы «изъ заграничной жизни». Классическій жанръ попрежнему пользуется большими симпатіями. Любятъ также оперу, особенно Вагнера. Одинъ гимназистъ выражаетъ даже желаніе видѣть его «трагедіи». Нѣкоторыя оперы, какъ, напр., «Травіата», нравятся потому, что «вызываютъ жалость». Любопытенъ отвѣтъ дѣвочки, почему ей понравилась оперетка «Принцесса долларовъ». Въ этой пьесѣ, по ея мнѣнію, обращаетъ вниманіе молодой человѣкъ, который «все-таки достигаетъ своей цѣли». Индивидуальность мальчиковъ сказывается въ пристрастіи къ пьесамъ «сильныхъ ощущеній».

Очень замѣтенъ переходъ къ слѣдующей группѣ, къ возрасту 17, 18 и 19 л. у мужчинъ и 16, 17 и 18 л. у женщинъ. Очень вообще сдержанныя въ своихъ отвѣтахъ дѣвушки становятся рѣзче, опредѣленнѣе. Ихъ больше всего увлекаетъ драматическій сюжетъ и правдивость игры. «Я желала бы видѣть на сценѣ изображеніе дѣйствительной жизни, — пишетъ одна ученица 17 л., — потому что было бы легче понять пьесу и оцѣнить искусство играющихъ». Другая (16 л.) глубже проникается темой: «Я люблю пьесы, гдѣ авторъ въ порывѣ своей творческой фантазіи охватываетъ человѣка всего, гдѣ онъ показываетъ его во всѣхъ его проявленіяхъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, со всѣми его радостями и горестями (Шекспиръ)». Изъ классическаго репертуара, который попрежнему нравится больше всего, выдѣляется «Докторъ Штокманъ» Ибсена, главнымъ образомъ благодаря «содержанію пьесы». На вопросъ, что желательно видѣть вторично, одна дѣвушка 16 л., VIII кл. гимназіи, отвѣчаетъ: «Все равно, лишь бы

было красиво и хорошо сыграно». Большимъ успѣхомъ пользуется Вагнеръ. — Вкусы мужчинъ окончательно склоняются къ драмѣ, хотя музыка, особенно Вагнеровская, пользуется прежними симпатіями. «Когда выходишь изъ театра (послѣ Вагнеровской оперы), то чувствуешь, что сдѣлался чище, благороднѣе». Можетъ быть, на этомъ основаніи комическій элементъ въ операхъ не нравится. Тѣмъ не менѣе, разумъ надъ чувствомъ преобладаетъ. Къ музыкѣ обращаются въ случаѣ физическаго утомленія. «На драму можно пойти только тогда, — разсказываетъ гимназистъ 17 л., — когда человѣкъ не утомленъ; только тогда онъ можетъ понять весь смыслъ ея». Несмотря на это, большое впечатлѣніе оставляютъ: «чуткій» Чеховъ, «правдивыя драмы» Островскаго, Шекспиръ, Ибсенъ. Комедіи Островскаго привлекаютъ «жизненностью и яркостью красокъ». Много сочувственныхъ отзывовъ объ историческихъ пьесахъ, я сказалъ бы даже — преобладающее число. «Пьесы съ историческимъ содержаніемъ воскрешаютъ передъ нами дѣла былыхъ временъ и переносятъ насъ въ различныя эпохи, заставляя живо пережить различныя историческія событія», разсказываетъ гимназистъ VIII кл. На томъ же основаніи другому нравятся оперы съ историческимъ сюжетомъ («Борисъ Годуновъ», «Хованщина» Мусоргскаго).

Послѣдняя, IV группа (20 л. и старше для мужчинъ и 19 л. и старше для женщинъ) не характерна для мужчинъ. Они попрежнему отрицательно относятся къ новому репертуару и предпочитаютъ классическій; попрежнему пьесы, дающія «пищу для ума», являются наиболѣе желательными. Очень рѣзко подчеркиваетъ этотъ возрастъ еще пьесы бытовыя и историческія. Значительно интереснѣе отвѣты женщинъ. Онѣ перестали стѣсняться и открыто заявляютъ свои желанія. «Правда и красота» въ театрѣ, искренность и глубина переживаній считаются ими необходимыми свойствами репертуара. «Если нѣтъ искренности переживаній, то дѣлается просто скучно. Не вѣрится такому страданію или такой радости». Въ этомъ отношеніи новый театръ, театръ символическій, ихъ вовсе не удовлетворяетъ. «Желательно видѣть яркость и красочность чувствъ» . . . Желательны пьесы «жизнерадостныя», пьесы, гдѣ преобладаютъ свѣтлыя чувства, гдѣ больше лирики, чѣмъ драмы, но гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключено и философское содержаніе». При такихъ условіяхъ классическій репертуаръ доставляетъ больше всего наслажденій. «Больше всего ин-

тереса доставляютъ мнѣ пьесы классическихъ писателей, — заявляетъ дѣвушка 19 л., — особенно если онѣ на сценѣ такъ же реальны, какъ и на бумагѣ, такъ, напр., пьесы Чехова «Ивановъ», «Дядя Ваня», Гоголя «Ревизоръ», Грибоѣдова «Горе отъ ума». Другая дѣвушка, называя «Бранда» Ибсена, «Орлеанскую дѣву» Шиллера, восклицаетъ: «Послѣ такихъ пьесъ точно обновленіе какое-то».

Такова анкета. Понятно, что она далеко не исчерпываетъ всего вопроса, своею значительностью требующаго болѣе детальной и разносторонней разработки. Однако, и въ этихъ ограниченныхъ рамкахъ является возможность сдѣлать нѣсколько любопытныхъ выводовъ.

Я полагаю, что мы совсѣмъ не такъ далеки отъ проблемы, которую я поставилъ въ началѣ моего доклада, когда познакомилъ васъ вкратцѣ съ основами школьнаго театра далекаго прошлаго. Что, въ сущности, является Leitmotiv'омъ пожеланій молодежи, писавшей отвѣты? Ихъ не много, но они довольно опредѣленны. Имъ нуженъ театръ воспитывающій, поучающій, театръ-книга, иллюстрированная хорошими художниками. Но книги бываютъ разныя. Молодежь требуетъ прежде всего книгу, написанную хорошимъ, простымъ русскимъ языкомъ, безъ символовъ, ясно и правдиво изображающую жизнь. Это первое условіе. Второе условіе, такъ сказать, физическаго свойства, вытекаетъ изъ соотвѣтствія требованія, отвѣчающаго его возрасту. Здѣсь мы встрѣчаемъ совершенно точныя подраздѣленія. Наиболѣе младшій возрастъ требуетъ, конечно, больше иллюстрацій. Его должно увлечь красивымъ опереніемъ, фантастикой, грезой. Въ этомъ видѣ онъ усвоитъ даже самыя мудреныя правила. Слѣдующій возрастъ постарше, и требованія его серьезнѣе. Ему нетрудно будетъ разобраться въ историческихъ хроникахъ, хотя та же исторія, въ сценическомъ изображеніи, доступна и первой группѣ. Вообще исторію (если возможно было бы, даже священную) я сдѣлалъ бы краеугольнымъ камнемъ репертуара школьнаго театра. Третья группа, конечно, еще сознательнѣе относится къ театральнымъ впечатлѣніямъ. Мы впервые здѣсь встрѣчаемъ слово «бытъ» и впервые же слышимъ опредѣленное требованіе «житейскихъ пьесъ». Четвертая группа уже становится въ ряды обыкновенныхъ посѣтителей театра, и ея вкусы могутъ служить выраженіемъ общихъ вкусовъ публики, разумѣя наиболѣе интел-

лигентную ея часть. Всѣ группы сходятся въ одномъ направленіи: они отрицательно относятся къ новой драматической литературѣ (любопытно, что не встрѣчается ни одного замѣчанія по поводу модернистскихъ теченій въ постановкѣ пьесъ) и противопоставляютъ ей классиковъ. Ссылка на послѣднихъ, съ перечисленіемъ фамилій авторовъ, вызываетъ иногда сомнѣнія въ правильности пониманія самого слова «классическій». Иногда, рядомъ съ именами Гоголя, Пушкина, Островскаго, Шекспира, Ибсена, встрѣчаются имена Чехова, Гауптмана, Зудермана, даже Ведекинда. Конечно, здѣсь больше указаній на данную пьесу популярнаго автора, чѣмъ на общую, вполнѣ установившуюся, симпатію къ его творчеству.

Остается сказать объ отношеніи русской администраціи и русскаго общества къ театру для учащихся. Въ этомъ смыслѣ русское общественное самосознаніе сдѣлало очень много. Издавна повелось, что въ дни торжественнаго празднованія тезоименитства царствующихъ особъ учащейся молодежи представляютъ безплатные спектакли въ Императорскихъ театрахъ. Обыкновенно они обставляются классическими пьесами, драмой и оперой. Вообще Императорскіе театры удѣляютъ много мѣста школьнымъ спектаклямъ. Репертуаръ ихъ, особенно съ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія и особенно въ Петербургѣ, пестритъ утренними спектаклями, спеціально для молодежи. Съ уничтоженіемъ въ 1882 г. монополіи казенныхъ театровъ, частные театры работаютъ въ томъ же направленіи. Хорошо извѣстна, напр., дѣятельность Московскаго Художественнаго театра и театра недавно скончавшейся артистки В. Ѳ. Коммисаржевской. Въ театрѣ Коммисаржевской исполненію классическихъ пьесъ нерѣдко предшествовали рефераты и на литературную тему. Наконецъ, довольно распространены спектакли въ стѣнахъ самихъ училищъ, особенно развившіеся съ воцареніемъ Императора Николая II. Нерѣдко пьесы на этихъ спектакляхъ разыгрываются на томъ языкѣ, на которомъ написаны, не исключая мертвыхъ языковъ.

Если за что можно упрекнуть эти начинанія, то это за нѣкоторое однообразіе въ составленіи репертуара. Изъ года въ годъ, изъ сезона въ сезонъ, не различая, торжественный ли это спектакль или спектакль спеціально для учащихся, повторяются однѣ и тѣ же пьесы, обыкновенно классическаго жанра. Въ своей статьѣ «Ближайшія задачи Московскаго Малаго театра», напечатан-

ной въ «Ежегодникѣ Имп. театровъ» за минувшій годъ, нынѣшній руководитель Малаго театра, кн. А. И. Сумбатовъ, считается съ подобнымъ явленіемъ, хотя и разсматриваетъ его съ совершенно иною цѣлью. По его мнѣнію, эти пьесы «надо держать въ репертуарѣ какъ его украшеніе, держать на немъ постоянно и бережно, не заигрывая этихъ пьесъ, иначе мы доживемъ до того, что ихъ перестанутъ смотрѣть, какъ бы превосходно ихъ ни играли». Едва ли будетъ ошибочнымъ предположить, что такой порядокъ вещей обязанъ въ огромной степени театральной рутинѣ, вообще очень сильной на сценѣ. Но одно дѣло театръ для взрослыхъ, которые вольны идти на спектакль и не идти, и другое дѣло театръ для учащихся, которыхъ туда ведутъ, или которымъ нѣтъ иного выбора, какъ видѣть снова ту пьесу, которую они видѣли уже много разъ раньше. Результатъ такой системы можетъ быть еще плачевнѣе, чѣмъ предполагаетъ кн. Сумбатовъ. Легко можетъ повториться то, что мы, къ сожалѣнію, наблюдаемъ въ преподаваніи изящной словесности въ учебныхъ заведеніяхъ. Пройдя въ классѣ, въ числѣ другихъ обязательныхъ предметовъ, лучшіе образцы родной литературы, учащіеся, по окончаніи курса, теряютъ къ нимъ всякій вкусъ, никогда больше ихъ не перечитываютъ. Статистика пользованія книгами въ библіотекахъ это наглядно удостовѣряетъ. — Въ данномъ случаѣ это обстоятельство осложняется еще тѣмъ соображеніемъ, что гг. артисты, выступая на классическихъ образцахъ, относятся къ нимъ обыкновенно спустя рукава. Нерѣдко мы видимъ спектакли, гдѣ наши классическія пьесы разыгрываются вторыми силами труппы, небрежно, безъ твердаго знанія ролей. Я никогда не забуду впечатлѣнія, вынесеннаго многими моими знакомыми при видѣ «Горе отъ ума», разыграннаго Московскимъ Художественнымъ театромъ. «Мы видѣли *новую* пьесу; такъ необычайно было *новое и любовное* къ ней отношеніе». Не нужно забывать, что мы все время должны считаться съ дѣтской фантазіей, гораздо болѣе требовательной, чѣмъ это принято думать!

Еще мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ классическихъ пьесахъ.

Вы слышали, что молодежь, рѣзко отличая пьесы современныя отъ пьесъ старыхъ, классическихъ, называетъ все знакомыя и дорогія намъ имена. Это вполнѣ понятно, хотя, думается мнѣ, не всегда дѣлается сознательно. Дѣло въ томъ, что молодежь

требуетъ отъ пьесъ правдиваго изображенія жизни, просто и ясно *для нихъ* выраженнаго. Но много ли изъ классическихъ пьесъ удовлетворяютъ такому требованію? Долженъ оговориться, что нисколько не хочу умалить значенія классическихъ произведеній, разсматривая ихъ *исключительно* съ точки зрѣнія учащихся. Мнѣ лично приходилось разспрашивать дѣтей 12-, 14- и 15-лѣтняго возраста о впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ «Ревизоромъ» Гоголя. Дѣти достаточно развитыя, но пьесы не поняли. Говорятъ «смѣшно», понравилось, какъ городничій, вмѣсто шляпы, взялъ подъ мышку картонку, или вотъ Бобчинскій, сторожившій у дверей Хлестакова, неожиданно шлепнулся вмѣстѣ съ дверью и разбилъ себѣ носъ.... Соль комедіи не дошла до молодежи, геніальное изображеніе быта потонуло въ мелкомъ анекдотѣ, отъ всей пьесы осталось одно впечатлѣніе, что ловкій петербургскій франтъ *надулъ* всѣхъ и благополучно скрылся. Почти одинаковое впечатлѣніе осталось у дѣтей отъ комедіи Островскаго «Свои люди сочтемся», недавно включенной въ общеобразовательный репертуаръ Спб. театровъ. Чудесная картина купеческаго быта 40—50 годовъ пропала, на молодежь не пахнуло даже ароматомъ родной старины, а судьба стариковъ-родителей Липочки не тронула вовсе. Грибоѣдовское же «Горе отъ ума» оставило полное недоумѣніе. Отъ разспросовъ молодежи становилось больно за автора. Не по зубамъ пища. «На кого онъ сердится», недоумѣнно спрашивалъ меня о Чацкомъ одинъ гимназистъ V класса и тутъ же попытался рѣшить вопросъ: можетъ быть, онъ и правда сумасшедшій? Понравились, какъ всегда, частности: костюмы, обстановка, Загорѣцкій, княжны... Съ другой стороны, какъ-то не хотѣлось его разочаровывать, что «горе бываетъ отъ ума». Такъ ли его много въ дѣйствительности?

Любопытныя соображенія высказываетъ по этому поводу г-жа Л. Тихѣева въ своей статьѣ «Драматическая литература и театръ въ дѣтской жизни» («Воспитаніе и Обученіе» 1897, № 3). «Мнѣ пришлось быть какъ-то въ театрѣ на «Свадьбѣ Кречинскаго», — разсказываетъ она. — Во 2-мъ актѣ Расплюевъ, какъ извѣстно, разсказываетъ о томъ, какъ нещадно били его наканунѣ за шулерство. Расплюевъ, въ общемъ, ничего не имѣетъ противъ кулачной расправы, лишь бы она не переступала извѣстныхъ границъ: — «ударь разъ, ударь два», говоритъ онъ, «но зачѣмъ же до безчувствія?» Жалкая, битая, мятая фигура Расплюева под-

нимала содроганіе въ душѣ зрителя. Но въ театрѣ былъ слышенъ смѣхъ: наверху смѣялся раекъ, а въ ложахъ смѣялись дѣти. Спрашивается, чѣмъ вызывался этотъ смѣхъ, какое чувство шевелилось въ душѣ этихъ маленькихъ, неразумныхъ существъ? Тутъ шевелился низкій инстинктъ довольства при одномъ намекѣ на кулачную расправу» [1].

Между тѣмъ, какъ много пьесъ для настоящаго театра-школы! У того же Островскаго есть прекрасныя историческія хроники, а среди бытовыхъ комедій, не утратившихъ до сихъ поръ значенія психологической драмы: «Бѣдность не порокъ», «Не было ни гроша», «Бѣдная невѣста»... Нужно ли вамъ называть такія произведенія, какъ «Король Лиръ», «Ричардъ III», вообще Шекспировскія хроники, «Орлеанскую дѣву», «Натана Мудраго», трилогію А. Толстого, Пушкинскаго «Скупого рыцаря», «Горькую судьбину» Писемскаго, «Около денегъ» Потѣхина, а изъ современныхъ пьесъ «Дѣти Ванюшина» Найденова? Я намѣчаю только главное. Подробности должно выяснить спеціальное изслѣдованіе.

Выводы изъ сказаннаго, мнѣ кажется, ясны.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы столь важный вопросъ для воспитанія юношества, вопросъ театра-школы имѣлъ свою методологію, чтобы при выработкѣ репертуара школьнаго театра этому предмету было удѣлено столько же вниманія, сколько удѣляютъ его выработкѣ школьныхъ программъ. Это мое первое положеніе. Второе положеніе касается самого репертуара, въ частности классическихъ пьесъ. Ставя ихъ неотъемлемо во главѣ угла, какъ результатъ всего того прекраснаго, что дало человѣчество въ искусствѣ драмы, я тѣмъ не менѣе желаю этимъ пьесамъ подобающей обстановки. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ «имъ надо дать отдохнуть», какъ выражается кн. Сумбатовъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ должны избѣгнуть театральной рутины, ихъ нужно

---

[1] Здѣсь, кстати, отмѣтимъ репертуаръ кинематографа, благодаря своей дешевизнѣ привлекающаго массу, въ томъ числѣ множество дѣтей. Недавно одно филантропическое общество въ Кливлендѣ (Cleveland Humane Society) пересмотрѣло 290 различныхъ кинематографическихъ пьесъ, и 40% изъ нихъ оказались предосудительными и прямо недопустимыми въ цѣляхъ нравственнаго воспитанія. Однѣхъ пьесъ съ преобладаніемъ воровства и убійства оказалось 13,5%; неприличныхъ внушеній было 8,2%; домашней измѣны — 5,8% и т. д. По остроумному замѣчанію Чандлера, американская публика въ кинематографѣ смотритъ нерѣдко такія представленія, каковыя не потерпѣла бы на живой сценѣ („Pedag. Semin.", sempt. 1909).

ставить послѣ серьезной подготовки и изученія и непремѣнно съ первыми силами труппы. Затѣмъ, нужно, чтобы сама пьеса была приноровлена къ возрасту и пониманію аудиторіи. Только при такихъ условіяхъ не утратится живая связь молодежи съ театромъ и самъ театръ отвѣтитъ своей насущной потребности — быть проводникомъ въ молодежи всего того свѣтлаго и прекраснаго, что есть въ жизни.

Бар. Н. В. Дризенъ.

Воспитательный и эстетическій элементъ въ играхъ, занятіяхъ и игрушкахъ нашей дѣтской *.

Игры и игрушки занимаютъ полжизни нашихъ дѣтей, но матеріалъ, которымъ приходится пользоваться, чтобъ занять ихъ досуги, далеко не всегда разрабатывается сообразно съ психологическими особенностями возраста и личности ребенка.

То, что мы находимъ на рынкѣ, сообразовано съ цѣлями коммерческими: фабрика, мастерская даетъ тонъ и направленіе, создаетъ моду на ту или другую игрушку, а не наоборотъ, — не потребность, не спросъ вызываетъ явленіе ея.

Игрушечнымъ производствомъ живутъ цѣлые города, но прогрессъ этого производства сказался болѣе въ затѣйливости предмета, сложности его, отчасти дешевизнѣ, а не въ подъемѣ воспитательнаго значенія.

Нѣсколько лучше дѣло обстоитъ съ такъ называемыми занятіями, которыя за послѣдніе годы представляютъ значительно больше интереса и разнообразія. Въ чемъ же суть? Почему, наполняя дѣтскія игрушками, родители и воспитатели такъ затрудняются въ выборѣ и рѣдко могутъ отвѣтить на вопросъ, что̀ лучше подарить ребенку, чтобы новая игрушка не явилась черезъ недѣлю забытымъ хламомъ, разводящимъ лишнюю пыль.

Я думаю, это является слѣдствіемъ того, что лишь весьма недавно педагоги занялись изученіемъ игрушки въ связи съ дѣтской психологіей, и выводы ихъ въ этой области еще далеко не полны и мало распространены среди большой публики.

Педагогическія вліянія еще недостаточно захватили область игрушечнаго производства, врядъ ли они когда-либо получатъ пре-

---

* Докладъ прочитанъ на общемъ собраніи Общества 29 января 1911 года.

обладающее значеніе, во всякомъ случаѣ, это будетъ очень нескоро.

Пока же приходится считаться съ тѣмъ, что имѣется, и искать способовъ извлечь изъ наличной практики наилучшее и наиполезнѣйшее.

Заинтересованная этимъ вопросомъ, я натолкнулась на давно уже, лѣтъ 10 тому назадъ, изданную и основательно забытую брошюрку П. А. Литвинскаго, и она показалась мнѣ ключомъ, съ помощью котораго въ руки воспитателей дается простѣйшій способъ хотя немного разобраться въ лабиринтѣ игрушечнаго магазина.

Брошюрка эта представляетъ собою очень подробную, даже мелочную классификацію всѣхъ знакомыхъ автору игръ, игрушекъ и занятій съ точки зрѣнія ихъ воспитательнаго значенія и интереса для дѣтей разнаго возраста. Я приведу основныя черты этой классификаціи, принципы которой кажутся мнѣ совершенно правильными.

На собственныхъ дѣтяхъ и воспитанницахъ учебныхъ заведеній, гдѣ я занималась, я имѣла возможность провѣрить ихъ справедливость.

На подробностяхъ я останавливаться не буду, чтобы не утомлять вниманія читателя, да, кромѣ того, я полагаю, что было бы чрезвычайно желательно заняться этимъ вопросомъ сызнова, въ виду измѣнившихся условій, очевиднаго успѣха и торжества многихъ новыхъ идей, появленія совершенно новаго матеріала.

Я увѣрена, что авторъ первоначальной классификаціи не откажется отдать въ распоряженіе группы педагоговъ, которая бы взялась за это дѣло, свою книжечку для всесторонняго ея обсужденія.

Переходя къ самой классификаціи, я прежде всего позволю себѣ точно установить разницу въ назначеніи игрушекъ, игръ и занятій.

Игрушки, углубляя и расширяя первыя наблюденія ребенка, должны развивать его внѣшнія чувства, его память и его воображеніе.

Занятія должны пробуждать въ ребенкѣ его природные таланты, его творческую иниціативу и попутно давать ему нѣкоторыя познанія.

Игры должны способствовать развитію общественныхъ ин-

стинктовъ, влiять на его отношенiе къ ближнему, прiучать къ выдежкѣ и сдержанности въ поведенiи, вырабатывать волю и характеръ.

Всѣ игрушки можно бы раздѣлить на двѣ крупныя группы:

1) Игрушки, дѣйствующiя на внѣшнiя чувства, вызывающiя прiятныя новыя ощущенiя, утончающiя чувства — слуха, зрѣнiя, осязанiя (пестрые мячики, музыкальные ящики, яркiе движущiеся предметы), все, что можно ощупывать, перебирать, бросать.

2) Игрушки, подражающiя дѣйствительной жизни (къ этой категорiи относится большинство существующаго нынѣ матерiала).

Не приводя болѣе подробныхъ подраздѣленiй, можно указать, что самыя маленькiя дѣти неспособны оцѣнить второй категорiи; первая же должна быть такова, чтобы по возможности каждый предметъ былъ доступенъ самому всестороннему изслѣдованiю младенца. Выдѣлить зрительныя впечатлѣнiя изъ слуховыхъ и осязательныхъ онъ умѣетъ лишь тогда, когда продѣлаетъ рядъ самыхъ нелѣпыхъ на нашъ взглядъ опытовъ.

Имитацiя жизни его оставляетъ равнодушнымъ, такъ какъ онъ не отличаетъ амой жизни отъ ея подобiя и, конечно, предпочтетъ реальное явленiе самому тонкому поражанiю.

Около 4 лѣтъ ребенокъ начинаетъ цѣнить вторую группу игрушекъ, но близость копiи къ оригиналу ему не требуется: онъ удовлетворяется схемой, если только рядъ предыдущихъ впечатлѣнiй дастъ ему возможность пополнить пробѣлъ воображенiемъ.

Съ 6 лѣтъ дѣти входятъ во вкусъ занятiй.

Эти положенiя, въ свою очередь, можно въ общихъ чертахъ разбить на два типа: 1) такiя, гдѣ процессъ творчества преобладаетъ надъ результатомъ, и 2) такiя, гдѣ цѣли придается главное значенiе.

Дѣти младшаго возраста любятъ *процессъ,* часто до цѣли и не добираются, строятъ и разрушаютъ, рисуютъ и стираютъ, дѣлаютъ мозаичный узоръ — и охотно его опять разбираютъ.

Годовъ съ 8 (иногда позже) ребенокъ желаетъ не только видѣть, *но сохранить* результатъ своей работы, стремится подвергнуть его сужденiю окружающихъ.

Еще позднѣе (10—12 лѣтъ) процессъ рѣшительно вытѣсняется; онъ не интересуетъ, если не предвидится никакой законченной цѣли.

Юноша 12—14 лѣтъ старается превратить занятіе въ трудъ, ремесло или искусство.

Отъ 10-лѣтняго возраста проявляется любовь къ спортивнымъ играмъ и къ такимъ, гдѣ требуется умственное напряженіе.

Игры вообще тоже бываютъ двоякія: 1) одиночныя (мячъ, бильбоке, діаболо), упражняющія силу, ловкость, мѣткость одного лица; 2) общія — которыя приходится подраздѣлить на игры собственнаго измышленія, которыя преобладаютъ среди младшаго возраста, и общеизвѣстныя (національныя, международныя, школьныя, спортивныя).

Чрезвычайно важно обратить вниманіе на эти послѣднія, которыми можно руководить, и использовать ихъ для развитія характера.

Но тутъ-то и опасно было бы нивелирующее отношеніе къ дѣтямъ, пренебреженіе къ ихъ индивидуальнымъ свойствамъ. Увлекая его той или другой игрой, можно достичь уродливаго преобладанія нѣкоторыхъ свойствъ характера, атрофируя болѣе слабо развитыя качества, и причинить вредъ нравственный. Физическій же вредъ, несомнѣнно, можетъ быть при неразумномъ злоупотребленіи спортомъ въ переходномъ возрастѣ.

Характерно, что наиболѣе неразборчивыми въ выборѣ занятій и развлеченій оказываются дѣти 10—14 лѣтъ. Они въ равной мѣрѣ готовы играть въ игрушки, затѣвать шумныя игры и по цѣлымъ часамъ упражняться гдѣ-нибудь въ уголкѣ въ игрѣ въ мячъ или бильбоке; они любятъ рисовать, лѣпить, строгать, плести, интересуются любыми спортами.

Поэтому руководство взрослаго въ этомъ возрастѣ (благожелательное и мало замѣтное) крайне необходимо. Именно въ этотъ періодъ особенной интенсивности впечатлѣній легче всего дать толчокъ способностямъ ребенка.

Такимъ образомъ для каждаго возраста среди игрушекъ и занятій есть своя область, и выборъ ихъ будетъ зависѣть отъ ознакомленія родителей съ той классификаціей и характеристикой, которую, я надѣюсь, въ недалекомъ будущемъ возьмутъ на себя педагоги.

Теперь о другой сторонѣ вопроса. Чрезвычайно важной для воспитательныхъ цѣлей является оцѣнка игрушки или занятія ребенка съ точки зрѣнія художественной — эстетической.

Къ чести русской педагогической практики, должно указать,

что попытка выяснить эту сторону дѣла, и очень интересная попытка, была сдѣлана въ 1907 году на выставкѣ «Искусство въ жизни ребенка».

Многіе, навѣрное, еще хорошо помнятъ эту выставку, посѣщали лекціи, которыя имѣли мѣсто въ ея залахъ, и музыкальныя утра, которыя устраивались для дѣтей.

Поэтому я ограничусь тѣмъ, что подѣлюсь нѣкоторыми наблюденіями и выводами, которые явились для меня и многихъ моихъ единомышленниковъ и сотрудниковъ — результатомъ ознакомленія съ выставкой.

Прежде всего, говоря объ искусствѣ въ жизни ребенка, приходится строго опредѣлить, что мы подъ этимъ разумѣемъ: то ли искусство, которое вносится въ его жизнь извнѣ взрослыми, путемъ ознакомленія его съ произведеніями искусства и введенія художественнаго элемента въ окружающую его обстановку, — или же имѣется въ виду стремленіе самого ребенка къ творчеству въ области искусства. Выставка имѣла намѣреніе затронуть и то и другое и дала мѣсто экспонатамъ двухъ категорій. Чтенія и лекціи касались тоже вопроса съ двухъ сторонъ. При этомъ и артисты и педагоги сошлись на одной мысли: что дѣтская инициатива и постановка преподаванія элементовъ искусства — пока у насъ очень слабы.

Въ послѣднія десятилѣтія, правда, начинаютъ проникать изъ Америки нѣкоторыя новыя теченія въ школу и литературу.

Стремленіе предоставить ребенку извѣстную свободу въ выраженіи своего пониманія прекраснаго еще ново, и потому наблюденія въ этой области не очень богаты.

Въ частности, я могла замѣтить двѣ черты въ ребенкѣ среднихъ дарованій. Первый толчокъ къ выраженію своихъ мыслей въ образахъ словесныхъ или въ рисункѣ даетъ — подражательность. Если ребенокъ сталкивается съ одаренными взрослыми, легко зарисовывающими сцены изъ жизни или ярко ихъ передающими въ разсказѣ, то онъ начинаетъ дѣлать попытки разсказывать и рисовать. Воспитываясь въ домѣ, гдѣ много поютъ, ребенокъ постоянно воспроизводитъ всѣ свои мысли, чувства, игры въ звукахъ.

Часто ребенокъ кажется мало одареннымъ лишь оттого, что ему не даются первые шаги, онъ не знаетъ пріемовъ. — Взрослые должны приходить ему на помощь, иначе способности ребенка

долго будутъ въ связанномъ состояніи. Американская система, доведенная до крайности, грѣшитъ именно въ сторону чрезмѣрнаго предоставленія ребенка самому себѣ на первыхъ порахъ.

Второе наблюденіе: я пришла къ мысли, что ребенка нежелательно связывать слишкомъ узкими, ригористическими опредѣленіями *прекраснаго, эстетическаго,* замыкая его представленіе объ искусствѣ въ предѣлы классическихъ *четырехъ*.

Въ дѣтствѣ большое значеніе имѣютъ мелочи. Ребенокъ хочетъ часто внести эстетическій элементъ въ самый пустячный трудъ, и это слѣдовало бы поощрять, постепенно отучая его отъ грубаго, крикливаго, безвкуснаго путемъ сравненія и контрастовъ.

Очевидно, руководимые этой мыслью о полезности *художественныхъ мелочей* въ воспитаніи, многіе художники серьезно задумали приложить свой талантъ къ дѣтской игрушкѣ.

Выставка 1907 года представила образцы этого творчества, какъ русскіе, такъ и заграничные. Эти художественныя произведенія осматривались и оцѣнивались самими дѣтьми; я тоже пріобрѣла нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы показать дѣтямъ интеллигентныхъ семействъ и совсѣмъ неизбалованнымъ — пріютскимъ.

Этотъ отдѣлъ навелъ на три вопроса, очень интересныхъ для будущаго игрушки:

1) Примѣнимо ли къ игрушкѣ, въ частности и къ воспитанію эстетическаго чувства въ ребенкѣ — вообще то, что называется модернизмомъ въ искусствѣ?

2) Какую роль можетъ сыграть возвращеніе къ примитивному творчеству въ игрушкѣ, которымъ такъ увлекается цѣлая группа молодыхъ нѣмецкихъ художниковъ?

3) Способствуетъ ли сложность игрушки развитію художественнаго чувства, если игрушка сама по себѣ довольно тонко исполнена?

Вотъ результатъ нашихъ бесѣдъ съ дѣтьми по этому поводу и наблюденія за ними.

Модернизмъ — пока онъ не проявляется въ уродливости и извращеніи зрительныхъ впечатлѣній, а ограничивается *стилизаціей* въ формѣ и окраскѣ, не только доступенъ дѣтямъ, но очень близокъ и понятенъ. Подчеркнутые контуры, идеализація очертаній, однообразіе колорита и рѣзкіе переходы красокъ не оскорбляютъ ребенка — напротивъ: это устраненіе всѣхъ подробно-

стей, всего второстепеннаго, ему очень пріятно, такъ какъ не раздваиваетъ его хрупкаго вниманія.

Въ то же время *примитивъ,* когда онъ исходитъ не отъ ребенка, а отъ художника, настоящаго, общепризнаннаго, забавляетъ ребенка, но рѣдко нравится ему.

Мало того, я замѣтила, что дѣти относятся какъ-то недовѣрчиво къ упомянутымъ выше нѣмецкимъ гротескамъ-игрушкамъ, которыя такъ нравились многимъ взрослымъ.

Дѣти подозрѣваютъ въ нихъ *сатиру* на свое собственное неумѣлое творчество, они не вѣрятъ искренности автора, а отсутствіе искренности въ глазахъ дѣтей уже преступленіе.

Сложность игрушки вызываетъ въ ребенкѣ чувство удивленія, за которымъ слѣдуетъ любознательность, страсть къ изслѣдованію и интересъ, такъ сказать, техническаго порядка. Все это съ эстетическимъ чувствомъ ничего общаго не имѣетъ.

Въ заключеніе своего краткаго очерка я позволяю себѣ выразить надежду, что мы наканунѣ объединеннаго усилія художниковъ и педагоговъ, клонящагося къ созданію художественной и въ то же время доступной ребенку игрушки. Задача нелегкая, такъ какъ хорошіе педагоги, теоретически рѣшающіе этотъ вопросъ очень правильно, въ большинствѣ случаевъ не обладаютъ художественнымъ дарованіемъ. Художники же, одушевленные самыми лучшими намѣреніями, почти всѣ далеко не педагоги... А впрочемъ, жизнь покажетъ!

И. Ковалевская.

Прислуга и дѣти *.

Разбираясь во всевозможныхъ факторахъ воздѣйствія на ребенка, мы, къ сожалѣнію, очень мало отводимъ вниманія такому могущественому элементу, какъ *прислуга*.

Ее привела къ намъ въ домъ идея раздѣленія труда, но это «раздѣленіе» пріобрѣло очень быстро уродливую форму.

... работают грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Заниматься искусствомъ, наукой,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

И чѣмъ больше работаютъ эти «грубыя руки», тѣмъ меньше ихъ уважаютъ.

Въ то же время «эти руки», давая одной части человѣчества совершенствоваться въ «искусствахъ и наукахъ», сами продолжаютъ коснѣть въ невѣжествѣ и примитивныхъ чувствованіяхъ.

Благодаря этой ненормальности (въ причины которой я не буду заглядывать — моя задача не въ этомъ) — въ семьѣ, т. е. въ томъ мірѣ, гдѣ застаетъ ребенка сознаніе и гдѣ онъ формируетъ свое «я», образуются двѣ сферы: одна ютится въ кухнѣ, людской, въ дворнѣ; другая — въ чистыхъ комнатахъ. «Чистыя комнаты» сразу становятся въ отношеніи къ ребенку въ искусственную позу; они ребенка «оберегаютъ», «учатъ», толкуютъ міръ и его явленія такъ, какъ «хочется» имъ, но не такъ, какъ «*есть*». А «кухня и «дворня» стоятъ на одной доскѣ съ дѣтьми: тѣ же интересы, та же степень удивленія, тотъ же примитивъ.

И очень скоро дѣти начинаютъ понимать, что тамъ жизнь «настоящая», тамъ «правда жизни», — а тутъ изъ устъ родите-

* Докладъ, читанный въ Обществѣ въ апрѣлѣ 1911 года.

лей, педагоговъ, воспитателей — учительство, передѣлка жизни, перефразъ ея въ какой-то непріемлемой, ложной формѣ. И потому тянетъ дѣтей къ этому безхитростному источнику, который не думаетъ, не старается учить, а самъ живетъ.

И вотъ сталкиваются два направленія, два теченія, — одно дѣланное, другое искреннее, — и начинаютъ вести борьбу въ душѣ дѣтей. За кѣмъ остается побѣда, угадать не трудно: *все*, получаемое изъ чистыхъ комнатъ, остается въ душѣ дѣтей въ меньшемъ процентѣ, чѣмъ получаемое изъ кухни или людской. Толкованія и назиданія «отцовъ» зачастую проходятъ изъ уха въ ухо, изрѣдка задѣвая его, чаще раздражая, а «та» жизнь вьетъ въ глубинѣ души свои гнѣзда.

Почему же правда исходитъ изъ кухни, а не изъ всей широкой жизни? — спросятъ меня.

Да она льется отовсюду, но «кухня», какъ постоянный факторъ, доставляетъ непрерывно свою струю и потому она пронизываетъ все.

Приведу иллюстраціи.

Одна искренняя мать вела дневникъ, въ который занесена слѣдующая сценка:

«Дочь моя $3^{1}/_{2}$ лѣтъ очень любила гулять съ няней, но не со мной. Я рѣшила изслѣдовать причину и пошла вмѣстѣ на прогулку. Пришли въ Екатерининскій скверъ. Юля (дочка) тотчасъ забралась на колѣни къ нянѣ и стала что-то спрашивать, указывая на Юнону.

«— На крышѣ? Это сидитъ пожарный, видишь: въ пожарной шапкѣ и длинная палка, — должно быть багоръ. Ишь, красивый какой! А для чего на крышѣ сидитъ, спрашиваешь? А чтобы успокоить всѣхъ: молъ, какъ пожаръ будетъ, а я тутъ, какъ тутъ. Огонь царь, да царица водица — она все потушитъ. А домъ стережетъ хорошій, каменный, жаль будетъ, если сгоритъ.

«Пошли дальше, — Александринскій театръ.

«— А вотъ еще на крышѣ лихіе кони съ кучеромъ, а можетъ, это и самъ хозяинъ правитъ. И-и-и! Лихіе-то какіе. Не сдержать! Куда только! Снесутъ.. — А вотъ еще, смотри, Юленька, люди-то съ баранками въ рукахъ. Да какія толстыя, да большія баранки несутъ, пойди, куда баранки-то. У всѣхъ по одной никому не обидно.

«Я поняла, что мнѣ и въ голову бы не пришло говорить съ

Юленькой объ «Юнонѣ», о «статуяхъ у архива», о «колесницѣ прогресса». У меня нѣтъ словъ для объясненія этого, а если бы я и нашла (подобрала) на своемъ языкѣ, то я или бы сказала, что «ты не поймешь», или бы стала говорить о символахъ, и Юлѣ это было бы чуждо, это была бы стѣна, черезъ которую она не увидѣла бы ничего; я бы не выяснила правды, а заслонила. А няня плела свою примитивную ассоціацію; эти фигуры вызывали у нея примитивные образы, которые «что-то» говорили и любопытствующей, и онѣ *вмѣстѣ жили*. Я поняла, почему Юля предпочитала общество няни.

«Поѣхали дальше.

«— Смотри, смотри, какіе длинные капельники (ледяныя сосульки) — вотъ ладно-то: быть и льну долгому, урожайный будетъ ленъ. Вотъ бабы-то на деревнѣ вздыхаютъ теперь, вотъ радость-то!

«— А развѣ ужъ посѣяли ленъ въ деревнѣ? — спрашиваетъ Юля съ тревогой, видя кругомъ снѣгъ.

«— Что ты! Что ты! Его сѣять начнутъ *какъ кукушка закукуетъ*».

Эта сценка очень характерная.

Мы давно отошли далеко отъ интереса къ «длиннымъ капельникамъ», отъ интереса ко всему встрѣчному. Мы давно проходимъ мимо тѣхъ явленій, къ которымъ у дѣтей неутомимый интересъ. Мы должны себя насиловать, чтобы глядѣть на *все* и давать *реплики на все*, а примитивная нянька живетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ и безъ всякаго насилія ахаетъ передъ «капелью» и передъ «пожарнымъ» въ одинаковой мѣрѣ.

Въ разсказѣ Сергѣева-Ценскаго «Испугъ» [1] ярко рисуется отчужденность отцовъ отъ интересовъ маленькаго ребенка: трехлѣтній мальчикъ обращается то къ матери, то къ отцу съ потрясшимъ и наполнившимъ его впечатлѣніемъ, — онъ увидѣлъ «раздавутую лягушку . . . сухую . . .» Мать, поглощенная семейною размолвкой, никакъ не реагируетъ на его настойчивый зовъ: «Мама! А мама!! Да мама же!!!» и отсылаетъ ребенка къ мужу. Отецъ въ отвѣтъ на сообщеніе сына о «лягушкѣ», на этотъ разъ «раздавитой», полуразсѣянно замѣчаетъ, гладя по головкѣ: «Тебѣ головку напекло . . . Иди къ мамѣ».

---

[1] „Современный Міръ" 1911, № 1.

А ребенку нужно было изжить съ кѣмъ-нибудь это сильное впечатлѣніе, и онъ нашелъ этого «кого-то». Это былъ *плотникъ* Иванъ.

Да, не отецъ, не мать, а плотникъ Иванъ, которому тоже было интересно поговорить о раздавленной лягушкѣ.

Я думаю, къ этому порядку отношеній надо отнести и вопросы Илюши Обломова къ нянѣ.

Всѣ помнятъ, конечно, какъ онъ закидывалъ ее: «Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло?» — И она ему: «Оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ».

И питается Илюша подобными объясненіями, но ни разу не адресовался съ вопросами къ «отцамъ». Онъ чуетъ, что отцы представляютъ только охранное отдѣленіе, и не ищетъ у нихъ отвѣта.

Эти примитивные вкусы, взгляды, трактовка, приближающіе дѣтей къ слугамъ, въ то же время удаляютъ отъ культуры; грубыя взаимныя отношенія, простая схема чувствъ, зачастую отсутствіе великодушія, своеобразная оцѣнка вещей, перебранка грубыми словами другъ съ другомъ изъ-за выѣденнаго яйца, своеобразная логика наполняютъ дѣтскій міръ впечатлѣніями, и результаты быстро сказываются: въ играхъ, въ разговорѣ, въ обиходѣ отражается добытая мораль. Мать жаловалась, что лексиконъ сына особенно жадно насыщается кухонными или, какъ ей казалось, «кучерскими» словами и очень вяло литературными, хотя ему читаютъ вслухъ по нѣсколько часовъ ежедневно на разныхъ языкахъ. «Какой ты глупый», сказала какъ-то ему мать.— «Отъ такой слышу», отвѣтилъ грубо и отрывисто сынъ. — «Что ты говоришь?» — «Что получилъ, то и отдаю. Каждый за себя стоитъ: позволь стать на палецъ, ты взвалишься на спину. Знаемъ мы васъ. Такъ-то вотъ вы кормите, а потомъ глаза колете». — «Остановись! Что ты болтаешь?» — «Мнѣ нечего останавливаться: я и такъ на тройкѣ не ѣду».

Вотъ діалогъ — показатель вліянія дворни.

Еще иллюстрація отношенія ребенка къ двумъ теченіямъ, поселившимся въ его головѣ.

— А я знаю что-то про вѣдьму. Мнѣ Лена (прислуга) разсказала. И это вѣрно, я знаю, что это вѣрно, — говорилъ Лева

съ тревогой, боясь заранѣе, что я (мать) стану опровергать фактъ, въ который ему уже хотѣлось вѣрить безъ помѣхъ, безъ моего скептицизма. — Подъ Новый годъ приходитъ вѣдьма доить коровъ, и если ей не помѣшать, то корова на весь годъ потеряетъ молоко. Нужно подъ ворота положить крапивы или чертополоха, тогда вѣдьма не пройдетъ. Разъ, Лена говоритъ, она забыла положить крапивы и чертополоху, и корова сразу сбавила молока. Да, да, это вѣрно, я знаю. И колдуны есть, они змѣй дѣлаютъ, — торопился онъ съ тревожной настойчивостью выложить капиталъ, пріобрѣтенный изъ «вѣрныхъ» рукъ безъ вѣдома матери. — Если бы не было колдуновъ, и змѣй не было бы. Ты не вѣришь?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому, что я видѣла, какъ змѣи вылупляются изъ яичекъ, какъ змѣя выводитъ дѣтокъ. Я это видѣла, а колдуна не видѣла... Да и никто не видѣлъ его.

— Вотъ и неправда. Лена говоритъ, что въ деревнѣ все это можно видѣть, а въ городѣ нѣтъ. А ученые ничего не видятъ, потому что живутъ въ городахъ и читаютъ книжки, которыя сами же повыдумали, и вѣрятъ въ свою выдумку. А колдуны водятся въ лѣсахъ, въ тайныхъ мѣстахъ, тамъ Лена никогда ученыхъ не видала.

— Напрасно думаешь, что ученые не бываютъ въ тайныхъ мѣстахъ, они всюду бываютъ и стараются все изучить. Ты же знаешь про ученыхъ и путешественниковъ Козлова, Свена-Гедина, Робинзона, вѣдь они бывали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и нога человѣческая не была, но о колдунахъ не сообщали ни разу, значитъ, не видѣли.

— Такъ вѣдь колдуны не каждую минуту сидятъ на своихъ мѣстахъ. Пришли путешественники, можетъ быть, совсѣмъ близко были, а самого колдуна не замѣтили. Онъ самъ къ нимъ не вылѣзетъ. А вѣдьму только разъ и видѣли. Ребята крестьянскіе видѣли. Межа такъ идетъ, а она шла поперекъ по соломинкѣ. Ребята побѣжали за ней, а она и скрылась. Какъ птица, прошла. Она скоро снимала (урожай). Крестьяне привыкли въ деревнѣ и все знаютъ, а ученые съ непривычки ничего не разберутъ.

— Ну, а вылупленье змѣй я сама видѣла.

— Да, теперь змѣи вылупляются изъ яицъ, а первую змѣю колдунъ сдѣлалъ. Богъ не могъ создать такую гадину. Лена

сказала, что все доброе, хорошее отъ Бога, а злое отъ колдуна.

Я больше не противорѣчила: предоставила самому разобраться въ этихъ вѣяніяхъ.

«Трудъ» съ точки зрѣнія любой прислуги есть та «каторга», то несчастіе, которое несутъ они въ услуженіи, и потому презираютъ всякаго, кто несетъ «трудъ». Свои блаженныя мечты о *ничегонедѣланіи* они исповѣдуютъ вслухъ при каждомъ подходящемъ случаѣ и рядомъ посылаютъ проклятіе «труду». Въ нѣкоторой долѣ они правы: вспоминая афоризмъ Рескина: «жизнь безъ труда есть прозябаніе, но трудъ безъ творчества есть рабство» — должно сознаться, что прислуга, испытывая эту послѣднюю форму труда, не можетъ относиться къ нему иначе, какъ съ проклятіемъ: вѣдь форма ихъ работы есть униженіе идеи человѣческаго труда.

Но отъ духовнаго взора дѣтей ускользаетъ эта односторонность, и они заражаются этимъ взглядомъ и тоже начинаютъ въ «трудѣ» видѣть тяжелый кошмаръ. Дочь одной женщины-врача говорила своей матери: «Бѣдная, несчастная ты, мамочка, приходится тебѣ работать. Какія мы несчастныя, что нѣтъ у насъ столько денегъ, чтобы всѣ мы могли бы всю жизнь не думать о работѣ». Еще передавала фельдшерица свои впечатлѣнія изъ больницы: одна служанка отличалась нескромною говорливостью и какъ-то въ дѣтской палатѣ произнесла довольно смѣло: «Небось, ты такая же служанка, какъ и мы, треплешь хвостомъ изъ этажа въ этажъ, какъ и мы. Тоже пустокарманная, вотъ и бѣгаешь; тебя, какъ волка, ноги кормятъ». Дѣти послѣ этого (какъ она передавала) стали смотрѣть на нее съ особенною жалостью, а одна, прощаясь, сказала: «Если бы я была богата, я бы вамъ дала много денегъ, чтобы вы начали жить, ничего не дѣлая».

Дѣти не понимаютъ, что сплошная праздность есть высшее несчастіе, но подъ угломъ зрѣнія «униженной» въ рабскомъ трудѣ прислуги — праздность является счастьемъ и мечтой.

Но прислуга не только понижаетъ общую трактовку явленій, она зачастую перегибаетъ міровоззрѣніе въ другую сторону: бѣлое становится чернымъ и обратно.

Такъ, одна мать передаетъ разговоръ, происшедшій между дѣвочкой 9 лѣтъ и прислугой.

— Вы не настоящіе господа, — вы простые: зовете прислугу голосомъ, а не звонкомъ, да и звонки-то у васъ не въ каждой комнатѣ, да и еще... Когда барина нѣтъ, такъ барыня сажаетъ няню и меня обѣдать вмѣстѣ. Ну, какіе же вы господа?! Вотъ, я жила у генеральши Каблуковой! Какъ только она позвонитъ, надо все бросать и бѣжать... А звонки даже подъ тарелкой у нея были въ столовой, — какъ войдешь, такъ она только глазомъ укажетъ. А самъ генералъ, человѣкъ серьезный, — такъ закричитъ, если что не такъ. Да, баринъ настоящій!

И вотъ, подъ впечатлѣніемъ такого пренебрежительнаго отношенія прислуги къ порывамъ братскаго отношенія, у дѣвочки явился гоноръ возстановить честь семьи и довести до репутаціи «настоящихъ» господъ. И довела. Кричала и метала, весь домъ подымала на ноги для услугъ только себѣ, — и достигла цѣли! Прислуга ея боялась и, должно быть, съ своей точки зрѣнія — уважала.

А дѣвочка заразилась хамствомъ этой прислуги.

Поэтому при выборѣ прислуги желательно узнавать не только цензъ ея — 3 блюда, опрятна, нѣтъ знакомствъ, но и тотъ *бытъ,* который внесетъ она въ домъ. Несомнѣнно, что та нянька, которая «Юнону» превратила въ пожарнаго, имѣетъ за собою массу плюсовъ, наполняя поэзіей жизнь города: ея «капельники», «кукушка», «ленъ» и пр. никѣмъ, кромѣ нея, не могутъ быть внесены въ жизнь ребенка.

Представьте типъ прислуги, насыщенной взглядами фабричнаго района или «хамствомъ» барскихъ переднихъ, или мѣщанствомъ провинціальныхъ городовъ, тогда станетъ понятнымъ отрицательный типъ.

Выборъ прислуги долженъ производиться съ такимъ же вниманіемъ, какъ и выборъ учебнаго заведенія, учителей, гувернантокъ. Мало этого, необходимо непрестанно наблюдать, какъ явленія жизни, преломленныя черезъ призму прислуги, воспринимаются ребенкомъ.

Нельзя не обратить вниманія еще на одну большую странность: слуги, несущіе самую неблагодарную долю труда, не пользуются ни уваженіемъ, ни любовью и почти всегда живутъ въ домѣ при недовѣріи.

Довольно прочесть «Дневникъ горничной» Мирбо, чтобы понять ту бездну приниженія, которое выносятъ слуги изъ-за не-

прерывной подозрительности господъ. «Ключъ — вотъ символъ недовѣрія», восклицаетъ героиня Мирбо, и мы всѣ имѣемъ эти ключи, не сознавая полнаго значенія этого орудія.

Но этотъ «ключъ» страшенъ больше всего для души дѣтей: онъ первый поселяетъ тамъ идею, что слуги — воры, грабители, а потому надо отъ нихъ замыкаться.

Ключъ дѣлаетъ изъ нихъ сыщиковъ, шпіоновъ, соглядатаевъ, сплетниковъ, доносчиковъ. Представьте на мигъ ребенка, растущаго въ средѣ Передонова, въ «Мелкомъ бѣсѣ» Сологуба, и вамъ станетъ ясно, что такой ребенокъ пройдетъ и не замѣтитъ благороднаго человѣческаго порыва, но будетъ выискивать все передоновское.

И потому, въ такихъ семьяхъ, зачастую, дѣти кричатъ на слугъ, называя ихъ «ворами», «мужиками» и пр. принижающими словами. А извѣстно, что у приниженныхъ людей и самолюбіе *особенно* больное.

Расколъ дѣтской души на этомъ не останавливается: дѣти рано разрѣшаютъ вопросъ неравенства положенія «хозяевъ и работниковъ». Сначала еще задаются вопросы: — «Почему тѣ въ кухнѣ спятъ, а мы тутъ? Почему у нихъ постельки другія? Почему они ѣдятъ не то же, что и мы? Почему имъ говорятъ «ты», а они — «вы»?»

Но эти вопросы быстро исчезаютъ; видно, окружающіе усыпляютъ вопль справедливости, и они по тону и репликамъ старшихъ начинаютъ понимать свое «превосходство» передъ дворней, свою привилегію», свое «право», свою если не «бѣлую кость», то «бѣлую руку», а отъ этого сознанія у многихъ дѣтей кружится голова, и они перестаютъ различать право «человѣка» отъ права «барина».

Въ крѣпостническія времена, по признанію многихъ помѣщиковъ (Т. Пассекъ, А. Герцена), право «барина» затмило право «человѣка». Это зло было наибольшее отъ крѣпостничества.

И это сознаніе, что онъ, ребенокъ, — «бѣлоручка», питаемое и семьей и слугами, въѣдается въ кругозоръ растущаго ребенка — будущаго человѣка, и отсюда — бездна извращеній.

Отсюда и «крѣпостникъ», и «барство», и вся сопровождающая распущенность.

Самое трудное для человѣка, владѣя правомъ, не злоупотреблять имъ, такъ какъ, превысивъ его, унизишь человѣка, а себя

распустишь. Триста Захаровъ, всегда готовыхъ къ услугамъ Обломова, обезволили его.

Твердо стоять на позиціи и дѣйствовать въ предѣлахъ условнаго права, имѣя въ домѣ слугъ, которыми такъ легко помыкать, умѣютъ очень немногіе.

Такой произволъ не проходитъ даромъ ни барину ни слугамъ, а тѣмъ болѣе неустановившимся дѣтямъ, которымъ такъ трудно различать предѣлы этого права.

Я знаю людей, которые убоялись этого вліянія на дѣтей настолько, что совершенно отказались отъ слугъ, стали жить, *все* дѣлая своими руками, но вѣдь это не есть выходъ: если бы всѣ послѣдовали этому примѣру, то остановился бы прогрессъ и во многомъ нужно бы было попятиться назадъ. Выходъ долженъ быть въ иной формѣ отношеній.

Говорить и проповѣдывать идею «любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ» — едва ли это приведетъ къ какой-нибудь новой лучшей формѣ жизни: эта великая заповѣдь, произнесенная 2000 лѣтъ тому назадъ, еще остается внѣ насъ и не воплотилась въ насъ, потому что она намъ не подъ силу. Но надо стараться *понимать* ближняго, какъ самого себя, и не жалость и состраданіе вызывать въ людяхъ, а *уваженіе* къ человѣку, какъ безусловно тебѣ равному по запросамъ.

Надо напомнить и воспитать новую заповѣдь XX вѣка: «Все справедливое для меня, для моего труда, для моей жизни одинаково справедливо для труда и жизни слуги, рабочаго». И въ основу новаго воспитанія вложить эту идею уваженія и развитіе идеи товарищества.

Уважай чужое время, настроеніе и силы, не *требуй* отъ человѣка большаго, чѣмъ онъ долженъ дать.

Е. Соловьева.

Почему дѣти не слушаются матерей*.

Я хочу остановить ваше вниманіе на вопросѣ о томъ, *почему* дѣти не слушаются своихъ матерей, на вопросѣ о конфликтахъ въ дѣтской. Можетъ быть, многимъ покажется этотъ вопросъ не заслуживающимъ вниманія. Вѣдь это не борьба отцовъ и дѣтей, борьба двухъ міросозерцаній, борьба двухъ поколѣній, которою такъ интересуются въ литературѣ и въ жизни. Но, съ моей точки зрѣнія, борьба дѣтей съ матерями, тѣ маленькія и незамѣтныя бури, которыя происходятъ въ дѣтской, имѣютъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ конфликты между отцами и дѣтьми. Въ самомъ дѣлѣ, если вдумаетесь въ причины конфликтовъ между отцами и дѣтьми, въ причины того отчужденія, которое обнаруживаетъ молодежь по отношенію къ своей семьѣ, въ причины взаимнаго непониманія, то вы увидите, что корни всѣхъ этихъ тяжелыхъ и непріятныхъ для родителей явленій надо искать въ дѣтской, въ тѣхъ маленькихъ семейныхъ сценахъ, на которыя матери обращаютъ такъ мало вниманія. Можетъ быть, однако, вы скажете, что конфликты въ дѣтской рѣдки, что дѣти вообще слушаются матерей. Къ сожалѣнію, эти конфликты совсѣмъ не такъ рѣдки. О нихъ на каждомъ шагу приходится узнавать въ семьяхъ мало интеллигентныхъ по тѣмъ стонамъ и крикамъ дѣтей, которыми они реагируютъ на различные пріемы защиты своихъ правъ со стороны матерей, въ семьяхъ болѣе интеллигентныхъ — по вопросамъ матерей, обращающихся за указаніемъ, какъ имъ быть съ отбивающимися отъ рукъ дѣтьми. Еще на-дняхъ одна молодая мать жаловалась на своего единственнаго и любимаго ребенка — дѣвочку, которая въ домѣ, по ея словамъ, является маленькимъ деспотомъ

* Изъ лекцій для матерей при Обществѣ дошкольнаго воспитанія.

и совершенно не признаетъ авторитета матери, хотя и проявляетъ къ ней очень нѣжную привязанность. Изъ разговора оказалось, что этому маленькому деспоту всего только три года. Если же случаи непослушанія дѣтей не рѣдки, очевидно, есть какая-нибудь причина, побуждающая маленькихъ и слабыхъ дѣтей сопротивляться авторитету большихъ и сильныхъ матерей. Это несомнѣнно. И причина здѣсь, по-моему, та же, что заставляетъ общество бороться съ правительствомъ: несоотвѣтствіе требованій, предъявляемыхъ дѣтямъ, съ ихъ наличными силами, потребностями и стремленіями, *непониманіе родителями особенностей дѣтской природы*. Я утверждаю, что *непослушанію дѣтей всегда учатъ сами матери*.

Дѣло происходитъ такимъ образомъ. Мать предъявляетъ ребенку требованіе, совершенно для него невыполнимое, напримѣръ: «сиди смирно», «не болтай», «не возись» и т. п. Эти требованія невыполнимы для ребенка потому, что онъ — весь движеніе; движенія для него необходимы, какъ воздухъ, они являются однимъ изъ главныхъ факторовъ его развитія. Хотя ребенокъ и не сознаетъ значенія для него движеній, но природа сама напоминаетъ ему объ этомъ, онъ испытываетъ громадное удовольствіе отъ движенія, дѣятельности. Онъ къ нимъ, поэтому, стремится инстинктивно. Понятно, что онъ не выполняетъ требованія матери. Не выполняя сначала требованій только непосильныхъ, ребенокъ мало-по-малу научается вообще не исполнять требованій, т. е. перестаетъ слушаться. Скоро онъ замѣчаетъ, что такое неподчиненіе доставляетъ ему удовольствіе и съ другой стороны: оно даетъ ему ощущеніе своей силы, своей личности. Ребенокъ мало-по-малу входитъ, такъ сказать, во вкусъ непослушанія и дѣлается маленькимъ деспотомъ. Авторитетъ матери падаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и все воспитаніе.

Можетъ быть и такой случай. Мать, недостаточно взвѣшивая свои требованія, даетъ ребенку постепенно рядъ взаимно исключающихъ приказаній. Исполняя одно, онъ невольно нарушаетъ другое, т. е. научается не слушаться. Хотя противорѣчія въ требованіяхъ, предъявляемыхъ матерями дѣтямъ, несомнѣнно, имѣютъ мѣсто довольно часто, но предположимъ, что ихъ нѣтъ, и все-таки дѣло не улучшается, если мать даетъ ребенку одновременно нѣсколько приказаній. Объемъ памяти и вниманія ребенка обычно такъ малъ, что онъ при всемъ желаніи даже не могъ

бы сосредоточиться больше, чѣмъ на одномъ, и естественно, что другія выпадаютъ. Мать имѣетъ неосторожность обращать вниманіе ребенка на забытыя имъ приказанія, т. е. фиксируетъ его вниманіе на мысли о непослушаніи. Немудрено, что скоро непослушаніе сдѣлается сознательнымъ и случаи его участятся, и опять пропалъ авторитетъ. Кто виноватъ?

Мнѣ кажется, однако, что лучше не искать виновнаго, а постараться найти выходъ изъ этого ненормальнаго положенія, разобраться въ вопросѣ о средствахъ поддержанія материнскаго авторитета въ дѣтской на той высотѣ, которая соотвѣтствуетъ важности материнскаго, семейнаго воспитанія, его значенію. А значеніе это чрезвычайно велико. Я полагаю, что тѣ педагоги, психологи и общественные дѣятели, которые говорили, что будущее человѣчества въ рукахъ матерей, были глубоко правы. Въ самомъ дѣлѣ, если вы задумаетесь надъ происхожденіемъ самыхъ возвышенныхъ, самыхъ чистыхъ, наиболѣе благородныхъ убѣжденій и вѣрованій человѣчества, то вы убѣдитесь, что они менѣе всего вынесены изъ школы: про нихъ справедливо говорятъ, что они всосаны съ молокомъ матери, они — эти самыя глубокія и неискоренимыя убѣжденія — зародились въ дѣтской.

«Не облаками до и послѣ полудня, — говоритъ въ своемъ поэтическомъ трактѣ о воспитаніи Жанъ Поль Рихтеръ, — опредѣляется погода цѣлаго дня, а характеромъ ранняго утра». Такъ и въ воспитаніи: впечатлѣнія дѣтства опредѣляютъ направленіе всего дальнѣйшаго воспитанія. Сила и вліяніе воспитанія обратно пропорціональны возрасту. По словамъ одного педагога, если сила и вліяніе воспитанія на 12-мъ году равняется 1, то на 9-мъ году она — 2, на 7-мъ — 4, на 5-мъ — 8, на 3-мъ — 16 и на 1-мъ — 32. Какъ прочность дома зависитъ отъ крѣпости фундамента, такъ и все воспитаніе — отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя запали глубоко въ душу ребенка, которыя легли, такъ сказать, на самое дно ея, отъ первыхъ впечатлѣній.

Это, несомнѣнно, справедливо по отношенію къ характеру человѣка. Основы характера закладываются въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. «Вопреки распространенному мнѣнію, — говоритъ профессоръ Сикорскій, — порча характера ребенка происходитъ не въ ту пору, когда уже успѣло развиться разумѣніе, т. е. въ періодъ второго дѣтства, но гораздо ранѣе, въ пору младенческой невинности и незнанія зла». Эту же мысль еще болѣе рѣзко выража-

етъ проницательная наблюдательница дѣтей — мадамъ Неккеръ-де-Соссюръ. По ея мнѣнію, въ шестилѣтнемъ возрастѣ наклонности и характеръ уже совсѣмъ сложились. А вѣдь извѣстно, что исправлять испорченное гораздо труднѣе, чѣмъ дѣлать что-нибудь въ первый разъ. Часто это оказывается совсѣмъ невозможнымъ, непоправимымъ, и дѣти, не получившія въ раннемъ дѣтствѣ хорошаго воспитанія, твердыхъ основъ нравственнаго характера, несмотря на лучшую постановку всего послѣдующаго образованія, оказываются не въ состояніи восполнить пробѣлы своего первоначальнаго воспитанія. Пойдите въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, и вы тамъ увидите, что почти всѣ несчастныя дѣти, оказавшіяся неспособными къ жизни въ соціальномъ обществѣ, не получили хорошаго воспитанія въ раннемъ дѣтствѣ, въ семьѣ; это большею частью сироты или вообще безпризорныя дѣти, выброшенныя нуждою на улицу. И какъ трудно поддаются они воспитанію! Загрубѣлое отъ дурного воспитанія, съежившееся отъ жизненнаго холода сердце, какъ каменистое, высохшее поле, не воспринимаетъ хорошихъ сѣмянъ и не выращиваетъ ихъ. И наоборотъ, согрѣтое нѣжными лучами материнской любви съ самаго начала жизни, сердце ребенка остается мягкимъ и впечатлительнымъ на всю жизнь. «Чему я долженъ приписать, — говорилъ Гарибальди, — эту сильную любовь мою къ отечеству, эту непреклонную преданность ему, какъ не соболѣзнованію моей матери къ несчастнымъ, какъ не состраданію несчастнымъ». Такимъ образомъ, въ семейномъ воспитаніи первая и главная роль принадлежитъ матери.

Мать, охраняя и согрѣвая ребенка, снабжаетъ его такимъ запасомъ тепла, котораго хватаетъ на всю послѣдующую жизнь. «Если бы въ тяжелыя минуты жизни, — говоритъ Толстой въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», — я хоть и мелькомъ могъ видѣть улыбку матери, я бы не зналъ, что такое горе». По словамъ Шатобріана, онъ обязанъ своей матери славой и счастьемъ своей жизни. И это, несомнѣнно, должны сказать многіе выдающіеся люди, такъ какъ, по наблюденіямъ Тальтона, у всѣхъ великихъ людей были замѣчательныя матери, съ запасомъ большихъ духовныхъ силъ. Но значеніе матери въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей заключается не только въ томъ, что она согрѣваетъ ребенка тепломъ своей любви и ласки, является для него тѣмъ солнышкомъ, при которомъ только и можетъ хорошо развиваться нѣжное молодое

человѣческое растеніе. Она, кромѣ того, говоритъ на одномъ съ нимъ языкѣ чувствъ, она лучше *понимаетъ* его, чѣмъ разсуждающій отецъ. Между тѣмъ, *пониманіе ребенка является главнымъ условіемъ правильной постановки его воспитанія.*

Въ самомъ дѣлѣ, что такое воспитаніе и отъ какихъ условій оно зависитъ? Анализъ понятія «воспитаніе» показываетъ, что мы въ жизни прилагаемъ это слово ко всему живому, способному развиваться, совершенствоваться. Мы никогда не говоримъ о воспитаніи по отношенію къ мертвой природѣ, которая не претерпѣваетъ внутреннихъ, органическихъ измѣненій, не говоримъ о воспитаніи идіотовъ, неспособныхъ къ развитію, или стариковъ, развитіе которыхъ уже прекратилось. Подъ воспитаніемъ, такимъ образомъ, обыкновенно подразумѣваютъ *развитіе* или совершенствованіе *живого существа,* которое дѣлается все болѣе и болѣе способнымъ къ жизни, благодаря приспособленію къ соотвѣтствующей средѣ. Отсюда ясно, что для воспитанія необходимы, съ одной стороны, живой, развивающійся по извѣстнымъ законамъ организмъ, съ другой — та среда, къ которой онъ долженъ приспособляться, которая даетъ толчокъ его силамъ и формируетъ ихъ сообразно требованіямъ, предъявляемымъ ею этому организму.

Въ исторіи педагогики много было споровъ о томъ, что имѣетъ больше значенія при воспитаніи: организмъ, его природные задатки или та среда, которая вызываетъ къ жизни его способности. Иногда педагоги серьезно думали, что среда, соотвѣтствующая обстановка не только пробуждаютъ къ жизни дремлющія способности, вызываетъ ихъ, такъ сказать, на свѣтъ Божій и укрѣпляетъ, но и создаетъ ихъ въ предѣлахъ одной индивидуальной жизни. «Дайте мнѣ, — говорилъ одинъ педагогъ, — трехъ маленькихъ дѣтей — и черезъ 15—20 лѣтъ я сдѣлаю изъ нихъ художника, поэта и музыканта». Опытъ, конечно, не удался, а теперь никто и не думаетъ, что воспитаніе, т. е. вліяніе среды, всемогуще. Можетъ быть, и можно было бы создать изъ ребенка все, что угодно, если бы начинать воспитаніе за нѣсколько сотъ лѣтъ до рожденія его на свѣтъ, если бы удалось оказать вліяніе на ту психофизическую организацію, которую онъ приноситъ съ собою при рожденіи. Теперь же, когда мы знаемъ, какъ велико значеніе наслѣдственныхъ предрасположеній, обусловливающихъ собою общій ходъ развитія дитяти, мы можемъ заботиться только о созданіи благопріятныхъ условій для развитія тѣхъ способностей, тѣхъ задатковъ,

съ которыми ребенокъ явился на свѣтъ Божій и которыя необходимы для его приспособленія къ окружающей средѣ.

Такимъ образомъ, *главная задача воспитанія — это созданіе условій, благопріятныхъ для развитія природныхъ задатковъ индивидуума.* А для этого необходимо *пониманіе природы ребенка,* умѣнье разбираться въ его психическихъ переживаніяхъ, умѣнье слѣдить за его духовнымъ ростомъ и опредѣлять, какія условія благопріятствуютъ его развитію и какія его тормозятъ.

Особенно все это важно въ первую эпоху жизни ребенка, въ періодъ полной и совершенной его безпомощности; потомъ, когда у ребенка проснется разумъ, когда немножко окрѣпнетъ воля, онъ сдѣлается способнымъ самостоятельно упражнять свои способности, развиваться и приспособляться къ жизни, въ первую же пору жизни развитіе ребенка всецѣло находится въ рукахъ его матери, всецѣло зависитъ отъ ея умѣнья понять ребенка и создать благопріятныя условія для развитія его способностей.

Чрезвычайно важнымъ средствомъ пониманія ребенка и его духовныхъ переживаній является любовь матери къ своему дитяти, но надо сказать, что она далеко не обезпечиваетъ полнаго пониманія. Тѣ конфликты въ дѣтской, о которыхъ я говорилъ въ началѣ, которые являются слѣдствіемъ недостаточнаго пониманія природы дѣтей, очень часто имѣютъ мѣсто въ такихъ семьяхъ, гдѣ матери относятся съ глубокой нѣжностью и любовью къ своимъ дѣтямъ. Мнѣ кажется, что чаще всего причиною этихъ конфликтовъ бываетъ именно сама материнская любовь, беззавѣтное желаніе счастья своему ребенку. Слишкомъ поглощенная заботами *о будущемъ* ребенка, мать разсматриваетъ каждый періодъ его жизни только какъ подготовку къ слѣдующему; заботясь о будущемъ, она приноситъ ему въ жертву настоящее ребенка, не даетъ себѣ труда вникнуть въ его переживанія въ каждый данный отдѣльный моментъ и, въ концѣ концовъ, мучитъ ребенка непосильными требованіями, теряетъ свой авторитетъ и создаетъ неблагопріятныя условія для его духовнаго развитія. Заботясь о будущемъ ребенка, мать форсируетъ его развитіе, подобно нетерпѣливому мальчику, который ковыряетъ руками еще нераспустившійся бутонъ цвѣтка. Результатъ извѣстенъ: цвѣтокъ совсѣмъ не распускается, и изъ искусственно выращиваемаго въ тепличной атмосферѣ вундекинда выростаетъ худосочное и въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи существо, лишенное энергіи, предпріим-

чивости, инициативы. Значитъ ли, что мать не должна заботиться о будущемъ ребенка? Совсѣмъ нѣтъ. Но забота о будущемъ — священный долгъ матери — требуетъ, чтобы созданы были наиболѣе благопріятныя условія для его развитія. Первое изъ этихъ условій — это *пониманіе душевнаго склада дѣтей* и умѣнье создать такую обстановку, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы потребностямъ дѣтской души и давала бы ребенку полное удовлетвореніе. Если ребенокъ доволенъ, если онъ счастливъ, если онъ живетъ полной, свойственной его возрасту жизнью, онъ поставленъ въ наиболѣе благопріятныя условія для развитія, онъ получаетъ лучшую подготовку и для будущаго. Родной міръ ребенка — волшебный міръ фантазіи. Въ дѣтствѣ всѣ мы — поэты. Ребенокъ находитъ свой міръ въ сказкѣ, создаетъ его себѣ игрой. Поэтому игра и сказка — родная стихія ребенка. Обязанности взрослыхъ здѣсь довольно несложны: это, во-первыхъ, не мѣшать ребенку, не разрушать очарованія его волшебнаго міра своимъ непрошеннымъ и неумѣлымъ вторженіемъ въ него; во-вторыхъ, — давать дѣтямъ богатый, интересный и достаточно разнообразный матеріалъ для созданія этого міра сказки и игры.

Этотъ сказочно-волшебный міръ дѣтской игры не только доставляетъ ребенку глубокое удовлетвореніе, не только является условіемъ его счастья, но и лучшей, самой надежной подготовкой для будущаго. Игра развиваетъ способности ребенка и вводитъ его незамѣтно въ пониманіе окружающей среды, такъ какъ дѣти играютъ обыкновенно въ то, чѣмъ взрослые на ихъ глазахъ занимаются. Поэтому, если дѣти писателей играютъ въ сочинительство, то дѣти кладбищенскихъ сторожей забавляются устройствомъ похоронныхъ процессій. «Не потому дѣти играютъ, — справедливо говоритъ профессоръ Гроссъ, лучше другихъ понявшій громадное значеніе игры въ дѣлѣ развитія ребенка, — что они молоды, а затѣмъ и дано ребенку такое длинное дѣтство, чтобы онъ могъ долго играть». Не укорачивайте же искусственно дѣтства, не забывайте, что игра, упражняя посильными задачами всѣ способности ребенка, развиваетъ въ то же самое время его мышленіе и волю, т. е. какъ разъ тѣ способности, о развитіи которыхъ должны всего болѣе заботиться матери, желающія сдѣлать своихъ дѣтей полезными въ жизни и счастливыми.

Между тѣмъ, въ настоящее время чаще всего дѣтство прерывается стремленіемъ матери къ развитію разума ребенка, къ куль-

турѣ его ума. Ребенка начинаютъ учить чуть не съ пеленокъ. Волшебная сказка замѣняется скучной книгой, свободная, дающая широкій просторъ творческой самодѣятельности игра — принудительной, не приноровленной къ личнымъ силамъ и интересамъ ребенка — школьной работой. Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что стремленіе къ развитію разума ребенка является вполнѣ законнымъ стремленіемъ, и чѣмъ ранѣе начнется культура ума, тѣмъ лучше для будущаго человѣка, которому предстоитъ оріентироваться въ чрезвычайно сложныхъ и разнообразныхъ условіяхъ жизни. Совершенно правъ былъ Локкъ, когда онъ говорилъ: «чѣмъ вы ранѣе начнете обращаться съ ребенкомъ, какъ съ существомъ свободнымъ, тѣмъ онъ скорѣе станетъ дѣйствительно таковымъ». Но путь, какимъ идутъ матери въ дѣлѣ культуры ума, въ развитіи способности пониманія, совершенно неправильный. Онъ обнаруживаетъ недостаточное пониманіе особенностей дѣтской психики. Возражая противъ ранняго обученія дѣтей, противъ лишняго резонированія съ ними, Руссо, между прочимъ, замѣтилъ: «книга — бичъ дѣтства». И онъ былъ глубоко правъ. Книга — сухая, полная такъ называемыхъ полезныхъ свѣдѣній, не даетъ никакой пищи для ума, хотя и не спящаго, какъ думалъ Руссо, но, несомнѣнно, совершенно еще неспособнаго къ отвлеченію, къ разсужденію и питающагося яркими, живыми образами. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ отвѣтъ маленькой дѣвочки, которая на вопросъ матери: «А поймешь ли ты эту сказку?» сказала: «Я, мамочка, всѣ сказки понимаю, если ты мнѣ ихъ не объясняешь».

Пониманіе ребенка своеобразно: процессъ его размышленія опредѣляется не логическими операціями, какъ у взрослаго, а тѣми душевными переживаніями, которыя современными психологами обозначаются терминомъ вчувствованіе. Ребенокъ, подобно первобытному дикарю, склоненъ къ антропоморфизму, къ одушевленію природы, къ антропоморфическому пониманію явленій окружающей среды. Онъ вездѣ видитъ живое, дѣйствующее начало и самъ думаетъ только тогда, когда что-нибудь переживаетъ, когда дѣйствуетъ. Ребенокъ, какъ остроумно отмѣчаетъ американскій психологъ О-Ши, думаетъ мускулами. Онъ думаетъ, когда что-нибудь дѣлаетъ. Это естественный путь развитія мышленія. Люди начинаютъ размышлять подъ вліяніемъ потребности дѣйствовать цѣлесообразно. Потребность заставляла первобытнаго дикаря созда-

вать нужныя для работы вещи. Работа же заставляла его сопоставлять, сравнивать, выбирать, однимъ словомъ — учила размышленію. Тѣмъ же путемъ идетъ и каждый отдѣльный ребенокъ. Благодаря дѣйствованію, онъ пріобрѣтаетъ ясныя и точныя представленія о вещахъ, вырабатываетъ способность сравнивать, различать, провѣрять. Поэтому неудивительно, что дѣйствіе является наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для умственнаго развитія ребенка, для внушенія ему тѣхъ или иныхъ мыслей. «Дѣйствіе», справедливо говоритъ Джеддъ, «является условіемъ умственнаго роста».

Особенно важно воспитывать при помощи дѣйствія, когда дѣло касается нравственнаго воспитанія. Я уже обращалъ ваше вниманіе на то, что правила, совѣты и наставленія, даваемые дѣтямъ, не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ легко забываются или не всегда понимаются. Между тѣмъ, ребенокъ и понимаетъ лучше и помнитъ дольше то, что онъ продѣлалъ, прочувствовалъ, пережилъ. Поэтому давно уже всѣми лучшими педагогами признано, что главнымъ средствомъ нравственнаго воспитанія является прививка ребенку хорошихъ привычекъ, являющихся, по словамъ Ушинскаго, тѣмъ нравственнымъ капиталомъ, процентами съ котораго человѣкъ живетъ всю жизнь. Можетъ быть, вы скажете, что въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія еще болѣе важно развитіе совѣсти ребенка, пробужденіе въ немъ чувства долга, отвѣтственности, что достигается не механическимъ пріученіемъ его къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ, а фиксированіемъ вниманія на мотивахъ его поступковъ, развитіемъ его сознанія, мышленія. Совершенно вѣрно: важнѣе всего не привычки, такъ какъ ко всему, что потребуется въ жизни, все равно пріучить нельзя, но развитіе чуткой совѣсти и способности дѣйствовать не импульсивно, подъ вліяніемъ перваго побужденія, а сознательно, послѣ зрѣлаго размышленія. Но какъ научить ребенка дѣйствовать сознательно и разумно? Здѣсь мы снова должны вспомнить, что ребенокъ учился мыслить, дѣйствуя. Пріучая ребенка, мы въ то же время заставляемъ его и размышлять. Въ самомъ дѣлѣ, понять разсужденія взрослыхъ о различной цѣнности поступковъ, о томъ, что хорошо, что дурно, что можно, чего нельзя, ребенокъ можетъ только въ томъ случаѣ, если онъ пережилъ то или другое испыталъ чувства удовольствія или неудовольствія, соединенныя съ извѣстными дѣйствіями, если онъ имѣетъ нѣкоторый опытъ; иначе слова воспитателя оста-

нутся для него пустымъ звукомъ. Отсюда ясно, что начинать нравственное воспитаніе ребенка необходимо съ пріученія его къ извѣстнымъ желательнымъ съ точки зрѣнія взрослыхъ дѣйствіямъ. Дѣйствуя, ребенокъ въ то же время размышляетъ и получаетъ тотъ опытъ, опираться на который можно будетъ впослѣдствіи въ бесѣдахъ съ нимъ о мотивахъ его поступковъ, въ то время, когда ему будетъ предоставлена извѣстная свобода (свобода должна предоставляться ребенку постепенно, по мѣрѣ его роста) въ дѣйствіяхъ.

Какимъ же путемъ, все-таки, долженъ идти воспитатель, желающій привить ребенку рядъ привычекъ? Здѣсь путь, несомнѣнно, только одинъ, это — *внушеніе* ребенку словомъ, примѣромъ, окружающей его обстановкой извѣстныхъ *дѣйствій*. Внушеніе ребенку тѣмъ скорѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ онъ моложе, чѣмъ болѣе силенъ въ немъ инстинктъ подражанія взрослымъ. Вообще, сила внушенія прямо пропорціональна авторитету внушающаго лица и чистотѣ внушеній и обратно пропорціональна возрасту ребенка. Мать должна быть въ глазахъ ребенка тѣмъ пророкомъ, слово котораго для вѣрующаго — законъ. Чистота внушеній, какъ показываетъ успѣхъ рекламы, моды, имѣетъ тоже чрезвычайно сильное вліяніе. Наконецъ, необходимо пониманіе душевныхъ переживаній внушаемаго, его настроенія, желаній. Изъ гипнотической практики извѣстно, что внушенія гораздо скорѣе осуществляются, если они совпадаютъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ желаніямъ лица, подвергающагося внушенію. Поэтому внушать дѣтямъ цѣлесообразнѣе иногда не самыя дѣйствія, а извѣстныя настроенія, желанія. Я наблюдалъ двухъ матерей, изъ которыхъ одна говорила своему ребенку: «Ужъ поздно, пора спать, иди, мой милый», а другая: «Не пора ли тебѣ спать, мой дружокъ, у тебя ужъ слипаются глазки, ты того и гляди заснешь здѣсь, пойдемъ, мой милый», — и замѣтилъ, что вторая форма внушенія оказывалась болѣе дѣйствительной при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ. Вообще, когда дѣло идетъ о формахъ внушенія, необходимо принимать во вниманіе возрастъ ребенка и его индивидуальныя особенности. Къ сожалѣнію, матери мало обращаютъ вниманія на наиболѣе цѣлесообразныя формы внушенія, что иногда ведетъ къ печальнымъ результатамъ. Надо помнить, что внушеніе можетъ быть или прямымъ («я говорю: сядьте, пожалуйста, на этотъ стулъ») или косвеннымъ («вамъ будетъ гораздо удобнѣе

сидѣть на этомъ стулѣ»). Наблюденія надъ дѣтьми показываютъ, что въ то время какъ маленькія дѣти довольно легко поддаются прямому внушенію («сдѣлай то-то, сдѣлай такъ-то»), дѣти средняго (переходнаго) возраста мало поддаются такому внушенію и гораздо легче поддаются внушенію косвенному («какъ это интересно, это всѣ дѣлаютъ, вотъ какъ я дѣлаю»). Съ другой стороны, очень важно понимать значеніе двухъ формъ прямого внушенія: положительной: «сядьте на стулъ» и отрицательной: «не садитесь на стулъ». Въ Оренбургѣ я видѣлъ магазинъ, на двери котораго написано крупными буквами: «Не смотрите на потолокъ». На потолкѣ, разумѣется, была реклама, которую читали всѣ приходившіе. Если иногда даже взрослые поддаются такому *отрицательному* внушенію, то дѣти почти всегда. Представленія ребенка обладаютъ такой громадной двигательной силой, что, разъ появившись въ сознаніи, они стремятся во что бы то ни стало реализоваться. Приказанія: «не ходи на кухню», «не трогай ножницъ» и т. п. фиксируютъ вниманіе дѣтей на мысляхъ о кухнѣ, на мысляхъ о ножницахъ и толкаютъ ихъ къ поступкамъ, внушеннымъ имъ . . . самими матерями.

Наконецъ, при воспитаніи привычекъ необходимо принимать во вниманіе и индивидуальныя особенности дѣтей. Всѣ матери, у которыхъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, знаютъ, что дѣти пріобрѣтаютъ привычки далеко не одинаково: одни всякаго рода дѣйствія усваиваютъ очень быстро, другія, наоборотъ, крайне медленно. Американскій психологъ *Бельдвинъ* называетъ дѣтей перваго типа двигательными, вторыхъ — чувствительными [1]. Чѣмъ отличаются другъ отъ друга эти два типа? Ребенокъ *двигательнаго* типа склоненъ дѣйствовать, говорить, не размышляя, быстро, живо, ассимилируя новѣйшіе элементы внушеній среды съ тѣмъ образомъ дѣйствій, который былъ установленъ его ранѣе сложившимися привычками. Онъ жаждетъ узнать для того, чтобы дѣйствовать, онъ дѣйствуетъ такъ или иначе въ отвѣтъ на всѣ явленія или внушенія, даже тогда, когда ему не внушается опредѣленнаго поступка, и даже тогда, когда пытаются удержать его отъ дѣйствія. Въ связи съ такой импульсивностью подвижного ребенка стоятъ и нѣкоторыя высшія его психическія способности. Прежде всего, подвиж-

---

[1] См. Бальдвинъ, „Введеніе въ психологію", глава „Воспитательная психологія".

ной умъ склоненъ къ очень быстрому обобщенію и слабъ въ замѣчаніи и запоминаніи различій, благодаря крайней неустойчивости или подвижности своего вниманія. Иную картину представляетъ ребенокъ, принадлежащій къ чувствительному типу. Чувствительныя дѣти — это по большей части такія, которыя кажутся болѣе пассивными, которые болѣе удручены физической инерціей; болѣе склонны къ созерцанію, когда они становятся немного постарше, менѣе способны выучиться новымъ движеніямъ, не такъ быстро схватываютъ указанія и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у дѣтей этого типа и вниманіе не отличается такой подвижностью, какъ у дѣтей перваго типа; оно съ наибольшимъ интересомъ останавливается на впечатлѣніяхъ какого-либо одного предпочитаемаго ими чувства (зрительный, слуховой типъ и т. п.) и загромождается деталями, его затрудняетъ все новое, оно не въ состояніи скользить легко по своимъ пріобрѣтеніямъ; ребенку недостаетъ способности суммировать свои умственныя богатства и дѣлать изъ нихъ общее употребленіе. Чувствительныя дѣти чаще бываютъ дѣтьми талантливыми, но ихъ труднѣе воспитывать, такъ какъ они менѣе раскрываютъ свое «я» и являются менѣе понятными для воспитателей. Вѣдь совершенно очевидно, что обращеніе съ этими дѣтьми, такъ рѣзко отличающимися другъ отъ друга, не можетъ быть одинаковымъ, однообразнымъ; оно должно соотвѣтствовать особенностямъ ихъ психики, оно должно быть различнымъ почти до противоположности. Въ то время какъ для ребенка двигательнаго типа очень важно ставить препятствія его чрезмѣрной подвижности, ведущей къ неосмотрительности, давать ему сравнительно сложныя задачи, останавливать его вниманіе на отдѣльныхъ фактахъ, на деталяхъ, ребенку чувствительнаго типа, наоборотъ, надо помогать проявлять себя въ дѣйствіи, ему необходимо больше импульсовъ для дѣятельности, больше разнообразія, больше вѣры въ свои силы. Строгость и рѣшительность, часто полезныя въ обращеніи съ дѣтьми перваго типа, могутъ оказаться совершенно пагубными для дѣтей второго типа; первыхъ надо сдерживать, вторыхъ же — поощрять.

Пониманіе индивидуальныхъ особенностей важно, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія индивидуализаціи пріемовъ воспитанія. Нѣтъ ни одного воспитательнаго пріема, который бы можно было считать пригоднымъ въ извѣстныхъ условіяхъ для всѣхъ дѣтей безъ различія. Часто случается, что тѣ воспитательныя воздѣй-

ствія, которыя оказываются чрезвычайно полезными въ отношеніи къ дѣтямъ одной категоріи, не приводятъ ни къ какой цѣли при обращеніи съ дѣтьми другого типа и даже по отношенію къ нимъ бываютъ иногда вредными. Для иллюстраціи этой мысли остановимся на нѣкоторое время на вопросѣ о борьбѣ съ недостатками дѣтей. Какъ бы ни было хорошо поставлено воспитаніе въ семьѣ, нельзя быть увѣреннымъ, что ребенокъ все-таки не пріобрѣтетъ нежелательныхъ, дурныхъ привычекъ. Онѣ развиваются вопреки желаніямъ воспитателей подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ явленій окружающей среды, отъ которыхъ не въ состояніи изолировать дѣтей взрослые, и развиваются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ скорѣе находятъ для себя благопріятную почву въ условіяхъ болѣзненной наслѣдственности воспитываемаго. Поэтому матерямъ приходится иногда не только заботиться о воспитаніи хорошихъ привычекъ, но и объ искорененіи дурныхъ, что вообще гораздо труднѣе. Если успѣхъ воспитанія вообще зависитъ отъ пониманія матерями душевныхъ переживаній своихъ дѣтей, то борьба съ ихъ недостатками всецѣло обусловливается *умѣньемъ поставить правильный діагнозъ* болѣзни ребенка, выяснить причины, являющіяся источникомъ его дурной привычки.

Я приведу только одинъ примѣръ. Представьте себѣ, что воспитателю приходится имѣть дѣло съ ребенкомъ, обнаруживающимъ склонность ко лжи. Какъ бороться съ этой склонностью? Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ воспитанія, нельзя дать общаго рецепта, пригоднаго для всѣхъ случаевъ. Прежде всего необходимо познакомиться съ характеромъ лжи и выяснить ея причины. Психологическія изслѣдованія С. Холла, Штерна и другихъ показываютъ, что причины дѣтской лжи очень разнообразны. С. Холлъ насчитываетъ, между прочимъ, семь различныхъ видовъ дѣтской лжи. Цѣлый рядъ изслѣдователей, изучивъ свидѣтельскія показанія дѣтей, пришелъ къ тому заключенію, что они не имѣютъ почти никакой цѣны. Значитъ ли это, что ребенокъ, вопреки старому мнѣнію объ его невинности («дѣти и дураки говорятъ правду»), является существомъ крайне испорченнымъ? Совсѣмъ нѣтъ. Тѣ же изслѣдователи (особенно Штернъ) показываютъ, что неправильность показаній дѣтей въ большинствѣ случаевъ зависитъ или отъ неточности ихъ воспріятій или отъ силы ихъ воображенія: неточныя воспріятія пополняются воображеніемъ, и ребенокъ разсказываетъ не о томъ, что онъ видѣлъ, а о томъ,

о чемъ онъ мечталъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть, отнюдь не желая ввести кого-нибудь въ заблужденіе и искренно вѣря всему тому, о чемъ говоритъ. Ясно, что когда мы имѣемъ дѣло съ ложью такого рода, то должны обращаться не къ совѣсти ребенка, а исправлять, совершенствовать его наблюдательность, обращать его вниманіе на промахи въ этомъ отношеніи. Но уже и у дѣтей встрѣчается ложь другого рода. Иногда дѣти скрываютъ правду, особенно въ школѣ, изъ страха наказанія (ложь эгоистическая), иногда же изъ желанія выручить изъ бѣды, спасти отъ наказанія другого (ложь альтруистическая, героическая) или же изъ желанія показать себя въ болѣе выгодномъ свѣтѣ (ложь изъ хвастовства, тщеславія). И въ этихъ случаяхъ невозможно бороться съ лживостью дѣтей одинаковыми мѣрами. Очевидно, что способы воздѣйствія на дѣтей будутъ видоизмѣняться въ зависимости отъ той причины, которая побудила ребенка уклониться отъ истины. Наконецъ, мы можемъ встрѣтиться съ такимъ случаемъ лживости у ребенка, когда она не можетъ быть объяснена никакими разумными мотивами (ложь патологическая). Ребенокъ разсказываетъ про себя или другихъ такія вещи, которыя не возбуждаютъ никакого довѣрія и въ то же время не могутъ принести ему никакой пользы. Бороться съ такой болѣзненной ложью можно только врачебнымъ воздѣйствіемъ на ребенка, лѣченіемъ его нервной системы. Такимъ образомъ, борьба съ дѣтскими недостатками предполагаетъ тщательное изученіе ребенка и выясненіе характера его душевныхъ переживаній.

Изученіе природы ребенка и его индивидуальныхъ особенностей имѣетъ значеніе для матерей и еще въ одномъ отношеніи, на которое мнѣ хотѣлось бы обратить ваше вниманіе. Теоретически можно ставить воспитанію какія угодно фантастическія и неосуществимыя задачи, но если исходнымъ пунктомъ для воспитателя является дѣятельность ребенка, его реакціи на воспитательныя воздѣйствія взрослыхъ, то не можетъ быть мѣста для задачъ, непосильныхъ ребенку и не соотвѣтствующихъ его индивидуальности. Увлеченіе матерей въ этомъ отношеніи вполнѣ понятно и естественно: вѣдь каждая мать хочетъ видѣть своего сына, смотря по соціальному положенію, или министромъ, или ученымъ, или полководцемъ, — вообще, необыкновеннымъ человѣкомъ и сообразно съ этимъ ставитъ для него задачи. Но при этомъ обыкновенно упускается изъ виду, что задачи, непропорціональныя ду-

ховнымъ силамъ ребенка, только надламываютъ его организмъ, только его обезсиливаютъ и, наоборотъ, посильныя задачи не только развиваютъ ребенка, но и дѣйствительно подготовляютъ его къ лучшей будущности, такъ какъ каждый можетъ сдѣлать что-нибудь выдающееся, безъ сомнѣнія, только въ той области, гдѣ онъ наиболѣе силенъ, которая соотвѣтствуетъ его индивидуальной одаренности. Изученіе и развитіе индивидуальныхъ особенностей ребенка — наиболѣе вѣрный путь для выработки сильной личности.

Вопросъ о семейномъ воспитаніи очень сложенъ. Еще много можно было бы сказать о вліяніи на ребенка всего склада или духа семьи, отношеній между членами семьи, характера ихъ занятій, мѣста, гдѣ они живутъ (городъ или деревня), ихъ религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и т. д. убѣжденій, но все это не входитъ въ мою задачу. Я имѣлъ въ виду привлечь ваше вниманіе къ мысли о томъ, что основная задача семейнаго воспитанія — созданіе условій, благопріятныхъ для развитія ребенка, — можетъ быть осуществлена только тѣми матерями, которыя сумѣютъ разобраться во всей сложности психическихъ переживаній ребенка и способны понять индивидуальныя особенности его личности, что семейное воспитаніе должно быть прежде всего индивидуальнымъ [1].

Н. Е. Румянцевъ.

---

[1] Какъ вспомогательное средство для изученія личности ребенка можно рекомендовать веденіе дневника психическаго развитія, который дастъ возможность слѣдить за ростомъ и измѣненіемъ его душевныхъ свойствъ.

Школа и характеръ*.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ и наиболѣе заслуженныхъ обвиненій, которыя можно предъявить современной школѣ, является обвиненіе ея въ томъ, что она питомцевъ своихъ только обучаетъ, начиняетъ ихъ головы знаніями, но отнюдь не воспитываетъ. Взваливать вину въ отсутствіи воспитанія въ современномъ человѣкѣ на одну школу, конечно, не приходится. Еще больше въ этомъ нашемъ общемъ грѣхѣ повинны семья, общество, весь складъ жизни, въ которомъ ребенку приходится воспринимать свои первыя впечатлѣнія, расти и развиваться. Явленіе это, особенно ярко обрисовывающееся въ русской жизни и школѣ, влечетъ такія прискорбныя послѣдствія какъ для отдѣльной личности, такъ и для общества, что забывать о немъ никогда не слѣдуетъ, и каждое вѣское, умное, продуманное слово, могущее научить насъ въ этомъ отношеніи чему-нибудь полезному и значительному, наставить, помочь разобраться въ нашихъ провинностяхъ и указать пути къ исправленію, должно цѣниться на вѣсъ золота. Недавно мнѣ пришлось прочесть вновь появившуюся книгу Фридриха Ферстера, профессора психологіи въ Цюрихскомъ университетѣ и одного изъ самыхъ интересныхъ и проникновенныхъ современныхъ педагоговъ-мыслителей. Книга эта озаглавлена «Schule und Charakter» и заслуживаетъ самаго вдумчиваго вниманія, скажу болѣе, изученія. Не задаваясь цѣлью реферировать и разбирать ее въ цѣломъ и отсылая къ ней самой всѣхъ, желающихъ познакомиться со взглядами ея автора во всей ихъ глубинѣ и разнообразіи, я извлекла изъ нея только то, по моему мнѣнію, наиболѣе цѣнное и

* Докладъ, прочитанный на общемъ собраніи Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей 8 апрѣля 1910 года.

значительное, что касается самаго больного вопроса въ современномъ воспитаніи — развитія и формированія характера — и что освѣщаетъ роль, которую въ разрѣшеніи этого вопроса можетъ и должна играть школа. Вопросъ этотъ я и предлагаю вниманію и обсужденію собравшихся.

«Время можетъ произвести большія завоеванія въ познаніи истины и оставаться далеко позади въ желаніи и осуществленіи ея», сказалъ Песталоцци. Правдивость этихъ глубокихъ по смыслу словъ ни въ чемъ не выступаетъ такъ ярко, какъ въ дѣлѣ воспитанія. Разладъ между теоріей и практикой, между познаніемъ истины и осуществленіемъ ея, между словомъ и дѣломъ выступаетъ именно здѣсь во всей своей неприкрытой наготѣ и больше всего въ томъ, что должно явиться краеугольнымъ камнемъ всякаго воспитанія — развитіи характера и личности. Кто не понимаетъ значеніе характера въ жизни человѣка? Между тѣмъ школа, признающая себя воспитывающимъ началомъ наравнѣ съ семьей, не удѣляетъ этой задачѣ первѣйшей важности почти никакого вниманія. Накопленіе знаній, развитіе интеллекта, разума — вотъ къ чему сводится главнымъ образомъ задача современной школы. Всею цѣлью признается то, что должно было бы быть лишь второстепенной частью ея. Забываютъ, что одни знанія, интеллектъ не обезпечиваютъ широкой нравственной культуры, не вырабатываютъ, не облагораживаютъ характера. Всесторонне развитой интеллектъ вяжется часто съ нравственнымъ извращеніемъ и слабоволіемъ. Культура чисто интеллектуальная грозитъ личности большими опасностями, если она исключаетъ изъ своихъ программъ цѣлесообразное развитіе характера. Разсудокъ становится въ такомъ случаѣ главнымъ образомъ средствомъ къ удовлетворенію своихъ ничѣмъ несдерживаемыхъ желаній и страстей. Между тѣмъ освобожденіе человѣка изъ власти страстей, укрѣпленіе его воли, утонченіе совѣсти должны играть роль и въ дѣлѣ развитія и въ проявленіи разума.

Только характеръ правильно развитой и твердый освобождаетъ наши мысли, а стало быть и поступки отъ подчиненія внѣшнимъ вліяніямъ, интересамъ, предразсудкамъ, уничтожаетъ ту унизительную зависимость, которая связываетъ мысль и волю отдѣльнаго человѣка съ мыслью и волей общества. Величайшая степень развитія интеллекта является результатомъ культуры характера. Не только общеобразовательная школа, но и школа,

спеціализировавшаяся въ сферѣ одного опредѣленнаго цикла наукъ, готовящая людей къ опредѣленной профессіи, должна удѣлять больше вниманія этической сторонѣ воспитанія. Мы часто видимъ людей образованныхъ, съ наилучшими стремленіями, терпящихъ неудачи въ выбранной ими профессіи лишь по той причинѣ, что они лишены дара мудраго обращенія съ людьми, порядливости, точности и выносливости, людей, не умѣющихъ требовать отъ другихъ и еще менѣе выполнять къ нимъ предъявляемыя требованія. Сила воли, умѣнье владѣть собой, быть господиномъ надъ собой и окружающимъ являются несравненно большей цѣнностью, чѣмъ чистое знаніе. Значеніе званія an und für sich умаляется наполовину, если оно не идетъ рука объ руку съ развитіемъ воли и характера. XIX вѣкъ справедливо гордится накопленіемъ знаній, открытіями, изобрѣтеніями. Эта тенденція культивированія знаній отразилась всецѣло въ современной школѣ, сдѣлавшей изъ дѣтскихъ головъ какое-то складочное мѣсто разнородныхъ, между собой и съ жизнью не связанныхъ знаній.

«Я ненавижу все, что меня только поучаетъ, не возбуждая моей самодѣятельности и не оживляя меня» — сказалъ Гёте. И это ненавидитъ не одинъ Гёте, а всякій ребенокъ, въ которомъ еще не вытравлены самобытность и живой духъ. Склонность къ самодѣятельности и творчеству, присущая каждому, противится тому, чтобы вѣчно что-то заучивать, запоминать, повторять, подражать, воспринимать памятью результаты работы поколѣній прошлаго. Ребенокъ стремится къ тому, чтобы испытать и познать что-нибудь самому, установить живую связь между собой и изучаемымъ. Потребность въ сознавательномъ отношеніи къ изучаемому, стремленіе вложить въ него творчество, исходить изъ себя и ближайшаго окружающаго заглушается въ дѣтяхъ, и взамѣнъ этого къ нимъ прививается заблужденіе, что возможно въ какой-нибудь годъ или хотя бы нѣсколько лѣтъ «изучить» и постигнуть цѣлыя науки.

Не одно интеллектуальное развитіе нуждается въ этическомъ фундаментѣ. И эстетическое воспитаніе, выдвигаемое какъ противовѣсъ воспитанію чисто разсудочному, должно базироваться на этическомъ началѣ. Въ противномъ случаѣ является опасность, что дѣти, воспринимающія эстетическія впечатлѣнія въ излишнемъ количествѣ, въ этомъ смыслѣ избалованныя, алчущія однихъ пріятныхъ впечатлѣній, составятъ о жизни извращеное представленіе.

Одностороннее развитіе эстетическихъ вкусовъ и потребностей часто черствитъ сердце. Видъ нужды и страданій, почти всегда некрасивый и отталкивающій, коробитъ чистаго эстета. А потому параллельно съ развитіемъ художественной любви къ прекрасному должно имѣть мѣсто и развитіе сострадательнаго отношенія ко многому уродливому и отталкивающему. Человѣкъ, эстетически односторонне воспитанный, закрываетъ глаза на все, лишенное красоты и гармоніи. Онъ не видитъ, не чувствуетъ того, что, по выраженію Рескина, «вездѣ въ жизни шумливая радость лишь тонкой перегородкой отдѣляется отъ нѣмого отчаянія». Эстетическое воспитаніе пріобрѣтаетъ свою надлежащую цѣнность только тогда, когда оно связано съ интенсивнымъ развитіемъ характера и съ нравственными идеалами и запросами человѣчества. То же слѣдуетъ сказать и примѣнительно къ физическому воспитанію дѣтей. О послѣднемъ теперь много говорятъ, его выдвигаютъ на первый планъ. Въ школахъ Англіи, Америки, отчасти Германіи слово перешло уже въ дѣло. Но и физическое воспитаніе, обставленное односторонне, безъ этическихъ вліяній, уравновѣшивающихъ его, грозитъ гармоническому развитію личности. Оно вырождается въ культъ мускуловъ, физическихъ чувствованій и наслажденій. Спортъ справедливо выдвигается, какъ противовѣсъ опасностямъ критическаго переходнаго возраста, но надо помнить, что есть запретная граница, перешагивать которую не слѣдуетъ. Въ противномъ случаѣ можно достигнуть обратнаго. Еще Эврипидъ сказалъ: «много скверныхъ людей въ Аттикѣ, но атлеты изъ нихъ самые поганые». Физическое воспитаніе само по себѣ, не сопровождаемое развитіемъ нравственнымъ, не выдвигаетъ, не развиваетъ лучшихъ сторонъ души ребенка, а сплошь и рядомъ глушитъ ихъ. Не противъ физическаго воспитанія вообще направлены эти слова. Очень часто, особенно у насъ въ Россіи, ему до сихъ поръ не отводится подобающаго мѣста. Но для того, чтобы въ реформированной школѣ будущаго это мѣсто соотвѣтствовало дѣйствительному значенію этого вопроса и интересамъ не только тѣла, но и души дѣтей, къ обсужденію его и освѣщенію всѣхъ сторонъ его слѣдуетъ возвращаться. Въ слабомъ, физически немощномъ тѣлѣ живутъ часто здоровый духъ и сильная воля, и наоборотъ, часто здоровое тѣло, развивавшееся вдали отъ атмосферы умственной и нравственной гигіены, таитъ въ себѣ духъ слабый и извращенный и слабую волю. Л. Толстой гово-

ритъ: «Изреченіе — въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ — можетъ быть и было когда-нибудь основательно. Теперь же несомнѣнно правильно противоположное. Только здоровый духъ сохраняетъ здоровымъ и тѣло. Нравственная жизнь заключаетъ въ себѣ всѣ гигіеническія условія, нужныя для сохраненія тѣла здоровымъ — трудъ, воздержаніе, нормальное питаніе, цѣломудріе. Вѣдь бодрость духа, сила воли, отвага души — явленія прежде всего нравственныя, и ихъ не создастъ одностороннее физическое воспитаніе, не регулируемое этическими вліяніями».

И современная медицина, въ лицѣ психотерапіи, удѣляетъ вниманіе тому исключительному значенію, которое характеръ имѣетъ въ дѣлѣ укрѣпленія и поддержки здоровья. Что такое характеръ въ лучшемъ и наивысшемъ значеніи этого слова? Это развитіе и высшее напряженіе воли, освобождающей человѣка отъ власти страстей, эксцессовъ отъ чувственнаго «я», это единство души вмѣсто разлада и раздвоенія; это побѣда надъ трусостью, малодушіемъ. Сколько требуется физическаго здоровья, крѣпости нервовъ, жизненнаго подъема для проведенія всего этого въ жизнь. Несмотря на всѣ усовершенствованія, облегченія, которыя современная культура выдвигаетъ при прохожденіи жизненнаго пути, наше общество, даже и интеллигентное, страдаетъ отъ толчковъ, превратностей, тренія, быть можетъ, болѣе чѣмъ когда-либо. У насъ въ Россіи это особенно замѣтно. И нѣтъ въ насъ силы сопротивленія, мужества смѣло взглянуть злу въ глаза, главное — нѣтъ нравственной силы, нужной для отстаиванія и осуществленія въ жизни нашихъ идеаловъ. Гигіеническое значеніе этическаго вліянія всецѣло признается современной наукой. Взаимная работа врачей и педагоговъ въ этомъ направленіи уже началась и вылилась въ то, что называется врачебной педагогикой. Послѣдняя обращаетъ вниманіе педагоговъ на патологическія причины дѣтскихъ пороковъ и недостатковъ. Воспитатель долженъ знать эти явленія, не долженъ считать ихъ фатальными и неустранимыми, и всѣ усилія его должны быть направлены къ тому, чтобы содѣйствовать преобладанію и развитію здоровыхъ силъ ребенка, его лучшихъ сторонъ, побѣды послѣднихъ надъ болѣзненными наклонностями и извращеніями. Всякое воспитательное воздѣйствіе, клонящееся къ укрѣпленію воли, выработкѣ характера, развиваетъ, укрѣпляетъ доброе начало натуры ребенка и облегчаетъ борьбу со злымъ.

Школа имѣетъ дѣло съ дѣтьми въ то время, когда склады-

вается и развивается ихъ личность, и въ силу этого оказываетъ огромное вліяніе на внутреннюю жизнь и ростъ послѣдней. А потому она обязана взять на себя эту врачебно-педагогическую миссію: она должна стремиться использовать всѣ предоставленныя ей возможности для выработки и развитія характера и этимъ путемъ создать фундаментъ и для здоровья физическаго.

Этимъ она не возлагаетъ на плечи свои новаго бремени. Совершенно наоборотъ — она облегчаетъ свои другія задачи и ускоряетъ достиженіе остальныхъ цѣлей. И если бы школа захотѣла, а главное, сумѣла замѣнить свою полицейскую принудительную дисциплину разумнымъ и цѣлесообразнымъ попеченіемъ о характерѣ, сама собой смирилась бы непокорная, сопротивляющаяся сила школьной массы, и воспитателю и ученику удалось бы, наконецъ, выбиться на путь дружной общей работы. Къ неустановившейся, податливой, недисциплинированной еще душѣ ребенка школа сразу предъявляетъ массу большихъ и трудно выполнимыхъ требованій, подвергаетъ ее великимъ испытаніямъ. Только путемъ глубоко обдуманныхъ педагогическихъ пріемовъ, клонящихся къ предотвращенію провинностей, а не каранію ихъ, можно привить добро и удержать отъ зла. Дисциплина принужденія и взысканія, покоющаяся сплошь и рядомъ на требованіяхъ, идущихъ вразрѣзъ съ интересами дѣтей, ихъ психикой, и развиваетъ въ дѣтяхъ съ одной стороны ложь, съ другой — пустое тщеславіе. Много говорятъ о воспитательномъ значеніи общества, товарищества для дѣтей, и часто забываютъ, что значеніе это можетъ быть благотворно лишь при наличности въ школьной и товарищеской жизни этическихъ началъ и вліяній. Въ противномъ случаѣ значеніе это тлетворно, и школьная масса является атмосферой, въ которой культивируется нравственная зараза и извращеніе.

И нравственная порча, насаждаемая школой, пускаетъ свои корни тѣмъ глубже, чѣмъ энергичнѣе противоставляется ей режимъ страха и репрессій. Ужасенъ этотъ режимъ для нѣжной дѣтской души! Онъ влечетъ неисчислимый моральный и физическій вредъ. Это онъ культивируетъ и питаетъ ту язву современной школы, которая именуется школьной ложью. Для лгущаго ребенка всегда готовы осужденіе и кара. Въ дѣйствительности же не онъ, а наша школьная дисциплина должна быть привлечена къ суду и отвѣту. Наша педагогика, покоящаяся на абстрактныхъ

разсужденіяхъ, на чуждыхъ жизни отвлеченностяхъ, не считается съ конкретными явленіями школьной жизни, часто не видитъ и не понимаетъ тѣхъ опасностей, которымъ она собственноручно подвергаетъ душу своихъ питомцевъ. Она не видитъ той прямой зависимости, которая существуетъ между повальной школьной ложью и установленной ею дисциплиной, ея обращеніемъ съ дѣтьми, униженіемъ личности ребенка. Она не понимаетъ, что высоко понимая честь человѣка, сознаніе своего достоинства, является первымъ залогомъ къ правдивости. Личность, развивавшаяся правильно, такъ сказать вширь и вглубь своихъ лучшихъ началъ, не можетъ не быть правдивой. Въ послѣднее время выдвинутъ вопросъ о развитіи мужественности въ дѣтяхъ. Но не на ристалищахъ, не на площадкахъ для игръ и физическихъ упражненій, не военной гимнастикой разовьете вы ту мужественность, которая неоцѣненна въ жизни, безъ различія карьеръ и дѣятельностей. Въ несравненно большей степени разовьете вы ее правильнымъ и обдуманнымъ воспитаніемъ чувства правдивости. Физическое мужество вяжется сплошь и рядомъ съ внутренней трусостью и дряблостью. Самостоятельность и энергія личности достигаются только воспитаніемъ чувства правдивости. Знанію, которымъ современная школа такъ кичится, цѣна грошъ, разъ непростительное нерадѣніе о душѣ и личности ведетъ къ тому, что чувство правды въ школѣ окончательно обезцѣнено. Та нравственная трусость, которая проистекаетъ изъ привычки, устраняетъ правду изъ жизни, извращаетъ силу и самобытность личности. Ложь влечетъ за собой слабоволіе и дѣлаетъ человѣка рабомъ своей слабости. Въ криминалистикѣ существуетъ особый типъ «преступника изъ потерянной чести», но этотъ типъ еще несравненно больше распространенъ въ школьной жизни. Великая задача учителя въ дѣлѣ борьбы съ дѣтской ложью заключается въ развитіи въ юношахъ чувства чести, въ освѣщеніи каждаго проявленія внутренней трусости, отреченія отъ личности, какъ таковыхъ, въ использованіи послѣднихъ, какъ средства къ развитію воли. Личность ребенка требуетъ защиты отъ порабощенія ея семьей, школьной дисциплиной, товариществомъ. Gemeinschaft macht gemein, сказалъ Нитцше. А христіанство, глубоко понимающее, какими опасностями соціальная среда грозитъ личности, стремится оградить послѣднюю отъ вліянія общества, государства, семьи, дружбы. Общественныя страсти, сужденія, пред-

убѣжденія, предразсудки оплетаютъ личность сѣтью внушеній и подчиненій, лишающихъ ее въ концѣ концовъ всякой самобытности и свободы. Людей, способныхъ выставлять и защищать свои убѣжденія съ достоинствомъ и одиноко, поразительно мало. Жажда общественнаго одобренія, страхъ клейма и осужденія заставляетъ часто жертвовать тѣмъ, что представляетъ въ человѣкѣ наибольшую цѣнность — своей личностью. Кто изъ насъ не наблюдалъ въ школѣ постыдное, унизительное подчиненіе отдѣльной личности мнѣнію, приговору класса. Часто мальчики стыдятся проявлять лучшія стороны своего «я», симулируютъ распущенность, грубость, которыхъ въ нихъ въ сущности нѣтъ. Отсюда проистекаетъ часто эпидемическое распространеніе извращенныхъ понятій, дурныхъ привычекъ, которыя замѣчаются въ школахъ. Школа, не развивающая самостоятельность личности, не призывающая массы къ уваженію этой личности, не культивирующая принципъ открытаго, свободнаго, личнаго мнѣнія не возвышаетъ, не облагораживаетъ душу ввѣреннаго ея попеченію питомца, а калѣчитъ и принижаетъ ее. Она развиваетъ въ немъ тотъ страхъ передъ общимъ мнѣніемъ, который часто является однимъ изъ первѣйшихъ источниковъ всяческой скверны, тотъ ложный стыдъ, на борьбу съ которымъ она должна была бы направить всѣ свои усилія. Школа должна стремиться освѣтить передъ своими питомцами позорную зависимость личности отъ толпы, отъ безсознательнаго массоваго внушенія, и пробудить въ нихъ желаніе освободиться, сбросить рабскія оковы. Твердо и неуклонно, путемъ продуманнаго и умѣло проведеннаго этическаго воспитанія она должна развивать въ дѣтяхъ чувство долга и незыблемыя нравственныя понятія, на строгихъ основаніяхъ которыхъ должна базироваться вся школьная жизнь и школьная дисциплина. Сохраняютъ благодарную память своихъ учениковъ не тѣ учителя, которые ограничиваютъ свою роль начиненіемъ ихъ знаніями, а тѣ, которые надѣлены даромъ сказать имъ въ надлежащій часъ надлежащее слово и этимъ проливать свѣтъ правды и истины въ сѣренькую повседневную школьную жизнь.

Съ развитіемъ гуманитарныхъ идей, съ ростомъ протеста противъ всякаго гнета и принужденія и въ школѣ наблюдается отступленіе отъ пріемовъ принудительной и карающей дисциплины. Извѣстно, что крайности часто соприкасаются. Случилось это и въ школьной жизни. Многія школы, плохо оріентирующіяся въ

сущности вопросовъ воспитанія, ударились въ другую крайность — отказались отъ всякой сдерживающей и направляющей узды, вмѣсто упраздненной внѣшней дисциплины не выдвинули дисциплины внутренней. Дж. Ст. Милль говоритъ: «Я радуюсь крушенію стараго тираническаго школьнаго метода, хотя и признаю за нимъ заслугу насажденія какого ни на есть порядка. Но я боюсь, что новая система воспитываетъ людей, неспособныхъ мужественно встрѣтить и предотвратить тяжелое и непріятное». Опасность, подмѣченная Миллемъ, несомнѣнна, а потому реформа школьной дисциплины должна заключаться не только въ упраздненіи старыхъ средствъ, но въ созданіи новыхъ, клонящихся къ закаленію разслабленной воли и къ выработкѣ характера. И по мѣрѣ того, какъ внѣшнія полицейскія мѣры и регламентація отодвигаются въ глубь прошлаго, на первый планъ должна выдвигаться могучая сила самообладанія, самопринужденія и контроля надъ самимъ собой. Одно изъ существеннѣйшихъ обвиненій, направленныхъ противъ старой системы, заключается въ томъ, что воздѣйствіе ея слишкомъ поверхностно, оно не захватываетъ внутренняго человѣка, а опирается на чувство страха, а потому прекращаетъ свое вліяніе при выходѣ юноши изъ школы, при выпущеніи его въ активную жизнь, когда въ значительно большей степени, чѣмъ въ школѣ, нужны и дисциплина самообладанія, и самостоятельность, и умѣніе находиться и разбираться въ явленіяхъ жизни. Несомнѣнно, что дисциплина наказаній, устрашенія, покоющаяся на девизѣ: «слушай и не разсуждай», должна быть устранена съ тѣмъ, чтобы уступить мѣсто дисциплинѣ самоуправленія, разумнаго и охотнаго подчиненія порядку, выработанному при содѣйствіи самихъ учениковъ. Но нѣтъ ничего опаснѣе того, когда въ человѣкѣ устанавливается убѣжденіе, что подчиненіе и дисциплина съ одной стороны, а свобода и человѣческое достоинство — съ другой, являются понятіями непримиримыми и противорѣчивыми. Обдуманный порядокъ, разумная дисциплина возвышаютъ и облагораживаютъ жизнь человѣка, стоятъ на стражѣ интересовъ личности и являются фундаментомъ продуктивной общественной работы. Такой порядокъ не можетъ быть установленъ внѣшними принудительными мѣрами. Только внутренняя дисциплина, проводимая на фонѣ неизмѣннаго уваженія къ человѣческой личности, слагающаяся на пониманіи и уваженіи къ своимъ установленіямъ, устанавливающая добровольное подчиненіе, способна со-

здать порядокъ прочный и надежный. Для созданія надлежащихъ условій общественной жизни и работы принципъ порядка и неуклонной дисциплины безусловно необходимъ, и не на искорененіе его должны быть направлены усилія всѣхъ, кому дороги интересы дѣтей и юношества, а къ популяризаціи и насажденію здравыхъ понятій о психически вѣрной, воспитывающей дисциплинѣ. Раціонально поставленная демократическая школа должна быть школой самоуправляющейся. Учительское и воспитательское самодержавіе достигаетъ внѣшняго, показного порядка, но всегда на фонѣ внутренняго возмущенія и протеста. Демократическій принципъ въ дѣлѣ школьной дисциплины сдѣлалъ пока незначительныя завоеванія. Мы видимъ интересныя и удачныя попытки въ этомъ направленіи въ школахъ Америки, Англіи; но въ нихъ почти не принимаютъ участія остальныя государства Европы. Про Россію ужъ и говорить нечего. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ другихъ отношеніяхъ демократическое начало отвоевываетъ себѣ все большія права; одна лишь школа остается внѣ этого вліянія, во власти угнетающаго и принуждающаго школьнаго бюрократизма. У насъ въ Россіи было сдѣлано нѣсколько поистинѣ жалкихъ попытокъ реформировать на этихъ новыхъ основаніяхъ свой строй нѣкоторыми учебными заведеніями. Но какъ все подражательное, непродуманное, безпочвенное и изъ общей жизни не вытекающее, онѣ потерпѣли полное, скажу позорное, фіаско. Теперь же, при общемъ умиротвореніи, наша школьная жизнь вошла опять въ старое русло. Не будемъ строги къ русской школѣ и педагогамъ. Русская дѣйствительность снимаетъ съ нихъ значительную долю отвѣтственности.

Громкій и энергичный призывъ къ обновленію школьнаго строя и дисциплины раздался изъ Новаго Свѣта. Американская школа работаетъ въ глубокомъ единеніи съ реальной жизнью и дѣйствительными потребностями общества. Но ея призывъ — обращать вниманіе на конкретныя потребности жизни и человѣка, а не на безпочвенные теоріи и идеалы, не встрѣтилъ должнаго отклика не только у насъ, но и въ школѣ Зап. Европы, въ которой вопросы воспитанія прививаются туго и популяризуются медленно. Школа, считающаяся съ запросами жизни, выдвигающая основные интересы человѣка, базируетъ весь свой режимъ на воспитаніи характера своихъ учениковъ, т. е. на разумной и раціональной дисциплинѣ. Принципъ этотъ является лейтмотивомъ всей

современной педагогической литературы Соединенныхъ Штатовъ. Mr. Harris, министръ народнаго просвѣщенія Штатовъ, между прочимъ говоритъ: «Американская школа признаетъ, что нравственное воспитаніе важнѣе интеллектуальнаго. Самоуправленіе, основаніе нашего политическаго устройства, должно быть основаніемъ и нашей школьной и индивидуальной жизни». Самоуправленіе, самоконтроль не являются даромъ счастливой случайности; они покоятся на долгой привычкѣ, которая въ свою очередь является результатомъ длительной борьбы со своими желаніями и страстями. Стремиться сдѣлать ученика нравственно независимымъ, поднять его до способности владѣть и управлять собой — должно быть основной задачей школы съ первыхъ ея ступеней до послѣднихъ. Школа должна не ломать и не искоренять присущее каждому ребенку стремленіе къ самостоятельности и самодѣятельности, но расширять его и облагораживать.

Итакъ, воспитаніе должно выдвигать и развивать личное начало, культивировать волю и характеръ, не подавляя ихъ силою авторитетовъ, но отнюдь и ни въ какомъ смыслѣ не посягая на воспитательное значеніе принципа подчиненія и послушанія. Но такъ какъ совмѣщеніе въ школѣ принципа свободы и правъ личности съ одной стороны и необходимости субординаціи — съ другой, является дѣломъ наиболѣе труднымъ, необходимо подробнѣе остановиться на сущности значенія принципа послушанія. Послѣ того, какъ по почину Руссо новый индивидуализмъ проникъ въ педагогику, онъ поднялъ борьбу противъ принципа послушанія и авторитета въ дѣлѣ воспитанія. Дѣятельность въ этомъ направленіи, развивающаяся пока лишь вглубь, а не вширь, привела въ послѣднее время къ утопической идеѣ — «дома свободнаго ребенка». Индивидуальность ребенка выдвигается на первый планъ, и ее всѣми мѣрами стремятся оградить отъ давленія, дрессировки и авторитетовъ. Подарить міру самобытныя, сильныя, неискалѣченныя личности, лелѣять и охранять внутренній самобытный міръ ребенка, объявить борьбу школьному режиму прошлаго, создающему лишь рабовъ или бунтовщиковъ — это ли не святое желаніе, могущее подвигнуть на подвиги! Но въ этой проповѣди свободы, часто абстрактной и безпочвенной, много общихъ мѣстъ, много фразерства и мало яснаго, конкретнаго представленія о томъ, что такое дѣйствительная свобода, мало дѣйствительнаго знанія дѣтской души и жизни. Туманныя и расплывчатыя фразы о свободѣ, о

индивидуальности, святости личности сплошь и рядомъ не разъясняютъ дѣйствительнаго значенія этихъ терминовъ. Природа человѣка соткана изъ противорѣчій. Часто свобода одной ея части неразрывно связана съ порабощеніемъ, лишеніемъ свободы другой. Какая часть нашего существа должна быть свободна? Что такое личность, индивидуальность? Эта неясность, отсутствіе опредѣленнаго психологическаго фундамента ведетъ къ тому, что подъ флагомъ свободнаго воспитанія ютится рядъ расплывчатыхъ одностороннихъ понятій, и то, что въ этомъ воспитаніи есть добраго и хорошаго, опуталось сѣтью непониманія и недоразумѣній. Существуютъ школы, не признающія никакой дисциплины, предоставляющія дѣтямъ дѣлать все, что имъ заблагоразсудится, называющія культурой личности потворство всѣмъ слабостямъ, прихотямъ и продѣлкамъ учениковъ. Эти крайности встрѣчаются часто въ той же Америкѣ, гдѣ интересъ къ вопросамъ воспитанія захватилъ особенно широкіе круги. Тамъ встрѣчаются учителя, категорически опровергающіе необходимость внутренняго самопринужденія, самоограниченія, главная забота которыхъ сводится къ тому, чтобы сдѣлать все обученіе возможно забавнѣе, на игрѣ, забавѣ основать всю школьную дѣятельность. Учить играя сдѣлалось какимъ-то point d'honneur этихъ педагоговъ, упускающихъ изъ виду, что жизнь, къ которой они дѣтей готовятъ, не пиръ и не игра, что трудъ жизни, ея служба, испытанія не подносятся людямъ въ подсахаренномъ видѣ. Режимъ грубаго, сухого подчиненія не является, конечно, раціональной подготовкой къ реальной жизни съ ея громадными требованіями, съ ея самостоятельной и отвѣтственной дѣятельностью, но quasi-свободное воспитаніе съ его принципомъ laissez faire, laissez aller еще менѣе выработаетъ ту твердость духа, безъ которой жизненная борьба невозможна. Педагогика часто смѣшиваетъ понятія: *индивидуальность* и *личность,* чувственное «я» человѣка и его духовное «я», его внѣшнюю свободу и самостоятельность со свободой внутренней. Она часто не отдаетъ себѣ яснаго представленія, что такое личность, и какъ ее освободить, а потому сплошь и рядомъ освобождаетъ и распускаетъ тѣ стороны индивидуальности ребенка, которыя въ интересахъ его личности должны были бы быть искоренены и подавлены. Исходя изъ справедливаго положенія, что дисциплина полицейскаго принужденія калѣчитъ личность, педагоги эти того не разумѣютъ, что режимъ разнузданↄ

ной свободы эту личность не только калѣчитъ, но часто губитъ. Въ *глубинѣ* духовной жизни человѣка таится то, что въ немъ есть дѣйствительно цѣннаго, и только путемъ господства духа надъ чувствами и страстями это цѣнное можетъ быть вызвано наружу. Это одухотвореніе человѣка достигается путемъ борьбы. Стать дѣйствительно свободной, сильной, самобытной личностью можно только путемъ работы надъ своей индивидуальностью, подавленія, шлифовки нѣкоторыхъ сторонъ ея. При неудержимомъ же и необузданномъ преобладаніи индивидуальности страдаетъ и извращается личность. Культъ индивидуальности ведетъ къ произволу страстей, чувствъ, къ преобладанію чувственнаго внѣшняго міра надъ духовной стороной человѣка, и кажущаяся свобода вырождается въ рабство.

То, что обыкновенно подразумѣвается подъ громкими словами «культъ личности», является въ дѣйствительности потворствомъ страстямъ и настроеніямъ индивидуальности при наивной вѣрѣ, что этимъ путемъ распущенная стадная масса претворяется въ комплексъ самобытныхъ личностей.

«Nichts anderes erzieht den Mann, als die Prügelzucht», говоритъ Гёте въ I части своего «Dichtung und Wahrheit», и не поборникомъ кнута и розогъ является геній его, а лишь выразителемъ того принципа послушанія, каковымъ онъ былъ и остался до старости, когда въ разговорахъ съ Эккерманомъ не уставалъ повторять: «учитесь послушанію». Если личность такъ слаба, что не выноситъ послушанія, не можетъ быть и рѣчи о внутренней силѣ ея. Школа, не ставящая разумныхъ препонъ индивидуальности, тормозитъ правильное развитіе характера. Въ современномъ ученіи о индивидуализаціи школы много фразъ и лжи. Само собой разумѣется, что психологически обоснованное отношеніе къ индивидуальнымъ особенностямъ ученика должно быть основаніемъ воспитанія. Но психологически обоснованная педагогика учитъ насъ, что игнорированіе, перевоспитаніе индивидуальныхъ особенностей во многихъ случаяхъ является наилучшимъ «индивидуальнымъ обращеніемъ». Въ Америкѣ уже раздаются голоса противъ односторонне понимаемой индивидуализаціи школы, противъ школьной разнузданности. Вѣдь жизнь, въ которую изъ школы вступятъ дѣти, не будетъ потворствовать и поддакивать индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ нихъ. Опредѣленный, продуманный, строгій школьный и домашній режимъ является

противоядіемъ противъ дряблой разнузданности и слабости индивида. Ребенокъ нуждается въ нравственномъ закаленіи настолько же, какъ и въ закаленіи физическомъ. Цѣль воспитанія заключается не въ томъ, чтобы оставить человѣка тѣмъ, чѣмъ онъ есть, во всей неприкосновенности его индивидуальныхъ чертъ; оно должно по мѣрѣ силъ и умѣнія вести его къ болѣе совершенному, намѣченному идеалу. Школа ни въ какомъ случаѣ не должна плясать на заднихъ лапкахъ передъ индивидуальными особенностями и наклонностями каждаго изъ учениковъ. Послѣднимъ можетъ заниматься семья. Школа же, отодвинувъ на второй планъ всѣ личныя индивидуальности, должна выдвигать принципъ общаго блага, общихъ интересовъ. Ребенка надо воспитывать въ пониманіи своихъ правъ и любви къ свободѣ; но столь же необходимо развивать въ немъ сознаніе своихъ обязанностей, чувство долга и самообладаніе. Такъ называемое «свободное» воспитаніе подвергаетъ слабую, неустановившуюся волю ребенка тысячамъ опасностей отъ внѣшнихъ вліяній, случайностей, соблазновъ, часто необоснованныхъ настроеній и причудъ. Не потворствовать этой периферической волѣ должна школа, а сдерживать ее въ интересахъ воли центральной, силы и иниціативы личности. Кто не научился повиновенію, никогда не будетъ свободнымъ и самостоятельнымъ, а всегда будетъ игрушкой чужой воли и собственныхъ слабостей и страстей.

Ренанъ говоритъ: «Сильно только то, что сопротивляется природѣ; дикое дерево не приноситъ хорошихъ плодовъ». Изъ этого не слѣдуетъ, что дикое дерево должно быть уничтожено. Нѣтъ. Но оно должно быть привито и облагорожено. Внѣ дисциплины и повиновенія нѣтъ путей къ свободѣ духовной личности. На глубокое воспитательное и культурное значеніе принципа повиновенія обращаетъ вниманіе и такой проникновенный мыслитель, какъ Рескинъ. Онъ говоритъ («The lamp of Obedience»): «Зачѣмъ злоупотреблять этимъ невѣрно понимаемымъ словомъ «свобода»? Если вы подъ нимъ подразумѣваете укрощеніе страстей, обузданіе разнузданной мысли и самоволія, если вы понимаете подъ этимъ словомъ стыдъ и боязнь зла, почтительное преклоненіе передъ носителями высокихъ авторитетовъ, снисхожденіе и тактъ въ отношеніи къ тѣмъ, кто зависимъ и униженъ, восхищеніе передъ благородствомъ, снисхожденіе къ заблудшимъ, состраданіе къ слабымъ; если вы подъ нимъ подразумѣваете бдительность надъ сво-

ими мыслями, умѣренность въ удовольствіяхъ и упорство въ работѣ; если, выражаясь короче, подъ этимъ вы подразумѣваете служеніе всякаго рода, которое въ литургіи англиканской церкви понимается какъ высшая свобода, то почему, ради Бога, называете вы все это словомъ, которымъ расточитель оправдываетъ свои излишества, разнузданный свою разнузданность, которымъ негодяй прикрываетъ свои беззаконія и дуракъ свое представленіе о равенствѣ, съ цѣпи сорвавшійся — анархію, а злодѣй — насиліе. Нѣтъ, назовите все это другимъ словомъ, болѣе подходящимъ и менѣе опошленнымъ, но только не этимъ. Назовите все это *повиновеніемъ*. Повиновеніе является своего рода свободой, возвышающей и облагораживающей, привлекающей все существо человѣка». Такъ говоритъ Рескинъ.

Такое добровольное радостное повиновеніе является тріумфомъ воспитанія, и каждая школа должна стремиться осуществить его. Дисциплина должна воздѣйствовать на лучшую духовную сторону личности, и требованія ея должны выражаться соотвѣтствующимъ языкомъ.

Педагоги, воспитанные и воспитывающіе режимомъ принужденія и устрашенія, часто и не подозрѣваютъ, какъ чувствительна молодежь къ призыву, къ ея человѣческому достоинству, чести и рыцарскому духу. Насколько упростилась бы, упорядочилась дисциплина, если бы воспитатели поняли, что надо дѣйствовать заодно съ воспитанниками, а не противъ нихъ! Какъ охотно отзываются дѣти на призывъ къ ихъ чести, самообладанію! «Не выбрасывайте героя изъ своей души!» говоритъ Нитцше молодому человѣку. Герой до поры до времени живетъ въ душѣ каждаго человѣка, и рука объ руку съ нимъ должно идти воспитаніе.

Дѣти, возстающія противъ послушанія, принужденія, не всегда изъ худшихъ. Порою это дѣйствительно лишь проявленіе тупого упрямства, но чаще это протестъ духа противъ механическаго, неосмысленнаго подчиненія, подневольной не творческой работы. И какъ расцвѣтаетъ душа ребенка, когда предъявляемое къ ней требованіе послушанія является орудіемъ не бездушной дрессировки, а любовнаго и продуманнаго къ ней отношенія, когда въ ней будятъ чувства героя, а не раба. *Надо* быть послушнымъ. Все дѣло лишь въ томъ *кого* и *чего* слушаться. Надо слушаться всего высокаго, прекраснаго, благороднаго, великаго, откуда бы императивъ ни

исходилъ, изъ фактора внѣ насъ лежащаго или изъ насъ самихъ. Очень опредѣленно высказывается объ этомъ вопросѣ и Песталоцци. Безпощадно осуждая дрессировку, калѣчащую самобытныя и одаренныя натуры, воздѣйствующую внѣшнимъ путемъ, а не вліяніемъ на силу духа, онъ признаетъ только одну дѣйствительную цѣнную и раціональную дисциплину — это самообузданіе путемъ воздѣйствія на свое «я». Побуждать къ работѣ, добронравному поведенію должно внутреннее *личное* побужденіе, а не чувство страха, не тщеславіе. Быть можетъ, та переутомляемость учениковъ, о которой теперь такъ много говорятъ, обусловлена именно тѣмъ, что внутреннія духовныя силы ребенка не призываются на помощь въ его работѣ, къ которой у него нѣтъ интереса, одушевляющаго и закаляющаго силы.

Отсюда проистекаетъ быстрая утомляемость, скука, отсутствіе въ работѣ чувства радости. Ребенокъ не отдаетъ себѣ отчета, зачѣмъ ему себя принуждать къ чему-то тягостному и неинтересному, зачѣмъ быть добросовѣстнымъ. Въ каждомъ дѣлѣ, работѣ, существуютъ стороны настолько интересныя и увлекательныя сами по себѣ, что онѣ не требуютъ ни усилій воли, ни принужденія. Но въ той же работѣ встрѣчаются страницы скучныя, надоѣдливыя, тягостныя, и школа должна умѣть привлечь вниманіе и интересъ учениковъ и къ такой работѣ. Она должна перенести свое вниманіе съ работы на человѣка, который ее совершаетъ. Она должна заставить его понять, какое облагораживающее, возвышающее значеніе имѣютъ самопринужденіе, вѣрность и добросовѣстность и въ маломъ. Этимъ путемъ устанавливается связь между работой и духомъ работающаго. Короче, работа одухотворяется. Въ этомъ отношеніи новая «свободная» школа вступила на опасную дорогу. Отвергнувъ внѣшнюю принуждающую дисцилпину, она ничѣмъ ее не замѣнила. Всяческими ухищреніями, утонченными методическими пріемами она стремится сдѣлать ученіе для ребенка настолько занятнымъ, легкимъ, чтобы надобность въ нравственномъ усиліи надъ собой никогда для него не встрѣтилась. Все идетъ гладко, прекрасно. Дѣйствительное знаніе, характеръ учениковъ терпятъ отъ этого огромный ущербъ, но это не понимается, или на это сознательно закрываютъ глаза. Но вотъ, пройдя школу «шутя», «играя», воспитанники ея вступаютъ, наконецъ, въ жизнь. А жизнь прожить — не поле перейти. Жизнь въ большинствѣ случаевъ трудъ тяжелый и подневольный, жертва,

самообузданіе, безпощадная нагота, ничѣмъ не скрашенная и не подслащенная, всего того, что она выдвигаетъ.

Способъ обученія «играя», «шутя» развиваетъ въ дѣтяхъ только пассивное вниманіе, возбуждаемое самимъ предметомъ и способомъ его преподаванія безъ всякихъ усилій воли со стороны самого ученика. Между тѣмъ активное вниманіе имѣетъ несравненно большее значеніе для дѣйствительнаго, прочнаго усвоенія предмета. Отказавшись, по мѣткому выраженію Карлейля, отъ «методовъ ошейника», новая школа въ большинствѣ случаевъ практически не находитъ другихъ методовъ развитія и поддержанія именно этого самаго цѣннаго вниманія — активнаго.

Между тѣмъ въ современномъ молодомъ поколѣніи, часто даже среди дѣтей замѣчается печальное явленіе — какое-то безпокойство, жажда все новыхъ удовольствій и впечатлѣній, ростъ новыхъ потребностей, удовлетворенія которыхъ желаютъ, почти требуютъ безъ всякаго труда съ своей стороны. Это прямой результатъ не въ мѣру рьяной заботы усыпать жизненный путь дѣтей цвѣтами и устранять съ него всѣ шипы. Слишкомъ обильныя и разнообразныя впечатлѣнія, излишнее внѣшнее возбужденіе, развлеченія, зрѣлища, горы игрушекъ, которыми окружены современныя дѣти, развиваютъ въ нихъ поверхностность, верхоглядство, неустойчивость и рядомъ неврастенію. Эти свойства, и безъ того болѣе чѣмъ въ нежелательной степени присущія большинству людей, школа должна не развивать, а всѣми мѣрами съ ними бороться, выдвигая ярко и выпукло передъ глазами юноши значеніе постоянства, усидчивости, силы воли, привычки къ труду. Говорятъ, что жизнь образуетъ характеръ. Но это глубоко невѣрно. Человѣкъ вступаетъ въ жизнь съ характеромъ уже установившимся и опредѣлившимся; и характеръ дряблый, безвольный, расплывчатый, является ли онъ природнымъ даромъ или продуктомъ воспитанія, никакія условія жизни не исправятъ и не измѣнятъ.

Воспитаніе силы духа должно быть положено въ основаніе школьнаго воспитанія. Понятіе обязанностей, по старой терминологіи принудительной работы должно слиться воедино съ добровольной и сознательной готовностью ученика совершать эту работу. Юноша долженъ понять, что дѣйствительной свободы онъ достигнетъ только путемъ внутренней работы надъ собой, путемъ самообузданія, что высшимъ императивомъ въ его стремленіи къ правдѣ должно быть сознаніе: «*Я долженъ*» и «*я хочу*». И тогда

въ требованіяхъ, предъявляемыхъ ему школой, онъ увидитъ не тягостное для него желаніе надъ нимъ командовать, не рабство, а путь къ эмансипаціи своей воли и характера. Задача современной школы должна свестись къ тому, чтобы найти ту золотую середину, которая будетъ одинаково удалена какъ отъ той «свободной» школы, которая дѣлаетъ изъ индивидуальности ребенка божка, такъ и отъ «методовъ ошейника» школы прошлаго.

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать одно примѣчаніе. Ребенокъ не можетъ и не долженъ всегда, во всѣхъ случаяхъ понимать разсудкомъ мотивы предъявляемыхъ къ нему требованій. Но если онъ проникнутъ значеніемъ духа дисциплины вообще, если онъ лично и корпоративно ею заинтересованъ, готовъ ей подчиняться по собственному, внутреннему побужденію, повиновеніе это никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо слѣпымъ. Достигнуть подобнаго повиновенія можно не путемъ отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, тѣмъ менѣе, конечно, путемъ принужденія, а только путемъ вдумчиваго сближенія съ духовнымъ міромъ ребенка, путемъ обсужденія конкретныхъ примѣровъ изъ личной и школьной жизни дѣтей. Но какъ плохо обставлено воспитаніе въ этомъ смыслѣ въ современной школѣ! Идутъ вѣка, тысячелѣтія, и не стоитъ ли школа и сейчасъ на той же ступени, на которой она стояла въ тѣ времена, когда Сенека написалъ слѣдующія строки: «Можно ли научить добру или нельзя? Научите меня любить отечество, жену, родителей, научите меня, потерпѣвшему въ жизни крушеніе, продолжать стремиться къ добру. Зачѣмъ мнѣ знать, была ли Пенелопа вѣрна Одиссею или нѣтъ, освѣтите лучше передо мной жизнь нравственную и правдивую и цѣну ея. Ты знаешь, что такое прямая линія, на что тебѣ это, если ты не знаешь, что прямо и криво въ нравственныхъ вопросахъ жизни. Только одно образуетъ духъ, это—непоколебимое знаніе добра и зла».

И черезъ 2000 лѣтъ послѣ этого буквально то же самое, почти тѣми же словами не устаетъ повторять гр. Толстой.

Этическое воспитаніе, бесѣды съ дѣтьми по вопросамъ нравственности и этики, какъ это дѣлалъ Сократъ, призывъ къ ихъ чувству гуманности, чести, самоуваженія человѣческаго достоинства, обсужденіе послѣдствій ихъ проступковъ, отступленій отъ законовъ нравственности, все это должно широкой рѣкой влиться въ современную школу. Такими профилактическими мѣрами школа можетъ достигнуть многаго при дружной объединенной работѣ

всѣхъ учителей и воспитателей. Подобно учителю гимнастики, нарушающему ходъ обычныхъ занятій окликомъ «вольно», каждый учитель можетъ и долженъ порою прерывать свой урокъ для подобнаго собесѣдованія съ дѣтьми. Темой, предлогомъ для него можетъ быть та или другая подробность школьной жизни, школьный конфликтъ, наконецъ, самъ учебный матеріалъ. Подобныя бесѣды возможны уже съ самыми маленькими дѣтьми.

Все это такъ, скажутъ намъ, но пока это все слова, какъ измѣнить школьный режимъ практически, какъ осуществить эти прекрасныя, но трудныя задачи? Самыя цѣнныя и реальныя указанія даетъ намъ въ этомъ отношеніи все та же американская школа. Дисциплина американская выдержана въ строго демократическомъ духѣ. Сухое принужденіе замѣнено въ ней принципомъ кооперации. Ученикъ въ школѣ уже чувствуетъ себя свободнымъ гражданиномъ; достоинство его заботливо охраняется; къ чувству его чести обращаются всѣ дисциплинарныя и нравственныя требованія. Въ американской школѣ установились совсѣмъ особыя отношенія между учителемъ и учениками. Грубый командующій тонъ, оскорбительныя выраженія въ ней недопустимы. Даже въ низшей школѣ учитель относится къ ученикамъ какъ джентльменъ, какъ профессоръ къ студентамъ. Точка опоры учителя — это общественное мнѣніе класса. Путемъ тактичнаго отношенія онъ пріобрѣтаетъ себѣ поддержку большинства, а съ меньшинствомъ совладать тогда уже не трудно. Self-respect — самоуваженіе, является основаніемъ нравственнаго воспитанія.

На этомъ чувствѣ, на этомъ пониманіи должны воспитываться будущіе свободные граждане. Наказанія, производимыя въ американской школѣ, базируются на томъ же чувствѣ чести и справедливости самихъ дѣтей. Путемъ анкетъ дѣтямъ предоставляется высказаться насчетъ того или иного наказанія. Школьная юстиція, не находящаяся въ тѣсной связи съ нравственнымъ міросозерцаніемъ ребенка, ведетъ всегда къ явному или тайному протесту. Учитель не долженъ, конечно, подчиняться взглядамъ дѣтей, но онъ долженъ ихъ знать, направлять и вести за собой.

Принципъ самоуправленія въ примѣненіи къ школьной дисциплинѣ нашелъ самое яркое выраженіе въ такъ наз. school-city-system. Школа, построенная на этихъ основаніяхъ, является демократическимъ общежитіемъ. Наряду съ начальствомъ въ общепринятомъ значеніи этого слова въ ней существуетъ своя учени-

ческая администрація, выбираемая самими дѣтьми изъ своей среды; администрація эта слѣдитъ за соблюденіемъ законовъ и правилъ, вырабатываемыхъ сообща. Первые же опыты организацій такой школы-государства дали такіе блестящіе результаты, что идея эта стала быстро распространяться. Школы этого типа возникли въ Англіи, въ Шотландіи. Въ послѣдніе годы подобныя школы возникли въ Швейцаріи и широко процвѣтаютъ въ Индіи. Всѣ выдающіеся педагоги признаютъ значеніе этой системы главнымъ образомъ въ смыслѣ урегулированія и упрощенія дисциплины и установленія внутренняго режима, облегчающаго задачи воспитанія и обученія. School-city-system пріучаетъ дѣтей владѣть собой, дорожить порядкомъ, общественной организаціей, развиваетъ въ нихъ чувство отвѣтственности, которое такъ рѣдко въ человѣкѣ вообще, и которое никогда не разовьется въ ребенкѣ разъ центръ тяжести того дѣла, къ которому онъ привлеченъ, лежитъ внѣ его. При самодержавіи директора или учителя у ученика не можетъ пробудиться сознаніе своей отвѣтственности передъ товарищами, передъ школой. Его роль ограничена слѣпымъ повиновеніемъ; что касается всего прочаго, то это на отвѣтственности начальства. Въ классѣ, который весь in corpore привлеченъ къ поддержанію порядка, въ которомъ развито чувство классоваго достоинства, своей большой роли въ общемъ школьномъ дѣлѣ, преобладать будутъ всегда лучшіе элементы. Горячій и убѣжденный сторонникъ school-city-system, M-r Wilson Gill говоритъ о старой школѣ: «Наши дѣти слышатъ ежедневно великое слово «свобода», а въ стѣнахъ школы они принуждаемы думать и поступать какъ подданные тирана. Неудивительно, что въ каждой школѣ неизбѣжны элементы, всегда готовые къ протесту и возмущенію. Деморализація привычекъ, искаженіе характера, вызываемые годами такого внѣшняго принужденія, такъ сильны, что они налагаютъ свою печать на всю послѣдующую жизнь». А Фребель основательно говоритъ, что правильное развитіе ребенка возможно лишь при личной продуктивной дѣятельности его.

Эта истина неоспорима и въ отношеніи къ школьной дисциплинѣ. Всѣ школы, учителя, лично испробовавшіе эту систему самоуправленія, утверждаютъ, что при ней порядокъ, дисциплина устанавливаются, такъ сказать, шутя, безъ всякаго труда, и это единственный путь, которымъ можно добиться уваженія къ закону. Вначалѣ учитель-воспитатель играетъ въ такой школьной орга-

низаціи главную, доминирующую роль: онъ всѣмъ руководитъ, наставляетъ, разъясняетъ. Но по мѣрѣ того, какъ дѣти проникаются духомъ школы, онъ отодвигается на задній планъ, предоставляя дѣятельность дѣтямъ. Но онъ продолжаетъ быть верховнымъ авторитетомъ, незримымъ, незамѣтнымъ руководителемъ.

Но главная сила американской школы, которой она поистинѣ горы ворочаетъ, заключается въ ея неизмѣнномъ и глубокомъ уваженіи къ личности ребенка. Главнымъ авторитетомъ, факторомъ побуждающимъ является въ ней то внутреннее чувство воспитанника, которое можно охарактеризовать словами «noblesse oblige». Американскіе педагоги понимаютъ, что авторитетъ безъ великодушія есть насиліе, порицаніе безъ деликатности — грубость. Къ тому же въ дѣтскомъ воспріимчивомъ и подражательномъ возрастѣ сила примѣра почти всемогуща. Воспитатель, учитель никогда не долженъ терять этого изъ виду. Онъ долженъ быть передъ лицомъ класса джентльменомъ до мозга костей, въ лучшемъ значеніи этого слова, соблюдающимъ неизмѣнно приличный тонъ, уважающимъ личность ученика, почтительно склоняющимся передъ тѣми зачатками добра, чести, которыя живы въ сердцѣ каждаго человѣка. Извѣстно, какое часто благотворное магическое дѣйствіе оказываетъ обращеніе, уважающее личность человѣка, на преступниковъ, на людей, повидимому, утратившихъ образъ Божій, а практика исправительныхъ учрежденій для дѣтей порочныхъ и другихъ аналогичныхъ учрежденій доказываетъ, какихъ поразительныхъ результатовъ можно достигнуть съ дѣтьми испорченными, одичавшими, опираясь въ своемъ отношеніи къ нимъ на лучшія стороны и чувства ихъ внутренняго міра. И какъ правдивы, глубоки слова Гёте, сказавшаго: «Если мы беремъ людей такими, каковы они въ дѣйствительности, мы принижаемъ ихъ и дѣлаемъ хуже. Если же мы относимся къ нимъ такъ, какъ будто они таковы, какими они должны были бы быть, мы приближаемъ ихъ къ тому уровню, на которомъ мы желали бы ихъ видѣть». Чувство чести является въ юности оплотомъ противъ всякой скверны, нравственной нечистоплотности, и человѣкъ, игнорирующій его въ дѣтяхъ и юношахъ, способствуетъ ихъ нравственной дегенераціи. То, *что* мы о дѣтяхъ думаемъ и *чего* отъ нихъ ожидаемъ, оказываетъ огромное вліяніе. Человѣкъ, въ порядочность котораго хоть кто-нибудь еще искренно и глубоко вѣритъ, нравственно пропасть не можетъ. Вѣра оживляетъ, одухотворяетъ; сомнѣніе, недовѣріе

угнетаютъ и принижаютъ. Истина эта пріобрѣтаетъ особое значеніе, примѣненная въ отношеніи къ нѣжной, впечатлительной дѣтской душѣ. Признать ребенка лгуномъ или лѣнтяемъ, постоянно ему объ этомъ твердить, прямѣйшій и вѣрнѣйшій путь толкать его въ сторону лѣни и лжи. Ложь, уже висящую на кончикѣ языка, можно остановить твердой и непоколебимой увѣренностью, что вы не считаете человѣка на нее способнымъ.

Величайшее значеніе пріобрѣтаетъ, конечно, при этомъ личность учителя-воспитателя. Его проникновенное пониманіе своей миссіи, его воспитательскій талантъ и тактъ, то теплое чувство, которое онъ будитъ къ себѣ въ своихъ воспитанникахъ, прокладываютъ пути, ведущіе ко всѣмъ этимъ высокимъ цѣлямъ.

Гёте сказалъ: «Только у того учителя можно дѣйствительно чему-нибудь научиться, котораго любишь и уважаешь. Симпатія къ учителю разстилаетъ передъ нимъ золотые мосты».

Резюмируя сказанное, можно вывести слѣдующія положенія: отсутствіе дисциплины въ школѣ и жизни дѣйствуетъ гибельнымъ разрушающимъ образомъ на характеръ. Неуклонное, добровольное послушаніе твердо и разумно установленнымъ правиламъ и предписаніямъ необходимо въ школѣ; оно приводитъ къ послѣдней и наивысшей ступени — послушанію законамъ и соціальнымъ и этическимъ. Разнузданное пренебреженіе къ закону, привычка къ непослушанію разслабляютъ волю лишаютъ человѣка свободы дѣлая, его рабомъ своихъ настроеній и капризовъ. Это глубокое заблужденіе, что душой и сердцемъ ребенка легче завладѣть разнузданной свободой и попустительствомъ, чѣмъ разумомъ, мягкой строгостью. Дѣти нормальныя, живущія среди нормальныхъ условій семейной и школьной жизни, хотятъ слушаться, любятъ порядокъ, уважаютъ добраго, справедливаго и строгаго учителя, чувствуютъ себя лучше и радостнѣе въ обстановкѣ порядка и разумной дисциплины, забота о которой должна выдвигаться школой на первый планъ.

Ну, а практическіе совѣты, какъ это осуществить, гдѣ они? спросятъ меня. Укажите намъ пути осязаемые и очевидные, говорите языкомъ не общихъ и отвлеченныхъ положеній, а опредѣленныхъ, конкретныхъ указаній. Это трудно. Требованія, предъявляемыя школѣ, учителю такъ велики и находятся въ такой тѣсной зависимости отъ общихъ условій жизни, находящихся внѣ воли и сферы вліянія того и другой, что порою бываешь готовъ

пасть духомъ и признать, что теперь, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, всѣ пути и выходы загорожены. Школьный реформаторъ долженъ быть прежде всего реформаторомъ соціальнымъ. Одинъ безъ другого немыслимы. Въ заключеніе, чтобы не закончить минорнымъ аккордомъ, приведу слова Канта: «Проектъ теоріи воспитанія есть прекрасный идеалъ, и ничего не значитъ, если мы не въ состояніи осуществить его сейчасъ. Не надо только торопиться признать идею химерической и приравнивать ее къ несбыточному сну, если даже на пути къ ея осуществленію встрѣчаются, казалось бы, непреодолимыя препятствія».

Е. И. Тихѣева.

Отношеніе современной школы къ „старой и новой“ *.

Цѣлью нашего сегодняшняго собесѣдованія я ставлю выясненіе вопроса, какую позицію занимаетъ современная школа, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, между такъ называемой «старой» школой, признанной негодной и осужденной, и намѣченной въ идеалѣ, пока еще туманной утопической «новой» школой будущаго. Я считаю нужнымъ оговориться, что подъ «старой» я разумѣю школу хотя и осужденную категорично и повсемѣстно, тѣмъ не менѣе господствующую и преобладающую не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ. Подъ «новой» же школой я разумѣю смутно вырисовывающуюся въ безконечно далекой розовой перспективѣ свободную школу будущаго, выдвинувшую много громкихъ, получившихъ распространеніе лозунговъ, но нигдѣ конкретно еще не осуществившуюся. Для облегченія намѣченной задачи, для того, чтобы яснѣе представить себѣ позицію школы, такъ сказать, quasi-новой, энергично стремящейся уйти отъ стараго и приблизиться къ новому, я считаю нужнымъ напомнить въ общихъ чертахъ особенности и сущность обѣихъ школъ.

Старая школа разобщена съ жизнью. Въ ней жизнь не фигурируетъ въ рядахъ учителей и воспитателей ребенка, школа замкнута въ стѣны, въ которыхъ ребенка учатъ, начиняютъ знаніями, а за этими стѣнами жизнь кипитъ во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ природы, человѣческаго труда, общественности. И когда юношѣ приходится перешагнуть школьныя стѣны и вступить въ эту жизнь активнымъ самостоятельнымъ членомъ, то оказывается, что пріобрѣтенныя имъ знанія этого шага не только не облегчаютъ, но являются съ жизнью не связанными и въ большинствѣ случаевъ ни на что не нужными. Школа, вѣрнѣе дѣтскія головы являются

* Докладъ, читанный на общемъ собраніи Общества въ 1909 году.

какимъ-то складочнымъ мѣстомъ знаній, не имѣющихъ для жизни реальнаго абсолютнаго значенія. Школа выпускаетъ иногда людей съ большимъ запасомъ знаній, но безъ умѣнія эти знанія примѣнять, безъ творческой способности, безъ самодѣятельности, силы иниціативы, безъ умѣнія разбираться въ окружающемъ, самостоятельно и здраво смотрѣть на жизнь.

Школа только обучаетъ, внѣдряетъ знанія, цѣлямъ же истиннаго просвѣщенія она не служитъ, съ невѣжественными предразсудками она не борется. На умственное и нравственное воспитаніе она почти не обращаетъ вниманія. Воспитываетъ въ ней же жизнь, не опытъ, не наблюденіе, не самостоятельный, свободный творческій трудъ, не примѣръ, живой и прекрасный, а обучаетъ *книга*. Книга — главный дѣятель школы. А книжное обученіе, какъ извѣстно, развиваетъ лишь память въ ущербъ другимъ способностямъ ума. Главное вниманіе обращается на количество знаній и на ихъ распредѣленіе, т. е. на программу. И программа эта, предписываемая откуда-то извнѣ, не сообразуется съ истинными запросами и потребностями дѣтскаго духа, часто недоступна дѣтскому пониманію. Ребенку отказываютъ въ знаніяхъ, которыхъ онъ жаждетъ, и даютъ ему то, что пока ему совсѣмъ не нужно, не интересно. При томъ и эти знанія разъединены, другъ друга не дополняютъ, не сплетены въ гармонически стройное цѣлое. Для усвоенія ихъ не нужно ни дѣтскаго творческаго пытливаго ума, ни способности разсуждать и анализировать; нужна только память, только она развивается, а самое цѣнное въ человѣкѣ, его мысль, вложенная въ него искра Божья, самобытность его ума къ жизни не вызываются. При современной системѣ образованія ребенокъ осужденъ на пассивность, косность и молчаніе, составляющія для подвижной дѣтской натуры сущую пытку.

Старая школа совершенно не индивидуальна; она не умѣетъ да и не можетъ чутко прислушиваться къ индивидуальности, характернымъ особенностямъ каждаго ученика. Она единообразна во всю свою ширь, шаблонна, рутинна. Она не отбросила еще дѣленія на классы, при чемъ группировка дѣтей производится случайно, по оцѣнкѣ, и то очень проблематичной, количества знаній, а не индивидуальныхъ особенностей ихъ. Стѣсненная программами, предъ лицомъ классовъ, считающихъ число своихъ учениковъ десятками, она вынуждена прибѣгать къ регламентаціи, къ системѣ общихъ мѣръ и пріемовъ. Она вынуждена подавлять волю

личности и предписывать свою волю, окружая ее для пущаго эффекта атмосферой авторитета и величія.

Для достиженія намѣченной цѣли — внѣдренія въ дѣтей возможно большаго количества знаній при посредствѣ не индивидуальнаго, любимаго, захватывающаго и свободнаго, а насильственнаго труда, школа неизбѣжно должна прибѣгать къ пріемамъ дисциплины чисто внѣшнимъ, къ регламентаціи, къ требованію послушанія безъ разсужденія, къ системѣ предписаній и неизбѣжно вытекающихъ отсюда запрещеній, наказаній, постояннаго надзора. Порядокъ, организація, интересы программы вытѣсняютъ интересы личности. Въ силу тысячи причинъ эта школа не только не имѣетъ своихъ жрецовъ, но зачастую просто способныхъ, умѣлыхъ любящихъ свое дѣло руководителей. Ея дѣятели всѣ до единаго повинны въ насиліи надъ ввѣренной имъ дѣтской душой. Насильственно втиснутая въ рамки условности, разобщенная съ жизнью и семьей, фактически лишенная возможности заботливо охранять индивидуальность, она можетъ только предписывать свою, а часто даже не свою, а чужую волю, опекать, управлять, и этимъ глушить не только индивидуальную волю, способность, самобытность личности, но часто и простой здравый смыслъ. Она готовитъ къ жизни неподготовленныхъ, слабыхъ, обезличенныхъ, малоцѣнныхъ людей, но людей во многихъ отношеніяхъ удобныхъ. Вѣдь главная конечная цѣль школы, опирающейся на ложно понимаемое воспитаніе, — приспособлять ребенка къ существующимъ условіямъ соціальной среды, господствующаго строя. Человѣкъ, не пріученный прислушиваться къ своей совѣсти и разуму, дѣйствовать по своей волѣ и разумѣнію, неизбѣжно въ концѣ концовъ подчиняется ходячимъ мнѣніямъ, господствующимъ понятіямъ, которыя онъ защищаетъ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, чѣмъ болѣе заглушены въ немъ личность и самобытность. Онъ утрачиваетъ способность понимать зло, которымъ онъ самъ въ корень зараженъ, перестаетъ ясно понимать, чѣмъ должна быть нравственная жизнь и нормальная созидающая человѣка свободная школа. Поистинѣ ужасное положеніе! Какъ при этомъ не прислушиваться къ тому, что говорятъ горячіе убѣжденные проповѣдники болѣе свѣтлаго и счастливаго будущаго, не желать идти за ними, не вѣрить въ осуществленіе хотя бы части ихъ мечтаній и идеаловъ! Посмотримъ же, что говорятъ эти учителя, куда они насъ зовутъ, какъ понимаютъ они «свободную» школу свѣтлаго будущаго.

Свяжите школу съ жизнью, говорятъ они намъ. Разрушьте всѣ стѣны и перегородки, отдѣляющія ее отъ жизни, отъ природы, отъ семьи. Не изъ книги, сухой и мертвой, не изъ произвольной формулировки учителя, но изъ самой жизни, изъ реальной дѣйствительности, изъ опыта, изъ природы должны дѣти черпать свои знанія. Свяжите знанія съ жизнью, и вы придадите имъ тогда реальную цѣнность, сдѣлаете ихъ для жизни пригодными. Ребенокъ долженъ въ школѣ не только учиться, но и жить и у жизни учиться. Чему? Да тому, что эта жизнь выдвигаетъ наиболѣе для него яркаго и интереснаго, на что прежде всего отзывается любознательная, пытливая мысль его. Идите навстрѣчу этимъ запросамъ и нуждамъ его, старайтесь уяснить себѣ особенности склада его ума, понять его индивидуальность; не мѣшайте его самобытному, отвѣчающему требованіямъ природы развитію, по мѣрѣ силъ способствуйте проявленію и расцвѣту всѣхъ его духовныхъ силъ и способностей. Уважайте личность его, уважайте его самостоятельную дѣятельность, его волю. Подчиняйте свою мысль его мысли, свою волю его воли. Личность ребенка прежде всего. Изъ нея исходите и къ ней стремитесь въ своихъ исканіяхъ, только въ ней вы найдете истину. Вонъ онъ передъ вами во всемъ обаяніи перла среди созданій Творца! Онъ таковъ, какимъ его создалъ Творецъ, не дурной и не хорошій. Вотъ онъ со своимъ живымъ пытливымъ умомъ, стремленіемъ сообщаться съ окружающимъ его міромъ, ненасытный потребностью въ умственномъ развитіи, понятливостью, правдивостью и искренностью, не развращеннымъ еще здравымъ смысломъ, живой впечатлительностью, отзывчивостью къ правдѣ и добру, склонностью къ энтузіазму.

Онъ обладаетъ всѣми данными для самостоятельнаго нормальнаго развитія, для самостоятельнаго пріобрѣтенія знаній. Не препятствуйте только этому самобытному развитію. Ребенокъ не воскъ. Не вздумайте лѣпить изъ него что-то, долженствующее соотвѣтствовать абстрактному представленію, родившемуся въ вашей головѣ.

Сближайтесь съ ребенкомъ. Проникайте во всѣ особенности его духа, и только послѣ глубокаго, всесторонняго знакомства съ нимъ прояснѣетъ ваше сознаніе, и вы поймете, какъ и чему его учить, чѣмъ должна быть свободная созидающая школа. А потому долой классы! Долой всякая произвольная группировка дѣтей! Долой предварительно выработанныя программы! Долой всѣ стѣны

и перегородки! Выпустите дѣтей въ природу, на чистый, вольный воздухъ. Школой будетъ весь міръ, вся жизнь, поскольку тотъ и другая доступны пониманію ребенка. Создавайте условія, наиболѣе благопріятныя для его свободнаго, самопроизвольнаго развитія. Эти условія должны гарантировать ему физическое, умственное и нравственное развитіе въ стройномъ и гармоническомъ единеніи, въ нераздѣлимомъ сцѣпленіи. Развивайте его разумъ, волю и совѣсть. Идите путемъ разума же, свободнаго, разумнаго индивидуальнаго труда, а не путемъ принужденія и насилія.

Развить волю можно только путемъ сознательнымъ, а потому не навязывая, не предписывая ему того, къ чему онъ сознательно отнестись не можетъ.

Нельзя развивать волю, подчиняя ее гнету и принужденію. Не порабощайте волю ребенка, а освобождайте ее. Созидайте ему счастливую и свободную обстановку. Вѣдь счастье и свобода тяготѣютъ къ добру. Стремленіе къ свободной дѣятельности присуще человѣку. Это стремленіе всегда идетъ рука объ руку со стремленіемъ и способностью къ разумной организаціи труда, со способностью къ разумному пріобрѣтенію знаній. Свободный трудъ, соотвѣтствующій интересамъ и способностямъ человѣка, не наказаніе, а его естественная потребность, часто наслажденіе. Идя навстрѣчу индивидуальнымъ запросамъ ребенка, вы только наладите его трудъ, а познанія пріобрѣтетъ онъ самъ. Насыщайте его душевный голодъ той пищей, которую онъ самъ властно требуетъ. Знаніе не цѣль, а средство умственнаго развитія. Пріобрѣтеніе знаній является удовольствіемъ, органической потребностью. Знанія, усвоенныя при интересѣ къ нимъ, при увлеченіи ими, усваиваются прочно и органически связываются со всѣмъ духовнымъ багажомъ человѣка. Только при развитіи всѣхъ способностей, преобладающихъ и наиболѣе ярко выраженныхъ въ ребенкѣ, только при удовлетвореніи разумныхъ потребностей, подготовляющихъ этимъ путь для новыхъ потребностей и запросовъ, мыслимо нормальное воспитаніе и правильное пріобрѣтеніе прочныхъ, нужныхъ и цѣлесообразныхъ знаній. Научите же ребенка употреблять въ пользу свои способности. Поставьте его для этого въ самое близкое общеніе съ природой, помогите ему почувствовать ея воздѣйствіе, разбираться во взаимоотношеніи ея явленій, постигать законы, ими управляющіе. Пусть напряженіе силъ ребенка будетъ естественно и самопроизвольно и напряженіе это пріобрѣтетъ тогда

такую интенсивность, которой никогда не достигнуть путемъ насилія и принужденія. Если трудъ ребенка интересенъ, полезенъ, осмысленъ, свободенъ, то неизбѣжно создается та нравственная атмосфера, при которой онъ будетъ и наиболѣе интенсивенъ. Силы будутъ расти, интересы и способности множиться, родится интересный обмѣнъ мыслей, симпатіи и благожелательство къ людямъ. Дѣти будутъ диференцироваться, сообразно своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, сплачиваться въ самопроизвольныя, дружныя, прочно спаянныя группы. Они научатся владѣть собой, управлять своими дѣйствіями, подчинять ихъ разумнымъ волевымъ проявленіямъ, интересамъ большинства. И въ ихъ общежитіи установится та глубокая, всеохватывающая, трудовая, нравственная дисциплина, которая не требуетъ ни поощренія, ни наказаній, ни мѣръ надзора, запретовъ и предписаній. Въ ребенкѣ разовьется духъ общественной жизни и сотрудничества. Вѣдь дисциплинируютъ только жизнь, опытъ и свободный трудъ. Не будетъ тогда ни лѣнивыхъ, ни отсталыхъ, ни равнодушныхъ, потому что нѣтъ нормальнаго ребенка, который предпочелъ бы праздность, проявилъ бы сонливость ума, если только трудъ его является выразителемъ его собственной воли, собственныхъ мыслей и интересовъ. Ребенокъ дѣятеленъ по природѣ; онъ самъ дастъ ходъ заложеннымъ въ него способностямъ; только не мѣшайте ему! а великіе учителя — природа и жизнь — довершатъ остальное.

Но какова же роль учителей — людей въ этой удивительной не поддающейся пока конкретному воплощенію школѣ будущаго? О, эта роль высокая и почетная! Въ свободной школѣ учителя будутъ не наемники, не рабы, это будутъ свободные работники, работающіе ради любви къ дѣтямъ, ради духовной связи, которая у нихъ съ ними установится, для которыхъ ихъ дѣло будетъ наслажденіемъ, духовной потребностью, а не профессіей, обезпечивающей имъ ихъ матеріальное существованіе. Они будутъ только способствовать полному, всестороннему, самостоятельному развитію молодой жизни, будутъ незамѣтными руководителями, старшими товарищами дѣтей, воспитывающими прежде всего примѣромъ, подчиняющими свою личность и волю интересамъ школы, группы, ребенка. И не будетъ тогда ни расписанія уроковъ, ни даже распредѣленія ихъ по предметамъ, ни задаванія и отвѣчанія ихъ; будетъ общая, дружная товарищеская работа, дружеское собесѣдованіе, обмѣнъ мыслей, впечатлѣній, такое сплоченное единеніе фи-

зическаго и умственнаго труда, что одинъ изъ нихъ будетъ неотъемлемымъ спутникомъ другого. Подъ открытымъ небомъ, среди природы, въ путешествіяхъ, мастерскихъ, за многообразнымъ физическимъ трудомъ дѣти изучатъ всѣ науки, которыя войдутъ въ ихъ жизнь и станутъ ихъ жизнью. И явятся тогда люди сильные духомъ, умѣющіе разсуждать, руководствоваться *своимъ* мышленіемъ, *своей* волей, съ ярко выраженнымъ характеромъ и индивидуальностью, съ силой протеста, способные во всѣхъ случаяхъ жизни властно сказать: «я это знаю, я такъ думаю, я такъ хочу!»

Ободряютъ такія рѣчи, что и говорить! На горячую проповѣдь освобожденія ребенка отзывается наше сердце, мы въ ней чуемъ правду, но — со многимъ мы все-таки согласиться не можемъ.

Являетъ ли дѣйствительно собой душа ребенка при рожденіи ry tabula rasa, на которой ничего не начертано — ни добраго ни худого? Законъ атавизма, наслѣдственности на-лицо; отвергать прирожденныя черты ума и характера невозможно. Несомнѣнно есть дѣти, которыхъ отъ ихъ природы, самобытности надо спасать, а не потворствовать ихъ проявленію. Затѣмъ, какъ все это ши хорошо, но согласитесь, что это все же утопія. «Да, утопія, — отвѣчаютъ вамъ проповѣдники новой свободной школы. — Но утопіи спасали міръ, утопіей были въ свое время убѣжденія Сократа, утопіей было ученіе Христа, всѣ исканія предвидѣвшихъ будущее мыслителей и изобрѣтателей. Не утопій надо бояться а равновѣсія, трезвой дѣйствительности, исключающихъ движеніе впередъ, сулящихъ застой и смерть».

Какъ утопическую мы горячо привѣтствуемъ школу будущаго. Лишь смутно, такъ сказать, ощупью уясняя себѣ ея воплощеніе даже въ радикально переустроенныхъ условіяхъ далекаго будущаго, мы тѣмъ не менѣе хотимъ вѣрить въ возможность этого воплощенія. Мы готовы всей душой радоваться за свободу дѣтей далекихъ грядущихъ поколѣній. Но вокругъ насъ наша дѣйствительность, наши школы, наши дѣти, требующія заботъ къ себѣ лично, нуждающіяся въ измѣненіи условій ихъ семейной и школьной жизни. Требуя слишкомъ многаго, стремясь обнять необъятное, теоретики-новаторы школьнаго дѣла сами того не замѣчаютъ, что размахъ ихъ руки слишкомъ великъ, происходитъ, такъ сказать, поверхъ головъ ближайшихъ, непосредственно около нихъ стоящихъ поколѣній, которыя онъ совсѣмъ не задѣваетъ. Такъ

обстоитъ дѣло сейчасъ, такъ обстояло оно и въ глубинѣ прошлаго.

Если мы припомнимъ основныя положенія «новой» свободной школы, прочтемъ хотя бы книгу Эльсландера «L'école nouvelle», познакомимся съ тѣмъ, что говоритъ Вентцель, посвятившій себя проповѣди этой идеи у насъ въ Россіи, то мы убѣдимся, что все, за что они ратуютъ, является новымъ только постольку, поскольку оно забытое или не осуществившееся старое. Не это ли говорилось уже тысячу разъ и при томъ во времена какой сѣдой, глубокой старины! Что какъ не это проповѣдывалъ всю жизнь Толстой, не то ли говорили Песталоцци, Фребель, Руссо; не тѣмъ ли идеямъ посвятилъ свою проповѣдь Амосъ Каменскій? И тѣ же истины защищалъ за 2500 лѣтъ до нашего времени невѣдомый намъ авторъ въ священной китайской книгѣ о воспитаніи Xcio-Ku.

Въ теченіе $2^1/_2$ тысячелѣтій ведется горячая проповѣдь освобожденія ребенка на выслушанныхъ нами началахъ, а существеннаго въ этомъ отношеніи еще ровно ничего не сдѣлано. Эта яко бы новая, но въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, вѣковая теорія не сдѣлала хотя бы того завоеванія, которое сдѣлало христіанство, практически въ жизни нигдѣ не вошедшее, но завоевавшее себѣ право на узаконенное, хотя и чисто внѣшнее признаніе.

Объясняется это только тѣмъ, что развитіе общества, политическая жизнь человѣчества съ одной стороны и развитіе понятій воспитанія, истиннаго просвѣщенія, интересовъ личности съ другой, протекали всегда и вездѣ въ совершенно разныхъ плоскостяхъ. Развитіе общества, государства шло своимъ путемъ и подчиняло себѣ, заставляло себѣ служить школу и воспитаніе. Къ услугамъ перваго была всегда матеріальная сила большинства, на сторонѣ вторыхъ лишь нравственная сила отдѣльныхъ передовыхъ, сильныхъ духомъ личностей. Такъ обстоитъ дѣло теперь, такъ обстояло оно во времена Амоса Каменскаго и во время появленія въ свѣтъ китайской книги Xcio-Ku. И пока это будетъ, тщетны будутъ всѣ самые вдохновенные призывы къ созданію «дома свободнаго ребенка». Вотъ почему нигдѣ, ни въ одной изъ книгъ о «новой» школѣ, о новомъ свободномъ воспитаніи вы не найдете ясныхъ, опредѣленныхъ указаній, какъ осуществить эту школу, реально воплотить и среди нашей современности и нашей дѣйствительности. Даже въ книгѣ Вентцеля, озаглавленной «Какъ создать свободную школу», вы не найдете объ этомъ буквально

ни одного слова. Кое-гдѣ и у него и у Эльсландера и у другихъ вы прочтете смутные мимолетные намеки на то, почему пока эта школа неосуществима. Между тѣмъ, въ этихъ-то намекахъ, какъ бы обмолвкахъ и заключается то, про что нѣмцы говорятъ: Da ist der Hund begraben.

«Это будетъ, конечно, тогда, — читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ, — когда осуществится такой строй на землѣ, при которомъ не будетъ наемнаго труда, когда каждый будетъ свободенъ и свободно будетъ работать по своимъ силамъ и способностямъ для всеобщаго блага и будетъ получать отъ общества все необходимое для удовлетворенія своихъ способностей», — и т. д.

«Воспитаніе должно идти наперекоръ, вразрѣзъ установившемуся направленію жизни, пропитанной рабствомъ, а не примѣняться къ нему», читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ. «Воспитывайте въ дѣтяхъ не союзниковъ себѣ, но противниковъ, не охранителей настоящаго, но его разрушителей, творцовъ будущаго, которые объявятъ безпощадную войну защищаемому нами настоящему. Содѣйствуйте усовершенствованію человѣческой породы, переходя отъ стараго строя къ новому, содѣйствуйте болѣе мирному, менѣе кровавому разрѣшенію соціальнаго вопроса».

Короче говоря, новая школа немыслима, неосуществима при современномъ строѣ, при наличныхъ условіяхъ общественной жизни, но она же должна содѣйствовать видоизмѣненію этого строя, переходу къ болѣе совершеннымъ формамъ жизни. Справедливо и то и другое. Не станемъ задумываться надъ разрѣшеніемъ непосильной задачи, какъ найти выходъ изъ этой колизіи. Посмотримъ теперь, каково отношеніе современной школы, часто храбро именующей себя «новой», къ осужденной школѣ прошлаго и неосуществившейся школѣ будущаго. «Неблагополучно въ ней!» скажетъ непремѣнно каждый безпристрастный и искренній наблюдатель ея. Бѣда ея въ томъ, что она не хочетъ сознаться, что по существу она вовсе не «новая» школа, а старая-престарая; бѣда ея въ томъ, что она пытается влить новое вино въ старые мѣха, что она беретъ и провозглашаетъ лозунги, звучащіе громко, плѣняющіе и манящіе, изъ которыхъ она ни одного не можетъ осуществить. И къ этимъ старымъ погрѣшностямъ, отъ которыхъ ей не удалось еще освободиться, она прибавляетъ новыя, такъ сказать благопріобрѣтенныя. Главной изъ этихъ благопріобрѣтенныхъ погрѣшностей я считаю нѣкоторое лицемѣріе, которое въ

данномъ случаѣ особенно нежелательно, такъ какъ оно вносится въ сферу духовнаго развитія ребенка. Это лицемѣріе, правда, часто безсознательно. Въ своемъ великомъ желаніи завоевать хоть что-нибудь у новой школы будущаго, осуществить хоть какой-нибудь изъ ея лозунговъ, она искренно вѣритъ, что эти завоеванія ею уже сдѣланы. Она переоцѣниваетъ себя и прежде и больше всего въ дѣлѣ освобожденія ребенка. Можетъ ли быть рѣчь о свободѣ школы, учителя, ребенка тамъ, гдѣ свободы нѣтъ вообще? Пока школа можетъ быть только покорной слугой. Она обязана въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей служить охранѣ существующаго строя, упроченію господствующихъ понятій. Она связана по рукамъ и ногамъ и предписаніями свыше, и воззрѣніями семьи, съ которой она все еще не ладитъ, и обязательными программами, и невозможными угнетающими условіями ея внѣшняго матеріальнаго существованія. Въ ней нѣтъ и не можетъ быть разумной, свободной, трудовой дисциплины, потому что нѣтъ свободнаго индивидуальнаго труда, не развивается духъ общественности и сотрудничества. Осудивъ старую принудительную дисциплину въ дѣлѣ освобожденія ребенка, она дѣлаетъ часто въ сущности самый легкій, но крайне рискованный шагъ — она упраздняетъ всякую дисциплину. Установившаяся въ ея стѣнахъ свобода есть свобода меньшинства, болѣе сильнаго, ловкаго, изворотливаго. Кто изъ стоящихъ близко къ школьному дѣлу не видѣлъ дѣтей, буквально вырывающихся, схватившись руками за голову, съ урока или изъ рекреаціоннаго зала, въ которомъ царитъ такая свобода!

Эти дѣти требуютъ защиты, потому что они имѣютъ тоже права на игру, на никѣмъ не насилуемыя занятія. Чѣмъ осмысленнѣе работа, полезнѣе, насущнѣе, интереснѣе и увлекательнѣе, тѣмъ менѣе она нуждается въ дисциплинѣ. Вѣрнѣе, она сама устанавливаетъ разумную свободную дисциплину. Смѣшно было бы говорить о какой-нибудь дисциплинѣ во время работъ по раскопкѣ засыпанныхъ въ Мессинѣ. Между тѣмъ, тѣ самые люди, которые въ дисциплинарномъ отношеніи тысячу разъ провинялись, предоставленные себѣ, проявили чудеса дисциплинарнаго такта, сообразительности, знаній, только потому, что сознавали все значеніе и величіе своей работы. У насъ въ школѣ много скучной, неинтересной, часто ненужной черновой работы, за которой не можетъ быть той дисциплины, которая была въ Мессинѣ, и почти нѣтъ работы интересной, полезной и увлекательной.

Защитники широкой свободы особенно горячо возстаютъ противъ старой дисциплины, сковывающей волю и гнетущей личность, и, какъ часто бываетъ, впадаютъ въ другую крайность. Есть педагоги, для которыхъ само слово «дисциплина» является какимъ-то жупеломъ. Они боятся защищать это понятiе изъ страха прослыть ретроградомъ. Но между чудовищной кошмарной дисциплиной какой-нибудь старой бурсы и дисциплиной будущаго «дома свободнаго ребенка» есть цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, и сознательная школа должна уяснять себѣ, на которой изъ нихъ она стоитъ. Не можетъ школа стоять выше той ступени, выше которой, вообще, не поднялось человѣчество. Политическая свобода есть принадлежность не отдѣльной личности, а цѣлой политической организацiи. И школьная свобода въ рамкахъ современной дѣйствительности не можетъ быть свободой личности, а должна быть свободой всей школьной организацiи. Школа — общежитiе; въ лучшемъ случаѣ она можетъ быть подобiемъ конституцiи. Школа должна выработать свои непреложные, клонящiеся къ общему благу законы, справедливыя и необходимыя требованiя, основательность которыхъ всегда должна быть выяснена. Ребенокъ долженъ научиться понимать свою зависимость отъ окружающихъ, давать себѣ отчетъ въ raison d'être этихъ законовъ. И рядъ правилъ, выработанныхъ такимъ сознательнымъ путемъ, при согласiи волей, какъ руководителей воспитанiемъ, такъ и учениковъ, является уже обязательствомъ. Такое принужденiе законно. Пагубно принужденiе, исходящее изъ произвола. Нарушенiе этихъ общихъ интересовъ должно влечь за собой всѣ, хотя бы и принудительныя строгiя мѣры, эти интересы ограждающiя. Само собой разумѣется, что въ стремленiи дисциплинировать себя, неукоснительно слѣдовать установленнымъ школой правиламъ, воспитатель долженъ идти впередъ воспитанника. Мы все еще не въ достаточной мѣрѣ понимаемъ всю огромность значенiя примѣра вообще, а въ дѣтскомъ возрастѣ, который является по преимуществу возрастомъ внушенiя, въ особенности. Нельзя не сдѣлать самаго горячаго, убѣжденнаго призыва — задуматься поглубже надъ вопросомъ дисциплины и упорядочить его въ предѣлахъ возможнаго и достижимаго. Должно же существовать хоть какое-нибудь взаимоотношенiе между жизнью и школой. Общее благо, какъ условiе совмѣстной жизни людей, достигается только, если каждый членъ общества подготовленъ для пониманiя этого блага.

А общее благо того общества, которое именуется школой, достигается только разумной дисциплиной, порожденной не произволомъ, не окликами «слушай и не разсуждай», а добровольнымъ договоромъ всѣхъ членовъ школьной организаціи.

Современная школа переоцѣниваетъ еще одинъ яко бы сдѣланный ею шагъ впередъ — это въ дѣлѣ индивидуализаціи воспитанія. Въ дѣйствительности она совершенно не индивидуальна; центръ тяжести ея лежитъ внѣ не только ребенка, но даже дѣтей. И она не можетъ быть таковой, хотя бы по великой бѣдности своей. О какой индивидуализаціи можетъ быть разговоръ въ какомъ-нибудь стихійномъ классѣ, въ которомъ передъ вами фигурируютъ 50, а то и больше учениковъ! Какъ же школѣ не прибѣгать къ регламентаціи, шаблону, въ лучшемъ случаѣ — къ среднему выводу!

Современная школа къ жизни и природѣ ни на шагъ не приблизилась. Она вколочена въ стѣны класса, и печальной сущности этой не мѣняютъ ея попытки вести счетъ семестрами, ея поистинѣ жалкія и не могущія быть другими попытки ввести въ свою программу экскурсіи, посѣщенія музеѣвъ и т. п. Я испытываю всегда какую-то неловкость, стыдъ, когда читаю въ современныхъ школьныхъ проспектахъ и программахъ о томъ, что природовѣдѣніе проходится при помощи экскурсій.

Это лицемѣріе было бы болѣе невинно, если бы къ нему не были причастны дѣти. Зачѣмъ лицемѣрить! Въ современной школѣ обучаютъ не жизнь, не природа, не опытъ, а попрежнему всесильная книга. И это не потому, чтобы она не умѣла вести дѣло иначе, а потому, что она этого фактически не можетъ.

«У насъ не задаютъ уроковъ!» приходится часто слышать изъ устъ представителей современной школы. Это звучитъ такъ сладко, соблазнительно! И сколько въ этомъ лицемѣрія, фальши, сколько отсюда проистекаетъ разочарованій, озлобленія! Пройти современную школу безъ задаванія уроковъ, при предписанной ей и обязательной программѣ, при классахъ, до нельзя перегруженныхъ, при взятомъ на себя обязательствѣ выпустить изъ своихъ стѣнъ ученика съ опредѣленнымъ комплексомъ опредѣленныхъ знаній, совершенно невозможно. А задаются ли уроки изо-дня въ день отсюда до сюда, какъ это практикуется старой школой, или къ какой-нибудь репетиціи ученикамъ надо сразу повторить всю исторію Россіи отъ Рюрика до Петра В., добивается ли школа

собственными средствами, хотя бы и путемъ задаванія уроковъ, чтобы усваивалась скучная, черновая, тѣмъ не менѣе обязательная часть программы, или возлагаетъ эту непріятную задачу на семью, распредѣляется ли задаваніе уроковъ равномѣрно въ теченіе всѣхъ годовъ прохожденія школы или сосредоточивается въ старшихъ классахъ, — сущности дѣла не мѣняетъ — уроки всетаки задаются.

И въ задаваніи уроковъ, разумномъ, толковомъ и умѣренномъ, право же нѣтъ ничего страшнаго. Страшны наши программы, распредѣленіе ихъ не соотвѣтственно возрасту дѣтей, въ значительной части своей никому не нужныя и безполезныя.

«У насъ нѣтъ наказаній, нѣтъ отмѣтокъ», говоритъ часто современная школа и опять-таки лицемѣритъ. Наказанія смягчились, облагообразились, видоизмѣнили форму, но они существуютъ и прежде всего въ сознаніи самихъ дѣтей, а вѣдь это главное. Какъ иначе, какъ не наказаніемъ можетъ назвать ребенокъ то, что его за нарушеніе порядка выставляютъ изъ класса, устраняютъ изъ общей игры, оставляютъ въ школѣ доучить урокъ, назначаютъ переэкзаменовку, заставляютъ родителей пригласить къ нему репетитора, записываютъ въ дневникъ его провинности. «Это не наказаніе, а пріемы, безъ которыхъ современная школа обойтись не можетъ, это средство довести до свѣдѣнія родителей о школьной жизни дѣтей и ихъ поведеніи», возражаютъ представители школы, доказывающіе, что наказаній у нихъ нѣтъ, и они совершенно правы. Тѣмъ не менѣе въ глазахъ дѣтей это не болѣе, не менѣе, какъ наказанія, тѣмъ болѣе значительныя и произвольныя, чѣмъ менѣе сознательно они усвоили себѣ значеніе этой дисциплинарной стороны школьнаго дѣла. «Долой отмѣтки!» провозгласила современная школа, и тутъ она, кажется, особенно искренно вѣритъ, что отмѣтки ею дѣйствительно упразднены. Но будемъ называть вещи своими именами. Есть ли по существу хоть какая-нибудь разница въ томъ, выставляются ли отмѣтки ежедневно, разъ въ недѣлю, мѣсяцъ или 2 раза или хотя бы даже разъ въ годъ, выводится ли арабская пятерка или двойка или выписываются слова «хорошо», «неудовлетворительно». Вѣдь все деморализующее, что влечетъ за собой выставленіе отмѣтокъ, всѣ волненія, терзанія, насилія надъ дѣтской душой этимъ не устранены. Современная школа, разобщенная съ семьей, требующей отчета въ успѣхахъ своихъ дѣтей, учителя, стоящіе передъ ли-

цомъ класса въ полсотни человѣкъ, обойтись безъ отмѣтокъ не могутъ. Вы въ этомъ убѣдитесь, заглянувъ въ записную книжку любого учителя.

Мы намѣтили выше, правда, очень эскизно, чѣмъ должны быть дѣятели лучезарной школы будущаго. Сколько требуется духовной мощи, силы убѣжденія, вдохновенія, творческой способности, сознанія прежде всего *своего* человѣческаго достоинства, какой просторъ ничѣмъ не стѣсненной свободы, чтобы быть достойнымъ, на высотѣ своего призванія находящимся дѣятелемъ этой школы! У насъ же гдѣ они «эти сильные, съ бодрыми лицами»? И не нашей тусклой придавленной дѣйствительности создать ихъ.

Не въ судъ и не въ осужденіе приходится говорить все это. Если «все понять» значитъ «все простить», то имѣетъ ли кто-либо большее право на прощеніе, чѣмъ наша поистинѣ несчастная, многострадальная школа! Какъ жестоко надъ ней подчасъ подсмѣивается горькая дѣйствительность! Взять хотя бы вопросъ демократизаціи школы. Ужъ она ли въ лицѣ своихъ лучшихъ, болѣе независимыхъ представителей не стремилась провести въ своихъ стѣнахъ этотъ принципъ, ни дѣлала изъ него краеугольнаго камня своего modus vivendi! А жестокая матеріальная необходимость, не признающая никакихъ уступокъ, изъ этихъ-то школъ и сдѣлала привилегированныя заведенія для дѣтей денежной аристократіи. Среди нихъ старая угодливая казенная школа является наиболѣе демократической.

Если учесть всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ современной школѣ приходилось и приходится развиваться, всѣ палки, которыя вкладывались въ спицы ея колесъ, то надо удивляться уже совершившейся въ ней эволюціи. Теперь имѣется уже много школъ, въ которыхъ дѣти чувствуютъ себя хорошо и привольно, куда они стремятся всей душой. Это ли не крупное завоеваніе! Будемъ ей за него глубоко благодарны. Но будемъ правдивы, не будемъ себя переоцѣнивать, будемъ называть вещи ихъ собственными именами, постараемся точнѣе разбираться въ дѣйствительности, и главное не будемъ гнаться за тѣмъ, что дальше отъ насъ, въ ущербъ тому, что непосредственно насъ окружаетъ. Если бѣда, когда за деревьями не видишь лѣса, то не меньшая бѣда, когда за лѣсомъ перестаешь видѣть деревья. Будемъ помнить, что интересъ нашихъ дѣтей намъ все-таки ближе интереса далекихъ

грядущихъ поколѣнiй. Зададимъ себѣ не столь огромную задачу, какъ созданiе «дома свободнаго ребенка», но зато и болѣе осуществимую и для нашихъ дѣтей болѣе цѣлесообразную. Передъ нами такъ много дѣла реальнаго, существеннаго и вполнѣ выполнимаго: пересмотръ программъ, перетасовка учебнаго матерiала, упорядоченiе прiемовъ и методовъ насажденiя знанiй, изысканiе средствъ къ разгруженiю переполненныхъ классовъ, подготовкѣ учителей, вопросъ о дисциплинѣ, индивидуализацiи школы не въ смыслѣ автономiи личности, а всей школьной организацiи, наконецъ масса своихъ, мелкихъ, такъ сказать домашнихъ запущенныхъ дѣлъ, неотложно требующихъ упорядоченiя.

А дѣло сближенiя школы съ семьей! Сколько здѣсь еще нужно усилiй, сколько предстоитъ работы! Справедливость требуетъ упомянуть, что изъ двухъ обвиняемыхъ, стоящихъ передъ нами, — семьи и школы — вторая заслуживаетъ большаго снисхожденiя. Призывъ школы къ семьѣ — соединиться для совмѣстной работы — не нашелъ отклика. Присущая намъ косность, лѣнь, рутина, способность только требовать, критиковать, безъ всякаго критическаго отношенiя къ себѣ самому и сознанiя своихъ обязанностей — привели къ тому, что уцѣлѣвшiе еще кое-гдѣ родительскiе комитеты влачатъ жалкое, не отвѣчающее своему назначенiю существованiе. Всѣ требованiя, которыя предъявлены новой школѣ, гораздо выполнимѣе въ семьѣ. Вѣдь это ячейка всего въ нѣсколько человѣкъ. Это одно даетъ ей въ этомъ дѣлѣ всѣ преимущества. Наконецъ, индивидуальность ребенка должна установиться въ семьѣ, въ дошкольный перiодъ, а не въ школѣ. Недаромъ Вентцель въ своей книжкѣ «Какъ создать свободную школу» не нашелъ ни единаго другого средства къ осуществленiю ея, какъ обратиться съ воззванiемъ къ родителямъ.

«Родители, — восклицаетъ онъ, — не ждите спасенiя со стороны, не надѣйтесь, что кто-то создастъ свободную школу для вашихъ дѣтей; бросьте путь исканiй уже готовыхъ, созданныхъ чьими-то заботливыми руками образовательныхъ и воспитательныхъ учрежденiй. Создавайте, творите ихъ сами вмѣстѣ съ вашими дѣтьми, соединяйтесь въ свободные союзы» — и т. д.

Недаромъ проф. Лесгафтъ въ своей прекрасной книгѣ «Семейное воспитанiе ребенка» неоднократно возвращается къ тому, какое огромное значенiе имѣетъ въ дѣлѣ воспитанiя дѣтей просвѣщенная и умная мать. Но въ семьѣ нашей еще несравненно

менѣе благополучно, чѣмъ въ школѣ. Съ нея ничего не возьмешь.

Резюмировать все сказанное можно слѣдующимъ образомъ: Современная школа несравненно ближе къ старой школѣ, чѣмъ къ новой! По существу она отъ нея совсѣмъ не отличается. Въ ея эволюціи, крайне медленномъ движеніи впередъ, пока нѣтъ существенныхъ и блестящихъ завоеваній, которыхъ и не можетъ быть, но есть много цѣнныхъ пріобрѣтеній. Въ этомъ ея несомнѣнная заслуга. Но этихъ пріобрѣтеній было бы еще больше, если бы она упорядочила, обосмыслила и болѣе продумала тактику своего наступательнаго движенія. Въ неприспособленности ея къ послѣдней работѣ ея крупный недостатокъ.

Въ заключеніе не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія прекрасныя слова Л. Толстого: «Дѣти находятся всегда, и тѣмъ болѣе, чѣмъ они моложе, въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первой степенью гипноза. Учатся и воспитываются дѣти только благодаря этому свойству. Эта ихъ способность къ внушенію отдаетъ ихъ въ полную власть старшихъ, и потому нельзя быть достаточно внимательнымъ къ тому, *что* и *какъ* мы внушаемъ имъ. Учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе, совершаемое сознательно и безсознательно. Сознательное внушеніе — это обученіе, образованіе. Безсознательное — это примѣръ, воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова или, какъ я называю — просвѣщеніе. На первое въ нашемъ обществѣ направлены всѣ усилія. Второе же, оттого что наша жизнь дурна, находится въ пренебреженіи. Люди воспитывающіе переводятъ то, что должно происходить безсознательно, въ область сознательнаго; предписываютъ дѣтямъ правила, при которыхъ надо прибавить: дѣлай то, что я говорю, но не дѣлай того, что я дѣлаю. Отъ этого происходитъ то, что въ нашемъ обществѣ далеко ушло образованіе, и не только отстало, но совсѣмъ отсутствуетъ воспитаніе. А между тѣмъ изъ двухъ сторонъ воздѣйствія — сознательнаго и безсознательнаго — безъ всякаго сравненія важнѣе второе, т. е. безсознательное нравственное просвѣщеніе. А для того, чтобы безсознательное внушеніе было хорошо, надо, чтобы вся жизнь родителей и воспитателей была хороша и служила для дѣтей примѣромъ. Примѣръ и жизнь включаютъ въ себѣ и слово, слово же не заключаетъ въ себѣ примѣра».

Всю глубину значенія этихъ словъ въ одинаковой степени должны усвоить и семья и школа. И когда школа ими проникнется, когда она твердо и опредѣленно займетъ ею намѣченную ясную позицію, которую она сумѣетъ и защитить и правдиво выяснить передъ глазами большой публики, на всѣ попытки увлечь себя на уже покинутыя ею ступени прошлаго или въ утопическія дебри будущаго, она отвѣтитъ словами Лютера передъ судьями: «Ich stehe da, ich kann nicht anders; Gott helfe mir!»

Е. И. Тихѣева.

О лѣпкѣ и ея значеніи въ дошкольномъ возрастѣ*.

На собраніи Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей былъ сдѣланъ докладъ скульптора И. Я. Гинцбурга о лѣпкѣ. Познакомивъ въ краткихъ чертахъ съ технической стороной скульптуры, т. е. какъ произведеніе отливается изъ гипса, изъ бронзы и какъ работается въ мраморѣ, докладчикъ дѣлаетъ выводъ, что въ скульптурѣ по одному оригиналу художника можно сдѣлать много одинаковыхъ экземпляровъ, совершенно схожихъ съ оригиналомъ. Подобно книгопечатанію, скульптура можетъ быть легко распространена и удешевлена и, такимъ образомъ, она могла бы быть достояніемъ всѣхъ, а между тѣмъ это искусство самое непонятное и не распространенное; существуютъ глубокія причины, почему искусство скульптуры въ Россіи мало развито, и потому взгляды на ея задачи и ея свойства невѣрны, устарѣли и односторонни. Въ силу историческихъ причинъ скульптура поставлена въ очень узкія рамки, на самомъ же дѣлѣ задачи скульптуры широкія и общедоступныя; съ перемѣной взгляда на это искусство мѣняется и система обученія, и вопросъ объ обученіи лѣпкѣ созрѣлъ и стоитъ на очереди. Ходячій взглядъ, что учиться скульптурѣ трудно — невѣрно: изъ всѣхъ графическихъ искусствъ скульптура самое легкое для обученія. Лѣпка основана на чувствѣ осязанія; это чувство самое реальное, доступное всѣмъ чувство. Осязанію подлежитъ все, что въ природѣ выражаетъ выпуклую форму. Скульптурою представляется предметъ такъ, какъ онъ существуетъ въ природѣ, независимо отъ освѣщенія, отъ разстоянія и отъ положенія своего по отношенію къ зрителю. Въ то время какъ въ рисованіи предметъ представляется такимъ, какимъ онъ кажется

---

* По протоколу доклада, читаннаго въ Обществѣ 19 марта 1911 года И. Я. Гинцбургомъ.

перспективно, въ скульптурѣ онъ изображается такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Для знакомства съ предметомъ дѣти охотнѣе всего прибѣгаютъ къ осязанію; вотъ почему они лѣпятъ независимо отъ умѣнія рисовать и охотнѣе лѣпятъ, чѣмъ рисуютъ. Докладчикъ убѣдился въ этомъ по опыту, на основаніи своихъ многихъ наблюденій. Работая въ продолженіе многихъ лѣтъ въ зданіи Академіи Художествъ — онъ свои дѣтскія сцены, которыя составляютъ характерный жанръ скульптора Гинцбурга, изображалъ, пользуясь натурой — дѣтьми служителей Академіи. И вотъ что И. Я. Гинцбургъ сообщаетъ изъ своихъ записокъ о занятіи дѣтей лѣпкою («Изъ моей жизни: мои маленькіе натурщики»):

«Выше я сказалъ, что мои натурщики у меня лѣпили. Въ свободное отъ работы время я давалъ имъ глину, чтобы они играли и не шалили. Сперва я не обращалъ вниманія на то, что они дѣлаютъ, довольный тѣмъ, что они сидятъ тихо и меня не безпокоятъ. Радость ихъ, что я имъ дозволяю лѣпить, была такъ велика, что они меня во всемъ слушались и послѣ своей работы прекрасно позировали. Дѣти такъ полюбили лѣпку, что приходили утромъ часомъ раньше, приводили новыхъ товарищей и всѣ начинали усердно работать, кто что могъ и хотѣлъ. Петька — сынъ дворника — лѣпилъ куръ, гусей и свиней, Абрамчикъ — сынъ служителя — увлекался эполетами, кокардами и шпорами, а Жоржикъ — сынъ натурщицы — лѣпилъ домашнія вещи: утюги, бочки и даже сани. Братъ его Леха помогалъ ему. Скоро всѣ подоконники моей мастерской были заставлены произведеніями моихъ юныхъ скульпторовъ. Они ихъ оставляли сушить и просили, чтобы мой служитель ихъ не выбросилъ. Очевидно, эта работа ихъ такъ занимала, что на слѣдующій день утромъ они являлись очень обезпокоенные. Нѣкоторые сами не вѣрили, что это они сдѣлали. — Меня удивляли успѣхи, которые дѣти дѣлали, хотя я никакихъ указаній имъ не давалъ. Черезъ нѣсколько дней Петька большой вылѣпилъ мужика въ тулупѣ, отдѣльно вылѣпилъ картузъ и надѣлъ его мужику на голову. Всѣ мальчишки были въ восторгѣ отъ этой работы. «Петя, слѣпи мнѣ такого мужика. Я за то дамъ тебѣ свои сани и утюгъ». И Петя охотно всѣмъ лѣпилъ. Маленькій Лешка принялся копировать мою работу, «купающагося мальчика», который казался ему очень легкимъ для копированія. Смѣшно было видѣть, какъ маленькій скульпторъ

все поднималъ голову и смотрѣлъ на оригиналъ. Иногда онъ вставалъ и ходилъ кругомъ оригинала, какъ я это дѣлаю. Сперва онъ вылѣпилъ пьедесталъ, но ноги не могли выдержать корпусъ. Фигура свалилась. Это его очень сердило. «Ну я тебя тогда посажу», говоритъ онъ про себя, сердясь. И онъ, дѣйствительно, фигуру посадилъ. Вышло что-то другое, очень курьезное, но милое. Когда работа высохла, я дозволялъ брать работу домой. Гуськомъ дѣти выходили, осторожно неся на ладони свои произведенія, и отъ удовольствія забывали прощаться, забывали свои шапки и игрушки. Вѣсть о скульптурныхъ произведеніяхъ моихъ маленькихъ натурщиковъ разнеслась по всему подвальному коридору, по которому живутъ служителя Академіи. Какъ видно, родители были довольны необыкновеннымъ занятіемъ дѣтей. Нѣкоторые приходили ко мнѣ и спрашивали, правда ли, что дѣти сдѣлали сами то, что домой приносили. По воскресеньямъ моя мастерская стала заполняться старшими братьями моихъ натурщиковъ, которые въ будни ходили въ городскую школу. Человѣкъ десять иногда собиралось у меня. И въ это праздничное утро я окончательно предоставлялъ свою мастерскую дѣтямъ. Всѣ просили глины, чтобы лѣпить. Меня радовало, что нѣкоторые выказывали особенныя способности къ лѣпкѣ, но большинство лѣпило подражая и плохо копируя другихъ. Однако всѣ дѣлали успѣхи, и меня поразило, съ какой легкостью и простотой дѣти занимаются тѣмъ искусствомъ, которое принято у насъ называть «самымъ труднымъ и непонятнымъ». Я сталъ ближе присматриваться къ этому совершенно новому для меня явленію. До моего знакомства съ дѣтьми изъ народа я вездѣ слыхалъ, что лѣпка очень трудно дается дѣтямъ, что всякому учиться лѣпкѣ нельзя. Мнѣ это говорили образованные люди, которые обучали крошечныхъ дѣтей игрѣ на рояли, на скрипкѣ, учили ихъ рисовать цвѣты и т. д. До того я привыкъ часто выслушивать такія мнѣнія, что и самъ сталъ думать, что скульптура, дѣйствительно, составляетъ исключеніе въ семьѣ искусствъ, и что оттого лѣпка не введена въ программу обученія. То, что дѣти простыхъ родителей легко и смѣло лѣпятъ у меня въ мастерской, дѣлаютъ успѣхи и увлекаются скульптурой, навело меня на мысль, что распространеніе познаній искусства скульптуры лежитъ не въ самомъ искусствѣ, не въ трудности обученія, а внѣ ея. Я пошелъ еще дальше и послѣ долгихъ наблюденій убѣдился, что лѣпка самое легкое изъ ис-

кусствъ. Я не говорю уже объ игрѣ на роялѣ, на скрипкѣ, для изученія техники которыхъ требуется страшное усиліе и необычайный трудъ, но даже рисованіе, родственное скульптурѣ, во много разъ труднѣе и сложнѣе скульптуры. Я давалъ моимъ мальчикамъ бумагу и карандашъ и замѣчалъ, что безъ моего указанія они ничего не въ состояніи сдѣлать. Столъ, который они такъ вѣрно лѣпили изъ глины (правильную, четырехугольную доску ставили на четыре одинаковой величины ножки) на плоскости перспективы выходилъ нелѣпо и несуразно: кривая доска на неровныхъ ножкахъ. А между тѣмъ ничто для дѣтей не имѣетъ такого развивающаго значенія, какъ лѣпка. Соотношеніе частей и отличіе главнаго отъ второстепеннаго нигдѣ такъ не очевидно, какъ въ лѣпкѣ. Велико заблужденіе, что раньше, чѣмъ лѣпить, нужно умѣть рисовать. Дѣти лѣпятъ, не имѣя никакого понятія о рисованіи, и въ школахъ лѣпка должна всегда предшествовать рисованію».

Громадный недостатокъ въ старой системѣ преподаванія лѣпки это то, что преподаютъ педагоги, не занимающіеся лѣпкой, не понимающіе ея главныхъ задачъ и свойствъ. Въ большинствѣ случаевъ обученіе лѣпкѣ поручается учителямъ рисованія, которые по линейной системѣ изучаютъ круглую форму, что противно главному принципу лѣпки. Дѣтей, проявившихъ большія способности къ лѣпкѣ, заставляютъ сперва долго рисовать и тѣмъ отвлекаютъ ихъ отъ лѣпки и пріучаютъ смотрѣть на лѣпку, какъ на дополненіе къ рисунку. Лѣпка, какъ предметъ общеобразовательный, должна занять особенное мѣсто.

Резюмируетъ свой докладъ И. Я. Гинцбургъ такъ: 1) Обученіе лѣпкѣ не только важно и необходимо съ точки зрѣнія развитія эстетическаго вкуса, но оно важно и съ точки зрѣнія общеобразовательнаго и педагогическаго значенія. 2) Обученіе лѣпкѣ независимо отъ рисованія. 3) Обученіе лѣпкѣ основывается на чувствѣ осязанія. 4) Въ педагогическомъ отношеніи лѣпка важна тѣмъ, что помогаетъ при изученіи предметовъ. 5) Обученіе лѣпкѣ должно предшествовать обученію рисованія. 6) Обучать лѣпкѣ должно тѣмъ, кто самъ лѣпитъ и понимаетъ свойства и задачи лѣпки. 7) Лѣпка, какъ предметъ образовательный, должна быть введена во всѣхъ школахъ и дѣтскихъ садахъ. 8) Слѣдуетъ основать спеціальные педагогическіе курсы по лѣпкѣ, гдѣ преподаватели практически должны знакомиться съ законами лѣпки.

Къ вопросу, что читать дѣтямъ.

Полтора года тому назадъ Обществомъ содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей была произведена анкета среди дѣтей 5—15 лѣтъ по слѣдующей программѣ:

1) Что предпочитаете вы читать: журналъ или книгу и — почему?

2) Какіе разсказы и статьи вамъ пріятнѣе читать — которые сразу оканчиваются въ одномъ номерѣ или тянутся въ нѣсколькихъ номерахъ?

3) Какія статьи изъ журнала вамъ интересны (подчеркните названія):

а) Разсказы.
б) Стихи.
в) Сказки.
г) Театральныя пьесы.
д) Научныя статьи (по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію и другимъ наукамъ).
е) Путешествія.
ж) Извѣстія о современныхъ изобрѣтеніяхъ и событіяхъ.
з) Загадки и ребусы.
и) Веселые разсказы.
к) Письма дѣтей и почтовый ящикъ.

3а) Какой изъ этихъ отдѣловъ, по вашему мнѣнію, надо расширить?

4) Какое участіе вы желали бы принимать въ журналѣ:

а) Писать ли письма со своими впечатлѣніями?
б) Посылать ли свои рисунки?
г) Задавать ли вопросы и получать на нихъ отвѣты?
д) Писать разсказы, стихи и пр.?

5) Какіе рисунки вы предпочитаете:
   а) Къ даннымъ статьямъ?
   б) Или картины разныхъ художниковъ?
   в) И чтобы они были красочные или темные?

6) Какія преміи и приложенія вамъ болѣе нравятся:
   а) Книги?
   б) Картинки?
   в) Занятія?
   г) Альбомы?

7) Какіе журналы вы читали и читаете?

8) Можете написать еще о журналѣ все, что вы желаете.

Поводомъ для этой анкеты послужило разногласіе среди членовъ Общества во взглядѣ на дѣтскій журналъ, какъ предметъ дѣтскаго чтенія. Приводилось много существенныхъ доводовъ въ пользу желательности и нежелательности журнала въ дѣтскомъ чтеніи.

Резюме этихъ доводовъ сводится къ слѣдующему.

Журналъ — постоянный органъ, который приходитъ къ ребенку систематически, говорили защитники журнала. При удачномъ содержаніи онъ опредѣленно вліяетъ на всестороннее развитіе ребенка. Журналъ затрагиваетъ и истолковываетъ современныя событія, къ которымъ ребенокъ небезразличенъ. Журналъ несетъ ребенку отдыхъ, благодаря пестротѣ своего содержанія: всѣ, такъ называемые, «пустячки» журнала являются для ребенка игрой и игрой содержательной. Журналъ учитъ ребенка наблюдать за жизнью людей и вообще всей природы. Благодаря журналу ребенокъ можетъ общаться со множествомъ дѣтей себѣ подобныхъ, вступая съ ними въ переписку. Въ журналъ онъ можетъ обращаться за разрѣшеніемъ волнующихъ его вопросовъ, не называя себя, что для ребенка иногда бываетъ исключительно важнымъ.

Въ журналѣ статьи искусственно прерываются отъ одного номера до слѣдующаго, говорили противники журнала. Дѣти читаютъ разорванные куски одного цѣлаго чрезъ долгіе промежутки времени, благодаря чему пропадаетъ цѣльность впечатлѣнія, а иногда даже теряется и нить разсказа. Журналъ, благодаря разнообразію и пестротѣ своего матеріала, какъ бы нарочно ставитъ своей задачей вытравлять одно впечатлѣніе другимъ и порождать

въ головѣ и чувствахъ ребенка сумбуръ. Наоборотъ книга, благодаря единству или однообразію своего содержанія, не только создаетъ цѣльность впечатлѣнія у читающаго ее ребенка, но и развиваетъ въ немъ сосредоточенность и внимательное отношеніе ко всякому его дѣлу. Трудно и даже невозможно создать журналъ отвѣчающій одновременно запросамъ ума и души большого количества дѣтей, гдѣ что ни дитя, то и индивидуальность. Одинъ и тотъ же журналъ, обслуживающій тысячи дѣтей различнаго возраста, различныхъ дарованій, живущихъ при различныхъ соціальныхъ условіяхъ, изъ различной среды, естественно, заставляетъ дѣтей приспосабливаться къ себѣ, что какъ разъ должно было бы быть наоборотъ. Съ книгой дѣло обстоитъ иначе: не трудно найти книгу, отвѣчающую индивидуальнымъ особенностямъ ребенка, его запросамъ и настроенію въ данное время. Въ журналѣ какъ матеріалъ, такъ и разработка его весьма посредственны. Если и встрѣчаются среди блѣдныхъ страницъ журнала нѣсколько яркихъ, то онѣ не пропадутъ для нечитающаго журналъ ребенка, такъ какъ почти постоянно потомъ находятъ мѣсто въ отдѣльномъ изданіи. Да если бъ это и не было такъ, то врядъ ли стоило бы изъ-за этихъ нѣсколькихъ страницъ питать ребенка журнальной макулатурой.

Въ виду такого разногласія между своими членами въ такомъ существенномъ вопросѣ, Общество рѣшило спросить самихъ дѣтей: что они думаютъ какъ по поднятому вопросу, такъ и по другимъ вопросамъ, стоящимъ съ первымъ въ тѣсной связи.

Тремъ тысячамъ дѣтей были посланы опросные листки.

Дѣти серьезно и внимательно отнеслись къ дѣлу, затрагивающему ихъ чуть ли не самый важный интересъ. Изъ трехъ тысячъ запрошенныхъ дѣтей 2.848 прислали свои отвѣты, въ томъ числѣ 1.593 дѣвочки и 1.275 мальчиковъ.

Полученные отвѣты, умѣло сведенные въ таблицахъ и тщательно разработанные въ графикахъ Т. М. Брамсеномъ, представляютъ не только академическій интересъ, но и практически важны: они не разъ могутъ придти на помощь родителямъ, воспитателямъ и, особенно, руководителямъ групповыми дѣтскими занятіями въ затруднительныхъ случаяхъ подбора подходящаго для дѣтей чтенія.

Познакомить съ наиболѣе интересными данными этой анкеты и составляетъ задачу настоящаго очерка.

Мы не беремся на основаніи данныхъ настоящей анкеты строить какія бы то ни было теоретическія положенія, во-первыхъ, потому, что отвѣты нѣкоторыхъ возрастныхъ группъ даны въ незначительномъ числѣ, — всего 23 отвѣта пятилѣтнихъ дѣтей, въ томъ числѣ 14 отвѣтовъ мальчиковъ и 9 отвѣтовъ дѣвочекъ и 53 отвѣта пятнадцатилѣтнихъ дѣтей, въ томъ числѣ 28 отвѣтовъ мальчиковъ и 25 отвѣтовъ дѣвочекъ, во-вторыхъ, и главнымъ образомъ потому, что анкетой были опрошены почти исключительно городскія дѣти болѣе или менѣе однороднаго соціальнаго и культурнаго положенія, опредѣленнаго воспитанія, по преимуществу дѣти такъ называемой городской интеллигенціи. Дѣти рабочаго класса и крестьянскія не были затронуты анкетой. Нечего и говорить, что интересы дѣтей первой группы и вторыхъ глубоко различны, и напередъ можно сказать, что картина получилась бы совершенно иная, чѣмъ та, съ которой мы сейчасъ познакомимся, если бы были опрошены дѣти деревни и городской бѣдноты, крестьянскія и пролетарскія дѣти.

Переходя къ разсмотрѣнію данныхъ анкеты, мы считаемъ необходимымъ упомянуть, что при демонстраціи діаграммъ анкеты на учительскихъ курсахъ, бывшихъ прошлое лѣто въ С.-Петербургѣ, указывалось, что едва ли можно придавать серьезное значеніе отвѣтамъ дѣтей пяти и шести лѣтъ. Отвѣты эти или случайны, говорили учителя, и при вторичномъ опросѣ тѣхъ же самихъ дѣтей могли получиться діаметрально противопоположные отвѣты, или, въ лучшемъ случаѣ, они подсказаны взрослыми.

Небольшое количество отвѣтовъ дѣтей этой группы не позволяетъ намъ судить, насколько эти возраженія основательны. Но каковы бы ни были отвѣты на эти возраженія, мы не рѣшаемся игнорировать мнѣніемъ пяти-шестилѣтнихъ дѣтей по затронутымъ анкетой вопросамъ, мнѣніемъ, «записаннымъ съ ихъ словъ», какъ оговаривалось по поводу почти каждаго ихъ отвѣта.

Сдѣлавъ эти необходимыя оговорки, мы переходимъ къ разсмотрѣнію данныхъ анкеты.

Кардинальнымъ вопросомъ анкеты является вопросъ: что предпочитаютъ читать дѣти — журналъ или книгу?

Отвѣтъ дѣтей на этотъ вопросъ въ цифрахъ такой: 1.223 предпочитаютъ книгу журналу, а 1.130 предпочитаютъ журналъ книгѣ. Такимъ образомъ, по отношенію ко всему числу дѣтей — 2.848, принимавшихъ участіе въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, число

дѣтей, высказавшихся за книгу, выразилось въ 43%, а высказавшихся за журналъ — въ 39%. 351, или 12%, высказались за то и другое, 153, или около 6%, воздержались.

Если мы возьмемъ теперь отвѣты на тотъ же вопросъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ отдѣльности, то получится картина, казалось бы, трудно объяснимая съ перваго взгляда, но получающая простое разъясненіе, какъ мы увидимъ дальше, при помощи отвѣтовъ самихъ же дѣтей. Оказывается, что мальчики предпочитаютъ читать журналъ, а дѣвочки книгу.

Если мы разсмотримъ, далѣе, отвѣты дѣтей на этотъ же вопросъ, но данные дѣтьми въ различные годы, то увидимъ, что до девяти лѣтъ дѣти интересуются журналомъ несравненно больше, чѣмъ книгой, обнаруживая наибольшій интересъ къ журналу въ пяти и шестилѣтнемъ возрастѣ, интересъ, который потомъ съ каждымъ годомъ падаетъ, тогда какъ интересъ къ книгѣ — совсѣмъ незначительный въ 5—6 лѣтъ — съ каждымъ годомъ повышается и достигаетъ наивысшей точки у мальчиковъ въ 13 лѣтъ, а у дѣвочекъ въ 15 лѣтъ. Тринадцатилѣтній возрастъ мальчиковъ является критическимъ въ ихъ отношеніи къ журналу и книгѣ: послѣ этого года замѣчается обратное тяготѣніе мальчиковъ къ журналу.

Діаграммы 1 и 2 даютъ наглядную картину отношенія мальчиковъ и дѣвочекъ къ журналу и книгѣ.

Чѣмъ же объяснить, что въ одномъ возрастѣ журналъ читается больше, чѣмъ книга, въ другомъ наоборотъ, что журналъ читается больше мальчиками, если брать ихъ безъ различія возраста, а книга больше дѣвочками, и что, наконецъ, эволюція отъ журнала къ книгѣ у мальчиковъ и дѣвочекъ не совпадаетъ какъ по годамъ, такъ и по темпу?

Эволюція отъ журнала къ книгѣ у дѣтей младшаго возраста свидѣтельствуетъ несомнѣнно о быстро совершающемся развитіи интеллекта у эволюціонизировавшихъ дѣтей.

По нашей анкетѣ, такая эволюція болѣе рано и болѣе быстро совершается у дѣвочекъ, а не у мальчиковъ. Объясняется это, какъ намъ кажется, тѣмъ, что дѣвочки на первыхъ порахъ развиваются несравненно быстрѣе, чѣмъ мальчики.

Остальные два вышепоставленные вопроса разрѣшаютъ сами дѣти своими отвѣтами на вопросъ: почему они предпочитаютъ журналъ книгѣ или книгу журналу.

Какъ мы уже говорили и какъ видимъ въ діаграммахъ 1 и 2,

наибольшій интересъ къ журналу обнаруживаютъ, съ одной стороны, дѣти первыхъ четырехъ анкетированныхъ лѣтъ, а съ другой — 15-лѣтніе мальчики.

Первыхъ журналъ привлекаетъ къ себѣ несомнѣнно разнообразіемъ и пестротой своего содержанія. «Тамъ есть все, что мнѣ нравится», пишетъ одинъ семилѣтній мальчикъ. «Я люблю знать все, что дѣлается», говоритъ другой. «Въ журналѣ есть серьезные и смѣшные разсказы и приложенія разныя», говоритъ третій. Эти три отвѣта являются характерными для дѣтей ранняго возраста. Разсказы, стихи, загадки, сказки, ребусы, картинки, письма дѣтей, приложенія, прерываемость разсказовъ и связанная съ нимъ возможность гадать надъ дальнѣйшимъ развитіемъ фабулы — вотъ что̀, говорятъ дѣти младшаго возраста, нравится намъ въ журналѣ.

Отвѣты эти, по нашему мнѣнію, не случайны. Въ первые годы своей жизни ребенокъ безсознательно, инстинктивно, продѣлываетъ титаническую работу всего того, что продѣлало человѣчество въ длительный младенческій періодъ своего культурно-историческаго развитія. А такъ какъ ребенку приходится продѣлать въ нѣсколько лѣтъ то, что человѣчество продѣлало въ милліоны лѣтъ, то естественно, что онъ является врагомъ однообразія и въ своемъ стремленіи найти все потребное для своей гигантской работы набрасывается сразу на одно, другое, третье и т. д.

Въ послѣднемъ смыслѣ заслуживаютъ вниманія два почти совершенно тождественныхъ отвѣта на первый вопросъ анкеты. Оба отвѣта принадлежатъ семилѣтнимъ мальчикамъ. «Книга можетъ быть интересной, да въ ней не найти *что̀ мнѣ надо*», пишетъ одинъ. «Я предпочитаю журналъ, потому что въ журналѣ я могу выбрать *что̀ мнѣ надо*», говоритъ другой. Эти два «что мнѣ надо» невольно остановили наше вниманіе на себѣ и привели къ мысли, что многіе малыши не случайно предпочитаютъ журналъ книгѣ.

Для того, чтобъ исчерпать возможно полнѣе мотивы, по которымъ журналъ интересуетъ малышей больше, чѣмъ книга, мы приведемъ еще такой отвѣтъ семилѣтняго мальчика: «я предпочитаю журналъ, потому что тамъ есть много смѣшного, много веселыхъ разсказовъ и потому что журналъ похожъ на газету для большихъ».

Такимъ образомъ, касаясь дѣтей младшаго возраста, не приходится говорить о критическомъ предпочтеніи ими журнала книгѣ.

Здѣсь можно говорить лишь объ инстинктивномъ предпочтеніи, или какомъ угодно, но не о предпочтеніи, основанномъ на разумѣ.

Другое дѣло, когда говорятъ о предпочтеніи журнала книгѣ, или наоборотъ, болѣе взрослыя дѣти. Здѣсь среди мотивовъ предпочтенія все чаще и чаще звучатъ мотивы, говорящіе о критическомъ выборѣ ребенка, о выборѣ послѣ сравнительно большой мозговой работы. «Журналъ освѣщаетъ современныя событія», «журналъ даетъ много поучительнаго изъ современной жизни», «журналъ держитъ въ курсѣ научныхъ открытій», «журналъ сообщаетъ о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ», «въ журналѣ новыя научныя свѣдѣнія по географіи», — вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы предпочитаемъ, говорятъ болѣе взрослыя дѣти, журналъ книгѣ. Въ журналѣ легче отыскать самому безъ посторонней помощи, прибавимъ мы отъ себя, тотъ матеріалъ, который отвѣчалъ бы настроенію, потребностямъ и запросамъ ребенка въ данное время. Пусть въ журналѣ плохой матеріалъ, но онъ у ребенка подъ рукой, и потому ребенокъ ищетъ отвѣта на свои запросы въ немъ, а не идетъ искать его въ подходящей книгѣ, которую ему, пожалуй, и не найти безъ посторонней помощи среди цѣлыхъ горъ дѣтскихъ книгъ сомнительной цѣнности. Мы говоримъ о «среднемъ» ребенкѣ, не выдѣляющемся изъ среды остальныхъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, что хотя интересъ къ журналу и понижается у мальчиковъ съ годами, но онъ не падаетъ какъ у дѣвочекъ, и во всѣ затронутые анкетой годы держится на значительной высотѣ, въ 12 же, 13 и 14 лѣтъ кромѣ того почти совершенно не испытываетъ колебаній. Послѣднее объясняется, какъ мы дальше увидимъ, значительнымъ интересомъ мальчиковъ къ научнымъ статьямъ, современнымъ событіямъ и изобрѣтеніямъ, который крѣпнетъ у нихъ какъ разъ въ эти годы.

Переходя къ журналу, занимающему такое почетное мѣсто въ чтеніи дѣтей, особенно мальчиковъ, мы остановимся на тѣхъ отдѣлахъ его, которые отмѣчены наибольшимъ вниманіемъ дѣтей.

Тутъ приходится сразу отмѣтить, что преобладающій интересъ дѣтей сосредоточенъ около разсказовъ. Это обстоятельство какъ бы противорѣчитъ довольно прочно господствующему утвержденію, что дѣтямъ больше всего нравится читать сказки. Но данныя анкеты опровергаютъ цифрами это утвержденіе. По этимъ даннымъ, дѣтямъ больше всего нравится читать разсказы, да еще

разсказы не фантастическіе, а «взятые изъ дѣйствительной и современной жизни». Изъ 1.275 мальчиковъ высказалось за разсказы 957, или 75%, и изъ 1.573 дѣвочекъ — 1.286, или 82%, а за сказки — всего лишь 525, или 41%, мальчиковъ и 526, или 33%, дѣвочекъ. Да и кто знаетъ, какое мѣсто пришлось бы занять сказкѣ въ дѣтскомъ чтеніи, если бы разсказы, взятые изъ дѣйствительной жизни, писались языкомъ народныхъ сказокъ, а съ другой стороны, если бы сказки не прививались почти съ колыбели дѣтямъ лицами близко стоящими къ ихъ воспитанію!

Интересъ къ сказкѣ ярко выраженъ лишь у дѣтей до 9—10 лѣтъ. Начиная же съ 10—11 лѣтъ дѣти охладѣваютъ къ сказкѣ. У дѣвочекъ такое охлажденіе замѣчается раньше.

Мы склонны объяснить это тѣмъ, что безпощадная дѣйствительность современной жизни, особенно городской, очень рано разбиваетъ сказочный міръ дѣтей — міръ грезъ, волшебствъ, сверхъестественности — и всѣмъ своимъ тяжелымъ механизмомъ толкаетъ ихъ къ познанію реальнаго міра и взаимоотношенія въ немъ реальныхъ силъ. Жизнь современнаго общества отнимаетъ у дѣтей сказку. Міръ, настоящій міръ, очень рано овладѣваетъ ребенкомъ въ наше время!

Діаграммы 3 и 4 показываютъ отношеніе мальчиковъ и дѣвочекъ въ отдѣльности къ разсказамъ и сказкамъ.

Вслѣдъ за разсказами наибольшій интересъ дѣтей сосредоточенъ на отдѣлѣ Путешествія. За нимъ слѣдуютъ у мальчиковъ: Веселые разсказы, Научныя статьи, Извѣстія о современныхъ изобрѣтеніяхъ и событіяхъ, Загадки и ребусы, Стихи, Театральныя пьесы, Письма дѣтей и почтовый ящикъ; у дѣвочекъ: Письма дѣтей и почтовый ящикъ, Стихи, Театральныя пьесы, Загадки и ребусы, Научныя статьи, Извѣстія о современныхъ событіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

Путешествія являются однимъ изъ самыхъ любимыхъ чтеній дѣтей, главнымъ образомъ, конечно, мальчиковъ.

Интересъ къ этому отдѣлу дѣтскаго журнала, отмѣченный уже пяти и шестилѣтними дѣтьми, съ каждымъ годомъ быстро растетъ, при чемъ мальчики въ чтеніи его оставляютъ дѣвочекъ далеко позади. 9- и 10-лѣтній возрастъ мальчиковъ и дѣвочекъ, а потомъ 12—14-лѣтній мальчиковъ — въ эти годы, какъ и въ дальнѣйшіе, у дѣвочекъ интересъ къ путешествіямъ падаетъ — даютъ наивысшій процентъ высказавшихся за данный отдѣлъ журнала.

Если мы обратимся отъ данныхъ анкеты къ газетнымъ сообщеніямъ за послѣднія пять лѣтъ о попыткахъ дѣтей къ «путешествіямъ», то увидимъ, что возрасты, отмѣченные у насъ, какъ наиболѣе интересующіеся разсказами о путешествіяхъ, дали самое большое число дѣтей, стремившихся превратить въ дѣйствительность свою мечту объ открытіи новыхъ земель, о кругосвѣтномъ путешествіи и т. п.

Наглядную картину отношенія мальчиковъ и дѣвочекъ къ отдѣлу Путешествія даетъ діаграмма 5.

Слѣдующимъ отдѣломъ журнала, къ которому дѣти относятся съ большимъ интересомъ, является научный отдѣлъ (научныя статьи по географіи, исторіи, естествовѣдѣнію и др. наукамъ).

И этимъ отдѣломъ, какъ и предыдущимъ, интересуются больше мальчики: изъ всѣхъ опрошенныхъ анкетой мальчиковъ, интересующихся научными статьями оказалось болѣе половины — 53%, а дѣвочекъ всего лишь третья часть — 34%.

По анкетѣ, уже 5—6-лѣтнія дѣти выказываютъ интересъ къ научнымъ статьямъ. Здѣсь, понятно, не приходится говорить объ интересѣ этихъ малышей къ научнымъ статьямъ какъ таковымъ. Чудеса природы, великія дѣла людей, ихъ жизнь въ другихъ странахъ, жизнь растительнаго и животнаго царства, астрономическія явленія, о чемъ говорится въ научныхъ статьяхъ, — все это питаетъ пылкую фантазію дѣтей и потому жадно ими слушается. Ихъ интересуетъ не сущность статей, а темы.

Интересъ къ научнымъ статьямъ у дѣтей старшаго возраста другого порядка и объясняется онъ, по нашему мнѣнію, назрѣвающею съ годами потребностью ребенка расширить свой міръ, міръ непосредственныхъ наблюденій, свѣдѣніями, таящимися въ наукѣ, найти свое мѣсто въ природѣ и опредѣлить свое отношеніе ко всему его окружающему.

Послѣднимъ мы склонны объяснить и особенную любовь болѣе взрослыхъ дѣтей къ естественнымъ наукамъ.

По діаграммѣ 6 мы можемъ прослѣдить стремительный ростъ интереса къ научнымъ статьямъ у мальчиковъ и сравнительное ровное повышеніе его у дѣвочекъ.

Изъ затронутаго анкетой перечня научныхъ статей наиболѣе интересными какъ для мальчиковъ, такъ особенно для дѣвочекъ, являются статьи по исторіи. Затѣмъ у мальчиковъ слѣдуютъ

статьи по географіи и потомъ по естествовѣдѣнію, а у дѣвочекъ, наоборотъ, по естествовѣдѣнію и потомъ по географіи.

Наибольшій интересъ дѣтей къ исторіи подтверждаетъ, намъ кажется, высказанное выше положеніе, что интересъ дѣтей къ научнымъ статьямъ въ значительной степени обусловливается потребностью ребенка найти свое мѣсто въ природѣ. Ибо, прежде чѣмъ искать свое мѣсто въ природѣ, необходимо найти его въ рядахъ человѣчества.

Объ отношеніи къ научнымъ статьямъ по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію мальчиковъ и дѣвочекъ въ отдѣльности и въ различные годы говоритъ діаграмма 7.

Извѣстія о современныхъ изобрѣтеніяхъ и событіяхъ, сильно интересуя мальчиковъ, для дѣвочекъ являются самымъ неинтереснымъ отдѣломъ въ журналѣ. Чѣмъ объяснить такой малый интересъ къ этому отдѣлу со стороны дѣвочекъ?

Намъ казалось бы правильнымъ искать объясненія такому отношенію дѣвочекъ къ современнымъ событіямъ и изобрѣтеніямъ, да попутно сказать, и къ научнымъ статьямъ, въ воспитаніи дѣвочекъ, обусловленномъ взглядами той среды, въ которой живутъ, вращаются и развиваются данныя дѣти: среда опредѣляетъ вкусы, потребности, запросы и интересы ребенка. Здѣсь приходится очень пожалѣть, что среди анкетнаго матеріала почти нѣтъ данныхъ о той средѣ, въ которой живутъ и воспитываются опрошенныя анкетой дѣти. Будь этотъ матеріалъ, данныя анкеты могли бы быть глубже проанализированы и ярче освѣщены.

Отношеніе мальчиковъ и дѣвочекъ къ Извѣстіямъ о современныхъ изобрѣтеніяхъ и событіяхъ иллюстрируется діаграммой 8.

Путешествія, Научныя статьи и Извѣстія о современныхъ изобрѣтеніяхъ и событіяхъ интересуютъ мальчиковъ въ гораздо большей степени, чѣмъ дѣвочекъ, и, несомнѣнно, являются для мальчиковъ рѣшающими вопросъ о предпочтеніи журнала книгѣ.

Въ какихъ же отдѣлахъ журнала находятъ интересъ дѣвочки, взамѣнъ мало интересныхъ для нихъ только что упомянутыхъ отдѣловъ?

На это отвѣтитъ намъ слѣдующая таблица, которую мы вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаемъ въ качествѣ обзора всего сказаннаго объ отношеніи мальчиковъ и дѣвочекъ въ отдѣльности къ затронутымъ анкетой отдѣламъ дѣтскаго журнала. Послѣдней цѣли служитъ и діаграмма 9.

Мальчики высказались:

				%
1.	За Разсказы	957	или	75
2.	„ Путешествія	943	„	74
3.	„ Веселые разсказы	742	„	58
4.	„ Научныя статьи	681	„	53
5.	„ Извѣстія о соврем. изобр. и событ.	608	„	48
6.	„ Сказки	525	„	41
7.	„ Загадки и ребусы	514	„	40
8.	„ Стихи	476	„	37
9.	„ Театральныя пьесы	451	„	35
10.	„ Письма дѣтей и почтов. ящикъ	355	„	27

Дѣвочки высказались:

				%
1.	За Разсказы	1286	или	82
2.	„ Веселые разсказы	782	„	50
3.	„ Театральныя пьесы	763	„	49
4.	„ Путешествія	702	„	45
5.	„ Письма дѣтей и почтов. ящикъ	660	„	42
6.	„ Стихи	641	„	41
7.	„ Загадки и ребусы	539	„	34
8.	„ Научныя статьи	534	„	34
9.	„ Сказки	526	„	33
10.	„ Извѣстія о соврем. изобр. и событ.	396	„	25

Нашъ обзоръ былъ бы неполнымъ, если бы мы не дали картины того, какіе отдѣлы журнала и насколько интересуютъ дѣтей въ каждый изъ затронутыхъ анкетой годъ. Для этой картины мы снова находимъ за лучшее обратиться къ цифрамъ. Послѣдняя, намъ кажется, настолько важна и интересна, что вполнѣ оправдываетъ тѣ длинные ряды цифръ, которые ниже предлагаются. Для того, чтобы оттѣнить индивидуальность вкусовъ и запросовъ мальчиковъ и дѣвочекъ мы даемъ для тѣхъ и другихъ отдѣльныя таблицы А и Б.

АНКЕТОЙ ОПРОШЕНЫ 1.275 МАЛЬЧИКОВЪ.

Изъ нихъ интересуются:

Таблица А.

Года	Число мальчиковъ по годамъ	Разсказами	Стихами	Сказками	Театральными пьесами	Научными статьями	Путешествіями	Извѣстіями о соврем. изобр. и событ.	Загадками и ребусами	Веселыми разсказами	Письмами дѣтей и почтов. ящикомъ
		въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %
5	14	79	50	79	—	36	21	7	14	93	36
6	34	68	44	65	5	30	50	24	26	88	18
7	92	59	48	52	15	22	62	25	34	68	33
8	148	71	32	52	22	38	66	41	39	57	32
9	180	81	34	45	42	55	82	48	42	55	34
10	180	76	37	47	31	49	76	43	38	61	28
11	197	76	35	40	35	61	66	48	42	57	27
12	209	78	38	35	45	61	83	56	46	61	29
13	129	74	40	23	46	71	85	78	41	45	24
14	64	81	33	26	45	73	83	64	47	50	19
15	28	75	50	3	53	71	64	86	32	48	4

АНКЕТОЙ ОПРОШЕНЫ 1.573 ДѢВОЧКИ.

Изъ нихъ интересуются:

Таблица Б.

Года	Число дѣвочекъ по годамъ	Разсказами	Стихами	Сказками	Театральными пьесами	Научными статьями	Путешествіями	Извѣстіями о соврем. изобр. и событ.	Загадками и ребусами	Веселыми разсказами	Письмами дѣтей и почтов. ящикомъ
		въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %	въ %
5	9	67	47	67	—	11	11	22	33	67	11
6	45	71	45	56	18	20	29	9	33	67	53
7	64	78	45	45	20	25	44	15	30	52	47
8	136	74	42	49	29	59	45	13	33	67	43
9	173	86	47	50	47	32	50	22	38	54	45
10	220	84	40	41	51	30	54	24	39	56	46
11	293	85	38	34	60	30	45	23	38	50	43
12	310	83	38	23	55	41	47	30	30	43	40
13	195	85	41	19	51	42	39	37	35	41	39
14	103	77	40	11	57	38	31	31	29	41	35
15	25	52	44	20	24	60	28	40	12	24	32

Какъ мы видѣли, журналъ играетъ большую роль въ развитіи дѣтей, а потому естественно спросить: удовлетворяютъ ли ихъ существующіе журналы? Просматривая полученные отъ дѣтей отвѣты на вопросы анкеты, мы нашли тамъ названія многихъ дѣтскихъ журналовъ, но не нашли ни одного, о которомъ бы ребенокъ сказалъ, что онъ его удовлетворяетъ. Въ этихъ отвѣтахъ такъ и пестрятъ по адресу журналовъ замѣчанія, въ родѣ слѣдующихъ: «Сказки присылаете прескучныя», «стихи неинтересные», «много разсказовъ тѣхъ, что я читалъ два года тому назадъ», «преміи неинтересныя», «статьи старыя», «разсказы — одно нытье», «пишете много нравоучительнаго, какъ будто ничего нѣтъ поинтереснѣй», ««Задушевное Слово» читаю, только всезнайка Чуковскій пишетъ что попало», и т. д.

Разсматривая, далѣе, отвѣты дѣтей на вопросъ: какой отдѣлъ журнала, по вашему (дѣтей) мнѣнію, надо расширить, мы находимъ, что дѣти высказываются какъ разъ за расширеніе тѣхъ отдѣловъ, которые являются для нихъ наиболѣе интересными, и что самое большое количество голосовъ за расширеніе какого-либо отдѣла раздается изъ рядовъ того возраста, который обнаруживаетъ наибольшій интересъ къ данному отдѣлу. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами отдѣловъ журнала дѣти больше всего интересуются Разсказами. И какъ разъ за расширеніе Разсказовъ высказалось самое большое число дѣтей: 701, или 25%. Вслѣдъ за Разсказами, вниманіе и любовь дѣтей приковываютъ къ себѣ Путешествія, и слѣдующее большое число дѣтей — 609, или 21%, требуетъ расширенія этого отдѣла. Затѣмъ идутъ Научныя статьи, расширенія котораго желаютъ 447 дѣтей; среди нихъ 13—15-лѣтніе мальчики, обнаруживающіе, какъ мы выше видѣли, особенный интересъ къ Научнымъ статьямъ, составляютъ довольно значительную группу. Далѣе слѣдуютъ Извѣстія о современныхъ изобрѣтеніяхъ и событіяхъ, за расширеніе которыхъ высказалось 242, или 9%. Очень важно отмѣтить, что за расширеніе сказокъ высказалось только 4% всѣхъ дѣтей. Послѣднее обстоятельство, намъ кажется, подтверждаетъ высказанное въ началѣ этого очерка положеніе, что сказки отнюдь не являются самымъ любимымъ чтеніемъ дѣтей, какъ думаютъ и утверждаютъ многіе.

Изъ Научныхъ статей дѣти желаютъ расширенія прежде всего статей по исторіи, за что высказалось 109 человѣкъ, или 24% всѣхъ дѣтей, высказавшихся за расширеніе всего отдѣла Научныя статьи, затѣмъ, расширенія статей по естествовѣдѣнію, за что вы-

сказались 57, или 17%, и по географіи, за что высказались 41, или 9%.

Теперь мы остановимся на важномъ и несомнѣнно интересномъ вопросѣ, какіе рисунки дѣтямъ нравятся: рисунки служащіе въ качествѣ иллюстрацій къ статьямъ и разсказамъ, или картины художниковъ, и, далѣе, какіе рисунки — красочные или темные — нравятся дѣтямъ.

Почти всѣ отвѣты дѣтей младшаго возраста говорятъ о томъ, что этому возрасту больше, чѣмъ картины художниковъ, нравятся рисунки къ разсказамъ и статьямъ. Да это и понятно. Рисунки, являясь дополненіемъ и концентраціей отдѣльныхъ частей разсказа или статьи, сосредоточиваютъ вниманіе ребенка и тѣмъ помогаютъ усваивать и долго удерживать въ памяти прочитанное. Въ картинахъ художниковъ не такъ легко, какъ въ рисункахъ къ статьямъ и разсказамъ, постичь сущность, а тѣмъ болѣе художественную цѣнность ихъ, а потому дѣти младшаго возраста и не обнаруживаютъ къ нимъ большого интереса. Но съ годами и развитіемъ ребенка растетъ и его интересъ къ художественной картинѣ, что и отмѣчается отвѣтами дѣтей старшаго возраста на поставленный выше вопросъ. При чемъ замѣчательно, что мальчики послѣ того, какъ интересъ ихъ къ художественной картинѣ, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, выростаетъ довольно значительно, въ 14—15 лѣтъ снова начинаютъ интересоваться рисунками къ статьямъ и разсказамъ больше, чѣмъ художественными картинами. Послѣднее мы объясняемъ тѣмъ, что въ эти годы мальчики обнаруживаютъ большой интересъ къ научнымъ статьямъ и къ извѣстіямъ о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ, гдѣ рисунки къ статьямъ играютъ громадную вспомогательную для пониманія роль.

Далѣе, какіе рисунки дѣтямъ нравятся больше: красочные или темные? Громадное большинство дѣтей, какъ и слѣдовало ожидать, предпочитаетъ красочные рисунки темнымъ: три четверти всѣхъ опрошенныхъ анкетой дѣтей высказались за красочные рисунки и лишь четвертая часть за темные.

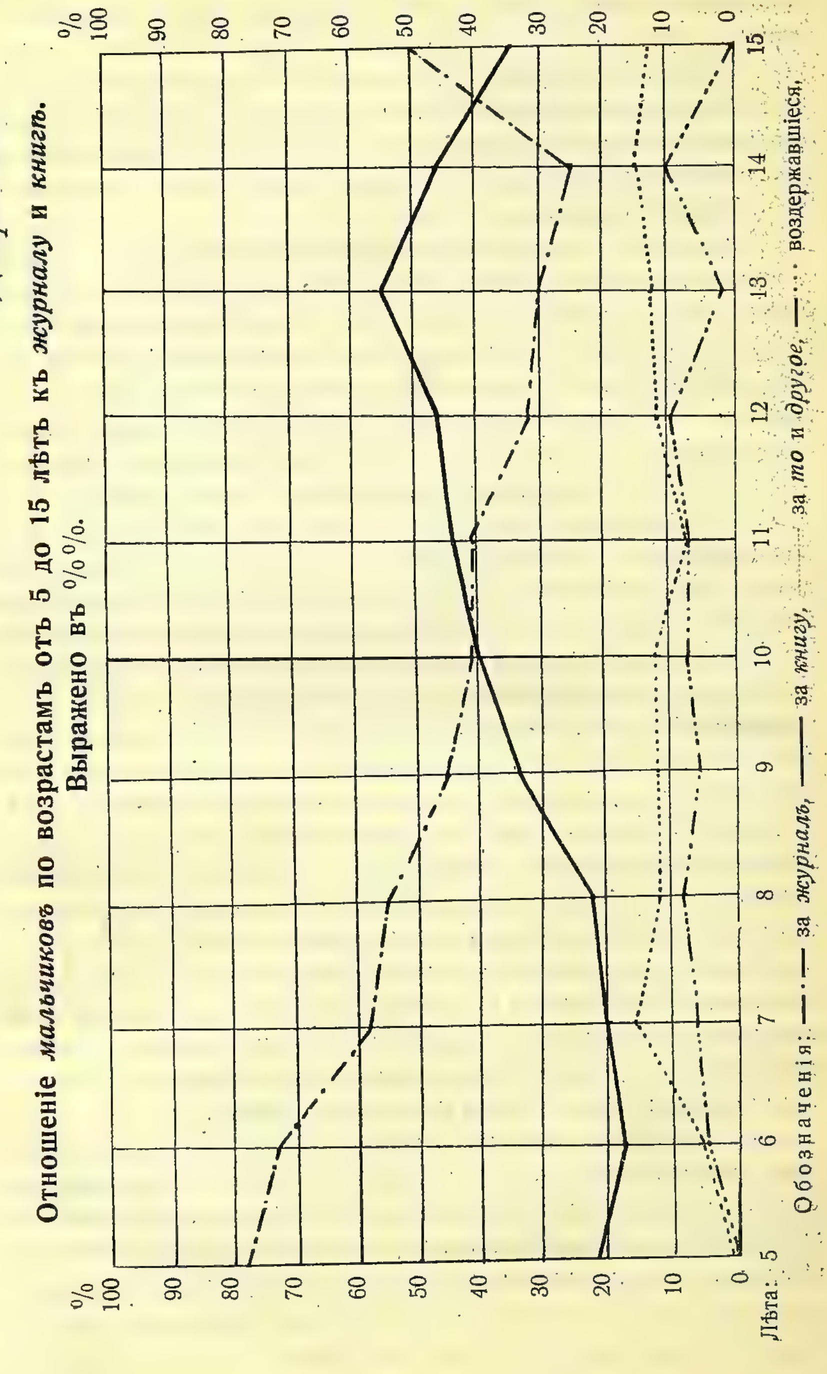
Въ послѣднемъ вопросѣ анкеты дѣтей спрашивали, какія преміи и приложенія къ журналу имъ болѣе нравятся: книги, картинки (для болѣе взрослыхъ, картины), занятія и игры, альбомы? Въ громадномъ большинствѣ дѣти высказались за книги и занятія съ играми и въ незначительномъ числѣ за альбомы и картинки.

Н. П.

Діаграмма I.

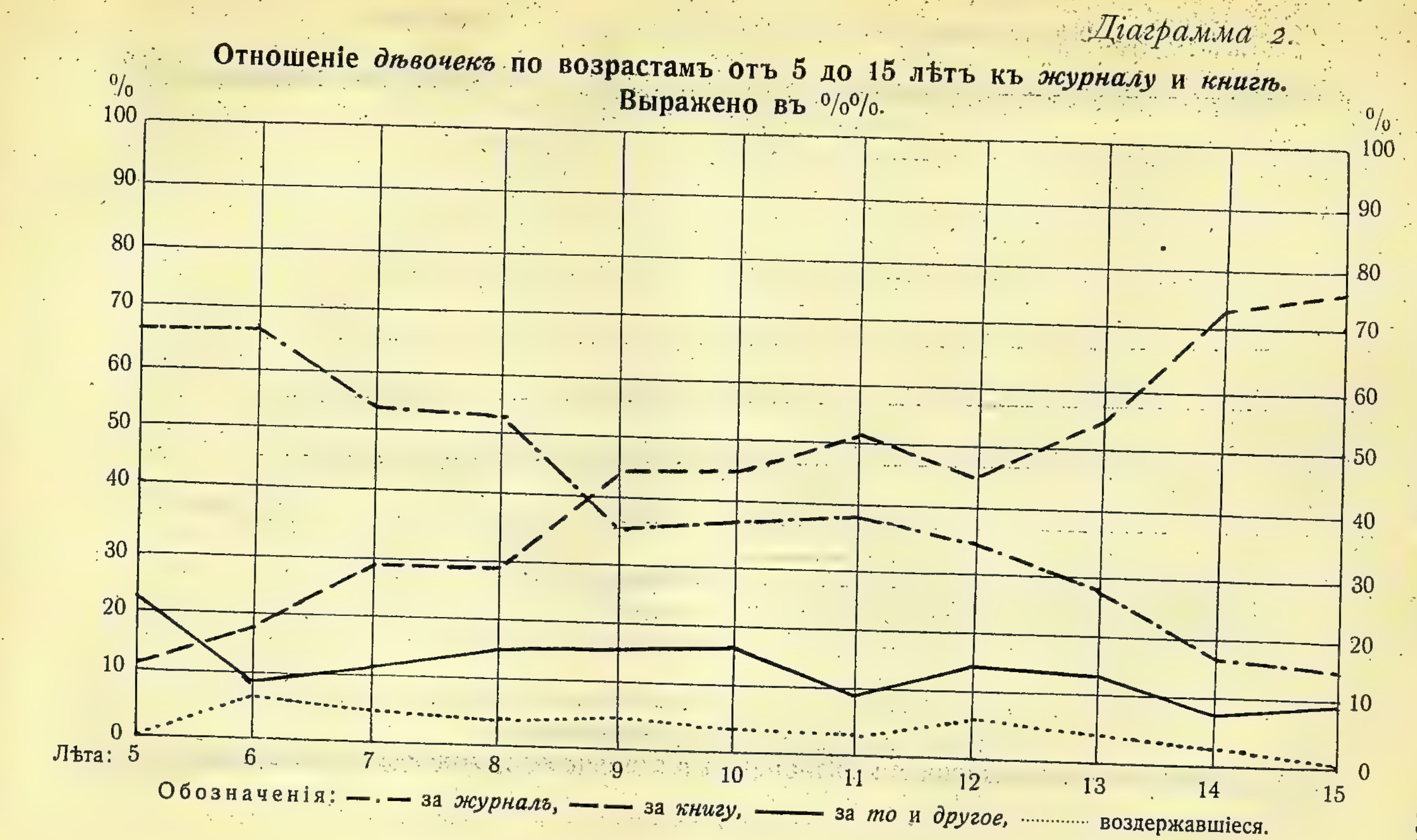
Отношеніе *мальчиковъ* по возрастамъ отъ 5 до 15 лѣтъ къ *журналу* и *книгѣ*.

Выражено въ %%.

Діаграмма 2.

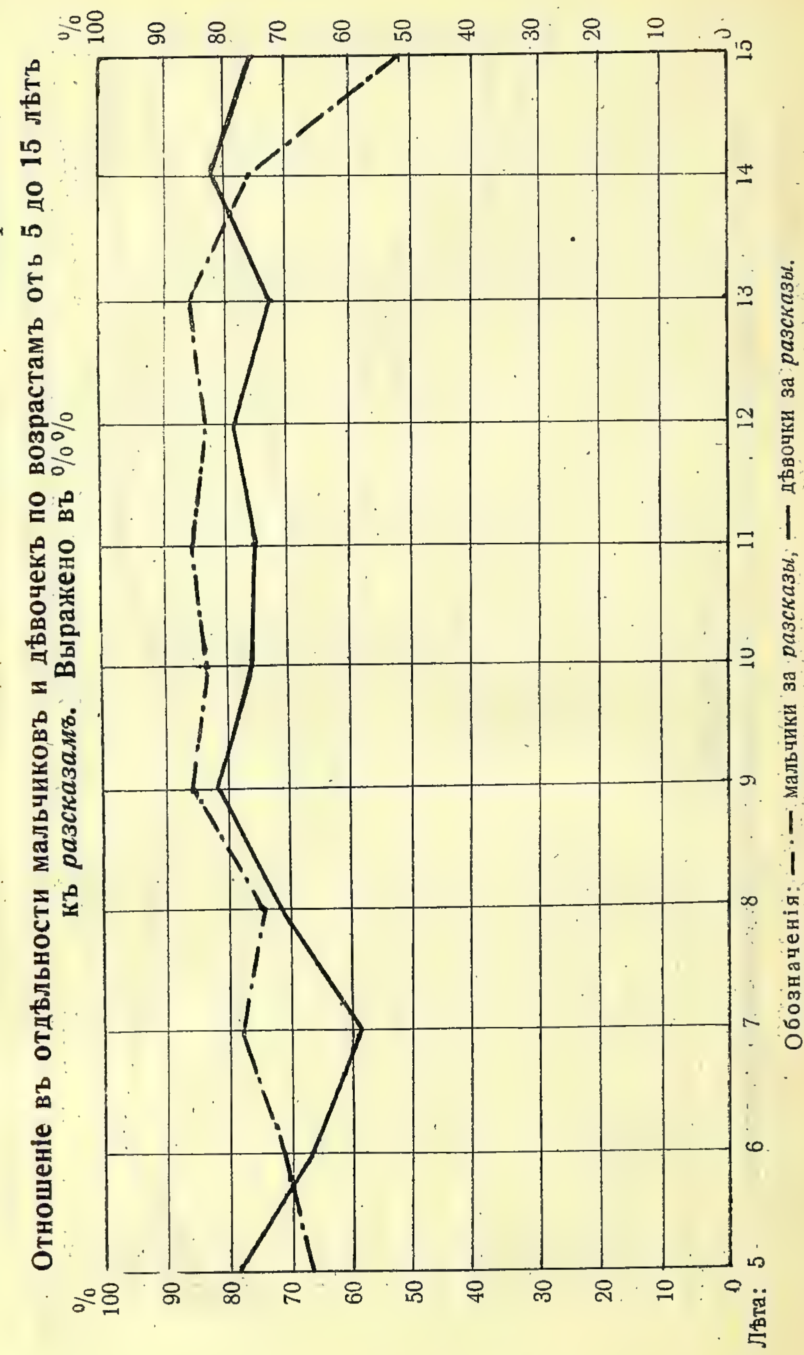
Отношеніе *дѣвочекъ* по возрастамъ отъ 5 до 15 лѣтъ къ *журналу* и *книгѣ*.
Выражено въ %%.

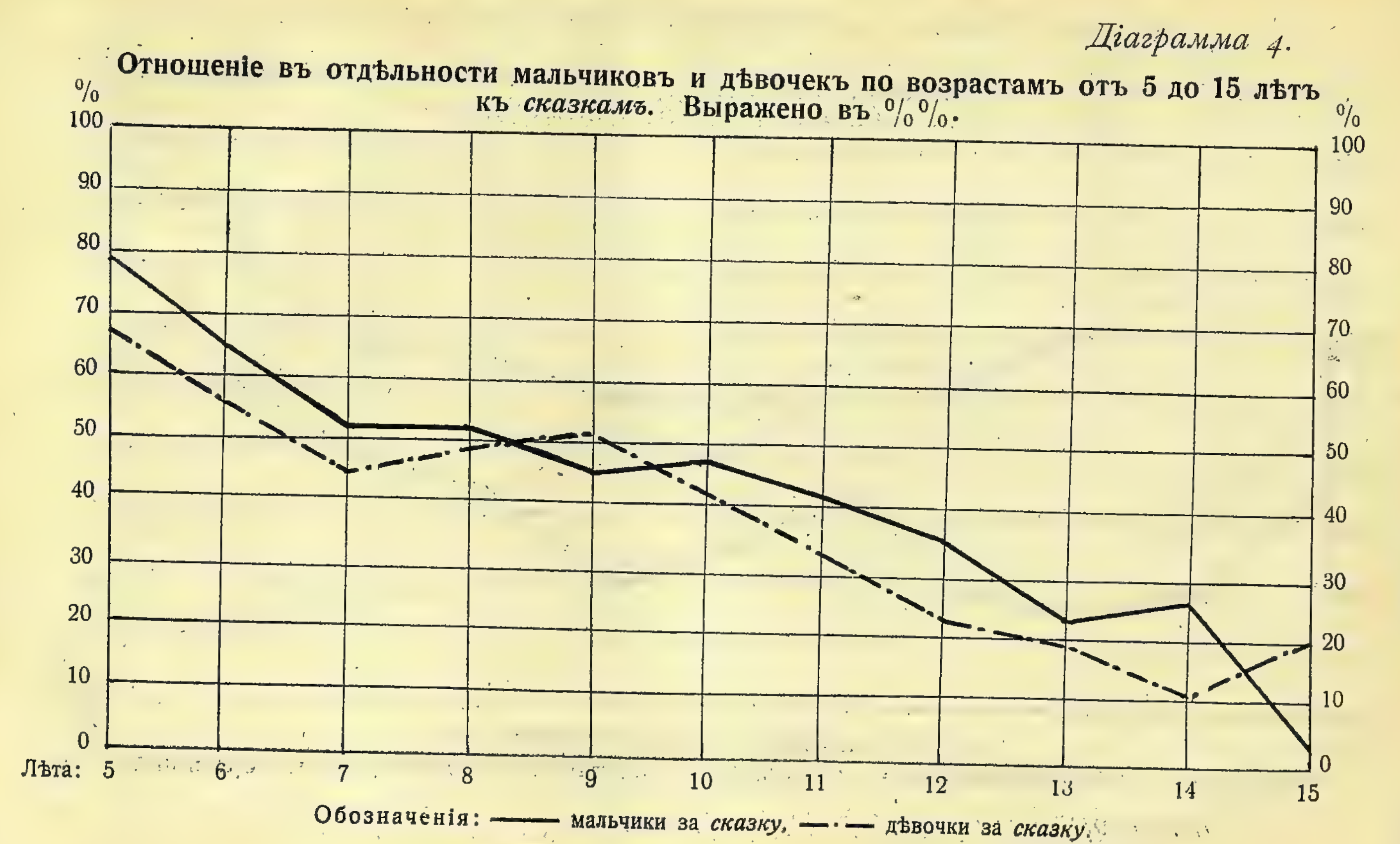
Обозначенія: —·— за *журналъ*, — — за *книгу*, —— за *то* и *другое*, ... воздержавшіеся.

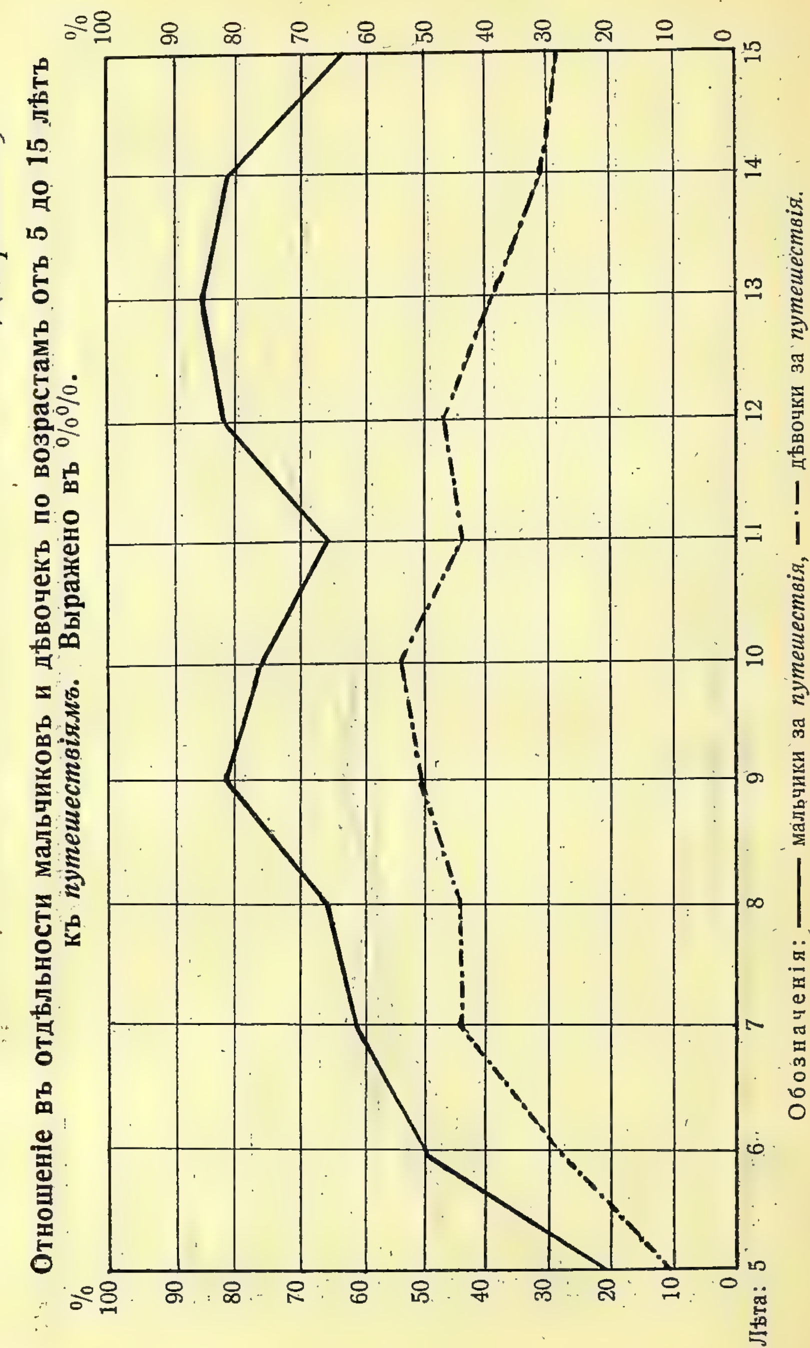
Діаграмма 3.

Отношеніе въ отдѣльности мальчиковъ и дѣвочекъ по возрастамъ отъ 5 до 15 лѣтъ къ *разсказамъ*. Выражено въ %%

Обозначенія: —·— мальчики за *разсказы*, —— дѣвочки за *разсказы*.

Діаграмма 4.
Отношеніе въ отдѣльности мальчиковъ и дѣвочекъ по возрастамъ отъ 5 до 15 лѣтъ къ *сказкамъ*. Выражено въ %%.
%
100
90
80
70
60
50
40
30
20
10
0
Лѣта: 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15
Обозначенія: —— мальчики за *сказку*, —·— дѣвочки за *сказку*.

Діаграмма 5.
Отношеніе въ отдѣльности мальчиковъ и дѣвочекъ по возрастамъ отъ 5 до 15 лѣтъ къ *путешествіямъ*. Выражено въ %%.
%
100
90
80
70
60
50
40
30
20
10
0
Лѣта: 5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Обозначенія: ——— мальчики за *путешествія*, —·— дѣвочки за *путешествія*.

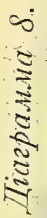

Діаграмма 6.
Отношеніе въ отдѣльности мальчиковъ и дѣвочекъ по возрастамъ отъ 5 до 15 лѣтъ
къ *научнымъ статьямъ*. Выражено въ %%.
%
100
90
80
70
60
50
40
30
20
10
0
Лѣта: 5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Обозначенія: —— мальчики за *научныя статьи*, —·— дѣвочки за *научныя статьи*.

Діаграмма 7.

Отношеніе въ отдѣльности мальчиковъ и дѣвочекъ по возрастамъ отъ 5 до 15 лѣтъ къ научнымъ статьямъ по *исторіи, географіи, естествовѣдѣнію.* Выражено въ %%.

Обозначенія: —·—·— за *исторію* дѣвочки, ——— за *естествовѣдѣніе* дѣвочки, — — — за *географію* дѣвочки, ... за *исторію* мальчики, ⊢—⊣—⊣ за *географію* мальчики, —·— за *естествовѣдѣніе* мальчики.

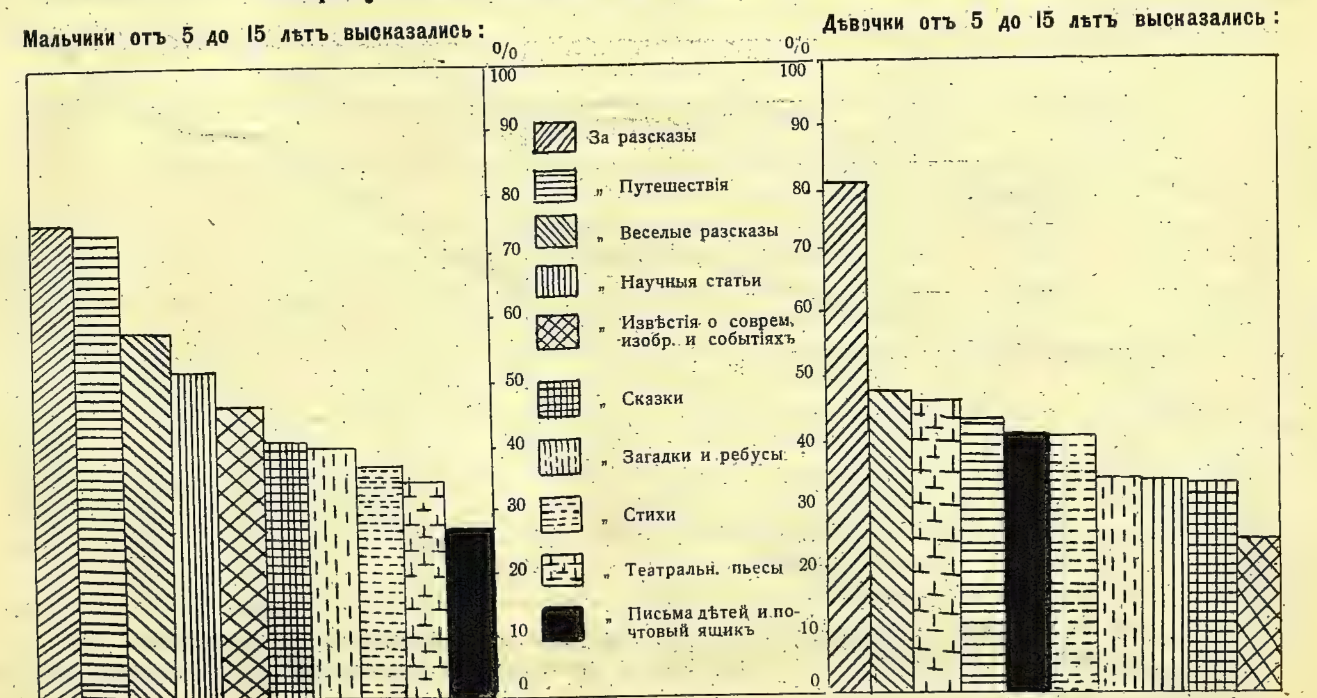

Отношеніе въ отдѣльности мальчиковъ и дѣвочекъ по возрастамъ отъ 5 до 15 лѣтъ къ *извѣстіямъ о современныхъ событіяхъ и изобрѣтеніяхъ*. Выражено въ %%.

Обозначенія: —— мальчики, —·— дѣвочки.

Діаграмма 9.

Отношеніе въ отдѣльности мальчиковъ и дѣвочекъ безъ различія возраста къ вопросу: какія статьи изъ журнала вамъ интересны.

Опредѣленіемъ С.-Петербургскаго Особаго Городского по дѣламъ объ обществахъ Присутствія отъ 5 февраля 1908 г. внесено въ реестръ обществъ гор. С.-Петербурга за № 211.

С.-Петербургскій Градоначальникъ *Генералъ-Маіоръ Драчевскій.*

Завѣдывающій дѣлопроизводствомъ (подпись неразборчива).

Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей.

1. Общество имѣетъ цѣлью содѣйствовать родителямъ въ дѣлѣ дошкольнаго воспитанія дѣтей.

2. Въ задачи Общества входитъ:

а) учрежденіе дѣтскихъ садовъ, яслей, начальныхъ школъ, дѣтскихъ клубовъ, лѣтнихъ колоній, дѣтскихъ библіотекъ и другихъ воспитательныхъ учрежденій;

б) устройство собраній дѣтей для игръ и занятій, дѣтскихъ праздниковъ, экскурсій и т. п.;

в) устройство съ надлежащаго разрѣшенія лекцій по вопросамъ, связаннымъ съ воспитаніемъ дѣтей дошкольнаго возраста;

г) устройство педагогическихъ библіотекъ, музеевъ, выставокъ, мастерскихъ и складовъ наглядныхъ пособій и предметовъ дошкольнаго воспитанія дѣтей и т. п.;

д) изданіе книгъ и журналовъ для дѣтей, родителей и воспитателей, по вопросамъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности Общества;

е) организація взаимопомощи родителей и воспитателей въ дѣлѣ дошкольнаго воспитанія дѣтей.

3. Членъ Общества можетъ быть всякій, интересующійся дѣлами Общества и желающій принять въ немъ участіе.

4. Новые члены принимаются правленіемъ по рекомендаціи двухъ членовъ Общества и по внесеніи членскаго взноса.

5. Исключеніе изъ числа членовъ производится правленіемъ. Членъ можетъ быть исключенъ:

а) за невзносъ платы,

б) по его личному заявленію о желаніи выйти изъ числа членовъ Общества.

6. Каждый членъ вноситъ въ кассу Общества подъ квитанцію по 1 руб. въ годъ. Лицо, внесшее 25 руб., считается пожизненнымъ членомъ.

7. Средства Общества составляются изъ: а) членскихъ взносовъ, б) пожертвованій, в) доходовъ отъ предпріятій и изданій Общества, г) доходовъ отъ устраиваемыхъ въ пользу Общества лекцій, вечеровъ, спектаклей, концертовъ и т. п.

8. Правленіе Общества находится въ Петербургѣ, районъ дѣятельности общества — Петербургъ и его губернія.

9. Обществу предоставляется право пріобрѣтать и отчуждать недвижимое имущество, образовывать капиталы, заключать договоры, вступать въ обязательства, искать и отвѣчать на судѣ.

10. Дѣлами Общества завѣдуетъ общее собраніе и правленіе.

11. Общія собранія бываютъ очередныя (не менѣе двухъ разъ въ годъ) и чрезвычайныя. Число и сроки очередныхъ собраній опредѣляются на годъ впередъ первымъ годовымъ собраніемъ. Чрезвычайныя собранія созываются по мѣрѣ надобности правленіемъ Общества по собственной иниціативѣ, по требованію не менѣе 20 членовъ Общества или ревизіонной комиссіи.

Общее собраніе созывается правленіемъ повѣстками за недѣлю до назначеннаго срока.

12. Общее собраніе открывается предсѣдателемъ правленія или однимъ изъ членовъ правленія, по порученію предсѣдателя, затѣмъ избираетъ изъ числа присутствующихъ членовъ предсѣдательствующаго и секретаря.

Примѣчаніе. Въ собраніяхъ, на которыхъ разсматривается годовой отчетъ правленія, предсѣдательствующимъ не можетъ быть никто изъ членовъ правленія и ревизіонной комиссіи.

Общее собраніе считается состоявшимся, если на немъ приствуютъ не менѣе 25 членовъ Общества.

Вопросы на общемъ собраніи рѣшаются простымъ большинствомъ.

Для измѣненія или дополненія настоящаго устава необходимо присутствіе не менѣе трети членовъ Общества, живущихъ въ г. Петербургѣ, при чемъ самый вопросъ можетъ быть рѣшенъ только большинствомъ $^2/_3$ присутствующихъ. Если на созванное для измѣненія или дополненія устава общее собраніе явится менѣе трети числа членовъ, то назначается вторичное собраніе для рѣшенія тѣхъ же вопросовъ. Вмѣстѣ съ повѣстками на это собра-

ніе всѣ члены получаютъ текстъ предлагаемыхъ измѣненій или дополненій и увѣдомляются, что въ случаѣ невозможности лично явиться на собраніе они могутъ сообщить правленію письменно свое согласіе или несогласіе на предлагаемыя измѣненія устава. Вторичное собраніе считается состоявшимся при всякомъ числѣ членовъ, но рѣшеніе объ измѣненіи устава можетъ считаться принятымъ только въ томъ случаѣ, если общее число голосовъ, поданныхъ по этому вопросу устно и письменно, будетъ не менѣе $^1/_3$ числа членовъ, живущихъ въ Петербургѣ, и если за измѣненіе устава выскажется $^2/_3$ голосующихъ.

13. Общее собраніе разсматриваетъ и утверждаетъ отчеты правленія и спеціальныхъ комиссій, смѣту прихода и расхода суммъ, обсуждаетъ всѣ вопросы, касающіеся дѣятельности Общества и вносимые на разсмотрѣніе собранія, какъ правленіемъ, такъ и отдѣльными членами, выбираетъ членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ, ревизіонную и другія комиссіи и утверждаетъ для нихъ инструкціи.

14. Правленіе избирается общимъ собраніемъ закрытой подачей голосовъ на годъ. Число членовъ его опредѣляется общимъ собраніемъ, но не можетъ быть менѣе 7. Къ нимъ на случай выбытія избираются три кандидата. Правленіе изъ своей среды избираетъ предсѣдателя, секретаря и казначея. Сроки засѣданій правленія и порядокъ занятій опредѣляются правленіемъ, если общимъ собраніемъ не было дано на этотъ счетъ особыхъ указаній. Офиціальнымъ представителемъ Общества является предсѣдатель правленія или членъ, заступающій его мѣсто по выбору правленія. Договоры и обязательства отъ имени Общества должны подписываться предсѣдателемъ или его замѣстителемъ — изъ числа членовъ правленія и секретаря. Правленіе завѣдуетъ дѣлами, учрежденіями, имуществомъ и денежными суммами Общества за полною своею отвѣтственностью; составляетъ отчетъ за минувшій годъ, смѣту на предстоящій годъ и приводитъ въ исполненіе постановленія общихъ собраній, а также ведетъ приходо-расходныя книги.

15. Для завѣдыванія отдѣльными учрежденіями или предпріятіями Общества, а также для разработки отдѣльныхъ вопросовъ, общее собраніе можетъ избрать въ помощь правленію особыя комиссіи и давать имъ инструкціи. Комиссіи эти работаютъ подъ руководствомъ правленія.

16. Общество имѣетъ право по постановленію общаго собранія открывать отдѣленія въ районахъ города Петербурга или въ мѣстностяхъ Петербургской губерніи, гдѣ живетъ болѣе 15 членовъ Общества. Всѣ члены Общества, проживающіе въ данномъ районѣ или мѣстности, входятъ въ составъ этого отдѣленія. Отдѣленіе можетъ принять на себя выполненіе въ своемъ районѣ намѣченныхъ уставомъ Общества его задачъ полностью или частью съ вѣдома общаго собранія, которое даетъ отдѣленіямъ и своему правленію инструкціи, опредѣляющія порядокъ веденія дѣлъ въ отдѣленіи и тотъ способъ, при помощи котораго правленіе должно руководить дѣятельностью отдѣленія.

17. Общество имѣетъ свою печать съ обозначеніемъ своего наименованія.

18. Въ случаѣ закрытія Общества или прекращенія его дѣятельности все имущество его и могущія остаться отъ ликвидаціи его дѣлъ средства переходятъ къ Петербургскому отдѣленію Императорскаго Техническаго Общества, если послѣднимъ общимъ собраніемъ не будетъ указано другого ихъ назначенія.

За свѣдѣніями обращаться: Свѣчной 5, кв. 25. Канцелярія открыта ежедневно отъ 7 до 8 часовъ вечера.

